

Учредитель: Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«Пермский государственный национальный исследовательский университет»

Редакционный совет

- Александрова О. В.*, д. филол. н., проф. (Россия, Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова)
Березович Е. Л., д. филол. н., проф. (Россия, УрФУ им. первого Президента России Б. Н. Ельцина)
Богданова-Бегларян Н. В., д. филол. н., проф. (Россия, Санкт-Петербургский государственный университет)
Буле О., д-р, доц. (Нидерланды, ун-т Лейдена)
Вендина Т. И., д. филол. н., проф. (Россия, Москва, Институт славяноведения РАН)
Войтак М., д-р, проф. (Польша, Люблинский ун-т)
Джумайло О. А., д. филол. н., проф. (Россия, Ростов-на-Дону, Южный Федеральный университет)
Ерофеева Т. И., д. филол. н., проф. (Россия, Пермский государственный национальный исследовательский университет)
Котельников В. А., д. филол. н., проф. (Россия, Санкт-Петербург, Институт русской литературы (Пушкинский дом) РАН)
Краузе М., д-р, проф. (Германия, ун-т Гамбурга, Институт славистики)
Мызников С. А., д. филол. н., проф. (Россия, Санкт-Петербург, Институт лингвистических исследований РАН)
Поссамаи Д., д-р, проф. (Италия, Падуанский университет)
Рут М. Э., д. филол. н., проф. (Россия, УрФУ им. первого Президента России Б. Н. Ельцина)
Савкина И., д-р, проф. (Финляндия, ун-т Тампере)
Саксена Р., д-р, проф. (Индия, ун-т Дели)
Ушакова О. М., д. филол. н., доц. (Россия, Тюменский государственный университет)
Фэвр-Дюпэвр А., д-р, доц. (Франция, ун-т Пуатье)
Чернявская В. Е., д. филол. н., проф. (Россия, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого)

Редакционная коллегия

- Новокрещенных И. А.* (гл. ред.), к. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)
Русинова И. И. (зам. гл. ред.), к. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)
Шутёмова Н. В. (зам. гл. ред.), д. филол. н., доц. (Россия, СПбГУ)
Абашев В. В., д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
Абашева М. П., д. филол. н., проф. (Россия, ПГГПУ)
Алексеева Л. М., д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
Арустамова А. А., д. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)
Баженова Е. А., д. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)
Боронникова Н. В., к. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)
Братухин А. Ю., д. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)
Бурдина С. В., д. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)
Данилевская Н. В., д. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)
Дускаева Л. Р., д. филол. н., проф. (Россия, СПбГУ)
Ерофеева Е. В., д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
Кондаков Б. В., д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
Кочкарева И. В., к. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)
Кушнина Л. В., д. филол. н., проф. (Россия, ПНИПУ)
Мишланов В. А., д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
Мишланова С. Л., д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
Нестерова Н. М., д. филол. н., проф. (Россия, ПНИПУ)
Подюков И. А., д. филол. н., проф. (Россия, ПГГПУ)
Проскурнин Б. М., д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
Серова Т. С., д. филол. н., проф. (Россия, ПНИПУ)
Сидорова О. Г., д. филол. н., проф. (Россия, УрФУ) им. первого Президента России Б. Н. Ельцина)
Шляхова С. С. д. филол. н., проф. (Россия, ПНИПУ)

Адрес учредителя и издателя: 614990, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15.

Адрес редакции: 614990, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15 (Факультет современных иностранных языков и литератур, Филологический факультет). E-mail: langlit2009@mail.ru.

Сайт журнала: <http://press.psu.ru/index.php/philology>. Администратор сайта А. В. Пустовалов, контент-редактор англоязычной версии сайта В. А. Бячкова.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС 77-66482 от 14.07.2016 г.

Издание включено в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук: с 28.12.2018 – 10.01.01 – Русская литература (филологические науки), 10.01.03 – Литература народов стран зарубежья (с указанием конкретной литературы) (филологические науки), 10.01.10 – Журналистика (филологические науки), 10.02.01 – Русский язык (филологические науки), 10.02.02 – Языки народов Российской Федерации (с указанием конкретного языка или языковой семьи) (филологические науки), 10.02.03 – Славянские языки (филологические науки), 10.02.04 – Германские языки (филологические науки), 10.02.19 – Теория языка (филологические науки), 10.02.20 – Сравнительно-историческое и сопоставительное языкознание (филологические науки), 10.02.21 – Прикладная и математическая лингвистика (филологические науки); с 01.02.2022 – 5.9.3. Теория литературы (филологические науки), 5.9.4. Фольклористика (филологические науки), 5.9.7. Классическая, византийская и новогреческая филология (филологические науки).

© Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2022

Founder: Perm State University

Editorial Council

Olga Aleksandrova (Russia, Moscow State University)
Elena Berezovich (Russia, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin)
Natalya Bogdanova-Beglarian (Russia, Saint Petersburg State University)
Otto Boele (Netherlands, Leiden University)
Tatyana Vendina (Russian Academy of Sciences, Moscow, Institute of Slavic Studies)
Maria Voytak (Poland, Lublin University)
Olga Dzhumaylo (Russia, Rostov-on-Don, Southern Federal University)
Tamara Erofeeva (Russia, Perm State University)
Vladimir Kotelnikov (Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Institute of Russian Literature)
Marion Krause (Germany, University of Hamburg, Institute for Slavic Studies)
Sergey Myznikov (Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Institute of Linguistic Studies)
Donatella Possamai (Italy, University of Padua)
Mary Rut (Russia, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin)
Ranjana Saxena (India, University of Delhi)
Irina Savkina (Finland, University of Tampere)
Olga Ushakova (Russia, Tyumen State University)
Anne Faivre Dupaigne (France, University of Poitiers)
Valeriya Chernyavskaya (Russia, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University)

Perm Editorial Board

<i>Irina Novokreshchennykh</i> – Editor-in-Chief (Perm State University)	<i>Boris Kondakov</i> (Perm State University)
<i>Irina Rusinova</i> – Associate Editor (Perm State University)	<i>Irina Kochkareva</i> (Perm State University)
<i>Natalya Shutemova</i> – Associate Editor (Saint Petersburg State University)	<i>Ludmila Kushnina</i> (Perm National Research Polytechnic University)
<i>Vladimir Abashev</i> (Perm State University)	<i>Valeriy Mishlanov</i> (Perm State University)
<i>Marina Abasheva</i> (Perm State Humanitarian-Pedagogical University)	<i>Svetlana Mishlanova</i> (Perm State University)
<i>Larissa Alekseeva</i> (Perm State University)	<i>Natalya Nesterova</i> (Perm National Research Polytechnic University)
<i>Anna Arustamova</i> (Perm State University)	<i>Ivan Podyukov</i> (Perm State Humanitarian-Pedagogical University)
<i>Elena Bazhenova</i> (Perm State University)	<i>Boris Proskurnin</i> (Perm State University)
<i>Natalya Boronnikova</i> (Perm State University)	<i>Tamara Serova</i> (Perm National Research Polytechnic University)
<i>Alexandr Bratukhin</i> (Perm State University)	<i>Olga Sidorova</i> (Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin)
<i>Svetlana Burdina</i> (Perm State University)	<i>Svetlana Shlyakhova</i> (Perm National Research Polytechnic University)
<i>Natalya Danilevskaya</i> (Perm State University)	
<i>Liliya Duskaeva</i> (Saint Petersburg State University)	
<i>Elena Erofeeva</i> (Perm State University)	

Address of the founder and publisher: 15, Bukireva st., Perm, 614990, Perm Krai

Address of the editorial office: 15, Bukireva st., Perm, 614990, Perm Krai
(Faculty of Modern Languages and Literatures, Faculty of Philology). E-mail: langlit2009@mail.ru

Web-site of the journal: <http://press.psu.ru/index.php/philology>

Site administrator A. V. Pustovalov, content editor of the English version of the site V. A. Byachkova

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫК, КУЛЬТУРА, ОБЩЕСТВО	5
Борисова Е. О. Лексика художественной обработки камня на Урале.....	5
Василенко Е. Н. Категория враждебности как единство социокогнитивного и коммуникативного измерений	16
Данилевская Н. В., Данилевская В. А. Интеллектуальная экспрессия как маркер новизны научного знания (на примере идиостиля профессора М. Н. Кожиной).....	23
Жемчужникова А. К. Язык ценностной составляющей концепта <i>Black Lives Matter</i>	38
Кан Синьюнь, Кушникова Л. В. Транскультурное преобразование ономастической метафоры и метонимии в юмористическом дискурсе	46
Ларцева Е. В., Кабальнова А. А. К изучению механизмов номинации в коммерческой сфере (на материале названий косметических средств в английском языке).....	55
Новикова К. А. Типы заголовков в немецкоязычных авторских энигматических текстах	64
Тисленкова И. А. Языковая репрезентация среднего уровня профессионализма говорящего в биографическом интервью (на материале английского языка).....	73
Чэнь Яо. Этнокультурные и гендерные стереотипные представления об интеллекте: китайцы и русские.....	81
Шутёмова Н. В. Экспрессивность декларации ЮНЕСКО о выдающейся универсальной ценности объекта всемирного наследия.....	96
ЛИТЕРАТУРА В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ	109
Андреева В. Г. Русские классики о православной империи как идеальной для России форме государственного устройства.....	109
Загороднева К. В. Диалоги с художником и функции картин в пьесе Аркадия Ставицкого «Добрый день, господин Гоген!»	120
Серегина М. А. Романы У. Годвина «Итальянские письма» и «Сен-Леон» в контексте творческой эволюции автора.....	133
Чжан Юаньюань. Изучение творчества Валерия Перелешина в Китае	142

CONTENTS

<i>LANGUAGE, CULTURE, SOCIETY</i>	5
Borisova E. O. Vocabulary of Lapidary Art in the Urals.....	5
Vasilenko E. N. The Category of Hostility as a Unity of the Sociocognitive and Communicative Dimensions.....	16
Danilevskaya N. V., Danilevskaya V. A. Speech Realization of Intellectual Expression in the Idiostyle of Professor M. N. Kozhina.....	23
Zhemchuzhnikova A. K. The Language of the Value Component of the Black Lives Matter Concept.....	38
Kang Xinyun, Kushnina L. V. Transcultural Transformation of Onomastic Metaphor and Metonymy in Humoristic Discourse.....	46
Lartseva E. V., Kabalnova A. A. On the Study of Naming Mechanisms in Commercial Sphere (Based on Makeup Product Names in the English Language)....	55
Novikova K. A. Types of Titles in Enigmatic Texts by German Author.....	64
Tislenkova I. A. Linguistic Representation of the Speaker’s Average Level of Professionalism in a Biographical Interview (Based on the English Language).....	73
Chen Yao. Ethnocultural and Gender Stereotypes about Intelligence: Chinese and Russians.....	81
Shutemova N. V. Expressiveness of UNESCO Statements of Outstanding Universal Value of World Heritage Sites.....	96
<i>LITERATURE IN THE CULTURAL CONTEXT</i>	109
Andreeva V. G. Russian Classics about the Orthodox Empire as an Ideal Form of State Organization for Russia.....	109
Zagorodneva K. V. Dialogues with the Artist and the Functions of Pictures in Arkady Stavitsky’s Play ‘Good Afternoon, Mister Gauguin!’	120
Seregina M. A. William Godwin’s Novels ‘Italian Letters’ and ‘St. Leon’ Viewed in the Context of the Author’s Creative Development.....	133
Zhang Yuanyuan. Study of the Works by Valery Pereleshin in China.....	142

ЯЗЫК, КУЛЬТУРА, ОБЩЕСТВО

УДК 811.161.1'373.612
doi 10.17072/2073-6681-2022-1-5-15

Лексика художественной обработки камня на Урале¹

Елизавета Олеговна Борисова

к. филол. н., научный сотрудник

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15. joborisowa@yandex.ru

SPIN-код: 8131-6080

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3749-3307>

ResearcherID: J-3727-2017

Статья поступила в редакцию 08.12.2021

Одобрена после рецензирования 28.02.2022

Принята к публикации 04.03.2022

Информация для цитирования

Борисова Е. О. Лексика художественной обработки камня на Урале // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2022. Т. 14, вып. 1. С. 5–15. doi 10.17072/2073-6681-2022-1-5-15

Аннотация. В статье рассматривается лексика художественной обработки камня, зафиксированная преимущественно на территории Уральского региона. Устанавливается, что наибольшим количеством специфических обозначений среди различных видов гранильного искусства обладает огранка драгоценных и поделочных камней, что связано со спецификой данного направления (повторяемостью готовых форм). Отмечается, что развернутая терминосистема ограночного искусства практически не отражается в лингвистических словарях и находится вне зоны внимания большинства носителей языка, однако многочисленность наименований и тонкие различия в их семантике свидетельствуют о ее высокой значимости в среде «мастеров каменного дела». Определяются основные тематические группы, которые могут быть отнесены к лексике огранки: прежде всего это части ограненного камня, выделяемые на примере *классической бриллиантовой огранки*, или *огранки с таблицей*, и варианты готовых изделий; кроме того, вербальное воплощение получают процесс и этапы работы с камнем, а также оценка возможностей обработки и результата. Предпринята попытка выделить возможные социолингвистические пласты лексики, поскольку, несмотря на то что формально весь лексический массив можно считать профессионализмами, обращает на себя внимание разнородность наименований обработки камня (разговорные и просторечные, устаревшие и территориально ограниченные варианты). Основным источником материала являются записи разговоров с мастерами-огранщиками, часть данных, составляющих картотеку «Лексика, топонимия и этнография камня» (Уральский федеральный университет), впервые вводится в научный оборот.

Ключевые слова: профессиональная лексика, нестандартная лексика, семантическая деривация, художественная обработка камня, Уральский регион.

Искусство обработки камня на протяжении многих лет занимает важное место в культуре Урала; шкатулки, горки и другие изделия из драгоценных и поделочных камней являются символами региона, используются для создания его образа в целях повышения туристической при-

влекательности. Истории возникновения камнерезного дела на Урале посвящены многие искусствоведческие и краеведческие работы. При этом, как отмечает Е. Л. Березович, лингвистические вопросы «лексики камня» «редко освещаются в сугубо научной литературе по минерало-

гии и геологии» [Березович 2020: 12], а популярные издания, содержащие информацию о происхождении слов, не отличаются достоверностью. В данной статье рассматривается лексика, связанная с обработкой камня: определяется, что именно получает специфические обозначения в русском языке, каковы возможные источники возникновения номинаций и особенности функционирования в речи.

1. История художественной обработки камня на Урале

Первые сведения об обнаружении на Урале самоцветов относятся к 1668 г., а активное освоение камнерезного дела в России начинается в первой половине XVIII в. – в петровское время: в 1720 г. Пётр I назначил В. Н. Татищева первым горным начальником уральских и сибирских заводов, что послужило началом целенаправленных поисков самоцветных камней, в первой половине XVIII в. на Урал была отправлена экспедиция Академии наук для изучения этого края и фиксации месторождений мрамора и цветного камня, а в 1751 г. была основана Екатеринбургская гранильная фабрика [см.: Бирюков 1936; Скурлов 2013].

В XVIII–XIX вв. на Урале в основном развивается гранильное дело и камнерезный промысел, преобладает работа над крупными формами: камины, вазы, пирамиды, обелиски, скульптурные портреты. Постепенно мастера начинают заниматься камнерезным делом у себя на дому, возникает кустарный промысел. Б. П. Павловский отмечает: «Камнерезный кустарный промысел в бывшем Екатеринбургском уезде распадается на несколько совершенно обособленных производств. На первом месте из обособившихся камнерезных промыслов в Екатеринбурге было гранение разноцветных дорогих камней» [Павловский 1953: 109].

Огранка драгоценных и поделочных камней в основном велась кустарным способом в окрестностях Екатеринбурга: на Нижне-Исетском заводе занимались огранкой самоцветов, на Верх-Исетском заводе – огранкой самоцветов и обработкой яшмы, в Березовском и селе Шарташском делали бусы, запоны, пуговицы, искры (мелкие ограненные камни) [Алексеев 2018: 538]. По свидетельствам искусствоведов, расцвет отрасли огранки наступил в середине XIX в., а в начале XX в. уральские ограненные камни стали пользоваться высоким спросом на европейском ювелирном рынке. «Благодаря высококачественной огранке драгоценных и полудрагоценных камней Советский Союз вошел в число ведущих ювелирных держав, а Свердловск с 1924 г. стал центром ограночного производства страны» [Михайлова 2016: электронный ресурс]. Отмечается,

что в конце XX – начале XXI в. в Екатеринбурге, остающемся в числе лидеров обработки цветного камня, наблюдается «заметное оживление камнерезного дела» [Скурлов 2011].

Огранка и камнерезное искусство традиционно воспринимаются как два различных способа обработки камня, отличающиеся отношением к материалу и методом работы. Мастер-камнерез стремится создать индивидуальный художественный образ, работа над одним изделием может длиться несколько лет (ср. примеры истории изготовления ваз, приведенные Б. П. Павловским: «...обращает на себя внимание ваза из серо-зеленой яшмы, сделанная в 1847 году, и ваза из такой же яшмы, оконченная в 1851 году. <...> К выполнению первой вазы на фабрике приступили в 1853 году. <...> Не менее интересна и ваза, помеченная 1851 годом. Работа над ней была начата еще в 1822 году» [Павловский 1953: 71–72]). Огранка, несмотря на способность подчеркнуть уникальность и красоту камня, воспринимается как ремесло, важной характеристикой которого является производительность труда. В этом плане показательны расчеты П. Н. Зверева, представленные в статистическом отчете Екатеринбургской земской управы о гранильном промысле: «Работающий на торговца гранильщик получает за сотню искр («искра» – мелкий ограненный камень, *прим. наше*) из горного хрусталя 3 руб., крестовых головок 5 руб. Первых изготавливает в день 20 шт., вторых 15 <...> Кроме огранки бусок гранильщики мелких каменных изделий большею частью занимаются огранкой дорогих камней, как-то: аметиста, тяжеловеса, сапфира и друг., которая оплачивается несравненно выше, например, по 10–12 руб. за сотню камней. Огранивая по 15–20 таких искр в день из готового камня, мастер зарабатывает по 1–2 на день, или по 30 руб. в месяц» (Зверев 1887: 55).

Именно воспроизводимость и повторяемость моделей огранки дает основания для возникновения развернутой терминосистемы, включающей обозначения этапов обработки камня, инструментов для работы, частей ограненного камня и вариантов готовых форм. Интерес к огранке драгоценных и поделочных камней имеет долгую историю и неизменно сохраняется на протяжении нескольких веков. Ограненные камни используются в ювелирном деле, в данный момент существует одновременно фабричное и частное производство, создаются клубы по интересам и официальные сайты ювелирных фирм, содержащие справочную и рекламную информацию.

При этом лексика «обработки камня» не фиксируется, за редким исключением, толковыми

словарями русского литературного языка, а также словарями иностранных слов. Последние, как правило, включают терминологические заимствования из разных тематических сфер, и отсутствие в их числе терминов огранки дополнительно подтверждает, что данный лексический пласт полностью находится вне фокуса внимания сколько-нибудь широкой аудитории, иными словами, «лексикой огранки» владеет (и в целом когда-либо слышал) ограниченный круг людей, внутри которого ее значимость, как мы продемонстрируем далее, очень высока.

2. Источники материала

В настоящей статье мы сосредоточимся на описании вербального воплощения таких вариантов обработки камня, как огранка и гладкая шлифовка (шлифовку относят к огранке в широком смысле этого слова).

Урал – регион с богатой историей «каменного» искусства, однако в процессе работы, в том числе полевой, мы убедились, что большинство используемых мастерами лексем данной тематической сферы не ограничены территориально, часть можно считать интернационализмами. Поэтому для реализации задачи наиболее полного описания лексики огранки мы пользовались различными доступными источниками, представляющими нередко далекие друг от друга лексические пласты (заимствованные и исконные, устаревшие и новые, диалектные и интернациональные, профессиональные и другие лексемы). Охарактеризуем основные из них.

Словари и справочники ювелирного дела. Терминология огранки включается в справочники ювелирного дела и руководства по обработке драгоценных камней. Мы ориентировались на русскоязычные издания: например, типологический словарь ювелирных изделий (Ванюшова, Ванюшов 2000), подробно описывающий историю каждого из них и включающий в том числе краткие сведения о происхождении названий; справочник ювелирного дела (Зубрилина 2006) и др. Исключением стала классическая работа американского геммолога Дж. Синкенкеса «Руководство по обработке драгоценных и поделочных камней» (Синкенкес 1989), содержащая наиболее полные сведения о технологии работы с камнями и широко известная среди мастеров-огранщиков (например, ее используют в качестве учебного пособия в специализированных училищах).

Каталоги ювелирных фирм. Использовались как вспомогательный источник материала, поскольку часто содержат не только рекламную, но и справочную информацию (историю возникновения огранки, специфику использования раз-

личных камней в ювелирном искусстве и т. д.). Пример ресурса такого типа: <http://www.jewel.ru>.

Специализированные форумы. Интернет-коммуникация является собой вариант «письменной разговорной речи», поэтому изучение различных площадок, используемых для неформального общения профессиональных огранщиков, огранщиков-любителей и в целом ценителей камня, может дать представление о находящихся в употреблении названиях, их частотности и специфике функционирования. Наиболее известный региональный форум – «Хита Урала. Клуб общения» (URL: <http://форум.хитник.рф/>).

Историческая, краеведческая и художественная литература. Важным источником, дающим представление о том, как было организовано камнерезное и ограночное дело на Урале, является статистический отчет «Гранильный промысел на Урале», составленный в 1887 г. П. Н. Зверевым (Зверев 1887). В нем подробно описано, в каких условиях работают огранщики, какие материалы используют и какие изделия производят.

Необходимо отметить две работы, которые созданы на основе бесед с мастерами, работавшими камнерезами и огранщиками в конце XIX – начале XX в.: сборник уральского рабочего фольклора «Дореволюционный фольклор на Урале», собранный В. П. Бирюковым (Бирюков, 1936), и цикл рассказов «Счастливые камни», написанный П. И. Ратушным (Ратушный, 1937). Цикл представляет собой литературную обработку историй, записанных от камнерезов и гранильщиков (их имена указаны в конце каждого произведения).

Данные картотеки «Лексика, топонимия, этнография камня». Картотека создается в настоящее время сотрудниками Уральского федерального университета и содержит полевые материалы, полученные путем опроса информантов – людей, занимающихся поисками камней, огранкой, камнерезным делом (далее – ЛТЭК). Сбор «живой» речи ведется преимущественно на территории Уральского региона, многие факты впервые вводятся в научный оборот. При наличии фиксаций в разных источниках предпочтение при цитировании отдается полевым записям ЛТЭК, поскольку присутствие лексемы в картотеке подтверждает ее функционирование в речи.

Научная литература, посвященная камнерезному и ювелирному искусству. Лексика огранки почти не становится объектом собственно лингвистического анализа. Однако нужно отметить работы М. Н. Николашвили [Николашвили 2015а; Николашвили 2015б; Николашвили 2018 и др.], особенно статью «Профессиональная лексика отечественной гра-

нильной промышленности», в которой предпринимается попытка этимологизации некоторых терминов ювелирной работы с камнями, например *каст*, *шатон* и др. [Николашвили 2015а].

3. Тематические группы лексики, связанной с искусством огранки камня

Представление лексики, связанной с обработкой драгоценных и поделочных камней, на наш взгляд, стоит начать с описания ее тематического разнообразия: показательно, что именно получает специальные обозначения и может быть отнесено к «лексике огранки».

Инструменты, использующиеся для обработки камня. Данную группу в целом мы считаем периферийной для лексики обработки камня, кроме того, большинство инструментов не являются специфическими, используются не только для обработки камней. Однако некоторые лексемы могут быть отмечены: например, план-шайбы называют черепашками (*черепа́шка* ‘планшайба для шлифовки и полировки камней’: «Черепашка – круг для полировки, черепашки по номерам» (ЛТЭК)), палочка, на которую наклеивают камень при шлифовке, имеет несколько наименований: *кич*, *шпилька* или *оправка* (ЛТЭК) и т. д.

Процесс и этапы обработки камня. Кроме отмеченных в словарях литературного языка лексем *огранивать*, *огранять* ‘механически обрабатывать (главным образом шлифовать) камни для ювелирных и технических целей; делать грани на камне, стекле’ (ССРЛЯ 8: 651; 645), *огранка* ‘действие по знач. глаг. *огранить*’ (там же: 644), *кабошон* ‘округлая шлифовка драгоценных камней с одной (верхней) или с двух сторон’ (ССРЛЯ 5: 629), фиксируется большое количество лексем, называющих процесс обработки камня, например, *алмазить* ‘шлифовать, обрабатывать драгоценные камни’ [Макеева 1986: 59], *кабошонить* ‘изготавливать кабошоны’: «Раньше то гранили, а теперь кабошуют все» (ЛТЭК), *закатка в кабошон* (*закатать в кабошон*) ‘вид обработки камня, изготовление кабошона’: «Классическая обработка – это закатка в кабошон; закатать в кабошон можно и мутный камень, и трещиноватый» (там же). Отдельное название имеет и каждый из этапов работы, обладающих строгой очередностью: *выкроить* ‘придать камню форму’: «Сначала выкроил камень, потом ободрал» (там же), *обдирка* ‘предварительная обработка поверхности камня перед шлифовкой’: «Для обдирки камня самое грубое брали, потом шлифовали» (там же) и др.

Отметим, что наиболее широко употребляемым среди общих обозначений обработки камня является глагол *гранить* («Дёмики² растут на корнях деревьев, опосля отваливаются и можно брать и

гранить!»); «Фенакит обманщиком называют, одновременно похож на топаз, на кварц, берилл, а ограничишь – от алмаза не отличишь» (ЛТЭК)).

Оценка возможности обработки камня и ее результата. К данной группе относится, во-первых, лексика, называющая варианты обработки камня, иными словами, для чего камень подойдет, как его лучше использовать: *ограничный* («ограничное сырье более дорогое» (ЛТЭК)), *кабошонный* (там же).

Во-вторых, обозначения камней в аспекте их пригодности для огранки, шлифовки и использования в ювелирных украшениях: *сырец* ‘трещиноватый минерал, не годный для огранки’. Естественно, что для оценки возможностей обработки камня может использоваться и неспецифичная лексика, выражающая негативное отношение говорящего: *вшивый* ‘некачественный (о камне)’: «А это изумрудик, только вшивый, трещины; если дно отполировать, лучше будет» (ЛТЭК) (ср. разг. *вшивый* ‘ничего не стоящий, очень плохой, ничтожный’ (Кузнецов 1998: 165)).

В-третьих, оценка камня по качеству обработки: *проваленный* ‘о неправильно ограненном камне’: «Камень проваленный – смотришь в середину, он не играет, в нем не до конца выдержаны углы» (ЛТЭК), *благородный* ‘красивый, хорошо обработанный камень’: «Любой камень благородный, когда глаз радуется; как вот перед эти шапку не снимешь?» (там же).

Части ограненного камня. В справочниках ювелирного дела (например, Синкенес 1989; Зубрилина 2006) названия частей ограненного камня обычно объясняются на примере *полной*, или *классической*, *бриллиантовой огранки*.

Классическая бриллиантовая огранка возникла на рубеже XVI–XVII вв. во Франции и признана наиболее эффектно раскрывающей красоту драгоценного камня за счет внутреннего отражения света [Корнилов, Солодова 1987]. Справедливость этого утверждения дополнительно подтверждается тем фактом, что через несколько столетий, в 1919 г., математик М. Толковский, отталкиваясь от формы полной бриллиантовой огранки, создал модель «идеального бриллианта» (в англоязычной терминологии – *бриллиант Толковского*, однако в русскоязычной традиции используется термин *бриллиантовая огранка* [Патлах 2007]), рассчитав углы наклона и соотношения размеров граней. Многие современные виды огранок (о «современном» и «историческом» лексических пластах мы поговорим в следующем разделе статьи) являются модификациями бриллиантовой огранки.

По-видимому, форма полной бриллиантовой огранки повлияла на выделение определенных

частей ограненного камня и, соответственно, на появление у них специфических названий: *коронка* ‘верхняя часть ограненного камня’, *площадка* ‘верхняя ровная поверхность ограненного камня (сверху)’: «Сверху площадка основная, потом рундист, потом коронка, в ней сходятся все лучи огранки», *рундист* ‘середина ограненного камня’ (ЛТЭК), *шип* ‘нижняя (задняя) часть минерала при огранке’ (там же), *задница* ‘то же’: «Коронку так гранишь, задницу так гранишь» (там же), *испод* ‘то же’: «Ежели камень цветом неравномерной густоты, стараемся самую густую часть его сделать на самую середину испода; от этого камень кажется весь густого цвета» (Бирюков 1936: 331) и др.

Важно, что в контексте огранки слово *грань*, ключевое для вербального осмысления технологического процесса, не выполняет функцию смысловоразличения в достаточной степени: *гранями* могут называться как ребра, разделяющие плоскости камня, так и сами плоскости. Закономерно возникают варианты формального разведения двух значений: *боровок* ‘ребро между двумя плоскостями грани’, *луч* ‘то же’: «Сверху площадка основная, потом рундист, потом коронка, в ней сходятся все лучи огранки», *перелом* ‘пережат грани из одной в другую’: «Павильон – грань плоская, а дальше уже могут идти переломы – идет одна грань, она изменяется, идет другая», *клинышек* ‘грань’: «основные грани, которые первые, а к ним уже верхние клинышки, нижние клинышки». Грани также обозначаются по месту и порядку нанесения: *поперечные грани* ‘грани бриллианта, примыкающие к нижней площадке’, *верхние грани* ‘грани, расположенные выше рундиста’, *основные грани* ‘грани, которые вытачиваются первыми при огранке’, *грани звезды* ‘грани бриллианта, примыкающие к верхней площадке’ (Пыляев 1990: 152).

Техника исполнения. Могут, например, номинироваться особенности расположения граней относительно друг друга: *в рассечку* ‘вариант огранки, при котором ребро нижней грани приходит в середину верхней (и наоборот)’ (ЛТЭК), *винтовая огранка* ‘огранка, при которой грани получают неровными, несимметричными’: «Винтовая огранка – это кошмар, это брак, это я неправильно инструмент настроил» (там же).

Типы огранок по внешнему виду и количеству граней. Наиболее обширную группу обозначений вариантов обработки камня составляют названия форм, которые придаются изделию. В справочниках ювелирного дела отмечается, что «единой общепринятой систематики всех форм огранок не существует» (Зубрилина 2006: 70), однако чаще всего выделяют три типа: фасетная огранка, гладкая шлифовка и смешанная шли-

фовка (или смешанная огранка). В первом случае камень покрывается большим количеством плоских граней, во втором его поверхность становится ровной, гладкой, а при смешанной шлифовке совмещаются два типа: верхняя часть гладкая, нижняя – *фасетированная*, или наоборот (там же). Камень, подвергшийся гладкой шлифовке, называется *кабошоном* (ЛТЭК); чаще всего *кабошон* представляет собой круг или овал, однако в широком смысле так может обозначаться обработанный камень любой формы, не имеющий граней (*сердце*, *антик*, *капля* и пр.), ср.: *кабошон* (фр. *cabochon*) ‘камень, получивший при обработке округлую выпуклую (без граней) поверхность’ (Ванюшова, Ванюшов 2000: 224).

Значимой характеристикой, закрепленной в лексике, является для кабошонов количество выпуклых и вогнутых отшлифованных сторон: *двойной кабошон* ‘вид обработки камня, при которой он отшлифовывается с двух сторон’: «Это кабошон двойной, снизу тоже» (ЛТЭК); *обманка* ‘кабошон, полый внутри’: «Обманка это, пустота, старики делали, скорее всего, чтобы полоски просвечивали» (там же), *блюдечко* ‘то же’, *пустой кабошон* ‘то же’: «...огранка блюдечком или пустым кабошоном; эта форма придается одним только густоцветным и черновато-красным гранатам и считается наидревнейшей» (там же).

Названий огранок, известных в русском языке, насчитывается несколько десятков, и их число может увеличиваться, поскольку ювелиры стремятся к созданию новых оригинальных вариантов оформления.

В справочниках ювелирного дела, ориентированных на научное описание изделий и характеристику технологических особенностей их исполнения, указывается, что выделяется несколько типов огранки, которым соответствуют определенные формы камня и на базе которых создаются конкретные виды огранок. Тип огранки определяется тем, как располагаются грани относительно павильона и друг друга; единой общепризнанной классификации типов не существует, например, С. Н. Зубрилина выделяет семь типов огранки (бриллиантовая, ступенчатая, смешанная, роза, кабошон, клиньями, табличная) [Зубрилина 2006: 70], В. П. Новиков и В. С. Павлов – восемь (добавляется «принцесса» – профильная огранка) [Новиков, Павлов 1991: 142–143] и т. д.

В. П. Новиков и В. С. Павлов приводят также примеры соотнесения формы камня и типа огранки: «Огранку под названием «Огненная роза» используют для обработки крупных грушевидных и сердцевидных алмазов формы «маркиза». Камень имеет 24 основных грани коронки и 30 мелких граней у шипа» [там же: 143]; «Огран-

ку "Георгин" используют для камней, имеющих 12 граней по рундисту и вписывающихся в овал [там же: 147] и т. д.

В реальной речевой практике обычно используется видовое обозначение, подразумевающее и форму готового изделия, и вариант расположения граней: *португалка* – «Если португалку делать – и она играет: сверху четыре, снизу пять ярусов, граней» (ЛТЭК); *изумрудная* – «ступенчатая – ступеньками, или изумрудная» (там же), *бриолет* – «огранка бриолет, говорим по-простому „капля”» (там же).

Из приведенных групп и их наполненности видно, что терминология огранки детально проработана в языке, обладает высокой актуальностью; обозначения процесса и возможностей обработки, а также частей ограненного камня и вариантов готовых форм отражают тонкие смысловые нюансы и хорошо известны мастерам-огранщикам и другим людям, так или иначе связанным с ювелирным делом.

4. Социолингвистические и мотивационные особенности лексики огранки

Статус лексики, связанной с обработкой камня (а прежде всего, как мы выяснили, огранкой), не определен: в силу специфики функционирования очевидно, что это профессиональная лексика, которая, однако, разнообразна и крайне неоднородна. В данном параграфе нами предпринята попытка выделить различные социолингвистические пласты внутри лексического массива, который может быть охарактеризован как «терминология огранки».

Терминологическая лексика, заимствованная из европейских языков. Заимствованными являются большинство обозначений частей ограненного камня и типов огранки. По-видимому, это связано с достаточно поздним возникновением искусства обработки камня в России по сравнению в Европой, где оно активно развивалось уже в XVI–XVII вв. Мог оказать влияние на формирование терминологии также тот факт, что в период становления камнерезного дела на Урале для обучения и обмена опытом приглашались западноевропейские мастера: например, «в 1726 г. В. Н. Татищев пригласил в Екатеринбург шведского мастера Кристиана Рефа из Стокгольма. Первоначально спрос был исключительно на ювелирные ограненные камни, поэтому по желанию высочайших заказчиков следовало устроить фабрику по огранке камня и научить этому искусству русских подмастерьев» [Боровкова 2021: 295].

Наименования частей ограненного камня французские по происхождению (Франция была одним из основных центров ювелирного дела в

Европе и, как мы отмечали выше, именно там возникла «огранка с таблицей», прообраз бриллиантовой огранки; термины огранки, возникшие во французском языке, функционируют как интернационализмы): *корона*, *коронка* ‘верхняя часть ограненного камня’ < фр. *couronne*, *navillon* ‘нижняя часть ограненного камня’ (< фр. *ravillon*), *рундист* ‘широкая часть камня, разделяющая его на площадку и павильон’ (< фр. *rondiste* < *rond* ‘круг’), *кюласса*, или *кюласа* ‘нижняя усеченная пирамида оправы бриллианта’ (< фр. *culasse*), *калетта* ‘нижнее острие камня’, *фасетта* ‘грань’ (< франц. *facette*; именно поэтому такой тип обработки камня называется *фасетной огранкой*).

Заимствованием из французского является и термин *кабошон*, который в речи может заменять обозначение гладкой шлифовки, противопоставленной огранке (ср. «Раньше-то гранили, а теперь кабошуют все» (ЛТЭК)). Интересно, что несмотря на признанную очевидность французского языка как источника данной лексемы, в работах, посвященных ювелирному делу, выдвигаются версии о различных этимонах, например, фр. *cabosh* ‘башня’ [Николашвили 2015а: 195] или фр. *cabochon* ‘башка, обойный гвоздь’ [Зубрилина 2006: 72]. Однако, по всей видимости, слово было заимствовано уже в терминологическом значении и является результатом семантической деривации на базе французского языка: ср.-фр. диал. *caboche* ‘голова’ → деминутив *cabochon* ‘головка’ → фр. *cabochon* ‘гвоздь с декоративной головкой’, ‘мелкий камень с округлой, полированной верхней гранью, не ограненный гранями’ [ср.: Merriam-Webster: cabochon].

Заимствования и кальки представлены среди наименований видов огранок. Часть заимствованных хорошо освоена и широко известна в профессиональной среде (прежде всего те виды огранок, которые в европейских источниках отмечены с XVII–XVIII вв.): *бриолет* (фр. *briolette*), *панделок* (фр. *pendeloque*), *антик*, или *кушон* (ср. фр. *antique*; англ. *cushion*, фр. *coussin*), *маркиза* (фр. *marquise*) и др. Сложные в фонетическом отношении заимствованные термины могут заменяться в речи на более простые исконного происхождения, при этом наиболее эксплуатируемым номинативным признаком предсказуемо является форма изделия: «Огранка бриолет, говорим по-простому капля» (ЛТЭК); «Огранка панделок, груша – если перевернуть, то грушу напоминает, делали, чтобы верх висел» (там же). Возможны также варианты калькирования, например, второе название огранки *marquise* – *navette* ‘лодка, челнок’, в результате чего в русском языке появляются обозначения *лодочка* и *челнок* (*челночок*): «Да, фантазийная огранка

“маркиз”, или “лодочка”, или “челнок”. Ну и конечно, легенда о возникновении этого способа, связанная с маркизой де Помпадур» (ЛТЭК); «Маркиз – это такой челночок, древние называли маркизом или маркизой» (там же); огранка квадратной формы *кушон* может называться *подушечка*: «огранка “квадрат” у нас подушечка. Этот аметист огранен подушечкой» (ЛТЭК) (ср. фр. *coussin* ‘подушка’, англ. *cushion* ‘то же’) и т. д.

Название огранки *маркиза* обладает семантическими связями в русском языке и сохраняет метафоричность образа, однако не отражает свойств объекта, поэтому не только заменяется более «прозрачными» наименованиями, но и подвергается формальному варьированию: «Маркиз – форма огранки, продолговатая, трудная в исполнении, ее сейчас мало исполняют»; *маркиза*, *под маркизку*: «Маркиза, или под маркизку – разновидность огранки, эллипсом. Изумруд так не гранят, это бриллиантовая огранка, там много граней»; *подмаркизка*: «Огранка есть подмаркизка: продолговатая, трудная в исполнении, ее сейчас мало исполняют» (ЛТЭК).

В речи фиксируются также заимствованные наименования «авторских» огранок, созданных ювелирами XX в., например, *импариант* ‘непарная огранка бриллиантов’ (ЛТЭК) (известно, что она разработана мастером Массимо-Эльбе [ЮАП]), однако в целом они известны меньше других.

Разговорные и просторечные варианты. Разговорные варианты образуют терминологические наименования огранок – например, полученные путем стяжения словосочетания: *португальская огранка* → *португалка*: «Если португалку делать – и она играет: сверху четыре, снизу пять ярусов, граней» (ЛТЭК), *швейцарская огранка* → *швейцарка*: «На трешках, на двушках – это уже швейцарка, она очень простая, но камень сразу преображается» (там же) и т. д.

Наименование гладкой шлифовки (самой простой в исполнении и потому особенно популярной на протяжении всей истории обработки камня на Урале) – *кабошон* – формирует словообразовательное гнездо, лексемы которого функционируют в устной и письменной разговорной речи: *кабошончик*: «Сейчас хризопраз стал тысячу двести рублей кабошончик. Это вот такой камушек закругленный» (ЛТЭК), *кабошонить* ‘изготавливать кабошоны’ (там же). Фонетическая сложность и непрозрачная внутренняя форма слова *кабошон* дают основания для возникновения формальных модификаций без изменения значения. Так, активно используется усеченный вариант *кабáш*: «Да уж, кабаш я б из него сделал большой и красивый. Да...» (ЛТЭК); П. И. Ратушный отмечает, что возможна замена на слово

капошон: «Одному самоцвету гранильщик придаст форму розочки, другой он сделает “кабошоном” (“капошоном”), третий сверху огранит шестериком, а снизу восьмериком» (Ратушный 1937: 42).

По-видимому, разговорными вариантами можно считать «упрощенные» наименований огранок, такие как номинации по форме или по количеству граней: *квадрат* ‘форма огранки’: «изумруды все гранят квадратами, потому что они зеленые; только зеленые так можно» (ЛТЭК), *клин* ‘вид огранки’: «Форма огранки Клин – клином делают» (там же), *восьмерик*: «Основные граневые плоскости на поверхности – стороны гранящегося камня: квадрат, пятерик, шестерик, семерик (редко), восьмерик, девятерик (очень редко), десятерик, на двенадцать, на шестнадцать, на двадцать четыре» (Бирюков 1936: 330) и под.

Просторечные лексемы, действующие собственные словообразовательные средства, могут использоваться вместо заимствованных терминов, называющих части ограненного камня и технологию изготовления, например: *задница* ‘нижняя часть ограненного камня’: «коронку так гранишь, задницу так гранишь» (ЛТЭК), *дно* ‘основание кабошона’: «если дно отполировать, лучше будет» (там же), *зашарокатить* ‘огранить в шар’: «А малиновый кварцит зашарокатил?» (там же) и пр.

Устаревшая и/или территориально ограниченная лексика. В ходе анализа материала мы отметили, что часть лексики, зафиксированной в источниках конца XIX – начала XX в. (П. Н. Зверев, П. И. Ратушный, В. П. Бирюков), не известна современным мастерам-огранщикам и не встречается в письменной речи (например, в торговых описаниях изделий и пр.). Считать конкретную лексику устаревшей можно с определенной долей условности: очевидно, что на интерпретацию результатов влияют особенности сбора, поэтому мы ограничимся высказыванием предположения о статусе некоторых наименований.

Так, в отчете П. Н. Зверева, а также в работе В. П. Бирюкова (примечательно, что со ссылкой на разных информантов) фигурирует огранка под названием *греческая грань*: «немногие же, наиболее искусные, дают шарик греческую или бриллиантовую грань, имеющую вид трехугольной плоскости» (Зверев 1887: 11); «Есть фаски: ставится в виде как в ёлку; только греческую грань не всякий гранит; шарики для бус раньше гранили греческой гранью» (Бирюков 1936: 330); «Греческую, или розу, надо умеючи делать. При этой грани низ у камня вроде яблока или грецкого ореха – выпуклый. А верх делается так: сперва

шесть клиньев, под ними ещё шесть, дальше по двенадцати. И выходит, весь камень в клинышках» (там же). По-видимому, на выход из употребления данного наименования влияет и тот факт, что непосредственно огранка *роза*, одна из старинных огранок, достаточно простая в изготовлении (учитывая, безусловно, тот факт, что сейчас для работы используются профессиональные инструменты) и уступающая по красоте другим, почти не применяется [Прокопчук, Ваганов 1986].

В. П. Бирюков фиксирует также сочетание *екатеринбургская грань* 'особое сочетание граней, применявшееся только екатеринбургскими кустарями-гранильщиками', которое упоминается и в Музее истории камнерезного и ювелирного искусства г. Екатеринбурга³, однако не сопровождается конкретным описанием особенностей исполнения. Нашим информантам известны аналогичные приведенным источникам сведения о данном типе огранки: «Итальянцы научили мужиков гранить, а они превзошли итальянцев, даже изобрели знаменитую Екатеринбургскую грань, когда камень играл лучше, чем у них в Европе» (ЛТЭК).

В произведениях П. И. Ратушного встречается несколько лексем, которые не отмечены другими известными нам источниками: *разграночка* 'несовпадение граней при огранке': «Тут у тебя разграночка, – сказал муж. – Это не годится» (Ратушный 1937: 134), *испод* 'нижняя часть камня', *зеркало* 'грань': «Это потому, что конусный исподкамня имеет зеркальность, и каждая сапинка в камне будет повторяться столько раз, сколько зеркал в исподе» (там же).

Не ограниченным территориально, но вышедшим из употребления является обозначение ограненного камня небольшого размера словами *искра* и *искринка*, ср.: «Искры делаются из мелкого камня, отброса, получающегося после обивки камней, из которых делаются печати и др. более крупные вещи» (Зверев 1887: 24).

Итак, нами была охарактеризована лексика художественной обработки камня, функционирующая на территории Уральского региона. Установлено, что наибольшим количеством специфических обозначений среди различных видов гранильного искусства обладает огранка драгоценных и поделочных камней, что связано со спецификой данного направления (прежде всего, повторяемостью готовых форм) и высоким интересом к нему. Развернутая терминосистема ограночного искусства практически не отражается в лингвистических словарях и находится вне зоны внимания большинства носителей языка, однако многочисленность наименований и тонкие различия в их семанти-

ке свидетельствуют о ее высокой значимости в среде «мастеров каменного дела». Номинируются части ограненного камня, варианты изделий, а также этапы, цели и результат работы; наряду с «терминологическими» вариантами обозначений, зафиксированными в справочниках ювелирного дела и других изданиях, акцентирующих внимание на технике изготовления огранок, функционируют разговорные и просторечные лексемы.

Примечания

¹Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РНФ, проект № 20-18-00269 «Горная промышленность и раннезаводская культура в языке, народной письменности и фольклоре Урала» (Пермский государственный национальный исследовательский университет).

²*дёмик* 'демантоид' [ЛТЭК]

³<http://mikji.ru/kollekcii/ogranka-samocvetov/>

Список источников

Бирюков В. П. Дореволюционный фольклор на Урале. Свердловск: Свердловское областное издательство, 1936. 368 с.

Большой французско-русский и русско-французский словарь / сост. И. Р. Григорян, М. Н. Петрович. М.: Дом Славянской книги, 2010. URL: <https://slovaronline.com> (дата обращения: 21.08.2021).

Зверев П. Н. Гранильный промысел на Урале / сост. П. Н. Зверев; Статистическое отделение Екатеринбургской земской управы. Екатеринбург: Екатеринбург. уезд. земство, 1887. 124 с.

Зубрилина С. Н. Справочник по ювелирному делу. Ростов н/Д: Феникс, 2006. 347 с.

Кузнецов – Большой толковый словарь русского языка / сост., гл. ред. канд. филол. наук С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998. 1534 с.

ЛТЭК – картотека «Лексика, топонимия, этнография камня» (хранится на кафедре русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации Уральского университета, Екатеринбург).

Пыляев М. И. Драгоценные камни. Их свойства, местонахождения и употребление. М.: Х. Г. С., 1990. 403 с.

Ратушный П. И. Счастливые камни: Рассказы гранильщиков и камнерезов. Челябинск: Челябингиз, 1937. 205 с.

Синкенкес Дж. Руководство по обработке драгоценных и поделочных камней: пер. с англ. М.: Мир, 1989. 423 с.

ССРЛЯ – Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. / ред. В. И. Чернышев. М.; Л.: Наука, 1948–1965.

Хита Урала. URL: форум.хитник.рф (дата обращения: 05.07.2021).

Ювелирные изделия: Иллюстрированный типологический словарь / авт.-сост. Р. А. Ванюшова, Б. Г. Ванюшов. СПб.: Политехника, 2000. 239 с. *Merriam-Webster Dictionary*. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/cabochon> (дата обращения: 29.09.2021).

Список литературы

Алексеев И. С. Золото, алмазы, люди. М.: Кнорус, 2018. 600 с.

Березович Е. Л. К изучению нестандартной лексики камня в русском языке: постановка вопроса // *Известия УрФУ. Серия 2. Гуманитарные науки*. 2020. Т. 22. № 4 (202). С. 9–28. doi: 10.15826/izv2.2020.22.4.060

Боровкова Н. В. Камнерезное искусство Урала и Алтая конца XVIII–XIX в.: национальный феномен и западноевропейское влияние // *Известия УрФУ. Серия 2. Гуманитарные науки*. 2021. № 3 Т. 23. С. 291–303. <https://doi.org/10.15826/izv-2.2021.23.3.060>

Корнилов Н. И., Солодова Ю. П. Ювелирные камни. М.: Недра, 1987. 282 с.

Макеева И. И. История названий драгоценных камней в русском языке XI–XVII веков: дис. ... канд. филол. наук. М., 1986. 266 с.

Михайлова Т. Б. История Уральского ювелирного и камнерезного дела. 2016. URL: <https://juvelirum.ru/tehniki-obrabotki-yuvelirnyh-izdelij/istoriya-uralskogo-yuvelirnogo-i-kamnerезного-dela-istoricheskaya-spravka/> (дата обращения: 4.10.2020).

Николашвили М. Н. Профессиональная лексика отечественной гранильной промышленности // *Русский язык в славянской межкультурной коммуникации: история и современность: сб. науч. тр. Вып. III*. М.: МГОУ, 2015а. С. 193–198.

Николашвили М. Н. Физические характеристики драгоценного камня с лингвистических позиций. М.: Спутник+, 2015б. 95 с.

Николашвили М. Н. Функционирование красивого камня. Ювелирные товары. М.: Спутник+, 2018. 112 с.

Новиков В. П., Павлов В. С. Ручное изготовление ювелирных украшений. СПб.: Политехника, 1991. 208 с.

Павловский Б. П. Камнерезное искусство Урала. Свердловск: Сверд. книж. изд-во, 1953. 152 с.

Прокопчук Б. И., Ваганов В. И. От алмаза до бриллианта. М.: Недра, 1986. 128 с.

Скурлов В. В. Камнерезное искусство в России: история и основные центры. 2013. URL: http://skurlov.blogspot.com/2013/08/blogpost_5335.html (дата обращения: 11.10.2020).

Скурлов В. В. Художники-камнерезы Урала и Сибири XX–XXI веков. Творческая деятельность художников и мастеров Урала в области камнерезного искусства [Электронный ресурс]. 2011 // *Художники камнерезы: интернет-энциклопедия современного камнерезного искусства*. URL: <https://stonecarvers.ru> (дата обращения: 10.10.2021).

Энциклопедия технологий и методик / авт.-сост. В. В. Патлах. 2007. URL: <http://patlah.ru/etm/etm-01/dom-promsl/uvellir/dragocennost/drag-05.htm> (дата обращения: 10.08.2021).

ЮАП – Ювелирный и антикварный портал. URL: <http://www.jewel.ru> (дата обращения: 25.07.2021).

References

Alekseev I. S. *Zoloto, almazy, lyudi* [Gold. Diamonds. People]. Moscow, Knorus Publ., 2018. 600 p. (In Russ.)

Berezovich E. L. K izucheniyu nonstandartnoy leksiki kamnya v russkom yazyke: postanovka voprosa [On the study of nonstandard mineral vocabulary in the Russian language: Articulation of the issue]. *Izvestiya UrFU. Seriya 2. Gumanitarnye nauki* [Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts], 2020, issue 4 (202), pp. 9–28. doi: 10.15826/izv2.2020.22.4.060. (In Russ.)

Borovkova N. V. Kamnerезное iskusstvo Urala i Altaya kontsa XVIII–XIX v.: natsional'nyy fenomen i zapadnoevropeyskoe vliyanie [Lapidary art of the Altai and the Urals of the late 18th — 19th centuries: the Russian cultural phenomenon and European influence]. *Izvestiya UrFU. Seriya 2. Gumanitarnye nauki* [Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts], 2021, issue 3 (23), pp. 291–303. doi: 10.15826/izv2.2021.23.3.060. (In Russ.)

Kornilov N. I., Solodova Yu. P. *Yuvelirnye kamni* [Gem Stones]. Moscow, Nedra Publ, 1987. 282 p. (In Russ.)

Makeeva I. I. *Istoriya nazvaniy dragotsennykh kamney v russkom yazyke XI–XVII vekov*. Diss. kand. filol. nauk [The History of the Names of Precious Stones in the Russian language of the 11th – 17th centuries. Cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 1986. 266 p. (In Russ.)

Mikhaylova T. B. *Istoriya Ural'skogo yuvelirnogo i kamnerезного dela* [The History of Ural Jewelry and Lapidary Craft]. 2016. Available at: <https://juvelirum.ru/tehniki-obrabotki-yuvelirnyh-izdelij/istoriya-uralskogo-yuvelirnogo-i-kamnerезного-dela-istoricheskaya-spravka> (accessed 04.10.2020). (In Russ.)

Nikolashvili M. N. Professional'naya leksika otechestvennoy granil'noy promyshlennosti [Profes-

sional vocabulary of Russian lapidary industry]. *Russkiy yazyk v slavyanskoy mezhdul'turnoy kommunikatsii: istoriya i sovremennost': sbornik nauchnykh trudov* [The Russian language in Slavic Intercultural Communication: History and Modernity: Collection of Scientific Papers]. Moscow, Moscow Region State University Press, 2015a, issue 3, pp. 193–198. (In Russ.)

Nikolashvili M. N. *Fizicheskie kharakteristiki dragotsennogo kamnya s lingvisticheskikh pozitsiy* [Physical Characteristics of a Gemstone from a Linguistic Point of View]. Moscow, Sputnik+ Publ., 2015b. 95 p. (In Russ.)

Nikolashvili M. N. *Funktsionirovanie krasivogo kamnya. Yuvelirnye tovary* [The Functioning of Beautiful Stone. Jewelry Products]. Moscow, Sputnik+ Publ., 2018. 112 p. (In Russ.)

Novikov V. P., Pavlov V. S. *Ruchnoe izgotovlenie yuvelirnykh ukrasheniy* [Handmade Jewelry Making]. St. Petersburg, Politekhnik Publ., 1991. 208 p. (In Russ.)

Pavlovskiy B. P. *Kamnerezhnoye iskusstvo Urala* [Stone-Cutting Art of the Urals]. Sverdlovsk, Sverdlovskoe knizhnoye izdatel'stvo Publ., 1953. 152 p. (In Russ.)

Prokopchuk B. I., Vaganov V. I. *Ot almaza do brillianty* [From a Diamond to a Brilliant]. Moscow, Nedra Publ., 1986. 128 p. (In Russ.)

Skurlov V. V. *Kamnerezhnoye iskusstvo v Rossii: istoriya i osnovnye tsentry* [Stone-Cutting Art in Russia: History and Main Centers]. 2013. Available at: http://skurlov.blogspot.com/2013/08/blog-post_5335.html (accessed 11.10.2020). (In Russ.)

Skurlov V. V. *Khudozhniki-kamnerezy Urala i Sibiri 20–21 vekov. Tvorcheskaya deyatel'nost' khudozhnikov i masterov Urala v oblasti kamnerezhnogo iskusstva* [Stone-Cutting Artists of the Urals and Siberia of the 20th – 21st Centuries. Activity of Artists and Masters of the Urals in the Field of Stone-Cutting Art]. 2011. Available at: <https://stonecarvers.ru> (accessed 10.10.2021). (In Russ.)

Entsiklopediya tekhnologiy i metodik [Encyclopedia of Technologies and Techniques]. Ed. by V. V. Patlakh 2007. Available at: <http://patlah.ru/etm/etm-01/dom-promsl/uvellir/dragocenost/drag-05.htm> (accessed 10.08.2021). (In Russ.)

Yuvelirnyy i antikvarnyy portal [Jewelry and Antique Portal]. Available at: <http://www.jewel.ru> (accessed 25.07.2021). (In Russ.)

Vocabulary of Lapidary Art in the Urals

Elizaveta O. Borisova

Research Fellow

Perm State University

15, Bukireva st., Perm, 614990, Russian Federation. joborisowa@yandex.ru

SPIN-code: 8131-6080

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3749-3307>

ResearcherID: J-3727-2017

Received 8 Dec 2021

Revised 28 Feb 2022

Accepted 4 Mar 2022

For citation:

Borisova E. O. Leksika hudozhestvennoj obrabotki kamnya na Urale [Vocabulary of Lapidary Art in the Urals]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2022, vol. 14, issue 1, pp. 5–15. doi 10.17072/2073-6681-2022-1-5-15 (In Russ.)

Abstract. The article deals with the vocabulary of gem stone processing mainly recorded in the Ural region. The cutting of precious and ornamental stones was found to have the greatest number of specific designations among various types of lapidary art, which is due to the peculiarities of this work (repeatability of finished forms). The expanded term system of cutting art is practically not reflected in linguistic dictionaries and is beyond the attention of most native speakers; however, the multiplicity of names used and subtle differences in their semantics indicate its high importance among the ‘masters of stone work’. The paper identifies the main thematic groups that can be referred to the vocabulary of cutting: first of all, these are the parts

of a cut stone, studied through an example of *classic diamond cut*, and variants of finished products; in addition, the process and stages of work with a stone as well as the assessment of processing capabilities and results receive verbal embodiment. The paper makes an attempt to identify possible sociolinguistic layers of vocabulary since, despite the fact that formally the entire lexical array can be considered professional, there is heterogeneity of stone processing names (colloquial, outdated, and geographically limited variants). The main source of the material is recordings of conversations with gem cutters; part of the data that make up the catalog 'Vocabulary, toponymy, and ethnography of stone' (Ural Federal University) is first introduced into scientific circulation.

Key words: professional vocabulary; nonstandard vocabulary; semantic derivation; lapidary art; gem stone processing; Ural region.

УДК 81'1
doi 10.17072/2073-6681-2022-1-16-22

Категория враждебности как единство социокогнитивного и коммуникативного измерений

Екатерина Николаевна Василенко

к. филол. н., доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики

Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова

212022, Республика Беларусь, г. Могилев, ул. Космонавтов, 1. e.n.vasilenko@gmail.com

SPIN-код: 7119-4923

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2552-5714>

Статья поступила в редакцию 12.11.2021

Одобрена после рецензирования 29.11.2021

Принята к публикации 06.12.2021

Информация для цитирования

Василенко Е. Н. Категория враждебности как единство социокогнитивного и коммуникативного измерений // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2022. Т. 14, вып. 1. С. 16–22. doi 10.17072/2073-6681-2022-1-16-22

Аннотация. В статье рассматривается категория враждебности, или интолерантности, как бинарное единство ее социокогнитивного и коммуникативного измерений. Приводится характеристика коммуникативных категорий как наиболее общих понятий, упорядочивающих знания человека об общении и нормах его осуществления. Уделяется внимание коммуникативной категории толерантности, которая по своим характеристикам (антиконфликтность, некатегоричность и неимпозитивность) сближается с категорией вежливости. Подчеркивается, что коммуникативная вежливость и коммуникативная толерантность нетождественны. На основании исследования О. А. Михайловой охарактеризованы когнитивные, этические и прагматические основания категории толерантности. Установлено, что категория враждебности базируется на тех же когнитивных основаниях, что и категория толерантности, а именно на категории чуждости и категории идентичности, представленных в сознании говорящего оппозицией *свой – чужой (мы – они)* и играющих важнейшую роль в определении человеком своего места в мире. Этическими основаниями категории враждебности выступают категории *добро* и *зло*, а также *хорошо* и *плохо*, которые носят не только этический, но и когнитивный характер: знание добра используется человеком для обоснования тех или иных ценностных позиций. Прагматическим основанием категории враждебности является мотивация субъектов, напрямую связанная с установкой. Именно мотивация субъекта позволяет подробнее изучить социокогнитивное измерение категории враждебности и, как следствие, ее коммуникативный аспект.

Ключевые слова: враждебность; интолерантность; толерантность; вежливость; коммуникативная категория.

Коммуникативные категории как объект лингвистического изучения. Коммуникативные категории, ввиду своего общего и даже размытого характера, не получили однозначного определения в современной лингвистике. Анализируя различные трактовки коммуникативных категорий, О. А. Михайлова делает вывод о том, что всеми исследователями признаются следующие их характеристики: выполнение регулятивной функции, обусловленность национальной специ-

фикой, наличие нежесткой структуры и достаточно размытого содержания [Михайлова 2004: 16].

В нашем исследовании, вслед за И. А. Стерниным и К. М. Шилихиной, под коммуникативной категорией понимаются «самые общие коммуникативные понятия, упорядочивающие знания человека об общении и нормах его осуществления» [Стернин, Шилихина 2001: 34]. Коммуникативные категории организуют и/или регулируют коммуникативный процесс, имеют

определенную структуру и содержание, выражаемое разноуровневыми языковыми и речевыми средствами [Захарова 2000: 13].

Совокупность ментальных коммуникативных категорий образует коммуникативное сознание. Так, для русского коммуникативного сознания, по утверждению И. А. Стернина и К. М. Шилихиной, релевантны такие коммуникативные категории, как собственно категория *общение*, категории *вежливость*, *грубость*, *коммуникабельность*, *коммуникативная ответственность*, *эмоциональность*, *коммуникативная оценочность*, *коммуникативное давление* и др. [Стернин, Шилихина 2001: 34].

Толерантность как коммуникативная категория. Одной из коммуникативных категорий является категория толерантности, основными установками которой выступают антиконфликтность, некатегоричность и неимпозитивность [Стернин 2004: 133]. Как следует из перечисленных характеристик, категория толерантности сближается с категорией вежливости. Однако нельзя утверждать, что коммуникативная вежливость и коммуникативная толерантность тождественны.

О. П. Ермакова разграничивает категории вежливости и толерантности по признаку интеракциональности: «вежливость проявляется непосредственно в общении и относится к собеседнику или к лицу присутствующему (лишь некоторые правила речевого этикета предписывают вежливое упоминание отсутствующих старших: не называть их *он*, *она* и т. п.). Толерантность же распространяется и на лицо отсутствующее. Ведь сплошь и рядом человек, отрицательно относящийся к чьим-то убеждениям, чужим национальным традициям, особенностям, не высказывает своего отношения “в глаза” – это было бы невежливо. Но в отсутствие носителя чуждых ему убеждений он нередко выражается резко, может быть, даже грубо. В таких случаях человек явно проявляет нетерпимость, нетолерантность в самом истинном смысле этого слова, но вряд ли можно назвать это невежливостью» [Ермакова 2004: 70].

Такая трактовка природы толерантности и вежливости в обыденном представлении является интуитивно понятной. Однако полагаем, что толерантность и вежливость являются категориями смежными, а не взаимоисключающими или взаимодополняющими: поведение, в том числе речевое, может быть не только одновременно толерантным и вежливым или нетолерантным и невежливым, но и только толерантным или только вежливым. Так, высказывание «Полагаю, что женщины по своей природе склонны заниматься домом, а не строить карьеру» является вежли-

вым, но не толерантным, а высказывание «К черту все эти разделения обязанностей по половому признаку» – толерантным, но, очевидно, невежливым. Другими словами, вежливость может выступать своего рода формой для (ин)толерантного содержания.

Тем не менее важно еще раз подчеркнуть, что вежливость, помимо своего прагматического характера, носит еще и нравственный, этический характер, чем сближается с коммуникативной толерантностью, представляющей собой проявление более общей социокогнитивной категории толерантности. Н. И. Формановская пишет: «Толерантность и вежливость – как бы две стороны одной медали: “в общении не делай плохого другому, делай ему хорошее”» [Формановская 2005: 353].

По мнению О. А. Михайловой, коммуникативная категория толерантности базируется на когнитивных, прагматических и этических основаниях. К когнитивным основаниям относятся категория чуждости и категория идентичности; к прагматическим – вступление в диалог субъектов, имеющих разногласия, и их мотивация; к этическим – категория вежливости [Михайлова 2004]. Учитывая характер взаимоотношений категорий толерантности и интолерантности, или враждебности (в исследовании эти термины используются как синонимичные, так как речь идет о конфликте социальных групп – см.: [Василенко 2021]), полагаем, что при описании категории враждебности можно исходить из тех же критериев.

Основания категории враждебности. Категория враждебности, как было упомянуто выше, рассматривается нами в бинарном единстве ее коммуникативного и социокогнитивного измерений (ср.: [Василенко 2019; Махина 2017; Мехонина 2015]) как базирующаяся на близких категориях толерантности когнитивных, этических и прагматических основаниях.

Когнитивные основания категорий толерантности и враждебности совпадают и представлены категориями чуждости и идентичности. В качестве этических оснований категории враждебности мы рассматриваем категории *добро* и *зло*, а также *хорошо* и *плохо* (а не вежливость, которая, на наш взгляд, не выступает основанием враждебности, так как эти категории, как было сказано выше, находятся в отношениях пересечения), а в качестве прагматических – только мотивацию субъектов (см. ниже).

Когнитивные основания категории враждебности. Основополагающей категорией для категории враждебности, как и для категории толерантности, выступает категория чуждости, представленная в сознании говорящего противопоставлением *свой* – *чужой* (*мы* – *они*).

Оппозиция *свой – чужой* играет ключевую роль в определении человеком своего места, в связи с чем исследования феномена чуждости не принадлежат исключительно к домену социальной психологии («Поистине социальная психология становится наукой лишь с того момента, когда на место исходного психического явления ставит не “я и ты”, а “мы и они”, или “они и мы”, на место отношений двух личностей – отношения двух общностей» [Поршнева 1979: 81]), а являются важным объектом философского анализа: «В отношении чужого очевидно, что оно, составляя пару собственному, относится к актуальнейшим проблемам современного, пост- и гиперсовременного жизненного мира. При этом, однако, не следует сразу же говорить о моде. <...> Чужое не является всего лишь симптомом растущей мульти- и межкультуральности. Феноменологи могут указать и на то, что опыт чужого относится к основным проблемам феноменологического мышления уже длительное время, начиная с Гуссерля, Хайдеггера и Шюца и кончая Сартром, Мерло-Понти, Левинасом и Деррида» [Вальденфельс 1999: 123].

Анализируя историю становления архетипической оппозиции *мы – они* от первобытного общества и подчеркивая ее важность для идентификации личности с определенной социальной группой, Б. Ф. Поршнева приходит к важнейшей идее: «Прошли долгие тысячелетия, прежде чем впервые пробудилась мысль, что “мы” может совпадать со всем человечеством и, следовательно, не противостоять никакому “они”» [Поршнева 1979: 84]. На наш взгляд, это описание в полной мере характеризует суть социальной толерантности. Однако, несмотря на все большее распространение принципов недискриминации и равенства, идеи превосходства «своей» социокультурной группы над «чужой» продолжают транслироваться (и, возможно, даже учащаются) в повседневной коммуникации.

Таким образом, неразрывно связанной с категорией чуждости оказывается категория идентичности, предполагающая признание себя частью общности. Коллективная идентичность выступает «средством объединения с одними и дистанцирования от других» [Рябов 2001: 34]. О. В. Рябов выделяет в идентичности «позитивные» и «негативные» элементы. Позитивный аспект «характеризует соотнесение себя с определенным объектом, группой и принятие присущих ему ценностей в качестве своих», негативный аспект связан «с неприятием того или иного социального объекта идентичности и стремлением исключить приписываемые ему черты из собственного “Я”» [там же]. Такое понимание идентичности очевидным образом базируется на эти-

ческих категориях «добро и зло» и «хорошо и плохо».

Этические основания категории враждебности. Важность категорий *добро и зло*, а также *хорошо и плохо* для человеческого самосознания сложно переоценить: «в смысловом пространстве “добро – зло” отражается система ценностей, которая организует жизнь людей, вследствие чего понимание различий между добром и злом, разграничение этих понятий является одним из главных условий устойчивости общества, а в наше время – и существования человечества» [Долгополова 2019: 192].

Отметим обусловленность данных категорий культурным контекстом: «в прикладных аспектах добро-и-зло в социальном действии, а также хорошо-и-плохо в нравственных суждениях, выступают *культурными производными* от правил общественной кооперации и норм морального согласия» [Согомонов 2013: 51].

Важным для нашего исследования представляется и тот факт, что категории «добро и зло» и «хорошо и плохо» носят не только этический, но и когнитивный характер. В моральном сознании сложно разграничить собственно познавательное и собственно ценностное: как и в случае с другого рода знаниями, знание добра используется человеком для обоснования тех или иных ценностных позиций [Максимов 2008: 17].

Прагматические основания категории враждебности. Прагматическими основаниями категории толерантности, по мнению О. А. Михайловой, являются вступление в диалог субъектов, имеющих разногласия, и их мотивация [Михайлова 2004]. Лингвист отмечает, что толерантность выполняет регулирующую функцию и служит конституирующим признаком успешного диалога, понимаемого как любое социально значимое взаимодействие: «именно для такого социального диалога коммуникативная категория толерантности является едва ли не самым значимым признаком» [Михайлова 2004: 22].

Именно в этом аспекте видится основное различие категорий толерантности и враждебности: ни социокогнитивное, ни коммуникативное измерение враждебности не предполагает обязательного вступления субъектов в диалог (как в узком, так и в широком понимании): в социокогнитивном измерении – враждебность как ориентация личности [Ильин 2009: 254] – не обязательно непосредственное присутствие или контакт с субъектом, на которого направлена враждебность; в коммуникативном измерении враждебность раскрывается не только при коммуникативном взаимодействии двух или более субъектов, но и может манифестироваться в монологических высказываниях, не предполагающих

(или предполагающих лишь косвенно) интеракцию с адресатом – «мишенью» враждебности.

Ключевым аспектом при этом является наличие определенной мотивации и коммуникативной интенции говорящего, обуславливающих выбор субъектом стратегий и тактик его поведения, в том числе речевого: «Деятельность общения *обязательно* включает в себя определенную мотивацию или, вернее, потребность в общении, формирующуюся у коммуникатора благодаря тем или иным внекоммуникативным факторам и – в процессе ориентировки в проблемной ситуации – преобразующуюся в мотив деятельности общения. Одновременно формируется “смутное желание” (Л.С. Выготский), т. е. коммуникативное намерение (коммуникативная интенция), вычленяется коммуникативная задача. Затем осуществляется ориентировка в условиях этой задачи, благодаря чему становится в дальнейшем возможным планирование речевых (и вообще коммуникативных) действий. Это планирование (программирование), происходящее при помощи внутреннего (субъективного) кода, делает возможным переход к следующему этапу – конкретной семантико-грамматической реализации плана (программы, замысла) высказывания и т. д.» [Леонтьев 1997: 143–144]. Мотивы при этом всегда личностно окрашены: «мотивы <...> придают личностный смысл целям, действиям, их содержанию»; «сфера смыслов – это и есть сфера, как философ бы сказал, этик – ценностей человеческих, личностных ценностей» [Леонтьев 2000: 450–451].

В коммуникативном ракурсе различие между категориями толерантности и враждебности можно описать следующим образом: толерантное речевое поведение предполагает установку на предотвращение или профилактику конфликтов и споров, установку на стратегию компромисса в урегулировании споров и установку на сохранение лица собеседника в споре [Стернин 2004: 133–134] (в скобках отметим, что последняя установка очевидным образом связывает категории толерантности и вежливости); в то время как «установка на конфликт, конфронтацию характеризует выбор поведения с активным воздействием на партнера по коммуникации, с доминированием роли говорящего, с использованием негативных средств речевого общения, с нарушением коммуникативных норм» [Купина, Михайлова 2002: 23].

Сказанное выше подводит нас к необходимости рассмотрения конфликта как неизбежной составляющей межгрупповой коммуникации, что позволит очертить социокогнитивное измерение категории враждебности и ее коммуникативный аспект с точки зрения мотивации противоборствующих сторон конфликта.

Заключение. Таким образом, категория враждебности, или интолерантности, представляет собой бинарное единство социокогнитивного и коммуникативного измерений и базируется на когнитивных основаниях категории чуждости и категории идентичности, представленных в сознании говорящего оппозицией *свой – чужой* (*мы – они*) и играющих важнейшую роль в определении человеком своего места в мире. Данные категории непосредственным образом связаны с категориями *добро* и *зло*, а также *хорошо* и *плохо*, выступающими этическими основаниями категории враждебности. Прагматическим основанием категории враждебности является мотивация субъектов, напрямую связанная с установкой. Именно мотивация субъекта, ориентированного на конфликт, позволяет подробнее изучить социокогнитивное измерение категории враждебности и, как следствие, ее коммуникативный аспект.

Список литературы

Вальденфельс Б. Ответ чужому: основные черты респонзивной феноменологии // Мотив чужого: сб. / пер. с нем. Минск: Европ. гуманитар. ун-т, 1999. С. 123–140.

Василенко Е. Н. «Язык вражды» как предмет научного анализа и как социальный феномен (теоретическое обоснование перспектив исследования) // Филология и человек. 2019. № 4. С. 136–145. doi: 10.14258/filichel(2019)4-11.

Василенко Е. Н. «Язык вражды» как форма проявления конфликтов, основанных на стереотипах // Труды Белорусского государственного технологического университета. Серия 4. Принт- и медиатехнологии. 2021. № 2 (249). С. 90–97.

Долгополова М. В. Смысловое пространство ‘добро – зло’ в русском языке: формирование и функционирование: дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2019. 252 с.

Ермакова О. П. Толерантность и проблемы коммуникации // Культурные практики толерантности в речевой коммуникации. Екатеринбург: Урал. ун-т, 2004. С. 60–73.

Захарова Е. П. Типы коммуникативных категорий // Проблемы речевой коммуникации: сб. науч. тр. Саратов: Саратов. гос. ун-т, 2000. С. 12–19.

Ильин Е. П. Психология общения и межличностных отношений. СПб.: Питер, 2009. 576 с.

Купина Н. А., Михайлова О. А. Лингвистические проблемы толерантности // Мир русского слова. 2002. № 5. С. 22–27.

Леонтьев А. А. Психология общения. 2-е изд., испр. и доп. М.: Смысл, 1997. 365 с.

Леонтьев А. Н. Лекции по общей психологии: учеб. пособие. М.: Смысл, 2000. 509 с.

Максимов Л. В. Когнитивный статус этики // Этическая мысль. 2008. Вып. 8. С. 3–20.

Махина Л. А. Вербальные и невербальные средства выражения коммуникативно-прагматической категории «враждебность» в конфликтотогенных текстах (на материале современного немецкого языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2017. 30 с.

Мехонина Е. Н. Коммуникативно-речевая категория враждебности // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки». 2015. № 18 (215). Вып. 27. С. 149–155.

Михайлова О. А. Толерантность в речевой коммуникации: когнитивные, прагматические и этические основания // Культурные практики толерантности в речевой коммуникации. Екатеринбург: Урал. ун-т, 2004. С. 15–26.

Поршнев Б. Ф. Социальная психология и история. 2-е изд., доп. и испр. М.: Наука, 1979. 232 с.

Рябов О. В. «Матушка-Русь»: Опыт гендерного анализа поисков национальной идентичности России в отечественной и западной историософии. М.: Ладомир, 2001. 202 с.

Согомонов А. Ю. Моральная философия и прикладные этики (истоки деонтологического конфликта в современном мире) // Ведомости прикладной этики. 2013. Вып. 43. С. 44–54.

Стернин И. А. Проблемы формирования категории толерантности в русском коммуникативном сознании // Культурные практики толерантности в речевой коммуникации: колл. монография. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2004. С. 130–149.

Стернин И. А., Шилихина К. М. Коммуникативные аспекты толерантности. Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2001. 135 с.

Формановская Н. И. Ритуалы вежливости и толерантность // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. С. 337–354.

References

Waldenfels B. *Otvét chuzhomu: osnovnye cherty responzivnoy fenomenologii* [Response to the other: Main features of responsive phenomenology]. *Motiv chuzhogo* [Motive of the Other]. Transl. from German. Minsk, European Humanities University Press, 1999, pp. 123–140. (In Russ.)

Vasilenko E. N. 'Yazyk vrazhdy' kak predmet nauchnogo analiza i kak sotsial'nyy fenomen (teoreticheskoe obosnovanie perspektiv issledovaniya) [Hate speech as an object of research and as a social phenomenon (theoretical grounding of research prospects)]. *Filologiya i chelovek* [Philology and Human], 2019, issue 4, pp. 136–145. doi: 10.14258/filichel(2019)4-11. (In Russ.)

Vasilenko E. N. 'Yazyk vrazhdy' kak forma proyavleniya konfliktov, osnovannykh na stereotipakh [Hate speech as a form of manifestation of conflicts based on stereotypes]. *Trudy Belorusskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta. Seriya 4, Print- i mediatekhnologii* [Proceedings of BSTU, Series 4, Print- and Mediatechnologies], 2021, issue 2 (249), pp. 90–97. (In Russ.)

Dolgoplova M. V. *Smyslovoe prostranstvo 'dobro – zlo' v russkom yazyke: formirovanie i funktsionirovanie*. Diss. kand. filol. nauk [Semantic space 'good – evil' in the Russian language: Formation and functioning. Cand. philol. sci. diss.]. Ufa, 2019. 252 p. (In Russ.)

Ermakova O. P. *Tolerantnost' i problemy kommunikatsii* [Tolerance and communication problems]. *Kul'turnye praktiki tolerantnosti v rechevoy kommunikatsii* [Cultural Practices of Tolerance in Speech Communication]. Ekaterinburg, Ural State University Press, 2004, pp. 60–73. (In Russ.)

Zakharova E. P. *Tipy kommunikativnykh kategoriy* [Types of communicative categories]. *Problemy rechevoy kommunikatsii* [Problems of Speech Communication]. Saratov, Saratov State University Press, 2000, pp. 12–19. (In Russ.)

Il'in E. P. *Psikhologiya obshcheniya i mezhlchnostnykh otnosheniy* [Psychology of Communication and Interpersonal Relations]. St. Petersburg, Piter Publ., 2009. 576 p. (In Russ.)

Kupina N. A., Mikhaylova O. A. *Lingvisticheskie problemy tolerantnosti* [Linguistic problems of tolerance]. *Mir russkogo slova* [The World of Russian Word], 2002, issue 5, pp. 22–27. (In Russ.)

Leont'ev A. A. *Psikhologiya obshcheniya* [Psychology of communication]. 2nd ed., rev. and enl. Moscow, Smysl Publ., 1997. 365 p. (In Russ.)

Leont'ev A. N. *Lektsii po obshchey psikhologii* [Lectures on General Psychology]. Moscow, Smysl Publ., 2000. 509 p. (In Russ.)

Maksimov L. V. *Kognitivnyy status etiki* [Cognitive standing of ethics]. *Eticheskaya mysl'* [Ethical Thought], 2008, issue 8, pp. 3–20. (In Russ.)

Makhina L. A. *Verbal'nye i neverbal'nye sredstva vyrazheniya kommunikativno-pragmaticheskoy kategorii 'vrazhdebnost'' v konfliktogennykh tekstakh (na materiale sovremennogo nemetskogo yazyka)*. Avtoreferat diss. kand. filol. nauk [Verbal and non-verbal means of expression of the communicative-pragmatic category 'hostility' in conflictogenic texts (based on the material of the modern German language). Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. St. Petersburg, 2017. 30 p. (In Russ.)

Mekhonina E. N. *Kommunikativno-rechevaya kategoriya vrazhdebnosti* [Communicative-speech category of hostility]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya*

Gumanitarnye nauki [Scientific Bulletin of Belgorod State University. Humanities series], 2015, issue 18 (215), issue 27, pp. 149–155. (In Russ.)

Mikhaylova O. A. Tolerantnost' v rechevoy kommunikatsii: kognitivnye, pragmaticheskie i eticheskie osnovaniya [Tolerance in speech communication: Cognitive, pragmatic and ethical grounds]. *Kul'turnye praktiki tolerantnosti v rechevoy kommunikatsii* [Cultural Practices of Tolerance in Speech Communication]. Ekaterinburg, Ural State University Press, 2004, pp. 15–26. (In Russ.)

Porshnev B. F. *Sotsial'naya psikhologiya i istoriya* [Social Psychology and History]. Moscow, Nauka Publ., 1979. 232 p. (In Russ.)

Ryabov O. V. *'Matushka-Rus': Opyt gender-nogo analiza poiskov natsional'noy identichnosti Rossii v otechestvennoy i zapadnoy istoriosofii* ['Mother Russia': The experience of gender analysis of the search for national identity of Russia in Russian and Western historiography]. Moscow, Ladimir Publ., 2001. 202 p. (In Russ.)

Sogomonov A. Yu. *Moral'naya filosofiya i prikladnye etiki (istoki deontologicheskogo konflikta v*

sovremennom mire) [Moral philosophy and applied ethics (the origins of deontological conflict in the modern world)]. *Vedomosti prikladnoy etiki* [Proceedings of Applied Ethics], 2013, issue 43, pp. 44–54. (In Russ.)

Sternin I. A. Problemy formirovaniya kategorii tolerantnosti v russkom kommunikativnom soznanii [On the formation of the category of tolerance in Russian communicative consciousness]. *Kul'turnye praktiki tolerantnosti v rechevoy kommunikatsii* [Cultural Practices of Tolerance in Speech Communication]. Ekaterinburg, Ural State University Press, 2004, pp. 130–149. (In Russ.)

Sternin I. A., Shilikhina K. M. *Kommunikativnye aspekty tolerantnosti* [Communicative Aspects of Tolerance]. Voronezh, Voronezh State University, 2001. 135 p. (In Russ.)

Formanovskaya N. I. *Ritualy vezhlivosti i tolerantnost'* [Rituals of politeness and tolerance]. *Filosofskie i lingvokul'turologicheskie problemy tolerantnosti* [Philosophical and Linguoculturological Issues of Tolerance]. Moscow, OLMA-PRESS, 2005, pp. 337–354. (In Russ.)

The Category of Hostility as a Unity of the Sociocognitive and Communicative Dimensions

Ekaterina N. Vasilenko

Associate Professor in the Department of Theoretical and Applied Linguistics

Mogilev State A. Kuleshov University

1, Kosmonavtov st., Mogilev, 212022, Republic of Belarus. e.n.vasilenko@gmail.com

SPIN-code: 7119-4923

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2552-5714>

Received 12 Nov 2021

Revised 29 Nov 2021

Accepted 6 Dec 2021

For citation:

Vasilenko E. N. *Kategoriya vrazhdebnosti kak edinstvo sotsiokognitivnogo i kommunikativnogo izmereniy* [The Category of Hostility as a Unity of the Sociocognitive and Communicative Dimensions]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2022, vol. 14, issue 1, pp. 16–22. doi 10.17072/2073-6681-2022-1-16-22 (In Russ.)

Abstract. The article considers the category of hostility, or intolerance (the terms are used as synonyms), as a binary unity of its sociocognitive and communicative dimensions. Communicative categories are characterized in the paper as the most general concepts that organize a person's knowledge about communication and the norms and rules of its implementation. Special attention is paid by the author to the communicative category of tolerance, which – according to its main characteristics (these include its anti-conflict and non-categorical character as well as non-impositivity) – is adjacent to the category of politeness. It is emphasized that communicative politeness and communicative tolerance are not identical in their nature. Based on the research by O. A. Mikhailova, the cognitive, ethical, and pragmatic foundations of the category of toler-

ance are described. It has been established that the category of hostility, or intolerance, is based on the same cognitive grounds as the category of tolerance, namely on the category of alienness and the category of identity that are represented in the speaker's mind by friend-or-foe (*we* vs. *they*) opposition and play an important role in determining a person's place in the world. The ethical foundations of the category of hostility are the categories of *good* and *evil*, as well as *good* and *bad*, which are not only of ethical but also of cognitive nature: the knowledge of good is used by a person to justify certain value positions. The pragmatic basis of the category of hostility is the motivation of subjects that is directly related to their psychological attitude. It is the motivation of the subject that allows us to study the sociocognitive dimension of the category of hostility and, as a consequence, its communicative aspect in more detail.

Key words: hostility; intolerance; tolerance; politeness; communicative category.

УДК 81'38
doi 10.17072/2073-6681-2022-1-23-37

Интеллектуальная экспрессия как маркер новизны научного знания (на примере идиостиля профессора М. Н. Кожиной)

Наталья Васильевна Данилевская

д. филол. н., заведующий кафедрой русского языка и стилистики

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15. danil6@mail.ru

SPIN-код: 8925-1833

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9727-3782>

ResearcherID: H-4798-2017

Варвара Андреевна Данилевская

старший преподаватель кафедры английского языка навигации и связи

Государственный университет морского и речного флота

имени адмирала С. О. Макарова

198035, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Двинская, 5/7. dvorakv@bk.ru

SPIN-код: 9755-7829

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3311-4296>

Статья поступила в редакцию 22.11.2021

Одобрена после рецензирования 02.02.2022

Принята к публикации 21.02.2022

Информация для цитирования

Данилевская Н. В., Данилевская В. А. Интеллектуальная экспрессия как маркер новизны научного знания (на примере идиостиля профессора М. Н. Кожиной) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2022. Т. 14, вып. 1. С. 23–37. doi 10.17072/2073-6681-2022-1-23-37

Аннотация. Рассматривается вопрос о месте и роли интеллектуальной экспрессии в научном дискурсе. В научный анализ вводится не разработанное до сих пор понятие «интеллектуальная экспрессия». Интеллектуальная экспрессия рассматривается как средство формирования и выражения в тексте нового научного знания. Описываются смыслоорганизующая, текстообразующая и стилистико-речевая функции интеллектуальной экспрессии. Утверждается, что интеллектуальная экспрессия служит маркером особенностей идиостиля автора текста. Идиостиль понимается как особый способ вербализации смыслов в рамках научной деятельности конкретной языковой личности, в результате чего сам дискурс характеризуется доминантным способом организации. Анализируется идиостиль профессора М. Н. Кожиной. Для анализа лингвистических особенностей идиостиля предложен комплексный подход, объединяющий в себе функционально-стилистический и когнитивно-аксиологический методы, позволяющие рассмотреть запечатленную в вербальной ткани текста динамику смыслоформирования, а также интерпретировать роль и место в этой динамике языковых и речевых единиц, репрезентирующих интеллектуальную экспрессию в процессе текстообразования. Единицами анализа избраны познавательные-оценочные действия и развернутые вариативные повторы, на основе которых рассмотрена динамика формирования и выражения в тексте нового знания.

В результате делается вывод о том, что идиостиль М. Н. Кожиной пронизан высокой степенью интеллектуальной экспрессии, что предопределяется большим количеством в ткани текста оценочно-познавательных действий и развернутых вариативных повторов разных видов и функций. Авторы приходят к заключению о том, что интеллектуальная экспрессия может служить показателем

плотности знания, а также признаком хорошего стиля, свойственного опытным, авторитетным ученым-исследователям.

Ключевые слова: научный текст; диалогичность текста; познавательная оценка; развернутый вариативный повтор; интеллектуальная экспрессия; идиостиль; плотность знания.

Приступая к обоснованию идеи о высокой роли интеллектуальной экспрессии в процессе формирования нового научного знания, сформулируем некоторые важные теоретические основания.

1. Теория текста, разработанная в рамках пермской школы стилистики, в начале 2000-х гг. «встретилась» с пришедшей из западной лингвистики теорией дискурса и дискурсивных практик. Однако западная теория не подавила русскую текстологию потому, что М. Н. Кожина – независимо от зарубежной лингвистики – сформулировала и фундаментально обосновала такие принципы организации текста, как *деятельный характер, процессуальность, динамизм, диалогичность, речевая системность, экстралингвистическая предопределенность высказывания* и др., т. е. именно то, что сближало функционально-стилистический взгляд на язык (и текст) с понятием *дискурса*. Ср. мнение В. Е. Чернявской: «Дискурсивный анализ сконцентрирован на степени и характере влияния различных факторов коммуникативно-речевой деятельности, как непосредственного ситуативного контекста, так и более широкого экстралингвистического фона, на формирование языковых закономерностей конкретного произведения. В этом случае значение термина *дискурс* близко пониманию его в русской стилистике как текста, изучаемого в коммуникативно-деятельностном функционально-стилистическом аспекте» [Стилистический... 2003: 54].

Приведем также некоторые значимые для нашей позиции толкования дискурса зарубежными учеными:

1) М. Фуко понимает под дискурсом общественно-исторически сложившиеся системы человеческого знания и практики. Дискурс, как пишет ученый, это «совокупность анонимных, исторических, детерминированных всегда временем и пространством правил, которые в данной эпохе и для данного социального, экономического, географического или языкового окружения определили условия воздействия высказывания» [Фуко 2012: 72];

2) Ж. Куртэ понимает под дискурсом многокомпонентное целое, которое создается множеством специально отбираемых и сочетающихся определенным способом языковых единиц, служащих строительным материалом для «речевых актов, являющихся актами коммуникации, <...> как частей определенной глобальной целостности» [Courtes 1985: 28];

3) по мнению П. Шародо, дискурс – это множественные пересечения разных текстов, каждый из которых, в свою очередь, принадлежит к какому-то жанру и соотносится с какой-то ситуацией» [Charaudeau 1983: 69]. В общих чертах дискурс представляется П. Шародо в виде суммы таких слагаемых, как «высказывание» и «коммуникативная ситуация» [там же: 28].

Иначе говоря, функционально-стилистическая концепция текста М.Н. Кожиной была по своей сути концепцией *дискурсивной*; неизвестным русской лингвистике до начала 2000-х гг. был лишь сам термин «дискурс».

Как справедливо писал проф. Ст. Гайда, когда в начале 60-х гг. прошлого века «элита российской лингвистики переживала повторный после тридцатилетнего перерыва контакт со структурализмом, <...> профессор Кожина пошла другим путем, отличным от прославленной антиномии Ф. де Соссюра “язык – речь”. Ее научным интересом стала речь, что в то время означало пойти против течения» [Гайда 2010: 7]. Во многом именно этот факт – разработка совершенно нового лингвистического направления (речеведческого, дискурсивного по своей сути) – явился причиной специфики идиостиля проф. Кожиной. По нашим наблюдениям, слог М. Н. Кожиной характеризуется высокой степенью интеллектуальной экспрессии, воплощенной в вербальной структуре текста (доказательство сказанному будет представлено в основной части статьи).

Понятие *интеллектуальной экспрессии* было введено М. Н. Кожиной в научный обиход в 1993 г. [см.: Кожина 1993: 167–168], но осталось неразработанным и, значит, не освоенным в теоретическом отношении.

Проникновение экспрессии в нормативную для научного стиля отвлеченно-обобщенность и строгую логичность М. Н. Кожина считала вполне естественным, поскольку без эмоциональности, экспрессивности, даже некоторой образности научная речь не достигала бы своей цели, а ученый не убедил бы читателя в истинности своих взглядов. См. ее мнение: «... выразительность, а также индивидуальность отнюдь не являются для научного стиля чем-то незначимым (как многие думают). Эти черты весьма желательны и присущи лучшим образцам научной литературы» [Кожина 1986: 42]. Ученый также подчеркивал, что под экспрессивностью научной речи следует понимать «такие стилистические качества, благодаря которым наилучшим образом

реализуются задачи коммуникации в этой сфере и которые тем самым способствуют эффективности общения» [Кожина и др. 2008: 299].

Интересно, что средством выражения интеллектуальной экспрессии М.Н. Кожина называет специфическую для научного текста точность изложения [там же: 301]. Однако наши наблюдения свидетельствуют, что интеллектуальная экспрессия не ограничивается только точностью изложения, а реализуется в тексте посредством более сложного механизма, а именно через специфику взаимодействия и переплетения смысловых компонентов воплощаемой в произведении научной идеи.

Действительно, если принять как истину мнение К. Изарда о том, что эмоции «выступают в роли *организующей силы сознания, они непрерывно упорядочивают и творчески реорганизуют* поступающую от рецепторов информацию» [Изард 2009: 88. Курсив наш. – Н.Д., В.Д.], то эмоционально-интеллектуальные напряжения ученого по формированию «тела» нового знания должны воплощаться в тексте не только за счет точности высказываний. Энергия творческого научного поиска структурирует и организует весь процесс текстообразования в научной деятельности, правда, сам характер реализации интеллектуальной экспрессии в каждом конкретном тексте не является типизированным, поскольку многое зависит от индивидуальности слога автора, т. е. определяется индивидуальным стилем.

Таким образом, в контексте нашего анализа актуальным оказывается также понятие «индивидуальный стиль автора», или «идиостиль».

2. Известно, что понятия «индивидуального стиля», «языковой личности» и «идиостиля» связаны прежде всего с отечественной филологией. Первые замечания об авторской языковой индивидуальности были сделаны В. В. Виноградовым [Виноградов 1930], хотя параллельное развитие идей описания языковой личности можно найти и в трудах Р. О. Якобсона, Ю. Н. Тынянова, М. М. Бахтина, Б. М. Эйхенбаума, В. М. Жирмунского и др. В широкий научный контекст понятие идиостиля было введено В. П. Григорьевым [Григорьев 1983].

Размышляя над феноменом авторского стиля, В. В. Виноградов подчеркивает: «стиль писателя... создает и воспроизводит индивидуально-выразительные качества и соотношения вещей-образов, типические для творческой системы именно этого художника» [Виноградов 2005: 211]. В унисон этому звучат слова Г. О. Винокура, ср.: «Исследуя язык писателя или отдельного его произведения, мы тем самым вступаем уже на мост, ведущий от языка как че-

го-то внеличного, общего, надындивидуального, к самой личности пишущего» [Винокур 2017: 211].

Несмотря на активный интерес современных исследователей к вопросам идиостилистики, само понятие *идиостиль* до сих пор не нашло своего окончательного смыслового оформления. Ср., например, следующие толкования:

1) идиостиль – это «неповторимость личности автора, выраженная многообразными индивидуальными особенностями (жанровыми, лингвистическими, коммуникативными, семантикостилистическими), которые проявляются языковой личностью в речемыслительной или текстовой деятельности, ориентированной на адресата [Болотнова 2014: 27–28];

2) это целостная система, которая «возникает вследствие применения своеобразных принципов отбора, комбинирования и мотивированного использования элементов языка» [Пищальникова 1992: 20–21], это также «инвариантный личностный смысл» [там же: 3];

3) идиостиль (индивидуальный стиль, идиолект) – совокупность языковых и стилистико-текстовых особенностей, свойственных речи писателя, ученого, публициста, а также отдельных носителей данного языка [Стилистический... 2003: 95];

4) это «индивидуальная манера, способ которым исполнены данный речевой акт или произведение, в том числе литературно-художественное», при этом предполагается индивидуальный отбор средств и комбинация языковых знаков [Федотова 2013: 221]. И мн. др.

Изучение авторского слога, согласно А. И. Ефимову, выражается главным образом в определении того, что берется писателем из языка и как, в каких целях употребляется, и чем отличается «голос» данного писателя от «голосов других» [Ефимов 1957: 166]. В контексте задач нашего исследования мысль о том, что именно выбирается из системы языка и каким образом сочетается в тексте, следует рассматривать в качестве концептуально и методологически значимой, ибо специфика отбора и сочетания автором определенных языковых и речевых единиц в ткани текста порождает специфику стиля, репрезентирующую особенности личностной (авторской) манеры порождения ценностных смыслов, которые – по мнению автора речи – именно и выражают суть его идеи.

Ср. в связи с этим мнение С. И. Гиндина, утверждающего, что за широким «диапазоном речевых перевоплощений» творческой индивидуальности (идиолектной личности) всегда можно увидеть «структурообразующий стержень творчества», в чем усматривается характерная

черта русской поэтической традиции и ее представителей, «дорожащих своей индивидуальностью» [Универсальная... Электронный ресурс]. Иными словами, идиостиль – это не просто индивидуальная манера письменного или какого-либо другого творчества, это репрезентант когнитивных особенностей автора речи. Поэтому анализ интеллектуальной экспрессии как маркера новизны научного знания не может обойтись без внимания к понятию *идиостиль*. Речь, в частности, пойдет об особенностях идиостиля М. Н. Кожиной.

Заявленная в заголовке проблема роли интеллектуальной экспрессии в процессе вербализации нового научного знания потребовала применения следующих методов анализа: 1) функционально-стилистического, 2) структурно-семантического, 3) контекстуального, 3) когнитивно-аксиологического, 4) дискурс-анализа.

По нашим наблюдениям, интеллектуальная экспрессия как неотъемлемое свойство научного творчества является тем истоком, от которого берут начало все глубинные нити движения нового знания, фиксируемого автором в научном тексте. В общей динамике развертывания текста эти линии сплетаются в общий смысловой «узор» содержания, но так, что и сам узор, и точки сцепления отдельных «рисунков» оказываются вербально зримыми, яркими, структурно и композиционно рельефными, а значит, понятными и для автора, и – главное – для читателя. Таким образом научная концепция, которой посвящено произведение, получает структурную оформленность и содержательную завершенность.

Далее мы рассмотрим, как происходит формирование и выражение нового знания в монографии М. Н. Кожиной «О диалогичности письменной научной речи» (1986 г.). Подчеркнем: в этом тексте автор впервые обосновывает свою идею о диалогической природе письменного научного изложения и вводит новое понятие «диалогичность текста». Однако прежде несколько слов об основных смысловых компонентах теории ученого.

Смысловым ядром концепции текста М. Н. Кожиной является идея о *речевой деятельности*, а значит, о тексте как *процессе* созидательного интеллектуального взаимодействия между автором и читателем, о тексте как *процессе* языкового воплощения (развертывания) авторской интенции. При этом сам процесс развертывания подчинен целому комплексу затекстовых (экстралингвистических) факторов. Поэтому одно из центральных терминов-понятий разработанной ученым теории – это понятие о **механизме развертывания текста**. Таким механизмом М. Н. Кожина считала *развернутые*

вариативные повторы, посредством которых в реальном познавательном процессе осуществляется динамика от известного в науке («старого») к неизвестному (новому) знанию, впервые выражаемому исследователем в тексте (см. решение этой идеи в работах: [Н. В. Данилевская 1992], [Н. В. Данилевская 2005]).

Развернутые вариативные повторы (или РВП) – это смысловые единицы различной протяженности, чаще всего с перефразировкой повторяющиеся высказанное ранее в тексте положение и включающие в себя «частицу» нового знания, т. е. некоторое развитие темы (содержания) произведения.

В отличие от традиционно понимаемых повторов (например, лексических или синтаксических), РВП – это единицы *смысловые*, предназначенные для воспроизведения концептуально важных компонентов содержания целого произведения. Другим отличием РВП от традиционных повторов является их речевая (текстовая) природа: они не существуют в языковой системе, а функционируют только в «живой» ткани текста, выполняя в нем *организующую (текстообразующую) задачу*. Кроме того, они *концептуально маркированы*, поскольку несут на себе нагрузку основного смысла целого произведения и выражают именно *новое знание*. Поэтому в научном изложении и происходит постоянное (но незаметное для читателя) повторение тех или иных важных, с точки зрения автора, мыслей, а сам факт повторения способствует преодолению в сознании читателя психологического «барьера новизны» при восприятии неизвестного знания.

В рамках научного дискурса вариативные повторы реализуют важнейшие текстообразующие задачи: 1) *обобщают содержание* основного высказывания, 2) *конкретизируют* его, 3) *поясняют*, 4) *уточняют*, 5) *акцентируют* важнейшие компоненты знания, 6) отсылают к предшествующим мыслям – *ретроспективная функция* или 7) отсылают читателя к тому, о чем будет сказано далее – *проспективная функция* РВП.

Вместе с тем динамика развернутых вариативных повторов есть, действительно, лишь *механизм* текстообразования. По глубокому убеждению проф. Кожиной, у этого механизма, как у любого другого, должен быть свой «стимул», свой «мотор». Таким мотором, или источником, процесса текстообразования исследователь считал *оценку*. Если онтология научного текста, образно говоря, отвечает на вопрос «что?», методология – на вопросы «как?», «каким образом?», то аксиология (в том числе оценка), в отличие от двух первых, в общем, статических планов, – на вопросы «почему?» (в смысле, «удовлетворяет или не удовлетворяет предшествующее знание

новой точке зрения») и «куда?» (в смысле, «направление движения в процессе познания»), т. е. именно осуществляет *динамику* познания и ее *направление*.

Таким образом, оценка – это и стимул, и «го-рючее» как самого познавательного процесса, так и текстообразования в научной сфере [Кожина 2004: 12–13].

Важно подчеркнуть, что речь идет о *познавательной* оценке, т. е. оценке особого рода, функционирующей именно в научном тексте и играющей здесь роль источника (энергии) познания.

Познавательная оценка – это *целенаправленный выбор автором текста определенного познавательного действия и определенных языковых и речевых средств его текстуализации с целью осуществления адекватного выражения «крупницы» нового знания в каждом конкретном моменте познавательной речемыслительной деятельности*.

Именно автор выбирает ту вербальную и логическую форму, в которую будет облечен письменный вариант его мысли; при этом выбранная форма, представляя в ткани текста ту или иную мысль, *конкретизирует* ее логико-семантические оттенки.

Динамика речемыслительной деятельности в рамках научного изложения осуществляется как постоянный (непрекращающийся) отбор языковых и речевых средств и приемов, а также выбор синтаксических и композиционных форм для вербализации логики обоснования нового научного знания. Эта логико-смысловая динамика и предстает в виде взаимодействующих друг с другом в текстовой ткани тех или иных познавательных действий, среди которых большое количество занимают и смысловые повторы (РВП) разных функций.

Важно подчеркнуть: фрагменты текста, непосредственно посвященные экспликации *нового научного знания*, всегда и обязательно организованы, во-первых, как множественное повторение концептуально важных смыслов (при этом за счет некоторого смыслового приращения, добавления «частицы» знания, происходит неуклонное развитие темы/содержания всего текста); во-вторых, такие фрагменты включают в себя наибольшее (по сравнению с фрагментами, где излагаются, например, история вопроса, перечисление результатов исследования, формулировка перспектив и задач исследования и т.п.) количество познавательно-оценочных действий (далее – ПОД).

В научном изложении ПОД реализуются как *анализ, обобщение, объяснение, констатация, уточнение, пояснение, конкретизация* предшествующего содержания, вытекающие из него *вывод* или *следствие*; *сравнение* или *сопоставление* с другим объектом; *констатация* какой-либо

мысли; *ретроспективная связь* с левым контекстом или *проспективная отсылка* читателя к правому контексту изложения; *определение способа* использования (применения) какого-либо объекта – утилитарная оценка; *критическая оценка* старого знания; *выражение оттенков субъективной модальности* – модальная оценка; *эмоциональное* или *экспрессивное усиление* какой-либо мысли и др.

Таким образом, в концепции текста М. Н. Кожиной оценка предстает не в традиционном понимании, а как исходная (толчковая) эмотивно-интеллектуальная операция процесса экспликации познавательной деятельности в научном дискурсе. Эксплицитно или имплицитно выраженная, познавательная оценка – это тот *выбор*, который автор речи осуществляет в процессе вербализации своей концепции. Формируя и структурируя в текстовой ткани свое новое научное знание, автор для каждого конкретного «шага» его (знания) вербализации выбирает определенные логико-смысловые действия, определенные высказывания и определенным образом их сочетает, организует между собой. По сути, познавательная оценка – это выбор автором типов формы и особенностей содержания составляющих текст высказываний; это когнитивно-познавательная сторона процесса текстообразования, которая становится понятной только при внимательном и детальном рассмотрении внутритекстовых связей.

Иными словами, научную письменную деятельность можно сравнить с *селективной деятельностью*: в каждый момент движения к непротиворечивому новому знанию научное познание предстает как *выбор* наилучшего языкового средства/приема, как *личное предпочтение* того или иного фрагмента научной информации из бесконечного пространства последней, как *индивидуальный выбор* даже того, в каких связях и отношениях представить в конкретном изложении эти отобранные компоненты информации.

Таким образом, познавательная оценка – это когнитивный стержень, объединяющий все смысловые компоненты содержания текста и подчиняющий логику их следования основной цели научного произведения – фиксировать процесс получения и обоснования нового научного знания. Этот процесс отражается в тексте не зеркально, а рождение нового происходит до его экспликации в тексте, однако важно, что именно в последнем новое знание шлифуется, уточняется, углубляется и приобретает окончательную социально значимую форму.

Развернутые вариативные повторы (РВП) и познавательно-оценочные действия (ПОД), рассмотренные в единстве и взаимодействии, вы-

ступают одновременно и как единицы, и как инструменты познавательной деятельности, представляют собой, по мнению М. Н. Кожинной, *завершенный, целостный механизм текстообразования*, обладающий высокой объяснительной силой в сфере научной коммуникации. Объединяясь и переплетаясь в процессе развертывания текста, эти единицы, собственно, и отражают сам процесс познавательно-духовной деятельности в ее динамике, а значит, предстают как маркеры **интеллектуальной экспрессии**.

Такова в общих чертах концепция М. Н. Кожинной о специфике текстообразования в научной письменной деятельности. Вернемся теперь к названным выше единицам интеллектуальной экспрессии – РВП и ПОД.

Фрагменты научного текста, посвященные формулировке и доказательству нового знания, характеризуются **содержательной плотностью**, которая наиболее ярко обнаруживается в следующих случаях:

1) оценочные действия (*уточнения, конкретизации, объяснения, констатации* тех или иных суждений, *экспликация следственных, следственно-выводных* или *сравнительно-сопоставительных* отношений и т.п.) следуют контактно друг за другом, образуя многоступенчатую логически выверенную цепочку доказательства;

2) отдельные смысловые элементы этой цепочки подвергаются частотным смысловым повторениям (РВП) в этом же фрагменте изложения – через *обобщения, выводы* или *намеренные воспроизведения* того, что уже было сказано (ср. частотные в научном изложении единицы типа *еще раз повторим, подчеркнем еще раз, еще раз обратим внимание на то, что...* и др.);

3) отдельные смысловые элементы этой цепочки подвергаются смысловым повторениям (РВП) в следующих далее частях текста – через *перспективные* повторы (ср. типичные единицы *об этом будет более подробно сказано в следующей главе, далее мы рассмотрим этот вопрос более подробно* и др.);

4) повторяются отдельные смысловые элементы знания, выраженного в предшествующей части текста, – через *ретроспективные* повторы (РВП), т. е. в настоящем фрагменте текста повторяются смысловые компоненты из левого контекста (ср. частотные для научного изложения единицы типа *ранее мы говорили о..., как было подчеркнуто нами в предшествующем параграфе, мы неоднократно повторяли, что...* и т.п.).

Итак, интеллектуальная экспрессия – это акцентированная энергия обоснования нового научного знания, воплощаемая в конкретном фрагменте текста посредством авторского отбора и сочетания специфических познавательных дей-

ствий и их повторений. Интеллектуальная экспрессия реализуется как сосредоточение большого количества познавательных оценок и их повторов в рамках отдельно взятого текстового отрезка.

Для нас весьма важно то, что наличие в текстовой ткани научного произведения фрагментов, организованных по принципу содержательного уплотнения, свидетельствует о том, что речемыслительная шлифовка нового знания осуществляется на основе не только строго логического развития мысли, но и ее *эмоционально-экспрессивного оформления*.

Действительно, чем большее количество ПОД и РВП мы обнаруживаем в том или ином фрагменте текста, тем более четко «проступает» в этот момент позиция (и личность) самого автора, а значит, тем более явно мы можем наблюдать особенности эмоционально-духовного напряжения учебного в момент эвристической деятельности.

Подчеркнем: познавательно-оценочные действия (ПОД) и развернутые вариативные повторы (РВП) в рамках функционально-стилистического описания научного текста правомерно рассматривать как единицы измерения специфики индивидуального стиля автора, а плотность следующих друг за другом (ПОД) и повторов этих действий (РВП) – как единицы измерения свойственной (или несвойственной, если плотность отсутствует) автору интеллектуальной экспрессии.

Таким образом, содержательные компоненты нового знания материализуются в тексте сквозь сетку психической познавательно-оценочной деятельности автора, а смысловая структура относительно законченного высказывания оказывается оформленной тогда, когда заключенная в нем мысль подвергается не только когнитивной, но и чувственной оценке со стороны исследователя. Эмоционально-экспрессивный план познавательной деятельности – это вспомогательный (по отношению к логико-смысловому), но неотъемлемый механизм обоснования научного знания. Посредством действия этого механизма онтологическое поле научного знания приобретает логическую, композиционную и коммуникативную завершенность.

Опираясь на все сказанное о концепции М. Н. Кожинной относительно интеллектуальной экспрессии как специфическом механизме текстообразования в научной сфере, мы считаем возможным утверждать, что особенности речевого воплощения интеллектуальной экспрессии в полной мере представлены в текстах самого автора этой концепции, или, иначе, идиостиль профессора Кожинной характеризуется высокой степенью интеллектуальной экспрессии.

Попытаемся обосновать высказанное нами утверждение.

Под идиостилем, вслед за Ю. С. Паули, будем понимать «индивидуальный способ организации дискурса языковой личности: смысл, который данная личность стремится оформить с помощью идиолектного материала, развертывается в дискурсе. Манера такого оформления смысла, выбор доминантного способа организации дискурса характеризует автора как особую систему предпочтений, раскрывающих его внутренний творческий потенциал» [Паули 2005: 174]. В этом смысле идиостиль профессора М. Н. Кожинной, или, иначе, ее внутренний творческий потенциал, отличается высокой степенью интеллектуальной напряженности и связанной с этим интеллектуальной экспрессией.

Как уже отмечалось выше, в качестве материала наших наблюдений мы берем текст М. Н. Кожинной «О диалогичности письменной научной речи», а в частности, несколько страниц книги (с. 12–37), где непосредственно развертывается новая научная концепция ученого. С целью удобства описания материала представим свои размышления в таблицах.

Введение нового знания «диалогичность текста» начинается как бы издалека: ученый размышляет о социальной сущности языка вообще (пока не научного), что в рамках теории М. Н. Кожинной осмысливается как экстралингвистическая (в частности, когнитивная) основа диалогичности текста (табл. 1).

Таблица 1 / Table 1

Обоснование экстралингвистической основы диалогичности как принципа научного изложения

The rationale for the extra-linguistic basis of dialogicality as a principle of scientific presentation

Номер смыслового компонента	Тема смыслового компонента	Фрагмент текста	Вид ОПД	Новое знание (НЗ) / Старое знание (РВП)
1	Социальная сущность языка	Социальная сущность языка, не мыслимая вне общества и. вне общения	констатация	НЗ
1а	Социальная сущность языка	(в том числе эгоцентрического),	конкретизирующее уточнение с семантикой включения	НЗ
1	Социальная сущность языка	которое в свою очередь неотделимо от лингвистического объекта, выдвигает на первый план фактор второго лица, адресата или Эго,	продолжение констатации	НЗ
1б	Социальная сущность языка	ибо в общении, мышлении на языке ему принадлежит наряду с субъектом речи, говорящим, весьма значительная роль.	конкретизирующее объяснение № 1	НЗ
1в	Социальная сущность языка	Без него, без слушающего	конкретизирующее объяснение № 2	РВП-конкретизация
1г	Социальная сущность языка	(читающего),	конкретизирующее уточнение с семантикой «смысловой добавки»	НЗ
1в	Социальная сущность языка	адресата,		
1д	Социальная сущность языка	(не обязательно присутствующего,	конкретизирующее уточнение	НЗ
1е	Социальная сущность языка	ср. размышление, самоконтроль, в процессе мышления и т.д.),	уточняющее сравнение	

Номер смыслового компонента	Тема смыслового компонента	Фрагмент текста	Вид ОПД	Новое знание (НЗ) / Старое знание (РВП)
1в	Социальная сущность языка	невозможна действительность мысли, ибо мышление социально, и тем более бессмысленно общение.	конкретизирующее объяснение № 2	РВП-конкретизация
1в	Социальная сущность языка	Коммуникация, реализация коммуникативной функции языка требует, как минимум, двух лиц	констатация	РВП
1ж	Социальная сущность языка	(второе может быть и потенциальным, и вторым «я»).	конкретизирующее уточнение с семантикой «смысловой добавки»	НЗ
1	Социальная сущность языка	Согласно мнению М. Бахтина, «реальность языка – это не изолированное высказывание, а социальное событие речевого взаимодействия, осуществляемое в высказывании», отсюда «...реальной единицей языка-речи является не изолированное единичное монологическое высказывание, а взаимодействие по крайней мере двух высказываний, т.е. диалог» (разрядка наша. – М.К.)	конкретизирующее уточнение с семантикой «расширение смысла за счет авторитетного мнения»	РВП+ НЗавторитетное мнение
1	Социальная сущность языка	О наличии в речевом акте хотя бы потенциального слушающего даже в случаях речи для себя		
1з	Социальная сущность языка	(записки для памяти)	конкретизирующее уточнение с семантикой «смысловой добавки»	НЗ
1	Социальная сущность языка	говорил и один из основателей семиотики Ч.Пирс: «В каждом утверждении мы можем различить говорящего и слушающего. Правда, существование последнего может быть проблематическим, как, например, когда при кораблекрушении описание аварии запечатывают в бутылку и бросают в воду. Проблематический «слушающий» может объединяться с «говорящим», когда мы пытаемся точно зарегистрировать в своем уме суждение, чтобы вспомнить его позднее».	конкретизирующее уточнение с семантикой «расширение смысла за счет авторитетного мнения»	РВП+ НЗавторитетное мнение
1	Социальная сущность языка	Собственно говоря, социальность, коммуникативность как признак языка всегда предполагают другого, к которому обращен речемыслительный процесс и который в известном смысле «дирижирует» этим процессом. Тем самым социальность языка (мысли) проявляется в форме диалогичности – не только прямой, но и скрытой	обобщающее высказывание ко всей предшествующей части абзаца (конклюдивное ОПД)	РВП-обобщение
1и	Социальная сущность языка	(неявной).	конкретизирующее пояснение с помощью синонимической замены	РВП-пояснение

Из табл. 1 видно, что тезис о социальной сущности языка эксплицируется только один раз (см. фрагменты под цифрой 1), все остальные части рассмотренного абзаца представляют собой его смысловые повторы с различными целями – конкретизацией, пояснением, опорой на авторитетное мнение, обобщение. Всем РВП предшествуют (в рамках динамики познавательной деятельности именно так и происходит) соответствующие познавательно-оценочные действия – конкретизация, пояснение, использование авторитетного мнения, обобщение, которые автор выбирает (предпочитает другим возможным) как необходимые именно здесь и сейчас.

Множественное обрамление одного-единственного основного высказывания разного характера познавательно-оценочными действиями (ПОД) отражает интеллектуальную и, соответственно, эмоциональную напряженность процесса обоснования нового научного знания, т. е.

свидетельствует о воплощенной в слове интеллектуальной экспрессии автора.

Однако на этом этап создания фундамента для обоснования диалогичности как принципа научного изложения не заканчивается: автор приступает к рассмотрению теории диалога, чтобы конкретизировать для читателя понятие *диалог* как исходное теоретическое основание концепции диалогичности *научного* текста.

Ограниченный объем жанра статьи не позволяет нам рассмотреть эту часть интеллектуальной работы М. Н. Кожинной так же подробно, как предшествующую часть, поэтому дадим лишь обобщенный анализ (табл. 2).

Такое вступление-обоснование, усиленное массивированным сопровождением уточнений / конкретизаций / пояснений / обобщений, позволяет автору чуть позже ввести в текстовую ткань понятие *диалогичности* как того, что естественно для научного изложения и неотъемлемо от него (табл. 3).

Таблица 2 / Table 2

Понятие *диалог* и его место в концепции диалогичности
The notion of dialogue and its place in the concept of dialogicality

Номер смыслового компонента	Тема смыслового компонента	Фрагмент текста	Вид ОПД	Новое знание (НЗ) / Старое знание (РВП)
1	Диалог как основная форма языка	Степень значимости диалога для языка и для речевой деятельности очень высока; именно диалог актуален для мыслеформления, для развития творческой мысли	констатация	НЗ
2	Диалог в научной коммуникации	(последнее, естественно, особенно важно применительно, к сфере научного общения).	уточняющая конкретизация с семантикой категоричного утверждения	РВП-уточнение
1а	Диалог как основная форма языка	Известно, что еще Л.В. Щерба называл именно диалог основной речевой формой языка, утверждая, что «подлинное свое бытие язык обнаруживает лишь в диалоге».	конкретизирующее уточнение с семантикой «расширение смысла за счет авторитетного мнения»	РВП+ НЗавторитетное мнение
1б	Диалог как основная форма языка	Эту точку зрения разделяли и другие видные советские лингвисты – Л.П. Якубинский, Е.Д. Поливанов и другие.	конкретизирующее уточнение с семантикой «расширение смысла за счет авторитетного мнения»	РВП+ НЗавторитетное мнение
1в	Диалог как основная форма языка	В.В. Виноградов называл диалог «наиболее употребительной формой социально-речевого общения», отмечая при этом, что «монолог не данность языка как общей коллективу системы выражения, а продукт индивидуального построения».	конкретизирующее уточнение с семантикой «расширение смысла за счет авторитетного мнения»	РВП+ НЗавторитетное мнение

Номер смыслового компонента	Тема смыслового компонента	Фрагмент текста	Вид ОПД	Новое знание (НЗ) / Старое знание (РВП)
1г-ж	Диалог как основная форма языка	Далее в работе рассматриваются идентичные точки зрения других ученых – Л.В. Щербы, Л.П. Якубинского, Е.Д. Поливанова, Л.С. Выготского, что позволяет автору сделать содержательно логичный и обоснованный для читателя обобщающий вывод (см. далее по таблице).	4 контактных конкретизирующих уточнения с семантикой «расширение смысла за счет авторитетного мнения»	РВП+ НЗ ^{авторитетное мнение}
3	Диалог как единство двух сознаний	Важно отметить, что говорящий/пишущий всегда помнит об адресате	констатация с семантикой актуализации	НЗ
3а	Диалог как единство двух сознаний	(для нас пока неважно индивидуальном или обобщенном)	конкретизирующее уточнение с семантикой исключения	РВП-уточнение
3		и в зависимости от этого строит соответствующим образом свою речь		
3б		(текст):	концептуально значимое уточнение	РВП-уточнение
3в	Диалог как единство двух сознаний	т.е. коммуникативная установка всякой речи непременно находит выражение в языковом оформлении высказывания.	концептуально значимое пояснение. Концептуальный характер подчеркивается разрядкой	РВП-пояснение
4	Диалог как основная форма языка-речи	Языковое общение в принципе диалогично,	обобщающая констатация ко всей предшествующей части абзаца (конклюзивное ОПД)	РВП-обобщение
4а	Диалог как основная форма языка-речи	более того: диалогичность – это форма существования языка в речи,	конкретизирующее пояснение с семантикой расширения смыслового объема	РВП-пояснение + частица НЗ ^{язык в речи}
4б	Диалог как основная форма языка-речи	вернее, форма проявления языка в процессах общения и речемышления.	конкретизирующее уточнение с семантикой расширения смыслового объема с целью объяснения (экспланаторное ОПД)	РВП + + НЗ ^{процессы и речемышления}

*Диалогичность как принцип научного изложения***Dialogicality as a principle of scientific presentation**

Номер смыслового компонента	Тема смыслового компонента	Фрагмент текста	Вид ОПД	Новое знание (НЗ) / Старое знание (РВП)
1	Суть понятия диалогичности	Диалогичность в широком, глобальном смысле – это есть речевое проявление социальной сущности языка, реализуемой при коммуникации. Не может быть речи без коммуникативной функции.	констатация	НЗ
2	Диалогичность как признак языка/речи вообще	Итак, оба вида диалога эксплицируют диалогичность как признак языка/речи вообще, как реализацию коммуникативной функции языка, социальной его природы.	обобщающая констатация	РВП-обобщение
3	Диалогичность письменной научной речи	Таким образом, в письменной научной речи диалогичность проявляется в текстовой экспликации процесса мышления, хода доказательств, опровержений, анализа-синтеза, в целом – логики изложения как отражения речемыслительных процессов субъекта-автора и желании последнего быть понятым адресатом, «подстраивании» под него, тем самым косвенно воздействующего на текст.	Вывод-обобщение (конклюдивное ОПД)	РВП-обобщение
3а	Диалогичность письменной научной речи	Диалогичность, следовательно, окказывается как бы двуслойной по своим причинным основаниям:	констатация-вывод (конклюдивное ОПД)	РВП-вывод
3б	Диалогичность письменной научной речи	в ней совмещаются диалог эгоцентрический	констатация-уточнение	РВП-уточнение
3в	Диалогичность письменной научной речи	(Я ¹ –Я ²)	конкретизирующее уточнение	РВП-уточнение
3б	Диалогичность письменной научной речи	и собственно открыто коммуникативный	констатация-уточнение	РВП-уточнение
3г	Диалогичность письменной научной речи	(взаимодействие и общение с другим лицом).	констатация-уточнение	РВП-уточнение
3д	Диалогичность письменной научной речи	Поэтому диалогичность письменной научной речи включает в себе и отражение основной черты диалога	Вывод-следование (конклюдивное ОПД)	РВП-следствие

Номер смыслового компонента	Тема смыслового компонента	Фрагмент текста	Вид ОПД	Новое знание (НЗ) / Старое знание (РВП)
3е	Диалогичность письменной научной речи	(собственно устного) –	уточнение	РВП-уточнение
3ж	Диалогичность письменной научной речи	направленности речи на адресата и учета его реакций, а также взаимодействие смысловых позиций	Вывод-следование (конклюдзивное ОПД)	РВП-следствие
3з	Диалогичность письменной научной речи	(как разных субъектов, так и одного).	конкретизирующее уточнение	РВП-уточнение
3	Диалогичность письменной научной речи	Это важнейшие, фундаментальные признаки диалогичности письменной научной речи.	констатация, обобщающая все предшествующие смысловые фрагменты текста	РВП-обобщение

Как видно из представленных таблиц, обоснование нового знания осуществляется в виде длительного процесса, «растянутого» во времени и пространстве, при этом сопровождающегося многочисленными познавательно-оценочными действиями (ПОД) и многочисленными же смысловыми повторами (РВП). В целом, при детальном рассмотрении, этот процесс выглядит как массивно-напряженная интеллектуальная работа автора, в результате которой в вербальной поверхности текста воплощаются тонкости и детали внутренней когнитивно-духовной деятельности, направленной на формирование и адекватное выражение концептуального знания. Это, собственно, и есть *интеллектуальная экспрессия*.

Обобщая результаты анализа роли интеллектуальной экспрессии в процессе формирования и выражения нового научного знания, подчеркнем еще раз: вербально воплощенная в научном тексте интеллектуальная экспрессия ведет к повышению эффективности общения, к решению его главной задачи – выражению и верификации *нового научного знания* в доступной (а отчасти и красивой, изящной) форме.

Поскольку понятие интеллектуальной экспрессии, введенное в научный обиход М. Н. Кожинной еще в 1993 г., оставалось до сих пор не разработанным, представление об этом феномене ограничивалось высказанным самим же ученым предположением о том, что интел-

лектуальная экспрессия реализуется в тексте в основном за счет точности научного изложения. Попытка проанализировать динамику представления и верификации нового знания на примере конкретного текста показала, что интеллектуальная экспрессия играет в рамках смыслового развертывания научной концепции более значимую и значительную роль – текстообразующую.

Перечислим основные положения, полученные нами в ходе анализа динамики смыслового развертывания фрагмента текста «О диалогичности письменной научной речи»:

1. Интеллектуальная экспрессия является одним из важнейших инструментов вербализации в письменном научном тексте нового знания и играет в этом процессе текстообразующую роль: познавательно-оценочные действия разных видов и функций контактно или дистантно следуют друг за другом, переплетаясь при этом с частотными смысловыми (контактными и дистантными) повторами, отшлифовывая (уточняя, поясняя, конкретизируя, акцентирую и т.д.) семантическое наполнение компонентов выражаемого здесь знания. Сосредоточие познавательно-оценочных действий и вариативных повторов в одном каком-либо фрагменте текста приводит к эффекту его (фрагмента) смыслового уплотнения и свидетельствует о том, что именно в этом фрагменте автор излагает *новое знание*.

Наличие в конкретном фрагменте научного текста большого количества ОПД и РВП, а также их взаимопереплетение и взаимодействие – это показатель (маркер) именно новизны воплощаемого в данном фрагменте знания.

2. Идиостиль профессора Кожиной пронизан высокой степенью интеллектуальной экспрессии, о чем свидетельствует смысловая плотность манеры изложения ученого.

3. Интеллектуальная экспрессия текстов М. Н. Кожиной реализуется как большое количество разных, в том числе полисемантических, познавательных-оценочных действий в отдельно взятом фрагменте изложения и свидетельствует о высокой интеллектуальной напряженности самого процесса мыслеформирования ученого.

4. Интеллектуальная экспрессия текстов М. Н. Кожиной характеризуется большим количеством развернутых вариативных повторов разной семантики, что отражает высокий уровень коммуникативно-речевого мастерства ученого.

5. Анализ способов выражения интеллектуальной экспрессии в текстах М. Н. Кожиной показал, что это качество речи не ограничивается только специфической для научного изложения точностью (хотя и не исключает ее), но формируется в том числе и благодаря сложному сочетанию когнитивно-познавательных действий, осуществляемых автором в процессе, во-первых, вербализации новой научной идеи, во-вторых, диалога с предполагаемым читателем.

6. Очевидно, можно говорить о том, что интеллектуальная экспрессия есть, во-первых, показатель плотности знания (на отдельно взятом фрагменте текста), а во-вторых, есть признак хорошего стиля, свойственного опытным, авторитетным ученым-исследователям.

Список литературы

Виноградов В. В. О художественной прозе. М.-Л.: Гос. изд-во, 1930. 187 с.

Виноградов В. В. О теории художественной речи. М.: Высш. шк., 2005. 286 с.

Винокур Г. О. Об изучении языка литературных произведений. Избранные работы по русскому языку. М.: Флинта: Наука, 2017. С. 229–259.

Болотнова Н. С. Коммуникативная стилистика текста: соотношение понятий идиостиль и лингвокультурный типаж // Вестник ТГПУ. 2014. № 2 (143). С. 27–31.

Гайда Ст. В честь Маргариты Николаевны Кожиной. Панегирик // Стереотипность и творчество в тексте: межвуз сб. науч. тр. / под ред.

М. П. Котюровой. Вып. 14. Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 2010. С. 6–11.

Григорьев В. П. Грамматика идиостиля: В. Хлебников. М.: Наука, 1983. 225 с.

Данилевская Н. В. Вариативные повторы как средство развертывания научного текста. Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 1992. 145 с.

Данилевская Н. В. Роль оценки в механизме развертывания научного текста. Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 2005. 360 с.

Ефимов А. И. Стилистика художественной речи. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1957. 448 с.

Изард К. Психология эмоций / пер. с англ. В. Мисник, А. Татлыбаев. М.; Питер, 2009. 460 с.

Кожина М. Н. О диалогичности письменной научной речи. Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 1986. 91 с.

Кожина М. Н. Стилистика русского языка. М.: Высш.шк., 1993. 221 с.

Кожина М. Н. Дискурсивный анализ и функциональная стилистика с речеведческих позиций // Текст – Дискурс – Стиль: сб. науч. ст. СПб., 2004. С. 9–33.

Кожина М. Н., Дускаева Л. Р., Салимовский В. А. Стилистика русского языка. М.: Флинта: Наука, 2008. 464 с.

Паули Ю. С. Дискурсивная доминанта в идиостиле языковой личности // Проблемы функционирования языка в разных сферах речевой коммуникации: материалы Междунар. науч. конф. / Отв. ред. М. П. Котюрова; Перм. ун-т. Пермь, 2005. С. 173–174.

Пищальникова В. А. Проблема идиостиля. Психолингвистический аспект. Барнаул, 1992. 73 с.

Стилистический энциклопедический словарь русского языка. М.: Флинта: Наука, 2003. 696 с.

Универсальная научно-популярная энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: <http://www.krugosvet.ru> (дата обращения: 22.01.2022).

Федотова М. А. К вопросу о разграничении понятий идиостиль и идиолект языковой личности // Записки романо-германской филологии. 2013. Вып. 1. С. 220–225.

Фуко М. Археология знания. 2-е изд., испр. СПб.: Гуманитарная академия, 2012. 415 с.

Courtes J. La grande traque des valeurs textuelles: Quelques principes liminaires pour comprendre la GT // Le français dans le monde. 1985. № 192. P. 28–34.

Charaudeau P. Langage et discours. Paris: Hachette, 1983. 176 p.

References

- Vinogradov V. V. *O khudozhestvennoy proze* [On Prose Fiction]. Moscow, Leningrad, Gosudarstvennoe izdatel'stvo Publ., 1930. 187 p. (In Russ.)
- Vinogradov V. V. *O teorii khudozhestvennoy rechi* [On the Theory of Fictional Speech]. Moscow, Vysshaya Shkola Publ., 2005. 286 p. (In Russ.)
- Vinokur G. O. Ob izuchenii yazyka literaturnykh proizvedeniy [On the study of the language of literary works]. *Izbrannye raboty po russkomu yazyku* [Selected Works on the Russian Language]. Moscow, Flinta: Nauka Publ., 2017, pp. 229–259. (In Russ.)
- Bolotnova N. S. Kommunikativnaya stilistika teksta: sootnoshenie ponyatiy idiostil' i lingvokul'turnyy tipazh [Communicative stylistics of text: correlation of the notions idiostyle and linguistic type]. *Vestnik TGPU* [Tomsk State Pedagogical University Bulletin], 2014, issue 2 (143), pp. 27–31. (In Russ.)
- Gajda St. V chest' Margarity Nikolaevny Kozhinoy. Panegirik [In honor of Margarita N. Kozhina. Encomium]. *Stereotipnost' i tvorchestvo v tekste: mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh trudov* [Stereotype and Creativity in Text: Interuniversity Collection of Scientific Papers]. Ed. by M. Kotyurova. Perm, Perm State University Press, 2010, issue 14, pp. 6–11. (In Russ.)
- Grigor'ev V. P. *Grammatika idiostilya: V. Khlebnikov* [The Grammar of Idiostyle: V. Khlebnikov]. Moscow, Nauka Publ., 1983. 225 p. (In Russ.)
- Danilevskaya N. V. *Variativnye povtory kak sredstvo razvertyvaniya nauchnogo teksta* [Variative Repetitions as a Means of Developing a Scientific Text]. Perm, Perm State University Press, 1992. 145 p. (In Russ.)
- Danilevskaya N. V. *Rol' otsenki v mekhanizme razvertyvaniya nauchnogo teksta* [The Role of Evaluation in Developing a Scientific Text]. Perm, Perm State University Press, 2005. 360 p. (In Russ.)
- Efimov A. I. *Stilistika khudozhestvennoy rechi* [The Stylistics of Fictional Speech]. Moscow, M. V. Lomonosov Moscow State University Press, 1957. 448 p. (In Russ.)
- Izard C. *Psikhologiya emotsiy* [The Psychology of Emotions]. Translated from English by V. Misnik, A. Tatlybaev. Moscow, Piter Publ., 2009. 460 p. (In Russ.)
- Kozhina M. N. *O dialogichnosti pis'mennoy nauchnoy rechi* [On the Dialogical Nature of Written Scientific Speech]. Perm, Perm State University Press, 1986. 91 p. (In Russ.)
- Kozhina M. N. *Stilistika russkogo yazyka* [The Russian Language Stylistics]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1993. 221 p. (In Russ.)
- Kozhina M. N. Diskursnyy analiz i funktsional'naya stilistika s rechevedcheskikh pozitsiy [Discourse analysis and functional stylistics from a perspective of speech studies]. *Tekst – Diskurs – Stil': sbornik nauchnykh statey* [Text – Discourse – Style: Interuniversity Collection of Scientific Papers]. St. Petersburg, 2004, pp. 9–33. (In Russ.)
- Kozhina M. N., Duskaeva L. R., Salimovskiy V. A. *Stilistika russkogo yazyka*. [Stylistics of the Russian Language]. Moscow, Flinta: Nauka Publ., 2008. 464 p. (In Russ.)
- Pauli Yu. S. Diskursivnaya dominanta v idiostile yazykovoy lichnosti [The discursive dominant in the idiostyle of a linguistic persona]. *Problemy funktsionirovaniya yazyka v raznykh sferakh rechevoy kommunikatsii: Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Issues of Language Functioning in Different Spheres of Speech Communication: Proceedings of the International Scientific Conference]. Ed. by M. P. Kotyurova. Perm, Perm State University Press, 2005, pp. 173–174. (In Russ.)
- Pishchal'nikova V. A. Problema idiostilya. Psikholingvisticheskiy aspekt [The Issue of Idiostyle. Psycholinguistic Aspect]. Barnaul, 1992. 73 p. (In Russ.)
- Stilisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar' russkogo yazyka* [Stylistic Encyclopaedic Dictionary of the Russian Language]. Moscow, Flinta: Nauka Publ., 2003. 696 p. (In Russ.)
- Universal'naya nauchno-populyarnaya entsiklopediya* [The Universal Popular Science Encyclopaedia]. Available at: <http://www.krugosvet.ru> (accessed 22.01.2022). (In Russ.)
- Fedotova M. A. K voprosu o razgranichenii ponyatiy idiostil' i idiolekt yazykovoy lichnosti [On the Distinction Between Idiostyle and Idiolect of a Linguistic Personality]. *Zapiski romano-germanskoj filologii* [Notes in Romance-Germanic Philology]. Moscow, 2013, issue 1, pp. 220–225. (In Russ.)
- Fuko M. *Arkheologiya znaniya* [The Archaeology of Knowledge]. 2nd revised edition. St. Petersburg, Gumanitarnaya akademiya Publ., 2012. 415 p. (In Russ.)
- Courtes J. La grande traque des valeurs textuelles: Quelques principes liminaires pour comprendre la GT. *Le français dans le monde*, 1985, issue 192, pp. 28–34. (In Fr.)
- Charaudeau P. *Langage et discours*. Paris, Hachette, 1983. 176 p. (In Fr.)

Speech Realization of Intellectual Expression in the Idiostyle of Professor M. N. Kozhina

Natalia V. Danilevskaya

Head of the Department of Russian Language and Stylistics

Perm State University

15, Bukireva st., Perm, 614990, Russian Federation. danil6@mail.ru

SPIN-code: 8925-1833

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9727-3782>

ResearcherID: H-4798-2017

Varvara A. Danilevskaya

Senior Lecturer in the Department of English Language

Admiral Makarov State University of Maritime and Inland Shipping

5/7, Dvinskaya st., St. Petersburg, 198035, Russian Federation. dvorakv@bk.ru

SPIN-code: 9755-7829

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3311-4296>

Received 22 Nov 2021

Revised 2 Feb 2022

Accepted 21 Feb 2022

For citation

Danilevskaya N. V., Danilevskaya V. A. *Intellektual'naya ekspressiya kak marker novizny nauchnogo znaniya (na primere idiostilya professora M. N. Kozhinoy)* [Speech Realization of Intellectual Expression in the Idiostyle of Professor M. N. Kozhina]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2022, vol. 14, issue 1, pp. 23–37. doi 10.17072/2073-6681-2022-1-23-37 (In Russ.)

Abstract. The article examines the problem of role and place of intellectual expression in scientific discourse. The notion of ‘intellectual expression’, which has not been developed so far, is introduced into scientific analysis. Intellectual expression is regarded as a means of forming and expressing new scientific knowledge in a text. The sense-organizing, text-forming, and stylistic-verbal functions of intellectual expression are described. It is stated that intellectual expression serves as a marker of the peculiarities of the idiostyle of a text’s author. Idiostyle is understood as a specific way of meaning verbalization in academic works of a specific linguistic personality, as a result of which the discourse itself is characterized by a dominant way of organization. For the analysis of specific characteristics of idiostyle, the complex approach is suggested, which unites functional-stylistic and cognitive-axiological methods, making it possible to analyze the dynamics of sense forming, captured in the ‘verbal fabric’ of the text, as well as to interpret the role and place of language and speech units in these dynamics. The units of analysis are cognitive-evaluative actions and extended variative repetitions. The term-notion of intellectual expression is suggested; semantic, text-building, and stylistic-verbal functions of intellectual expression are discussed. It is concluded that M. N. Kozhina’s idiostyle is imbued with a high degree of intellectual expression, which is predetermined by a large number of evaluative and cognitive actions and extended variative repetitions of different kinds and functions found in the text. The paper argues that the process of verbalization of new scientific knowledge in the text is carried out by means of *cognitive evaluation* as a deliberate choice by the author of a particular logical action, which is necessary, in the opinion of the scientist, in this particular fragment of presenting a scientific idea.

Key words: scientific text; dialogic nature of text; cognitive evaluation; extended variative repetition; intellectual expression, idiostyle; knowledge density.

УДК 811.111
doi 10.17072/2073-6681-2022-1-38-45

К 300-летию Санкт-Петербургского
государственного университета

Язык ценностной составляющей концепта *Black Lives Matter*

Анастасия Кирилловна Жемчужникова

старший преподаватель кафедры иностранных языков
в сфере международных отношений

Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9. a.zhemchuzhnikova@spbu.ru

SPIN-код: 7856-7956

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7691-6248>

ResearcherID: C-9724-2016

Статья поступила в редакцию 26.11.2021

Одобрена после рецензирования 10.01.2022

Принята к публикации 17.01.2022

Информация для цитирования

Жемчужникова А. К. Язык ценностной составляющей концепта *Black Lives Matter* // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2022. Т. 14, вып. 1. С. 38–45. doi 10.17072/2073-6681-2022-1-38-45

Аннотация. В последние годы расовый вопрос требует всё большего внимания со стороны американского общества, что подтверждается возникновением в 2013 г. и стремительным распространением в 2020 г. общественного движения *Black Lives Matter*. Роль расовой проблематики в современной американской системе ценностей не может не находить отражения в языке, поскольку расовая принадлежность рассматривается как особый ценностный концепт в англоязычной картине мира. Исследуемый концепт *Black Lives Matter* (BLM) представляет собой разновидность ценностного концепта, связанного с национальной, расовой характеристикой. Анализ структуры ценностного концепта BLM с точки зрения своеобразия общественно-политического движения BLM, отраженного в его семантике, позволил сделать вывод, что деятельность участников подразумевает определенные изменения в существующем социальном устройстве, направленные на защиту и продвижение ряда ценностей. Это, в свою очередь, позволило выделить ряд входящих в состав концепта BLM ценностных субконцептов, языковая актуализация которых рассматривается в данной статье. К ним относятся такие концепты, как *life, justice, equality, nonviolence*, являющиеся наиболее частотными и формирующими ядро концепта BLM. Кроме того, в статье рассматриваются антиценности, репрезентирующие в языке социальные проблемы, на борьбу с которыми направлено движение BLM. Проведенный анализ позволяет сделать вывод о сложной и многоуровневой структуре исследуемого концепта BLM как единицы, отражающей и формирующей ценностную картину мира американской лингвокультуры.

Ключевые слова: концепт; *Black Lives Matter*; картина мира; ценности; ценностный концепт; лингвокультура.

В современной научной парадигме понятие ценности является важной составляющей целого ряда гуманитарных дисциплин. Интерес к исследованию данной категории возник еще в античности, и в дальнейшем ценности становились

объектом внимания философов, психологов, социологов. Так, например, по утверждению философа Н.А. Бердяева, человек – это «существо оценивающее», и важной функцией человеческого сознания является определение ценностей и

их иерархии [Бердяев 1995], а психолог М. Роккич определяет ценности как фундаментальные нравственно-этические нормы, которые обеспечивают целостность социальных систем за счет того, что регулируют процессы, происходящие в обществе [Rokeach 1973].

В большинстве случаев ценности представлены в вербализованной форме и отражаются в языке народа, что определяет интерес к данной категории со стороны лингвистов. При этом многие ученые опираются на постулат, что языковая деятельность человека невозможна в отрыве от социума и, как результат, от сложившейся общественной системы [Алефиренко 2013; Вендина 2002; Слышкин 2000]. Другими словами, преобладающие социокультурные нормы общества создают определенную шкалу ценностей, которая проявляется при выборе человеком жизненных приоритетов в выражении ценностного отношения.

Являясь одной из доминант лингвокультурологии, категория ценности также тесно связана с понятием культуры. Так, Е. Г. Хомякова говорит о лингвокультурологии как о «науке, исследующей способы, средства и уровни фиксации человеческого опыта, передающегося в виде ценностных ориентиров во всех областях деятельности человека» [Хомякова, Петухова 2014: 13]. А Н. Ф. Алефиренко определяет ценности как культурно значимые отношения человека к окружающему миру, которые служат ему в качестве ценностных ориентиров [Алефиренко 2013].

Выделяются два основных подхода к интерпретации ценностей с позиций лингвокультурологии. Согласно первому они предстают как знаковые идеальные образования, материальные или культурные, представляющие собой важность предметов реальной действительности для носителей определенной культуры [Виноградов 2007: 93]. Иными словами, ценности сами не являются предметами или явлениями окружающей действительности, а представляют собой характеристики и свойства этих объектов. Согласно второму подходу ценности рассматриваются как дискурсивные образования, определяющиеся оценочным отношением участников разговора к предмету речи [Серебренникова 2011: 18]. Анализ дискурса с привлечением социальной проблематики позволяет выделять оценочные параметры различных типов социального взаимодействия, таких как межличностный, социокультурный, модальный, идеологический и прагматический [Coupland 1988; van Dijk 1988].

Многие исследователи отмечают, что ценности имеют иерархическую организацию. С точки зрения психологии это можно сравнить с пирамидой потребностей в концепции А. Маслоу, так

как ценности тесно связаны с потребностями. В основе лежат физиологические потребности, затем идут потребности в безопасности и стабильности, на третьей ступени находятся социальные потребности, затем следует потребность в признании и уважении, и наконец, последнюю ступень занимают так называемые духовные потребности [Maslow 1954]. Аналогичным образом можно выделить базовые, «вечные» ценности, которые являются основой сознания человека, означают самое дорогое для него и формируются в процессе первичной социализации личности [Елишев 2011: 88; Серебренникова 2011: 17]. Более простые ценности могут входить в ценностный концепт более высокого уровня. В классификации, предложенной В. А. Блюмкиным, выделяются ценности-цели, представляющие собой масштабные, всеобъемлющие понятия, и промежуточные, инструментальные ценности-средства, которые обусловлены высшими ценностями [Блюмкин 1981]. При этом исследователи также отмечают шифтинговый характер категории ценности, поскольку в различных ситуациях и культурах ценности могут переходить с одного уровня на другой, с индивидуальных подниматься до групповых или даже общечеловеческих [Алефиренко 2013: 9]. Применительно к американской лингвокультуре существует набор ценностей и идеалов, которые разделяет каждый житель США, а именно: свобода, индивидуализм, практичность, волонтерство, психология избытка, мобильность, патриотизм, прогресс, американская мечта [Fiedler, Jansen, Norman-Risch 2004: 25–29].

Представляя собой результат познавательной деятельности человека, восприятия и оценивания им окружающей действительности, категория ценности тесно взаимодействует с категорией концепта. Существуют различные определения концепта, в частности, З. Д. Попова и И. А. Стернин определяют его как результат познавательной деятельности общества, представление о фрагменте мира, отражает категориальные и ценностные характеристики этого фрагмента действительности, а также несет информацию об отношении общественного сознания к нему [Попова, Стернин 2000]. Многие западные когнитивисты – Р. Лангакер, Р. Джакендофф, Д. Круз – также трактуют его как ментальный конструкт, репрезентирующий в сознании ту или иную категорию опыта, знания о том или ином фрагменте мира [Cruse 2000; Jackendoff 2002; Langacker 1987].

Таким образом, ценностная категория может быть исследована в рамках когнитивного концептуального подхода, путем выявления и анализа соответствующих ценностных концептов.

Как отмечает Е. Г. Хомякова, «ценностный концепт, являясь по сути продуктом когнитивного развития человека, социума и культуры, передается, актуализируясь в языке, своеобразии их взаимодействия и взаимосвязи» [Хомякова 2019: 18]. Рассматриваемый в данной статье концепт *Black Lives Matter* представляет собой разновидность ценностного концепта, связанного с национальной, расовой характеристикой.

Расовая проблематика, которая всегда была одной из самых сложных в американской политической и общественной жизни, требует в последние годы всё большего внимания со стороны американского общества. Свидетельством возросшей роли проблем расизма является возникновение в 2013 г. и распространение в 2020 г. общественного движения *Black Lives Matter*. Протестные митинги и шествия сторонников движения стали самыми масштабными за всю историю США, показав, что в современном американском обществе расовый вопрос вышел на первый план, что не могло не найти отражения в языке.

Поскольку концепт представляет собой микромодель рассматриваемой культуры, словосочетание *Black Lives Matter* можно рассматривать как репрезентант единого ценностного концепта в англоязычной языковой картине мира.

Рассмотрим более подробно структуру ценностного концепта BLM с точки зрения своеобразия общественно-политического движения BLM, отраженного в его семантике, учитывая участников этого движения и характер их деятельности. На официальном сайте BLM задачи движения представлены следующим образом:

(1) *...mission is to eradicate white supremacy and build local power to intervene in violence inflicted on Black communities. By combating and countering acts of violence, creating space for Black imagination and innovation, and centering Black joy, we are winning immediate improvements in our lives* (BlackLivesMatter Official Website).

Глагольный ряд в рассмотренном выше примере обозначает как деятельность «против» чего-либо (*to eradicate, to intervene, to combat, to counter*), так и борьбу «за» что-то (*to center, to create, to build, to win*) в зависимости от цели. В ходе последующего анализа удалось прийти к выводу, что цели, заявляемые участниками движения BLM, можно подразделить на две группы: 1) устранение существующего общественного порядка и 2) внедрение нового.

В ходе описания первой группы целей выделяются лексемы, имеющие негативные коннотации, которые характеризуют расизм: *white supremacy, violence inflicted on Black communities*.

Таким образом, для данной группы понятие цели борьбы имеет непосредственную причинно-следственную связь с общественными событиями и явлениями, послужившими триггером для возникновения движения BLM.

Вторая группа целей содержит лексемы, имеющие положительные коннотации: *Black imagination and innovation, immediate improvements in our lives*. Эксплицитно выражена их направленность на интересы чернокожего населения: *Black, our*, а сами цели олицетворяют стремления участников движения BLM, характеризуя новую реальность, которую они хотят претворить в жизнь.

Важно отметить, что, несмотря на разные коннотации, в каждой из двух выделенных групп цель подразумевает определенные изменения в существующем социальном устройстве, направленные на защиту и продвижение ценностей афроамериканского населения путем включения их в ценностную картину мира белого населения. Таким образом, рассмотренные выше цели сформированы на основе ценностных концептов, которые также могут быть рассмотрены как компоненты структуры концепта BLM. Многоуровневая структура концепта BLM дает основание для использования термина «субконцепт» в качестве инструмента лингвистического анализа применительно к концептам в составе структуры концепта BLM. В соответствии с этим представляет интерес исследование языковой актуализации ценностных субконцептов, включенных в структуру концепта BLM как единицы, формирующей ценностную картину мира американской лингвокультуры.

Первый ценностный субконцепт, выделяемый в ходе анализа, – *life*. Важность человеческой жизни отражена в самом названии движения, которое олицетворяет исследуемый концепт BLACK LIVES MATTER, а также в высказываниях его участников:

(2) *Chelsea Fuller, spokeswoman for the Movement for Black Lives, said the movement's core idea – that black lives are valuable* (The Washington Post, 09/06/20).

При этом лексема *life*, которая используется как актуализация рассматриваемого концепта в языке, может выступать как в более широком значении *period of animate existence of an individual* (<https://www.dictionary.com/browse/life>), так и в метонимическом значении *a living being, especially a human being* (там же). Как явствует из данных определений, в качестве ценности выступает не только человеческая жизнь, но и сам человек как индивид и личность.

Следующий ценностный концепт, который выделяется в рамках концепта BLM как ценностной категории, – *justice*. Если рассмотренная

выше ценность *life* является общечеловеческой, то расовая справедливость тесно связана именно с американской культурой и историей:

(3) *Protests demanding racial justice in the wake of the recent deaths of Ahmaud Arbery, George Floyd, Breonna Taylor and Tony McDade...* (The Washington Post, 11/06/2020).

Данный пример демонстрирует актуализацию рассмотренного ценностного концепта в англоязычном тексте через словосочетание *racial justice*, а список имен является отсылкой к недавним случаям проявления расизма.

На различных этапах протестов сторонников движения BLM ценностью может являться справедливость для более узкого или широкого круга людей:

(4) *Yet violence has not deterred peaceful protests under the banners of Black Lives Matter and Justice for George Floyd* (The Washington Post, 03/07/20);

(5) *The current movement owes much to young people, but it has an old foundation: The demand for equal justice under law* (The Washington Post, 03/07/20).

Анализ данных примеров демонстрирует, что, если в примере (4) протестующие требуют справедливости непосредственно для убитого Дж. Флойда, то в примере (5) речь идет о справедливости перед законом для всего населения, как белого, так и афроамериканского. Кроме того, сравнение значений лексемы *justice* в обоих примерах позволяет сделать вывод о различной интерпретации рассматриваемого концепта:

(6) *Justice can mean punishment, and justice can mean equality* (The Washington Post, 02/06/20).

Таким образом, справедливость может достигаться за счет наказания виновного, а может подразумевать установление равных прав и обязанностей, что отсылает к самому истоку расовой проблемы.

Следующий ценностный концепт, выделяемый в рамках концепта BLM, – *equality*, так как понятие равенства, как показывает пример (6), неразрывно связано с понятием справедливости. При этом языковая репрезентация концепта *equality* демонстрирует, что в рамках движения BLM идея равенства может относиться к различным социокультурным группам:

(7) *At the core of the Black Lives Matter movement are calls for equal treatment under the law for those targeted by police – black or white – and for the police themselves* (The Washington Post, 02/06/20).

Данный пример демонстрирует, как концепт *equality* реализуется в языке не только за счет лексемы *equal*, но и, косвенно, за счет того фак-

та, что в один ряд ставятся представители различных рас (*black – white*), социально-статусных категорий: полицейские и гражданское население (*targeted by police – for the police themselves*), что ключевым образом отличается от рассмотренных ранее примеров, где вся деятельность движения BLM и, соответственно, семантика концепта BLM строились на противопоставлении *black – white*.

Заключительный ценностный концепт, выделяемый в рамках анализа, – *nonviolence*. Прагматический анализ концепта BLM позволяет заключить, что в его структуре лексема *nonviolence* играет важную роль. Сами участники движения также характеризуют свои действия как мирные, ненасильственные:

(8) *During the massive Black Lives Matter protests across the country in reaction to the killing of George Floyd, many demonstrators took pains to show their commitment to nonviolence* (The Washington Post, 24/08/20).

В данном примере демонстрируется значимость ценностного концепта *nonviolence* для участников движения BLM, выражающаяся в том, что протестующие готовы приложить все усилия (*took pains, commitment*) ради этой ценности. Сторонние наблюдатели – журналисты, статистики – также отмечают мирный характер демонстраций:

(9) *This summer's Black Lives Matter protesters were overwhelmingly peaceful* (The Washington Post, 16/10/20).

Приведенный пример демонстрирует еще один способ языковой актуализации концепта *nonviolence* – через лексему *peaceful*.

С другой стороны, сами протестные акции могут рассматриваться и как беспорядки:

(10) *Are Black Lives Matter protesters peaceful or violent? Depends on whom you ask* (The Washington Post, 24/08/20).

Данный пример иллюстрирует невозможность однозначного определения характера протестов и зависимость этой характеристики от личной оценки говорящего. Это соответствует теоретическому положению о том, что оценка является формой существования ценностей.

Таким образом, на примере четырех описанных выше ценностных субконцептов было показано, как ценностная категория реализуется в структуре концепта BLM. Данный список концептов не является исчерпывающим, представляя наиболее частотные концепты, формирующие ядро концепта, в то время как наряду с ними могут быть выделены ценностные концепты *freedom, improvement, innovation* и т.д.

С другой стороны, рассматривая категорию ценности, ряд ученых предлагают такой термин,

как «антиценность» [Ефимов, Таланов 2010]. Они представляют собой противоположность «ценности», антисоциальное явление, которое несет вред обществу и ведет к его деградации. Кроме того, можно говорить о биполярной структуре ценности, так как каждой ценности соответствует антиценность, носящая антонимический характер.

Применительно к концепту BLM примерами таких антиценностей будут концепты *death, inequality, injustice, violence*, антонимичные рассмотренным выше ценностным концептам. Они репрезентируют в языке социальные проблемы, на борьбу с которыми направлено движение BLM, что отражено в первую очередь в самом определении движения в примерах (1) и (2): *white supremacy, violence inflicted on Black communities*. В частности, жестокость и насилие в отношении афроамериканцев явились триггером массовых волнений, олицетворявших идеи движения BLM, и лексема *violence* репрезентирует в языке то, против чего борются участники:

(1) *Since the deaths of George Floyd and Breonna Taylor, an estimated 15 million to 26 million Americans have taken to the streets to protest police violence and advocate for Black lives* (The Washington Post, 05/08/20).

(2) ... *carrying signs with the words "White Silence is White Violence"* (The Washington Post, 31/05/20).

Анализ двух вышеприведенных примеров демонстрирует, что участники движения выступают как против физического насилия (*police violence*) в тех случаях, когда оно привело к смерти Дж. Флойда и Б. Тэйлор, так и против молчаливого одобрения (*White Silence is White Violence*) жестокости белым населением.

Аналогичным образом ценности *justice* противопоставлена антиценность, реализующаяся в языке при помощи антонимичной лексемы *injustice*:

(3) *They are tired of the fatal injustices they have seen with their own eyes in just the past few months* (The Washington Post, 01/09/20).

В данном примере она характеризует само явление, против которого ведется борьба в рамках движения BLM.

Подводя итог исследования, можно сделать вывод, что, с одной стороны, концепт *Black Lives Matter* сам по себе является ценностным, таким образом, репрезентируя в языке многолетний опыт борьбы с расизмом в США и отражая и формируя ценностную картину мира американской лингвокультуры. С другой стороны, анализ структуры и содержания данного концепта позволяет выделить ряд ценностных субконцептов, входящих в структуру рассматриваемого концепта BLM, которые также соот-

ветствуют ценностям и идеалам американской картины мира. Наиболее частотными и, соответственно, формирующими ядро концепта BLM являются ценностные субконцепты *life, justice, equality, nonviolence*. Кроме того, был сделан вывод, что данные ценности противопоставляются ряду антонимичных антиценностей, которые репрезентируют в языке социальные проблемы, явившиеся триггером создания движения BLM. Таким образом, проведенный в рамках исследования анализ позволяет сделать вывод о сложной структуре концепта BLM и многоуровневом характере его ценностного компонента.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Официальный сайт движения Black Lives Matter. URL: <https://blacklivesmatter.com/about/> (дата обращения: 01.11.20).

How the Black Lives Matter movement went mainstream / J. A. Del Real, R. Samuels, T. Craig // The Washington Post. June 9, 2020. URL: https://www.washingtonpost.com/national/how-the-black-lives-matter-movement-went-mainstream/2020/06/09/201bd6e6-a9c6-11ea-9063-e69bd6520940_story.html (дата обращения: 05.11.20).

Here's how to teach Black Lives Matter / N. E. Brown, R. Block, Jr. & C. Stout // The Washington Post. June 11, 2020. URL: <https://www.washingtonpost.com/politics/2020/06/11/heres-how-teach-black-lives-matter/> (дата обращения: 22.08.20).

Opinion: Black Lives Matter is America's ray of light this Independence Day // Editorial Board. The Washington Post. July 03, 2020. URL: https://www.washingtonpost.com/opinions/black-lives-matter-is-americas-ray-of-light-this-independence-day/2020/07/03/faba0330-bd36-11ea-80b9-40ece9a701dc_story.html (дата обращения: 22.08.20).

The wide gulf in how Biden and Trump view the question of justice / Ph. Bump // The Washington Post. June 2, 2020. URL: <https://www.washingtonpost.com/politics/2020/06/02/wide-gulf-how-biden-trump-view-question-justice/> (дата обращения: 08.03.21).

Are Black Lives Matter protesters peaceful or violent? Depends on whom you ask / S. Radnitz & Y. Hsiao. The Washington Post. August 24, 2020. URL: <https://www.washingtonpost.com/politics/2020/08/24/are-black-lives-matter-protesters-peaceful-or-violent-depends-whom-you-ask/> (дата обращения: 05.11.20).

This summer's Black Lives Matter protesters were overwhelmingly peaceful, our research finds /

E. Chenoweth & J. Pressman // The Washington Post. October 16, 2020. URL: <https://www.washingtonpost.com/politics/2020/10/16/this-summers-black-lives-matter-protesters-were-overwhelming-peaceful-our-research-finds/> (дата обращения: 05.11.20).

How the coronavirus pandemic helped the Floyd protests become the biggest in U.S. history / M. Arora // The Washington Post. August 5, 2020. URL: <https://www.washingtonpost.com/politics/2020/08/05/how-coronavirus-pandemic-helped-floyd-protests-become-biggest-us-history/> (дата обращения: 08.03.21).

D.C. on edge as anger over George Floyd's death launches protests through the nation's capital / Samantha Schmidt, Rachel Weiner & Joe Heim // The Washington Post. May 31, 2020. URL: https://www.washingtonpost.com/local/dc-on-edge-as-anger-over-george-floyds-death-launches-protests-through-the-nations-capital/2020/05/30/01be-2956-a2af-11ea-9590-1858a893bd59_story.html (дата обращения 08.03.21).

Black Lives Matter and 'antifa' are not the same thing / J. Capehart // The Washington Post. September 1, 2020. URL: <https://www.washingtonpost.com/opinions/2020/09/01/black-lives-matter-antifa-are-not-same-thing/> (дата обращения: 05.11.20).

Список литературы

Алефиренко Н. Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка: учеб. пособие. 3-е изд. М.: Флинта: Наука, 2013. 288 с.

Бердяев Н. А. Царство Духа и царство кесаря. М.: Республика, 1995. 383 с.

Блюмкин В. А. Мир моральных ценностей. М.: Знание, 1981. 64 с.

Вендина Т. И. Средневековый человек в зеркале старославянского языка. М.: Индрик, 2002. 336 с.

Виноградов С. Н. К лингвистическому пониманию ценности // Русская словесность в контексте мировой культуры: материалы Междунар. науч. конф. РОПРЯЛ. Н. Новгород: Изд-во Нижегород. ун-та, 2007. С. 93–97.

Елишев С. О. Изучение понятий «Ценность», «Ценностные ориентации» в междисциплинарном аспекте [Электронный ресурс] // Ценности и смыслы. 2011. № 2 (11). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/izuchenie-ponyatiy-tsennost-tsennostnye-orientatsii-v-mezhdistsiplinarnom-aspekte> (дата обращения: 05.08.2020).

Ефимов В. И., Таланов В. М. Общечеловеческие ценности: монография. М.: Академия Естествознания, 2010. 249 с.

Попова З. Д., Стернин И. А. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 2000. 30 с.

Серебренникова Е. Ф. и др. Этносемиотика как способ лингвистического аксиологического анализа // Лингвистика и аксиология: этносемиотика ценностных смыслов: коллективная монография. М.: ТЕЗАУРУС, 2011. С. 49–76.

Слышкин Г. Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М.: Academia, 2000. 128 с.

Хомякова Е. Г., Петухова Т. И. Лингвокультурология: истоки и проблемы. СПб.: С.-Петербург. гос. ун-т, 2014. 132 с.

Хомякова Е. Г. Порождающие ценностные концепты англоязычного социума // Англистика XXI века: материалы IX Всерос. межвуз. науч.-метод. конф., Санкт-Петербург, 21–23 января 2018 года. СПб.: Автономная некоммерческая организация консолидации образовательного пространства «Университетские Образовательные Округа», 2019. С. 14–19.

Coupland N. Introduction: Towards discourse stylistics // Coupland N. Styles of discourse. – London: Croom Helm, 1988. P. 6–74.

Cruse D. A. Meaning in language: An introduction to semantics and pragmatics. Oxford: Oxford University Press, Cop. 2000. 424 p.

van Dijk T. A. News as discourse. New-York: Hillsdale, 1988. 200 p.

Fiedler E., Jansen R., Norman-Risch M. American in CloseUp. 13th emp. U.K.: Longman Group UK Ltd., 2004. 284 p.

Jackendoff R. S. Foundations of language: Brain, meaning, grammar, evolution. Oxford: Oxford University Press, 2002. 477 p.

Langacker R. Foundations of Cognitive Grammar. Vol. 1: Theoretical Prerequisites. Stanford: Stanford University Press, 1987. 516 p.

Maslow A.H. Motivation and Personality. New York: Harper & Row, 1954. 334 p.

Rokeach M. The Nature of Human Values. New York, 1973. 438 p.

References

Alefirenko N. F. *Lingvokul'turologiya. Tsennostno-smyslovoe prostranstvo yazyka: uchebnoe posobie* [Linguistic and Cultural studies. Value and Semantic Space of Language: Textbook]. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2013. 288 p. (In Russ.)

Berdyaev N. A. *Tsarstvo Dukha i tsarstvo Kesarya* [The Kingdom of God and the Kingdom of Caesar]. Moscow, Respublika Publ., 1995. 383 p. (In Russ.)

Blyumkin V. A. *Mir moral'nykh tsennostey* [The World of Moral Values]. Moscow, Znanie Publ., 1981. 64 p. (In Russ.)

Vendina T. I. *Srednevekovyy chelovek v zerkale staroslavjanskogo yazyka* [The Medieval Man in the Mirror of the Old Slavonic Language]. Moscow, Indrik Publ., 2002. 336 p. (In Russ.)

Vinogradov S. N. K lingvisticheskomu ponimaniyu tsennosti [On the linguistic interpretation of value]. *Russkaya slovesnost' v kontekste mirovoy kul'tury: Materialy Mezhdunar. nauch. konf. ROPRY-aL* [Russian philology in the context of world culture: Proc. intern. sci. conf. of the Russian Society of Russian Language and Literature Teachers]. Nizhny Novgorod, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod Press, 2007, pp. 93–97. (In Russ.)

Elishev S. O. Izuchenie ponyatiy 'Tsennost', 'Tsennostnye orientatsii' v mezhdistsiplinarnom aspekte [Studying the concepts 'value', 'value-based orientations' in the interdisciplinary aspect]. *Tsennosti i smysly* [Values and Meanings], 2011, issue 2 (11). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/izuchenie-ponyatiy-tsennost-tsennostnye-orientatsii-v-mezhdistsiplinarnom-aspekte> (accessed 05.08.2020). (In Russ.)

Efimov V. I., Talanov V. M. *Obshchechelovecheskie tsennosti: monografiya* [Universal Values: Monograph]. Moscow, 'Akademiya Estestvoznaniya' Publ., 2010. 249 p. (In Russ.)

Popova Z. D., Sternin I. A. *Ponyatie 'kontsept' v lingvisticheskikh issledovaniyakh* [The Notion 'Concept' in Linguistic Research]. Voronezh, Voronezh State University Press, 2000. 30 p. (In Russ.)

Serebrennikova E. F. et al. *Etnosemiometriya kak sposob lingvisticheskogo aksiologicheskogo analiza* [Ethnosemiometry as a method of linguistic axiological analysis]. *Lingvistika i aksiologiya: etnosemiometriya tsennostnykh smyslov: kollektivnaya monografiya* [Linguistics and Axiology: Ethnosemiometry of Value Meanings: Collective monograph]. Moscow, TEZAU-RUS Publ., 2011, pp. 49–76. (In Russ.)

Slyshkin G. G. Ot teksta k simvolu: lingvokul'turnye kontsepty pretседentnykh tekstov v soznanii i diskurse [From Text to Symbol: Linguistic

and Cultural Concepts of Precedent Texts in Consciousness and Discourse]. Moscow, Academia Publ., 2000. 128 p. (In Russ.)

Khomyakova E. G., Petukhova T. I. *Lingvokul'turologiya: istoki i problemy* [Linguoculturology: the Origins and Issues]. St. Petersburg, St. Petersburg State University Press, 2014. 132 p. (In Russ.)

Khomyakova E. G. Porozhdayushchie tsennostnye kontsepty angloyazychnogo sotsiuma [Generative value concepts of the anglosphere]. *Anglistika 21 veka: Materialy IX Vserossiyskoy mezhvuzovskoy nauchno-metodicheskoy konferentsii* [English studies of the 21st century: Proc. all-Russ. sci.-method. conf.]. St. Petersburg, Autonomous non-profit organization 'Universitetskie Obrazovatel'nye Okruga' Publ., 2019, pp. 14–19. (In Russ.)

Coupland N. Introduction: Towards discourse stylistics. Coupland N. *Styles of Discourse*. London, Croom Helm, 1988, pp. 6–74. (In Eng.)

Cruse D. A. *Meaning in Language: An Introduction to Semantics and Pragmatics*. Oxford, Oxford University Press, Cop. 2000. 424 p. (In Eng.)

van Dijk T. A. *News as Discourse*. New-York, Hillsdale, 1988. 200 p. (In Eng.)

Fiedler E. *American in Close-Up*. E. Fiedler, R. Jansen, M. Norman-Risch. 13th emp. U.K., Longman Group UK Ltd., 2004. 284 p. (In Eng.)

Jackendoff R. S. *Foundations of Language: Brain, Meaning, Grammar, Evolution*. Oxford, Oxford University Press, 2002. 477 p. (In Eng.)

Langacker R. *Foundations of Cognitive Grammar. Vol. 1: Theoretical Prerequisites*. Stanford, Stanford University Press, 1987. 516 p. (In Eng.)

Maslow A. H. *Motivation and Personality*. New York, Harper & Row, 1954. 334 p. (In Eng.)

Rokeach M. *The Nature of Human Values*. New York, 1973. 438 p. (In Eng.)

The Language of the Value Component of the Black Lives Matter Concept

Anastasiia K. Zhemchuzhnikova

**Senior Lecturer in the Department of Foreign Languages in International Relations
Saint Petersburg State University**

7–9, Universitetskaya naberezhnaya, St. Petersburg, 199034, Russian Federation. a.zhemchuzhnikova@spbu.ru

SPIN-code: 7856-7956

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7691-6248>

ResearcherID: C-9724-2016

Received 26 Nov 2021

Revised 10 Jan 2022

Accepted 17 Jan 2022

For citation

Zhemchuzhnikova A. K. Yazyk tsennostnoy sostavlyayushchey kontsepta *Black Lives Matter* [The Language of the Value Component of the Black Lives Matter Concept]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2022, vol. 14, issue 1, pp. 38–45. doi 10.17072/2073-6681-2022-1-38-45 (In Russ.)

Abstract. In recent years, racial issues have increasingly attracted attention in the American society. A vivid illustration of that is the emergence of the Black Lives Matter (BLM) social movement in 2013 as a hashtag in social networks, coming to the forefront in 2014-2015 in Ferguson, and gaining skyrocketing worldwide popularity in 2020 after George Floyd's murder by a white officer. The role of racial issues in the modern American system of values cannot but be reflected in the language, due to the fact that the race is perceived as a special axiological concept in the Anglophone worldview. The investigated BLM concept can be defined as a certain kind of a value-based concept related to the national, ethnic characteristics. The structure of the BLM value-based concept is analyzed in the research through the analysis of characteristic features of the BLM social and political movement reflected in its semantics, taking into consideration the participants of this movement, their ideas, objectives and activities. Lexico-semantic analysis of the BLM concept structure made it possible to conclude that the activity of the participants has the ultimate target of implementing certain changes in the existing social structure aimed at protecting and promoting certain values. The research identifies a list of value-based subconcepts within the structure of the BLM concept and analyzes their linguistic representation. These include concepts such as *life, justice, equality, nonviolence*, most frequently referred to and forming the core of the BLM concept. Moreover, the article analyzes anti-values, which represent in the language the social problems the BLM movement is fighting against. The research makes a conclusion about the complex and multi-level nature of the investigated BLM concept as a unit that shapes the value component of the American linguistic culture worldview.

Key words: concept; Black Lives Matter; worldview; values; value-based concept; linguistic culture.

УДК 81'253
doi 10.17072/2073-6681-2022-1-46-54

Транскультурное преобразование ономастической метафоры и метонимии в юмористическом дискурсе

Кан Синьюнь

аспирант кафедры иностранных языков, лингвистики и перевода

Пермский национальный исследовательский политехнический университет

614000, Россия, г. Пермь, Комсомольский пр., 29. kangxinyun1994@163.com

SPIN-код: 8479-3880

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7695-4252>

Людмила Вениаминовна Кушнина

д. филол. н., профессор кафедры иностранных языков, лингвистики и перевода

Пермский национальный исследовательский политехнический университет

614000, Россия, г. Пермь, Комсомольский пр., 29. lkushnina@yandex.ru

SPIN-код: 5273-8845

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4360-7243>

Статья поступила в редакцию 06.12.2021

Одобрена после рецензирования 19.01.2022

Принята к публикации 26.01.2022

Информация для цитирования

Кан Синьюнь, Кушнина Л. В. Транскультурное преобразование ономастической метафоры и метонимии в юмористическом дискурсе // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2022. Т. 14, вып. 1. С. 46–54. doi 10.17072/2073-6681-2022-1-46-54

Аннотация. Рассматривается проблема транскультурного преобразования ономастической метафоры в русско-китайском юмористическом дискурсе в свете синергетической концепции переводческого пространства, выступающей методологическим основанием исследования. Авторы опираются на идею о том, что в дискурсивном метафорическом поле языковым воплощением ономастической метафоры выступают говорящие имена, которые обладают уникальным культурным и ценностным потенциалом. Кроме того, в дискурсивном пространстве находит воплощение ономастическая метонимия. Их совокупное рассмотрение позволяет расширить наши представления об ономастической метафоре как мотивированном антропониме и об ономастической метонимии как отантропонимической номинации. В качестве теоретического обоснования исследования использованы работы российских китаеведов и китайских ономастов. На сегодняшний день среди ученых нет единого мнения по поводу перевода онимов на китайский язык, что может привести к переводческим несоответствиям, вызванным непониманием авторских интенций, выраженных говорящими именами, и, как следствие, к ослаблению или исчезновению юмористического эффекта переводного произведения. Процесс транскультурного преобразования ономастической метафоры и ономастической метонимии совершается в переводческом пространстве и может разворачиваться по двум направлениям. В случае позитивного вектора развития в переводческом пространстве происходит синергетическое приращение новых метафорических смыслов, расширяющих метафорическое и метонимическое пространство антропонима, что мы признаем как проявление реметафоризации / реметонимизации, характеризующее гармоничный перевод. В случае негативного вектора развития метафорическое и метонимическое пространство антропонима сужается, и мы констатируем деметафоризацию / деметонимизацию, что означает возникновение дисгармоничного перевода, ослабляющего юмористи-

ческий эффект переводного дискурса. Материалом анализа послужил юмористический рассказ А. П. Чехова «Орден» и его перевод на китайский язык. В результате исследования установлено, что при переводе происходит транскультурное преобразование исходной ономастической модели, которое приобретает как позитивный, так и негативный характер. В случае позитивного характера имеет место гармоничный перевод с воссозданием юмористического эффекта оригинала.

Ключевые слова: ономастическая метафора, ономастическая метонимия, юмористический эффект, переводческое пространство, гармоничный перевод.

Введение

Изучение метафорического поля имен собственных-антропонимов, представленного проявлениями ономастической метафоры и ономастической метонимии в русско-китайском юмористическом дискурсе, показало наличие транскультурных преобразований при их передаче из русской лингвокультуры в китайскую ввиду естественной гетерогенности наших языков. Тем не менее характер этих преобразований представляет несомненный научный интерес, так как метафора и метонимия как отражение когнитивной деятельности личности в равной степени свойственны любому языку. Другое дело, что при переводе с одного языка на другой процесс метафоризации / метонимизации может оказаться несущественным для переводчика, перед которым стоит множество других когнитивно обусловленных задач.

В работе мы вводим понятие транскультурной модификации ономастических единиц, которое рассматриваем как родовое по отношению к видовым понятиям «перевод» или «стратегия перевода». Мы опираемся на трактовку перевода, предложенную одним из авторов статьи, согласно которой перевод представляет собой транспонирование множества гетерогенных смыслов из одной лингвокультуры в другую, что укладывается в современную культурно-ориентированную парадигму перевода. Иными словами, в понимании перевода акцент постепенно смещается в сторону межкультурных и даже транскультурных преобразований. Это означает, что в процессе транспонирования метафорических смыслов исследуемых ономастических единиц происходит их транскультурная модификация в соответствии с ожиданиями и предпочтениями реципиентов, принадлежащих другой культуре. Выбор стратегии перевода осуществляется переводчиком как активной языковой личностью, нацеленной на воссоздание прагматического (юмористического) эффекта, и эта стратегия может быть как успешной, так и неуспешной.

Как показал анализ литературы, в аутентичных художественных текстах на китайском языке ономастическая метафора встречается гораздо чаще, чем в русском. Но это свойство не распространяется на процесс перевода. Вероятно, пере-

водчики стремятся сохранить «русскость» в именовании персонажа произведения, в связи с чем их выбор ограничивается использованием приемов транскрипции в ущерб смысловому переводу «говорящих имен». Предметом нашего анализа послужили антропонимы, представленные ономастической метафорой и ономастической метонимией, совокупное рассмотрение которых позволяет расширить наши представления об ономастической метафоре как мотивированном антропониме и об ономастической метонимии как отантропонимической номинации.

Личность А. П. Чехова занимает особое место в российской словесности. Чехов ввел в русскую литературу жанр короткого рассказа, представляющий собой своего рода «зарисовки» русской повседневной жизни, калейдоскоп характеров и судеб. В своих ранних произведениях Чехов предпочитал юмористическое повествование. В его произведениях преобладает внешний комизм, т. е. комизм ситуаций. Он создавал шедевры юмористики, которые олицетворяют несбывшиеся надежды его персонажей, что отражено, в частности, в наименованиях героев. Так, именами своих героев Чехов создал не только галерею образов комических персонажей, но и портреты ономастической метафоры, которая стала «юмообразующим» фактором его произведений. Вместе с тем каждое слово, включая онимы, обладает предельной информативностью, что осложняет задачу переводчика. Отличительная черта коротких рассказов Чехова – широкое использование говорящих фамилий, которые приобретают метафорические смыслы. Невозможность гармонично передать метафорически созданные имена собственные приводит к потере эмоционально-экспрессивной, аксиологической, национально-культурной информативности, заложенной в семантике говорящего имени.

Согласно утверждениям китаеведов, любимым русским писателем в Китае является А. П. Чехов. Первые переводы произведений А. П. Чехова на китайский язык появились в начале XX в. благодаря исследовательской, писательской, переводческой практике Лу Синя (Чехов 2009). В настоящее время в китайской филологической науке различают пять этапов проникновения русской литературы в китайскую

культуру. Если на первом этапе произведения Чехова переводились на китайский на основе языков-посредников, т. е. с английского, или с немецкого, или с японского, то на последующих этапах переводы выполнялись непосредственно с русского языка. Первые переводы появились в 1907 г. Интерес к творчеству Чехова объясняется прежде всего тем, что в его произведениях поднимается актуальная для Китая проблема «маленького человека». Произведения Чехова оказали существенное влияние на духовную жизнь в Китае, на многих китайских писателей XX вв.

Постановка проблемы и исследовательские цели

Цель нашего исследования состоит в выявлении метафорических и метонимических смыслов, свойственных комической ономастической метафоре / метонимии в юмористическом дискурсе и анализе способов их трансляции при переводе. Свою исследовательскую задачу мы видим в том, чтобы проанализировать процесс установления функционального подобия имени собственного-антропонима, представленного ономастической метафорой или ономастической метонимией, в переводном юмористическом дискурсе.

Мы выдвигаем предположение о том, что при переводе возможно градуальное проявление юмористического эффекта, а именно: в случае реметафоризации юмористический эффект оригинала сохраняется, возникновение стертой метафоры приводит к ослаблению юмористического эффекта, а в случае деметафоризации юмористический эффект исчезает.

Юмор как феномен давно привлекает многих исследователей. Эволюция исследований юмора представлена в работах А. В. Дмитриева, который систематизирует подходы к анализу юмора и «...выявляет три ведущих направления его изучения: философское, социологическое, лингвосомиотическое» [Дмитриев 1996: 55]. Философское осмысление юмора принадлежит З. Фрейду и его последователям. Социологическое освещение юмора содержится в работах А. Бергсона, полагавшего, что смех зависит от общества, принадлежит обществу, имеет общественное значение. Лингвосомиотическое изучение юмора проводилось Л. В. Карасевым, трактующим смех как символ, как набор смысловых линий. «Юмор как категория комического является целостным культурно-историческим и онтологическим феноменом» [Карасев 1996: 169]. Появление юмора происходит одновременно, но его происхождение связано с происхождением языка и культуры, настолько юмор является неотъемлемым свойством человека.

Л. В. Карасев выделяет два вида юмора или смеха: смех тела и смех ума, полагая, что оба они выражают сильные человеческие эмоции, но во втором случае эмоции переплетаются с рефлексией. А. В. Дмитриев акцентирует внимание на восприятии комического, на его принадлежности группе, поскольку смех передается в отклике другого человека или группы других людей и требует гибкости духа.

В рамках нашего исследования источником юмора и смеха выступает имя собственное, обладающее юморообразующим эффектом в комической прозе А. П. Чехова.

Имя собственное трактуется в нашей работе, вслед за О. И. Фoniaковой как «универсальная функционально-семантическая категория имен существительных, особый тип словесных знаков, предназначенных для выделения и идентификации единичных объектов» [Фoniaкова 1990: 21].

В художественном тексте и в художественном дискурсе, в рамках которого мы изучаем юмористический дискурс, имя собственное, по мнению Л. А. Исаевой и В. В. Катерминой, является «...значимой деталью в создании художественного образа, который творится в целом тексте и составляет основное его содержание» [Исаева, Катермина 2020: 35]. Авторы приходят к выводу о том, что в художественном тексте имя собственное обладает функцией социальной маркировки, отражая при этом характерные нормы межличностных взаимоотношений.

Эта функция находит свое воплощение в ономастической метафоре, представленной говорящим именем в юмористическом дискурсе, что позволяет размышлять о комической ономастической метафоре.

Методология исследования

Ономастическая метафора неоднократно выступала предметом анализа. Впервые о способности имен собственных быть метафорой заявил М. В. Ломоносов.

Проблема культурной рецепции произведений русских писателей-классиков обсуждается в работах современных российских исследователей Т. П. Мироновой, Е. А. Серербрякова, М. Е. Шнайдер, Н. Г. Аскокова и др.

Обращаясь к идее ономастической метафоры, мы ограничиваем круг нашего исследования только теми именами собственными, которые обладают метафорическими свойствами, обогащающими ономастическое пространство юмористического дискурса.

В связи с тем что метафора по своей природе представляет несоответствие, ученые отмечают, что ее сущность отвечает комической природе. Так возникает комическая метафора, дающая

эмоционально-экспрессивную оценку ситуации, человеку, событию и пр. В процессе перевода ономастической метафоры с русского языка на китайский происходит ее транскультурное преобразование как с позитивным вектором развития, так и с негативным. В качестве критерия мы используем достижение переводчиком гармоничного / дисгармоничного перевода, в соответствии с концепцией переводческого пространства, которая выступает методологическим основанием работы [Кушникова 2017]. Поясним, что переводческое пространство представляет собой синергетическую модель перевода, согласно которой в процессе взаимодействия языков и культур происходит развитие и саморазвитие гетерогенных субъектоцентрических и текстоцентрических смыслов и их транспонирование из одной лингвокультуры в другую. Согласно данной концепции позитивный вектор означает, что перевод ономастической метафоры гармоничен, т. е. переводчику удалось транспонировать метафорические смыслы, обеспечивая их синергетическое приращение в переводческом пространстве, что приводит к воссозданию комического эффекта. Негативный вектор означает проявление дисгармоничного перевода ономастической метафоры или деметафоризации онама, что влечет за собой исчезновение комического эффекта. Наряду с метафоризацией, антропонимы оригинала могут приобрести статус ономастической метонимии. В связи с этим их перевод исследуется нами с точки зрения транспонирования метонимических смыслов, что также может оказаться гармоничным и дисгармоничным, т. е. содержащим проявления реметонимизации и деметонимизации. С позиций метафористики при гармоничном переводе имеет место расширение ономастического и метонимического пространства антропонима, а при дисгармоничном переводе происходит его сужение.

Следующим методологическим основанием нашего исследования выступает теория когнитивной метафоры, начало исследования которой было положено Дж. Лакоффом и М. Джонсоном и которая в течение многих десятилетий изучается российскими учеными [Лакофф, Джонсон 1990]. Они впервые осознали, что метафора является не только и не столько эстетическим украшением речи, сколько прежде всего одним из механизмов ее порождения, что обусловлено ментальными процессами, происходящими в сознании человека.

Важный вклад в современную теорию метафоры внесли российские ученые. Нас интересуют работы, связанные с переводческим аспектом исследования метафоры, среди которых особую роль играет пермская школа метафоры, пред-

ставленная Л. М. Алексеевой и С. Л. Мишлановой [Алексеева, Мишланова 2016]. В работах пермских ученых раскрывается механизм метафоры как аналог текстопорождения и разрабатывается стройная теория метафоры как явления, опосредованного текстом и дискурсом. Предполагая, что ономастическая метафора в комическом дискурсе является одной из форм речевой деятельности, мы опираемся на высказывания Т. Б. Семашко и М. Н. Литвиновой, утверждавших, что метафора принадлежит не языку, а «речевой стихии» [Семашко, Литвинова 1984: 81].

В нашем исследовании акцент сделан на лингвопереводческом анализе русско-китайского художественного дискурса, в связи с чем интересно проследить транскультурную динамику метафоры в осуществлении ее прагматической функции, в частности в создании и воссоздании комического эффекта. Современные исследователи считают метафору одним из когнитивных механизмов создания комического. Среди современных отечественных исследователей назовем Р. И. Воронцова, который считает ономастическую метафору «культурно заряженной» [Воронцов 2012: 21]. Ученый утверждает, что ономастическая метафора формировалась вместе с литературным языком. Исследуя говорящие имена, Н. А. Полякова пишет о том, что они являются именами, «кричащими во весь голос», так как выполняют в тексте существенную смысловую и эмоциональную нагрузку [Полякова 2009: 65].

По мнению группы авторов Е. Ю. Воякиной, Т. В. Мордвиной, В. В. Зайцевой, ономастическая метафора представляет собой этап развития семантики имени собственного, в результате которого оним приобретает метафорическое наполнение. Авторы приходят к выводу, что метафорическое употребление имени собственного является коммуникативным аналогом историко-культурной информации [Воякина, Мордвина, Зайцева 2019: 370]. В качестве примера приводится ономастическая метафора *Китайская стена*, когда говорят о полной изоляции, отстранении от внешнего мира.

Изучая экономический дискурс, Е. Ю. Воякина определяет ономастическую метафору как разновидность речевой метафоры, в состав которой входят имена вторичной номинации. Автор приходит к выводу, что экономическая лексика переживает «ономастический взрыв». К их числу относятся такие метафорические выражения, как *Русский Давос*, *Бостонское чаепитие* и др.

В рамках нашего исследования важно рассмотреть, как работает механизм метафоризации

при передаче ономастической метафоры с русского языка на китайский. С одной стороны, как утверждают китаеведы, «китайские ИС – это своеобразные метафоры, метонимии, образованные посредством мифологических тропов» [Концевич 2006: 255]. При этом у китайцев отсутствует устойчивый список имен, они заново создаются в процессе номинации. С другой стороны, как показали наши предварительные наблюдения, лишь немногие говорящие имена метафоры сохраняют свой метафорический потенциал при переводе с русского языка на китайский. Переводчики предпочитают приемы транскрипции или транслитерации, которые не имеют никакого отношения к метафоризации.

По наблюдениям китайского специалиста Фу Иньлу, при переводе имен собственных на китайский язык наблюдается настоящий хаос: «для разных имен на языке оригинала используется одна и та же форма перевода, одно и то же имя на языке оригинала использует разные иероглифы» [Фу Иньлу 2012: 23]. Кроме того, переводчики используют различные стандарты транслитерации, которая является основным принципом перевода. Некоторые переводчики предпочитают принципы транскрипции, так как «...они намерены уважать оригинальное произношение имени собственного. Трудности перевода имен собственных на китайский язык обусловлены тем, что китайские имена символичны, они соответствуют личности человека» [там же: 36].

Результаты исследования и обсуждение

В современной переводной ономастике переводчик выбирает подходящие, на его взгляд, иероглифы, а затем снабжает их комментариями, восполняющими культурные и языковые пробелы. В этом мы убедились, сравнивая традиционные принципы перевода имен собственных в юмористическом рассказе А. П. Чехова «Лошадина фамилия» («马姓»), которые характеризуются выбором окказиональных иероглифов, и современные принципы, основанные на создании переводческого метатекста, расширяющего, на наш взгляд, возможности иноязычной рецепции текста. В рамках данной статьи мы проанализировали перевод ономастических антропонимов с русского языка на китайский в юмористическом рассказе А. П. Чехова «Орден», в котором переводчик использует как традиционные, так и современные подходы к своей профессиональной деятельности. Рассказ «Орден» был впервые опубликован в 1884 г. под псевдонимом Антоша Чехонте. Писатель поднимает проблему фальшивого поведения людей в обществе, раскрывает

нравственное падение чиновников, купцов, учителей, коллежских регистраторов, которые готовы надеть на свой мундир чужой орден, чтобы предстать в более выгодном свете.

Изучая проблему транскультурного преобразования ономастической метафоры, мы обратились к ономастическим метафорам и к ономастическим метонимиям, которые широко представлены в исследуемом тексте. Нас интересуют говорящие фамилии персонажей этого рассказа: коллежский регистратор Лев Пустяков, его друг Леденцов, купец Спичкин, учитель французского языка Трамблян, которые мы рассматриваем в качестве ономастической метафоры. Такие фамилии, как *Леденцов* и *Спичкин*, можно рассматривать как своего рода стертые метафоры, так как они не обладают характерологической функцией и слабо выражают эмоционально-экспрессивные коннотации. Фамилия главного героя *Пустяков* является ярко выраженной метафорой, характеризует персонажа как пустого, никчемного человека, который ищет малейшую, пусть нечестную, возможность придать себе значимость. Он одалживает для званого ужина орден у своего друга Леденцова. Его коллега *Трамблян* также имеет говорящую фамилию: во французском языке есть глагол *trembler*, означающий «дрожать». Действительно, Трамблян также одолжил орден для того, чтобы быть более заметным во время званого обеда, на котором он дрожит от страха быть разоблаченным.

Писатель-юморист не только дает своим персонажам говорящие фамилии, но и создает комическую ситуацию, при которой не только *Пустяков*, но и *Трамблян* воспользовался чужим орденом, чтобы показать на званом обеде свою значимость. Проанализировав опубликованный перевод рассказа «Орден» на китайский язык, констатируем, что все говорящие фамилии переведены приемом транскрипции, а именно:

Станислав – 斯坦尼斯拉夫, Анна – 安娜, Владимир – 弗拉基米尔.

Этот прием приводит к деметафоризации онима и исчезновению юмористического эффекта, который вызывает ономастическая метафора. Китайским читателям юмор автора окажется недоступен.

А теперь обратимся к проявлениям ономастической метонимии, представленным в том же рассказе:

1. Русский язык (оригинал): «*На груди сверкал золотом и отливал эмалью чужой Станислав*». Речь идет об Ордене Святого Станислава, который являлся самым младшим в иерархии наград чиновников в Российской империи.

Китайский язык (перевод):
他胸上那枚别人的斯坦尼斯拉夫勋章金光闪闪，
泛出珐琅瓷的光泽。

2. Русский язык (оригинал): «...и то был не
Станислав, а целая Анна...» – этот орден превышал по статусу орден Святого Станислава.

Китайский язык (перевод):
而且那不是斯坦尼夫斯拉夫勋章，而是整整一个
安娜勋章！

3. Русский язык (оригинал): «Я бы Владимира
надел» – орден Святого Владимира был учрежден в честь Владимира Крестителя и превышал обе награды.

Китайский язык (перевод):
我就干脆戴上一枚弗拉基米尔勋章来。

Мы полагаем, что ономастическая метонимия до сих пор не являлась предметом специального рассмотрения. Между тем то, что представляется очевидным на родном языке, требует дополнительных усилий и пояснений со стороны переводчика. Как показал анализ опубликованного перевода, ономастическая метонимия компенсируется переводчиком за счет восстановления в тексте перевода лексемы «орден», который опускается в оригинале. Оценивая китайские переводы, приходим к выводу, что переводчику удастся передать проявления ономастической метонимии, так как созданный им метатекст содержит пояснения переводчика, согласно которым китайскому реципиенту ясно, что в тексте упоминаются ордена разных уровней: уровень ордена Анны выше, чем Святого Станислава, уровень ордена Владимира выше, чем Анны. Такой подход требует от переводчика знакомства с русской историей, в частности с историей орденов, существовавших в Российской империи до 1917 г.

Исследование ономастической метафоры и ономастической метонимии в переводном юмористическом дискурсе показало, что в ходе мыслительной деятельности переводчика интерпретация понятого происходит на разных уровнях когнитивного процесса. Если в концептуальной системе переводчика отсутствует соответствующий опыт восприятия и понимания «говорящих имен» в виде ономастической метафоры, он прибегает к традиционным приемам их передачи в виде транскрипции и выбирает окказиональные иероглифы. Если переводчик осознает значение «говорящих имен», в его сознании происходит интериоризация всей структуры их значения, что приводит к воссозданию метафорических смыслов. Эти процессы мы обозначили как реметафоризация и деметафоризация, реметонимизация и деметонимизация. В случае реметафоризации происходит либо сохранение исходной метафоры, либо порождение новой, приемлемой в принима-

ющей культуре. В случае деметафоризации имеет место исчезновение метафорических смыслов оригинала. Так проявляются позитивный и негативный векторы транскультурной модификации исходной модели. Аналогичные процессы происходят при ономастической метонимии. Можно предположить, что проанализированные нами ономастические единицы в дальнейшем станут предметом повторного перевода, в результате которого в сознании реципиента возникнет синергетическая система новых метафорических и метонимических смыслов, обеспечивающих юмористический эффект переводного дискурса.

Заключение

В заключении отметим, что в современном переводе ориентированном на выявление закономерностей перевода не только на европейские языки, но и на китайский, открываются новые возможности. Проявление ономастической метафоры и ономастической метонимии в юмористическом дискурсе оригинала может оказаться нивелированным в переводном дискурсе, ослабляя или даже разрушая комический эффект как неотъемлемый компонент авторской интенции. Одной из компенсаторных стратегий выступает создание переводческого метатекста, ориентированного на культурно-историческое изучение и осмысление исходных денотативных смыслов, порождающих соответствующие метафорические и метонимические смыслы, т. е. воссоздающих прагматический эффект художественного текста. Как показал наш анализ, при переводе ономастической метафоры и ономастической метонимии из одной лингвокультуры в другую происходит их транскультурное преобразование как с отрицательным, так и с положительным вектором. Принимающая культура по-своему воспринимает и вербализует исходные образы юмористических персонажей и событий, в которых они находятся. В рамках данной статьи мы ограничились анализом ономастической метафоры и ономастической метонимии на примере одного рассказа А. П. Чехова. Следует упомянуть о том, что наши исследования проводятся на материале других юмористических произведений великого русского писателя, относящихся к раннему периоду его творчества, как в оригинале, так и в переводе на китайский язык.

В качестве перспективы исследования мы предполагаем сопоставление переводов, выполненных с китайского языка на русский в разные исторические периоды. Как известно, «рукописи не горят», но переводы устаревают. Возможно, новые переводы Чехова позволят китайским чи-

тателям в полной мере осознать его тонкий юмор, закодированный в ономастической метафоре и ономастической метонимии, что даст нам возможность выявить иные закономерности их транскультурного преобразования, осуществляемого переводчиком. В дальнейшем представляется перспективным анализ переводов ономастической метафоры и метонимии с английского языка на русский и китайский языки, что позволит расширить транскультурное ономастическое пространство языка.

Список источников

Чехов А. П. Орден // Интернет-библиотека Алексея Комарова. URL: <https://ilibrary.ru/text/1341/p.1/index.html> (дата обращения: 05.12.2021).

Чехов А. П. Сборник рассказов Чехова / пер. с рус. Жу Лун. Пекин: Народная литература, 2015. 720 с. 契诃夫短篇小说选. 汝龙译. 北京: 人民文学出版社. 2015. 720 p. (Qi Hefu duan pian xiao shuo xuan / Ru Long yi. Beijing: Ren min wen xue chu ban she. 2015. 720 p.)

Чехов А. П. Плохой мальчик и другие анекдоты / пер. с рус. Лу Синя. Пекин: Изд-во Китайских центральных радио и телевидения университет, 2009. 155 с. 契诃夫. 坏孩子和别的奇闻 / 鲁迅译. 北京: 中央广播电视大学出版社. 2009. 155 p. (Qi Hefu. Huai hai zi he bie de qi wen / Lu Xun Yi. Beijing: Zhong yang guang bo dian shi da xue chu ban she. 2009. 155 p.)

Список литературы

Алексеева Л. М., Мишланова С. Л. Пермская школа метафоры // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2016. Вып. 3 (35). С. 122–133. doi 10.17072/2037-6681-2016-3-122-133

Воронцов Р. И. Ономастическая метафора в русском литературном языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2012. 22 с.

Воякина Е. Ю., Мордвина Т. В., Зайцева В. В. Метафорическое наполнение онима с коннотативным значением // Мир науки, культуры, образования. 2019. № 1 (74). С. 369–371.

Дмитриев А. В. Социология юмора: Очерки. М.: ОФСПП РАН, 1996. 212 с.

Исаева Л. А., Катермина В. В. Концептуализация личных имен собственных как средство представления скрытой информации художественного текста // Слово и текст. Ростов н/Д: Донское книжное издательство, 2020. С. 5–12.

Карасев Л. В. Философия смеха. М.: Рос. гум. ун-т, 1996. 224 с.

Концевич Л. Р. Китайские имена собственные и термины в русском тексте: пособие по тран-

скрипции // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. М.: Ин-т востоковедения РАН, Ин-т Африки РАН, Рос. акад. наук, 2006. С. 195–199.

Кушнина Л. В. Динамика языкового пространства перевода в пространстве культуры // Стереотипность и творчество в тексте: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. М. П. Котуровой. Пермь: ПГНИУ, 2017. Вып. 21. С. 23–31.

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. С. 387–415.

Полякова Н. А. Топология поэтической ономастики (на материале английской литературы): дис. ... канд. филол. наук. М., 2009. 178 с.

Семашко Т. В., Литвинова М. Н. Как образуется метафора? // Лексико-грамматические вопросы теории перевода в вузе: межвуз. сб. науч. тр. Л.: ЛГПИ, 1984. 141 с.

Фонякова О. И. Имя собственное в художественном тексте: учеб. пособие. Л.: ЛГУ, 1990. 103 с.

Фу Иньлу Обсуждение стандартизации китайского перевода имен собственных: дис. ... магистра филол. наук. Тяньцзинь: Тяньцзиньский университет, 2012. 48 с. 付吟璐. 专有名词汉译规范化问题的讨论.

语言学硕士学位论文. 天津: 天津大学. 2012. 48 p. (Fu Yinlu. Zhuan you ming ci han yi gui fan hua wen ti de tao lun. Yu yan xue shuo shi xue wei bi ye lun wen. Tian jin: Tian jin da xue. 2012. 48 p.)

References

Alekseeva L. M., Mishlanova S. L. *Permskaya shkola metafory* [Perm school of metaphor]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2016, issue 3 (35), pp. 122-133. doi 10.17072/2037-6681-2016-3-122-133. (In Russ.)

Vorontsov R. I. *Onomasticheskaya metafora v russkom literaturnom yazyke*. Avtoreferat diss. kand. filol. nauk [Onomastic metaphor in the Russian literary language. Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. St. Petersburg, 2012. 22 p. (In Russ.)

Voyakina E. Yu., Mordvina T. V., Zaytseva V. V. *Metaforicheskoe napolnenie onima s konnotativnym znacheniem* [Metaphorical content of an onym with a connotative meaning]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [The World of Science, Culture and Education], 2019, issue 1 (74), pp. 369-371. (In Russ.)

Dmitriev A. V. *Sotsiologiya yumora: Oчерки* [Sociology of Humor: Essays]. Moscow, Department of Philosophy, Sociology, Psychology and

Law of the Russian Academy of Sciences Publ., 1996. 212 p. (In Russ.)

Isaeva L. A., Katermina V. V. Kontseptualizatsiya lichnykh imen sobstvennykh kak sredstvo predstavleniya skrytoy informatsii khudozhestvennogo teksta [Conceptualization of personal proper names as a means of presenting hidden information of literary text]. *Slovo i tekst* [Word and Text]. Rostov-on-Don, Donskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 2020, pp. 5-12. (In Russ.)

Karasev L. V. *Filosofiya smekha* [Philosophy of Laughter]. Moscow, Russian State University for the Humanities Press, 1996. 224 p. (In Russ.)

Kontsevich L. R. Kitayskie imena sobstvennye i terminy v russkom tekste: posobie po transkripsii [Chinese proper names and terms in Russian text: Guide to transcription]. *Vostok. Afro – aziatskie obshchestva: istoriya i sovremennost'* [The East. Afro-Asian Societies: Past and Present]. Moscow, Institute of Oriental Studies of RAS, Institute for African Studies of RAS, Russian Academy of Sciences], 2006, pp. 195-199. (In Russ.)

Kushnina L. V. Dinamika yazykovogo prostranstva perevoda v prostranstve kul'tury [The dynamics of linguistic space of translation in the space of culture]. *Stereotipnost' i tvorchestvo v tekste: mezhvuz. sb. nauch. tr.* [Stereotypes and Creativity in Text: Interuniversity collection of scientific papers]. Ed. by M. P. Kotyurova. Perm, Perm State

University Press, 2017, issue 21, pp. 23-31. (In Russ.) Lakoff G. Johnson M. Metaforoy kotorymi my zhivem [Metaphors we live by]. *Teoriya metafory* [The Theory of Metaphor]. Moscow, Progress Publ., 1990, pp. 387-415. (In Russ.)

Polyakova N. A. *Topologiya poeticheskoy onomastiki (na materiale angliyskoy literatury)*. Diss. kand. filol. nauk [Topology of poetic onomastics (based on the material of English literature). Cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 2009. 178 p. (In Russ.)

Semashko T. V., Litvinova M. N. Kak obrazuetsya metafora? [How is a metaphor formed?]. *Leksiko-grammaticheskie voprosy teorii perevoda v vuze: Mezhvuz. sb. nauch. tr.* [Lexicogrammatical Issues of the Theory of Translation at University: Interuniversity collection of scientific papers]. Leningrad, Leningrad State Pedagogical Institute Press, 1984. 141 p. (In Russ.)

Fonyakova O. I. *Imya sobstvennoe v khudozhestvennom tekste: Uchebnoe posobie* [Proper Name in Literary Text: Textbook]. Leningrad, Leningrad State University Press, 1990. 103 p. (In Russ.)

Fu Yinlu. *Zhuan you ming ci han yi gui fan hua wen ti de tao lun. Yu yan xue shuo shi xue wei bi ye lun wen* [Discussion of standardization of Chinese translation of proper names. Master's diss.]. Tianjin, Tianjin University Press, 2012. 48 p. (In Chin.)

Transcultural Transformation of Onomastic Metaphor and Metonymy in Humoristic Discourse

Kang Xinyun

**Postgraduate Student in the Department of Foreign Languages, Linguistics and Translation
Perm National Research Polytechnic University**

29, Komsomolsky prospect, Perm, 614000, Russian Federation. kangxinyun1994@163.com

SPIN-code: 8479-3880

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7695-4252>

Lyudmila V. Kushnina

**Professor in the Department of Foreign Languages, Linguistics and Translation
Perm National Research Polytechnic University**

29, Komsomolsky prospect, Perm, 614000, Russian Federation. lkushnina@yandex.ru

SPIN-code: 5273-8845

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4360-7243>

Received 6 Dec 2021

Revised 19 Jan 2022

Accepted 26 Jan 2022

For citation

Kang Xinyun, Kushnina L. V. Transkul'turnoe preobrazovanie onomasticheskoy metafory i metonimii v yumoristicheskom diskurse [Transcultural Transformation of Onomastic Metaphor and Metonymy in Humoristic Discourse]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2022, vol. 14, issue 1, pp. 46–54. doi 10.17072/2073-6681-2022-1-46-54 (In Russ.)

Abstract. The paper discusses the problem of transcultural transformation of onomastic metaphor in Russian-Chinese humorous discourse in the light of the synergetic concept of translation space, which serves as the methodological basis of the study. The works of Russian Sinologists and Chinese onomasticians were also used as a theoretical basis for the study. The authors of the paper rely on the idea that in discursive metaphorical field, they are charactonyms having a unique cultural and value potential, that act as the linguistic embodiment of the onomastic metaphor. Onomastic metonymy is also embodied in discursive space. The combined study of both allows us to enhance the understanding of the onomastic metaphor as a motivated anthroponym and the onomastic metonymy as an anthroponym-derived nomination. To date, there is no consensus among scientists about the translation of onyms, including onomastic metaphonyms, into Chinese, which can lead to translation inconsistencies caused by misunderstanding of the author's intentions expressed by charactonyms, and, as a result, to weakening or disappearance of the humorous effect of the translated work. The process of transcultural transformation of onomastic metaphor and onomastic metonymy takes place in the translation space and can unfold in two directions. In the case of a positive development vector in the translation space, there is a synergistic increment of new metaphorical meanings, expanding the metaphorical and metonymic space of the anthroponym, which we consider to be a manifestation of remetaphorization / remetonymization characteristic of harmonious translation. In the case of a negative vector of development, the metaphorical and metonymic space of the anthroponym narrows, there takes place demetaphorization / demetonymization, which means the emergence of disharmonious translation, weakening the humorous effect of the translated discourse. The material for the analysis in the present study was the humorous story by A. P. Chekhov *The Order* and its translation into Chinese. As a result of the study, it has been found that during translation, a transcultural transformation of the original onomastic model takes place, which acquires both positive and negative character. In the case of a positive character, there is a harmonious translation with the recreation of the humorous effect of the original.

Key words: onomastic metaphor; onomastic metonymy; humorous effect; translation space; harmonious translation.

УДК 811.111'37
doi 10.17072/2073-6681-2022-1-55-63

К изучению механизмов номинации в коммерческой сфере (на материале названий косметических средств в английском языке)

Екатерина Владимировна Ларцева

к. филол. н., доцент кафедры германской филологии

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина
620002, Россия, г. Екатеринбург, просп. Ленина, 51. ekalarceva@yandex.ru

SPIN-код: 7790-4257

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0441-6308>

ResearcherID: B-8223-2019

Александра Артемовна Кабальнова

бакалавр филологии

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина
620002, Россия, г. Екатеринбург, просп. Ленина, 51. kabalnova.alya@mail.ru

SPIN-код: 3222-7416

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7640-4410>

Статья поступила в редакцию 08.10.2021

Одобрена после рецензирования 29.11.2021

Принята к публикации 06.12.2021

Информация для цитирования

Ларцева Е. В., Кабальнова А. А. К изучению механизмов номинации в коммерческой сфере (на материале названий косметических средств в английском языке) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2022. Т. 14, вып. 1. С. 55–63. doi 10.17072/2073-6681-2022-1-55-63

Аннотация. Статья посвящена анализу механизмов создания коммерческих названий в современном английском языке. Материалом исследования послужили названия косметических средств восьми британских и американских брендов на сайтах интернет-магазинов Space NK и Sephora. Всего проанализировано 304 наименования. Выявлены основные тенденции в области коммерческой номинации косметических средств: использование графических особенностей (заглавных букв и символов) и фонетических средств (в том числе аллитерации, рифмы), включение окказионализмов, разговорных и сленговых фраз, культурных реалий и иноязычных вкраплений. Мотивировочная классификация наименований косметики позволила установить, что преобладающее число названий относится к отобъектным наименованиям с косвенным воплощением мотивировки, при этом наиболее наполненной и разнообразной среди них оказалась группа ассоциативно-сопоставительных номинаций. Такие наименования позволяют номинатору передать связь с номинируемым товаром, индивидуализировать его в ряду однотипных объектов (например, передать в наименовании оттенок косметического продукта) и вместе с тем проявить лингвокреативную способность личности номинатора. В числе неотобъектных номинаций преобладают единицы с непосредственным отражением мотивировки, реализующие рекламную функцию. Подобные аттрактивные названия актуализируют прагматический потенциал коммерческих наименований, в основе которых лежит не только индивидуализация объекта, но и привлечение потенциального покупателя.

Ключевые слова: ономазиология; номинация; прагматика; коммерческие наименования; английский язык; наименования косметических средств.

Настоящая статья посвящена изучению особенностей наименования косметических средств в современном английском языке. Исследование осуществляется на материале названий косметических товаров восьми британских и американских брендов, которые были выбраны с сайтов интернет-магазинов Space NK и Sephora (всего проанализировано 304 единицы). Наименования, рассматриваемые в данной статье, относятся к классу коммерческих наименований, используемых для обозначения фирменной продукции.

Под коммерческой номинацией, вслед за М. Е. Новичихиной, мы понимаем «языковую номинацию учреждений и товаров, преследующую коммерческие цели и ориентированную на получение коммерческой прибыли» [Новичихина 2004: 3]. Исследователь отмечает, что термин «коммерческая» применительно к данному виду именования мотивирован двумя причинами: во-первых, именуется коммерческий объект или товар, а во-вторых, данное именование преследует коммерческие цели, служит продвижению товара, услуги и т.п. на рынке [там же].

Прагматическую направленность в создании таких наименований подчеркивает О. Е. Синявская в работе «Коммерческая номинация как средство манипулятивного воздействия на потребителя». Исследователь трактует понятие «коммерческая номинация» как номинацию товаров, услуг и учреждений, преследующих коммерческие цели, которые предполагают реализацию прагматического потенциала наименования, созданного в соответствии с определенной интенцией неймера [Синявская 2013: 277].

Таким образом, важными функциями коммерческой номинации, помимо собственно номинативной и информативной, являются эстетическая, дифференцирующая, рекомендательная, аттрактивная, воздействующая [Новичихина 2004: 8; Ainiyala 2007: 225].

Следует признать, что несмотря на постоянное появление в мире новых продуктов, технологий и брендов (в частности, в сфере косметической промышленности) и, как результат, стремительный рост числа товарных наименований, область коммерческой номинации является недостаточно разработанной. В частности, возникает потребность в изучении особенностей конкретных ономазиологических классов.

Отдельную и важную группу товарных наименований представляют названия косметических средств. Отметим, что, хотя терминология сферы косметического производства и проблема ее системной организации неоднократно

становились предметом специального лингвистического изучения в русскоязычных работах (см., например, труды З. С. Гандалоевой [Гандалоева 2016], М. И. Малхазовой [Малхазова 2013] и др.), исследование наименований косметических товаров является относительно новым направлением в языкознании (см., например, работу Е. А. Сотниковой [Сотникова 2006]).

В зарубежной лингвистической науке весьма значительным представляется исследование Э. Уайт «Cosmetic Names: Their Formations and Semantic Implications» («Наименования косметических товаров: образование и семантическая импликация») [White 1952], автор которого рассматривает основные тенденции и приемы, применяемые в области номинирования косметических средств. В частности, это широкое использование метафор (например, в названиях губных помад *Cherry*, *Orange Fire*, *Poppy*) и аллюзий: упоминание произведений литературы (*Gone With the Wind*), исторических персонажей (*Marco Polo*), мифических героев (*Aphrodite*, *Medea*, *Venus*), городов (*Paris*) [там же: 25–27]. Э. Уайт отмечает, что наименования косметических средств часто содержат отсылки к романтическим и волнующим ожиданиям покупателя (например, духи *The Arabian Nights* «арабские ночи» и *Moonlight Mist* «лунный туман»), праздникам (например, духи *Confetti*), захватывающим и опасным событиям (парфюм *Danger!* «опасность» и *Shocking* «шокирующий»), спортивным играм и приключениям (особенно в названиях парфюмов для мужчин – например, *Rod and Gun* «удочка и ружье») [там же: 20]. В основе названий косметических средств, как правило, лежит идея личной привлекательности, успеха, роскоши – отсюда широкое использование названий драгоценных камней и металлов в наименованиях духов: например, *20 Carats* и *Platine*. По мнению Э. Уайт, обширное применение образных средств языка, аллюзий, а также фонетических приемов (в том числе рифмы и аллитерации) сближает коммерческую номинацию с художественной литературой [там же: 81].

В современном англоязычном интернет-пространстве обнаруживается большое количество заметок и статей, носящих рекомендательный характер в области наименования косметических средств: например, «Beautiful Names: Decoding Naming Secrets for Cosmetic Brands» [Labbrand 2018] / «Красивые названия: раскрывая секреты наименования косметических брендов», «214 Words To Name Your Skincare Products» [Lorraine 2014] / «214 слов для наименования ваших

средств по уходу за лицом», «How to Name a Product – 10 Tips for Product Naming Success» [Franklin] / «Как назвать ваш продукт – 10 секретов успешного наименования» и др. Авторы данных статей приводят списки слов, которые, по их мнению, являются наиболее эффективными, действенными и привлекательными для покупателя: например, *gorgeous* ‘великолепный’, *flawless* ‘безупречный’, *glowing* ‘светящийся’, *luminous* ‘блестящий’, *refreshing* ‘освежающий’, *renewing* ‘обновляющий’, *sensual* ‘чувственный’, *squeaky clean* ‘чистый до скрипа’, *super* ‘потрясающий’, *youth restoring* ‘омолаживающий» и др. [Labbrand 2018].

Кроме того, данные статьи содержат практические советы, подкрепляемые примерами узнаваемых и успешных названий товаров известных косметических брендов. Так, например, рекомендуется использовать наименования, в основе которых лежит яркая метафора: *Skin Power Bank* – крем, «заряжающий» кожу и снимающий признаки усталости (наименование базируется на сочетании *power bank* ‘внешний аккумулятор, используемый для зарядки электронных устройств’), *Swan Neck Mascara* – тушь, подчеркивающая длину и изгиб ресниц (*swan neck* ‘лебединая шея’), *The Lightbulb Fluid Foundation* – тональный крем, создающий эффект светящейся кожи (в основе названия лежит существительное *lightbulb* ‘лампочка’). Авторы данных статей также советуют включать в названия косметических средств разговорные фразы: например, *Don’t care Eyeshadow Primer* (в основе наименования праймера для век лежит разговорное выражение *don’t care* ‘мне все равно, мне безразлично’, создающее образ беззаботной и уверенной в себе покупательницы) и *Forget Him Body Wash* (в названии геля для душа присутствует словосочетание *forget him* ‘забудь его’, формирующее имидж сильной и независимой девушки) [там же]. Безусловно, включение таких фраз в наименование делает его более узнаваемым и «близким» для покупателя. Кроме того, в качестве удачных предлагаются названия, апеллирующие к визуальному восприятию товара покупателем и отражающие дизайн продукта: *Lancôme’s Little Black Bottle* (‘маленькая черная бутылочка от Ланком’), *HR’s Precious Green Bottle* (драгоценная зеленая бутылочка от Хелена Рубинштейн), *HR’s Leopard Mascara* (‘тушь фирмы Хелена Рубинштейн в леопардовом футляре») [там же].

На статьях комментируются типичные ошибки в области номинирования косметических средств: например, переизбыток в одном наименовании дескриптивной лексики, указывающей на достоинства товара (*moisturizing, whitening, brightening* ‘увлажняющий, отбеливающий, при-

дающий сияние’), или использование слишком сложной поэтической лексики. Вместе с тем выявляются культурные особенности восприятия номинаций в разных странах. Так, например, китайские покупатели предпочитают наименования, содержащие подробное описание свойств косметического продукта: крем с лаконичным названием *Dior Prestige* в Китае имеет дескриптивное название, которое дословно переводится с китайского как *Dior / Flower Honey / Rejuvenating / Face / Silk / Pleasure* (‘Диор / цветочный мед / омолаживающий / лицо / шелк / удовольствие’) [там же].

В англоязычном интернет-пространстве популярны и подборки самых необычных и креативных наименований декоративной косметики (например, губная помада *Unicorn Tears* ‘Слезы единорога’, жидкая помада *Catnip* ‘Кошачья мята’, карандаш для губ *Tea and Cookies* ‘Чай с печеньем’, блеск для губ *Chihuahua* ‘Чихуахуа’, блеск для губ *Grandma* ‘Бабушка» и др. [Green 2016]).

Вопрос мотивировки названий и роль номинатора в создании имени косметического товара – еще один аспект, который затрагивается в статьях зарубежных исследователей (см, например, [Maas 2015; Sanchez 2019]). Автор статьи «How Your Favourite Cosmetics Products Got Their Cheeky Names» («Как ваши любимые косметические продукты получили такие дерзкие названия») Р. Санчес приводит слова создателей наименований косметики известных американских брендов, подчеркивающих творческую природу процесса создания имени: «Мы черпаем вдохновение в путешествиях, природе, в мире моды, дома и в социальных сетях» [Sanchez 2019].

Итак, возрастающее число подобных статей в последние годы указывает не только на интерес к номинации косметических средств с точки зрения прагматики, но и на необходимость более глубокого теоретического осмысления лингвистической природы данных названий, выявления общих тенденций и законов, по которым они создаются. Кроме того, интерес читателей к таким интернет-сайтам вынуждает лингвистов не только активнее заниматься изучением особенностей коммерческой номинации, но и публиковать результаты своих исследований в популярных источниках.

Обратимся к рассмотрению наименований косметических товаров, выявленных нами. Названия были извлечены путем сплошной выборки с сайтов интернет-магазинов Space NK [Space NK] и Sephora [Sephora]. Space NK (Британия) и Sephora (США) представляют собой одни из крупнейших сетей магазинов парфюмерии и косметики мировых брендов. Всего нами было проанализировано 304 единицы кос-

метических товаров восьми британских и американских брендов: *Charlotte Tilbury, Hourglass, Becca, Eve Lom, Kevyn Aucoin, Laura Mercier, Nars, Tom Ford*. Данные единицы относятся к следующим категориям декоративной косметики: «Губные помады», «Блески для губ», «Карандаши для губ», «Тушь для ресниц», «Тени для век», «Румяна», «Пудры для лица», «Лаки для ногтей».

Анализ корпуса выявленных наименований состоял из двух этапов. На первом этапе нами были определены общие закономерности и тенденции, наблюдаемые в области номинирования отобранных косметических средств. Приведем основные из них.

Часто в наименованиях косметических товаров реализуются различные графические приемы. Среди них использование заглавных букв и пунктуационных знаков: например, тушь для ресниц **BADgal BANG! Volumizing Mascara**, лак для ногтей **Shine & Breathe Oxygenated Nail Lacquer**, тушь для ресниц **They're Real! Lengthening Mascara**, губная помада **K.I.S.S.I.N.G Lipstick**.

Широко применяются фонетические средства:

– рифма (например, тушь для ресниц *Velvet Noir Major Volume Mascara* – **Very Merry Cherry Edition**, лак для ногтей **Cherry Cherie Oxygenated Nail Lacquer**, набор лаков для ногтей *Color Changing Nail Polish Duo* – **Are You Hot Or Not**, тени для век **Starry Eyes to Hypnotise Eyeshadow Palette**, тени для век **Eyes To Mesmerise Eyeshadow**);

– оноματοпия (например, тушь для ресниц **BADgal BANG! Volumizing Mascara** – лексема *bang* имитирует звук выстрела);

– каламбуры (например, тушь для ресниц **Eye-tinerary Mascara Duo**, в основе названия которой лежит замена начальной буквы *i* в исходном существительном *itinerary* на омофон *eye* ‘глаз’, тушь для ресниц **No Mascara Mascara** ‘тушь с эффектом без туши’, лак для ногтей **Cherry Cherie Oxygenated Nail Lacquer**, название которого основано на созвучии английского слова *cherry* ‘вишня’ и французского вкрапления *cherie* ‘дорогая’);

– аллитерация (набор лаков для ногтей **Peachy and Perky Nail Polish Set**, набор туши для ресниц **Save, Share, and Surprise Mascara Set**, набор лаков для ногтей **Super Sexy Strong Nail Duo**);

– повторы (например, декоративный набор для глаз, губ и щек **Glow, Glow, Glow Set**).

Безусловно, данные фонетические средства служат средством привлечения внимания покупателей.

В составе проанализированных наименований косметических средств широко используются

окказионализмы – уникальные слова и сочетания, образованные номинатором и отражающие его лингвокреативную способность: например, набор лаков для ногтей *I Like You a Choco-Lot Nail Polish Quad Set* (можно предположить, что окказионализм *a choco-lot* образован путем слияния слов *chocolate* и *a lot* и используется для усиления значения глагола *нравиться*), румяна **GALifornia Golden Pink Blush** (окказионализм *GALifornia* возник в результате слияния топонима *California* и разговорного слова *gal* ‘девчонка’), тушь для ресниц **Glamolash XXL Mascara Mink** (окказионализм *glamolash* образован путем соединения слов *glamor* ‘очарование’ и *lash* ‘ресницы’), тушь для ресниц **Tartiest Lash Paint Mascara** (окказионализм *tartiest* является результатом слияния названия бренда *Tarte* и суффикса *-est*, используемого для образования превосходной степени прилагательного), блеск для губ **Liptuitive Glow Lip Gloss** (можно предположить, что окказионализм *liptuitive* образован путем слияния слов *lip* ‘губы’ и *intuitive* ‘интуитивный, обладающий интуицией’).

Отдельно можно выделить окказионализмы, состоящие из существительного и прилагательного (или двух существительных), имеющих слитное написание. Это позволяет более емко и лаконично охарактеризовать особенности товара: например, румяна **Sugarbomb Blush Mini** (*sugar + bomb*), тушь для ресниц **Emotionproof Mascara** (*emotion + proof*), блеск для губ **Stickgloss Lip Colour** (*stick + gloss*), пудра **Candleglow Sheer Perfecting Powder** (*candle + glow*).

Частотны наименования, в составе которых присутствуют сленговые и разговорные выражения: например, тушь для ресниц **BADgal Lash Mascara Mini** (в основе наименования лежит слово *gal* ‘девчонка’, которое является сленговой версией нейтрального *girl*), тушь для ресниц **Go Big or Go Home Mascara** (в основе названия – выражение *go big or go home* ‘играй по-крупному или уходи, иди до конца’, которое используется в разговорной речи и служит призывом сделать все возможное), тушь для ресниц **KUSH High Volumizing Mascara** (в основе наименования лежит слово *kush* – название марихуаны высокого качества, образованное от названия региона Гиндукуш, а выражением *kush high* обозначается пик наркотического опьянения), тушь для ресниц **Extreme Eye Bad Ass Mascara** (в основе номинации – сленговое американское прилагательное *bad ass* ‘крутой, потрясающий’), набор лаков для ногтей **Coco For Real Nail Polish Duo** (в основе наименования лежит сленговое выражение *for real* ‘на самом деле, серьезно’), набор лаков для ногтей **Just Kinda Bliss Nail Duo** (номинация ос-

нована на разговорном выражении *just kinda* ‘вроде как, своего рода’), тушь для ресниц *Lash Freak Volumizing & Lengthening Mascara* (в основе – разговорное слово *freak* ‘чудак, фрик’).

Встречаются наименования, содержащие узнаваемые для носителей англоязычной культуры реалии: лак для ногтей *Never Never Land* («Нетландия» – название альбома английской рок-группы Pink Fairies), лак для ногтей *All Fired Up Gel Lab Pro Collection* (в основе номинации – название песни британско-ирландской группы The Saturdays). Кроме того, выявляются наименования, содержащие отсылку к географическим реалиям: например, губная помада *Hollywood Lips*.

Выделяются наименования, содержащие иноязычные (французские) вкрапления: например, *Crème Cheek Colour*, лак для ногтей *Ring A Posie Oxygenated Nail Lacquer*, лак для ногтей *Au Naturel Oxygenated Nail Lacquer*, лак для ногтей *Mystere Oxygenated Nail Lacquer*, бальзам для губ *Lip Parfait Creamy Colourbalm*, бальзам для губ *Infusion de Rose Nourishing Lip Balm*, палетка теней для век *Voyageur Eyeshadow Palette Mini*, блеск для губ *Glow Gloss Champagne Crème*.

В структурном отношении преобладают наименования, представляющие собой словосочетания (например, *Genius Magic Powder*) или даже предложения (например, набор лаков для ногтей *Crystals Made Me Do It Nail Polish Duo*). Менее частотными оказываются однословные наименования.

Вторым этапом практической работы с материалом стало разделение выявленных номинаций по принципу мотивированности с опорой на исследование С. О. Горяева [Горяев 1999]. В основе данной классификации лежит бинарное противопоставление номинаций отобъектных, в основе которых лежит указание на особенности и качества номинируемого объекта, и неотобъектных, отражающих предпочтения и установки номинатора.

Из 304 рассматриваемых номинаций 155 являются отобъектно мотивированными и 149 – неотобъектно мотивированными. Для каждого из рассматриваемых наименований далее был определен тип воплощения мотивировки: прямой и косвенный.

Отобъектно мотивированные номинации с прямым воплощением мотивировки (51 единица) были разделены на комплексно описательные номинации, описывающие несколько качеств объекта (30 единиц), и характеризующие-выделительные, актуализирующие один признак (21 единица). К первой группе относятся названия, описывающие преимущественно пудры для лица (например, *Under Eye Brightening Setting Powder* ‘Фиксирующая осветляющая пудра для

области под глазами’), *Light Reflecting Pressed Setting Powder* ‘Светоотражающая прессованная фиксирующая пудра’), *Invisible Loose Setting Powder* ‘Бесцветная фиксирующая рассыпчатая пудра’), *Hydrating Clear Lipstick* ‘Увлажняющая прозрачная помада для губ’). Ко второй категории относятся по большей части названия пудры и карандашей для глаз и губ: например, *Anti-feathering Lip Pencil* ‘Карандаш для губ, препятствующий растеканию помады’), *Loose Powder* ‘Рассыпчатая пудра’). *Mineral Powder* ‘Минеральная пудра’).

С одной стороны, представленные отобъектно мотивированные номинации с прямым воплощением мотивировки содержат в самом имени сведения о свойствах товара (например, о его предназначении или способе применения) и являются информативными и логичными. С другой стороны, в условиях высокой конкуренции на рынке косметических средств номинаторы часто вынуждены отказываться от подобных дескриптивных названий и создавать более креативные наименования с целью привлечения покупателей.

Отобъектно мотивированные номинации с косвенным воплощением мотивировки (всего выявлено 104 единицы) демонстрируют ассоциативную связь между свойствами продукта и его наименованием. Они подразделяются на реально-отождествляющие наименования (41 единица) и ассоциативно-сопоставительные наименования (63 единицы).

В основе реально-отождествляющих наименований лежит образ, имеющий непосредственные ассоциации с объектом, это «предметная характеристика признака»: например, *Wonderwand Intensely Volumising Mascara* (тушь ресниц ‘Волшебная палочка’, признак – характер действия), *Velvet Shadow Stick* ‘Бархатные тени для век, признак – результат применения’), *Glass Glow Lip Gloss* ‘Зеркальный блеск для губ’, признак – результат применения’), *Full Vinyl Lip Lacquer* ‘Виниловый лак, создающий эффект пухлых губ’, признак – результат применения’), *The Exotique Diamond Eye Gloss* (блеск для век ‘Экзотический бриллиант’, признак – результат применения’), тушь для ресниц *Mile High Club Mascara* (тушь для ресниц ‘Высотой в милю’, признак – результат применения’), тушь для ресниц с тройным действием *Triple Shot Mascara* ‘Тройной удар’, признак – результат применения’).

В случае с ассоциативно-сопоставительными наименованиями создаваемый образ связан со свойствами объекта через ассоциативную цепочку. Например, тушь для увеличения объема и подкручивания ресниц *SEA Surfer Curl Volumizing Mascara* ‘Морской серфингист’, подкручи-

вающая тушь для ресниц *Lash Rays Mascara* ('Лучи из ресниц'), тушь для увеличения объема и удлинения ресниц *Superhero Elastic Stretch Volumizing and Lengthening Mascara* ('Супергерой'), лак для ногтей *Lilac Fairy Oxygenated Nail Lacquer* ('Сиреневая фея'), лак для ногтей *Purple Rain Oxygenated Nail Lacquer* ('Пурпурный дождь'), лак для ногтей *Golden Hour Oxygenated Nail Lacquer* ('Золотой час'), лак для ногтей *Pink Tulip Oxygenated Nail Lacquer* ('Розовый тюльпан'), лак для ногтей *Pomegranate Juice Oxygenated Nail Lacquer* ('Гранатовый сок'), лак для ногтей *Strawberry Jam Oxygenated Nail Lacquer* ('Клубничный джем'), лак для ногтей *White Mist Oxygenated Nail Lacquer* ('Белый туман'), палетка теней для век *Afterglow Eyeshadow Palette* ('Вечерняя заря'), лак для ногтей *Rose Blossom Oxygenated Nail Lacquer* ('Цветение розы').

Приведенная группа ассоциативно-сопоставительных номинаций является наиболее наполненной среди всех классов отобъектно мотивированных номинаций. Отметим, что ассоциативно-сопоставительные номинации чаще всего используются для номинирования губных помад и лаков для ногтей, поскольку позволяют наиболее точно описать оттенок средства. Так номинатору удается сохранить баланс между информативностью имени и его привлекательностью для покупателя.

По тому же принципу выявленные неотобъектно мотивированные номинации были разделены нами на названия с прямым (90 примеров) и косвенным (59 примеров) воплощением мотивировки. Безусловно, данные наименования, не зависящие от особенностей называемого объекта, представляют особый интерес для исследователя в связи с преобладанием в них авторского, творческого начала и могут рассматриваться как результат «номинативной рефлексии» номинатора.

В неотобъектные названия с прямым воплощением мотивировки (90 единиц) входят наименования, указывающие на потенциального адресата (14 названий), и ситуативные номинации, ориентированные на общее отношение субъекта и адресата к номинативной ситуации (76 названий).

Помимо названий, указывающих непосредственно на адресата (7 названий, например: лак для ногтей *Fashionista Oxygenated Nail Lacquer* ('Модница'), *BADgal Lash Mascara Mini* ('Дерзкая девчонка'), палетка теней для век *Voyageur Eyeshadow Pallette Mini* ('Путешественник'), выделяются и такие, которые содержат побуждение адресата к действию (7 названий, например: набор туши для ресниц *Save, Share, and Surprise Mascara Set* ('Сохрани, поделись и удиви'), тушь для ресниц *Go Big or Go Home Mascara* ('Играй по-крупному или уходи').

Ситуативные номинации подразделяются на две группы: рекламно-оценочные и географические номинации.

Преобладают рекламно-оценочные номинации (69 названий) — это названия, актуализирующие положительную оценку свойств объекта, при этом сами свойства не конкретизированы: *Iconic Treatment-enriched Nail Polish* ('Легендарный лак для ногтей'), тушь для ресниц *Legendary Lashes Mascara* ('Легендарные ресницы'), *Super Sexy Strong Nail Duo* ('Суперсексуальный набор из двух стойких лаков для ногтей'), *Sumptuous Extreme Lash Multiplying Volume Mascara* ('Роскошная тушь для экстремального увеличения объема ресниц'), *Bestselling Mascara* ('Тушь-бестселлер'), *Luxury Eye Palette* ('Роскошная палетка теней'), *Unforgettable Lipstick* ('Незабываемая губная помада'), *Signature Eye Palette* ('Всем известная палетка теней для век'). Подобные аттрактивные названия оказываются наиболее частотны при номинировании туши для ресниц, что, вероятно, объясняется отсутствием явных и разнообразных объективных характеристик данного типа товара.

«Географические» наименования, в основе которых лежат топонимы, являются немногочисленной группой (7 наименований), например: лак для ногтей *Santorini Oxygenated Nail Lacquer*, румяна *Georgia Blush*, румяна *Dallas Blush Mini*, палетка теней для век *Parisian Nudes Eyeshadow Palette*.

Неотобъектно мотивированные номинации с косвенным отражением мотивировки делятся на семантически мотивированные и фонетически мотивированные номинации.

В основе семантически мотивированных наименований (всего 37 названий) лежат понятия, обладающие положительными ассоциациями. Как правило, это различные общественно значимые понятия: например, лак для ногтей *Kindness Oxygenated Nail Lacquer by Nailberry* ('Доброта'), лак для ногтей *Peace Oxygenated Nail Lacquer by Nailberry* ('Мир'), лак для ногтей *Honesty Oxygenated Nail Lacquer* ('Честность'), лак для ногтей *Elegance Oxygenated Nail Lacquer* ('Элегантность'). Также это могут быть лексемы, имеющие положительные ассоциации: например, лак для ногтей *Permanent Vacation – Gel Lab Pro Color Collection* ('Вечные каникулы'), набор из двух лаков для ногтей *Seeing Stars Nail Duo* ('Наблюдая за звездами'), лак для ногтей *Serenity Oxygenated Nail Lacquer* ('Безмятежность'), лак для ногтей *Harmony Oxygenated Nail Lacquer by Nailberry* ('Гармония'), набор из двух лаков для ногтей *Just Kinda Bliss Nail Duo* ('Своего рода блаженство'), лак для ногтей *Romance Oxygenated Nail Lacquer* ('Роман, любовная история').

Фонетически мотивированные названия (22 единицы) основаны на эффектной звуковой форме: например, румяна *Cheek To Chic Blush*, тушь для ресниц *BADgal BANG! Volumizing Mascara*, набор лаков для ногтей *Peachy and Perky Nail Polish Set*, бальзам для губ *Kiss Mix Tints*, губная помада *K.I.S.S.I.N.G Lipstick*, лак для ногтей *Cherry Cherie Oxygenated Nail Lacquer*, палетка теней для век *Starry Eyes to Hypnotise Eyeshadow Palette*, тени для век *Eyes To Mesmerise Eyeshadow*.

Итак, в результате анализа механизмов создания наименований косметических средств в современном английском языке нам удалось установить, что преобладающее число названий относится к отобъектным наименованиям с косвенным воплощением мотивировки, при этом наиболее наполненной и разнообразной среди них оказалась группа ассоциативно-сопоставительных номинаций. Такие наименования позволяют номинатору передать отобъектную связь с номинируемым товаром, индивидуализировать его в ряду однотипных объектов (например, передать в наименовании оттенок) и вместе с тем проявить лингвокреативную способность личности номинатора. В числе неотобъектных номинаций основной массив составляют единицы с непосредственным отражением мотивировки, реализующие рекламную функцию. Подобные аттрактивные названия актуализируют прагматический потенциал коммерческих наименований, в основе которых лежит не только индивидуализация объекта, но и привлечение потенциального покупателя.

Исходя из прагматической направленности коммерческих наименований косметических средств, перспективным представляется изучение их восприятия носителями языка. Применение психолингвистического подхода при анализе торговых наименований позволит не только оценить степень успешности воздействия наименований на потребителя, но и разработать рекомендации по созданию эффективных названий в будущем.

Список литературы

Гандолова З. С. Основные тематические группы англоязычной терминологии сферы парфюмерного и косметического производства // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2016. № 2. С. 39–45.

Горяев С. О. Номинативные интенции субъекта ономастической номинации (на материале русских прагмонимов): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Екатеринбург, 1999. 165 с.

Малхазова М. И. Сравнительно-сопоставительный анализ лексико-семантического поля «Декоративная косметика и парфюмерия» и про-

блемы перевода: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. М., 2013. 199 с.

Новичихина М. Е. Теоретические проблемы исследования эффективности коммерческой номинации: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19. Воронеж, 2004. 37 с.

Синявская О. Е. Коммерческая номинация как средство манипулятивного воздействия на потребителя // Научный вестник Херсонского университета. Сер. Лингвистика. 2013. Вып. 18. С. 276–282.

Сотникова Е. А. Ономастическое пространство названий парфюмерной продукции в русском языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Елец, 2006. 259 с.

Ainiala T., Saarelma M., Sjoblom P. Names in Focus: An Introduction to Finnish Onomastics. Helsinki, 2007. 287 p.

Franklin T. How to Name a Product – 10 Tips for Product Naming Success // AYTM Blogs. URL: <https://aytm.com/blog/how-to-name-a-product-10-tips-for-product-naming-success/> (дата обращения: 8.09.2021).

Green T. 20 Lipstick Names That Are Awkward As Hell // BuzzFeed. September 19, 2016. URL: <https://www.buzzfeed.com/treyegreen/lipstick-names-awkward-weird> (дата обращения: 8.09.2021).

Labbrand – Beautiful Names: Decoding Naming Secrets for Cosmetic Brands. 22 May, 2018. URL: <http://www.labbrand.com/brandsource/beautiful-names-decoding-naming-secrets-for-cosmetic-brands> (дата обращения: 8.09.2021).

Lorraine D. 214 Words To Name Your Skincare Products // Skincare Business Secrets. 2014. URL: <http://www.herbhedgegrow.co.uk/214-words-to-legally-name-your-skincare-products-without-getting-into-trouble/> (дата обращения: 8.09.2021).

Maas L. What's in a Shade Name // Into the Gloss. 2015. URL: <https://intothegloss.com/2015/06/history-of-beauty-product-names> (дата обращения: 8.09.2021).

Sanchez R. How Your Favourite Cosmetics Products Got Their Cheeky Names // Teen Vogue. April 11, 2019. URL: <https://www.teenvogue.com/story/cosmetic-products-naming-process> (дата обращения: 8.09.2021).

Sephora – Sephora: Cosmetics, Beauty Products, Fragrances & Tools. URL: <https://www.sephora.com> (дата обращения: 8.09.2021).

Space NK – Space NK Apothecary London: Luxury Beauty Products / Skincare / Makeup. URL: https://www.spacenk.com/uk/en_GB/stores.html (дата обращения: 8.09.2021). White B. Cosmetic Names: Their Formations and Semantic Implications. McKinney, Texas, 1952. 88 p.

References

- Gandoloeva Z. S. Osnovnye tematicheskie gruppy angloyazychnoy terminologii sfery parfyumernogo i kosmeticheskogo proizvodstva [Basic thematic groups of English terms of perfumery and cosmetics industry]. *Vestnik VGU. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and intercultural communication], 2016, issue 2, pp. 39–45. (In Russ.)
- Goryaev S. O. *Nominativnye intentsii sub"ekta onomasticheskoy nominatsii (na materiale russkikh pragmonimov)*. Diss. kand. filol. nauk [Nominative intentions of the subject of onomastic naming (based on the study of Russian pragmonyms). Cand. philol. sci. diss.]. Ekaterinburg, 1999. 165 p. (In Russ.)
- Malkhazova M. I. *Sravnitel'no-sopostavitel'nyy analiz leksiko-semanticheskogo polya 'Dekorativnaya kosmetika i parfumeriya'*. Diss. kand. filol. nauk [Comparative analysis of lexico-semantic field 'Makeup and perfumery'. Cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 2013. 199 p. (In Russ.)
- Novichikhina M. E. *Teoreticheskie problemy issledovaniya effektivnosti kommercheskoy nominatsii*. Avtoreferat diss. kand. filol. nauk [Studying the effectiveness of commercial naming: theoretical issues. Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Voronezh, 2004. 37 p. (In Russ.)
- Sinyavskaya O. E. Kommercheskaya nominatsiya kak sredstvo manipulyativnogo vozdeistviya na potrebitelya [Commercial naming as a means of manipulative impact on the consumer]. *Nauchnyy vestnik Khersonskogo universiteta. Ser.: Lingvistika* [Scientific Journal of Kherson State University. Series: Linguistics], 2013, issue 18, pp. 276–282. (In Russ.)
- Sotnikova E. A. *Onomasticheskoe prostranstvo nazvaniy parfyumernoy produktsii v russkom yazyke*. Diss. kand. filol. nauk [Onomastic field of perfume names in the Russian language. Cand. philol. sci. diss.]. Elets, 2006. 259 p. (In Russ.)
- Ainiala T., Saarelma M., Sjöblom P. *Names in Focus: An Introduction to Finnish Onomastics*. Helsinki, Studia Fennica Linguistica, 2007. 287 p. (In Eng.)
- Franklin T. How to name a product — 10 tips for product naming success. *AYTM Blogs*. Available at: <https://aytm.com/blog/how-to-name-a-product-10-tips-for-product-naming-success/> (accessed 08.09.2021). (In Eng.)
- Green T. 20 Lipstick names that are awkward as hell. *Buzzfeed*, September 19, 2016. Available at: <https://www.buzzfeed.com/treyegreen/lipstick-names-awkward-weird> (accessed 08.09.2021). (In Eng.)
- Labbrand – beautiful names: Decoding naming secrets for cosmetic brands. May 22, 2018. Available at: <http://www.labbrand.com/brandsource/beautiful-names-decoding-naming-secrets-for-cosmetic-brands> (accessed 08.09.2021). (In Eng.)
- Lorraine D. 214 words to name your skincare products. *Skincare Business Secrets*, 2014. Available at: <http://www.herbhedgerow.co.uk/214-words-to-legally-name-your-skincare-products-without-getting-into-trouble/> (accessed 08.09.2021). (In Eng.)
- Maas L. What's in a shade name. *Into the Gloss*, 2015. Available at: <https://intothegloss.com/2015/06/history-of-beauty-product-names/> (accessed 08.09.2021). (In Eng.)
- Sanchez R. How your favorite cosmetics products got their cheeky names. *Teen Vogue*, April 11, 2019. Available at: <https://www.teenvogue.com/story/cosmetic-products-naming-process> (accessed 08.09.2021). (In Eng.)
- Sephora: Cosmetics, beauty products, fragrances & tools. Available at: <https://www.sephora.com> (accessed 08.09.2021). (In Eng.)
- Space NK Apothecary London: Luxury beauty products, skincare, makeup. Available at: https://www.spacenk.com/uk/en_GB/stores.html (accessed 08.09.2021). (In Eng.)
- White B. *Cosmetic Names: Their Formations and Semantic Implications*. Denton, Texas, North Texas State College, 1952. 88 p. (In Eng.)

On the Study of Naming Mechanisms in Commercial Sphere (Based on Makeup Product Names in the English Language)

Ekaterina V. Lartseva

Associate Professor in the Department of Germanic Philology

Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin

15, prospect Lenina, Ekaterinburg, 620002, Russian Federation. ekalarceva@yandex.ru

SPIN-code: 7790-4257

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0441-6308>

ResearcherID: B-8223-2019

Alexandra A. Kabalnova

Bachelor's Graduate, Department of Germanic Philology

Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin

15, prospect Lenina, Ekaterinburg, 620002, Russian Federation. kabalnova.alya@mail.ru

SPIN-code: 3222-7416

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7640-4410>

Received 8 Oct 2021

Revised 29 Nov 2021

Accepted 6 Dec 2021

For citation

Lartseva E. V., Kabalnova A. A. K izucheniyu mekhanizmov nominatsii v kommercheskoy sfere (na materiale nazvaniy kosmeticheskikh sredstv v angliyskom yazyke) [On the Study of Naming Mechanisms in Commercial Sphere (Based on Makeup Product Names in the English Language)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2022, vol. 14, issue 1, pp. 55–63. doi 10.17072/2073-6681-2022-1-55-63 (In Russ.)

Abstract. The article deals with the mechanisms of commercial naming in present-day English. Commercial naming is understood as linguistic naming of various products and businesses used for commercial purposes and aimed at obtaining financial benefit. In spite of the constantly emerging and developing markets, technologies, and brands, and, consequently, the continuous creation of new product names, commercial naming is still a relatively new area within onomasiology, which necessitates linguistic research and in-depth interpretation of the main features and trends in commercial naming. The authors analyze makeup product names of eight British and American brands on the websites Space NK and Sephora. The analysis covers 304 names. The following trends in the creation of commercial cosmetic names have been identified: the use of graphic means (capital letters and special symbols), phonetic devices (alliteration and rhyme), nonce words, colloquial and slang phrases, the incorporation of cultural allusions and foreign language insertions. The motivational classification of makeup product names reveals that the majority of these names are object-based names with indirect motivation, a considerable part of which are associative-contrastive names. Such names enable the name giver to convey the objective link to the object, to distinguish it from other objects of the same type (for example, to define the color of the cosmetic product), and at the same time to display the linguistic-creative potential of the name giver. The majority of names not motivated by the object are those with direct motivation, performing the function of advertising. Such names reveal the pragmatic potential of commercial names, whose aim is not only to describe the object but to get the attention of the potential customer.

Key words: onomasiology; naming; pragmatics; commercial names; English language; makeup product names.

УДК 811.112
doi 10.17072/2073-6681-2022-1-64-72

Типы заголовков в немецкоязычных авторских энигматических текстах

Кристина Александровна Новикова

преподаватель кафедры немецкой филологии

Кубанский государственный университет

350040, Россия, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149. kristinanovikova2012@mail.ru

SPIN-код: 7838-4104

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2308-2398>

ResearcherID: AAX-2803-2021

Статья поступила в редакцию 09.09.2021

Одобрена после рецензирования 09.11.2021

Принята к публикации 20.11.2021

Информация для цитирования

Новикова К. А. Типы заголовков в немецкоязычных авторских энигматических текстах // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2022. Т. 14, вып. 1. С. 64–72. doi 10.17072/2073-6681-2022-1-64-72

Аннотация. Цель исследования заключается в анализе типов заголовков немецкоязычных авторских энигматических текстов конца XVIII – начала XX в. Рассматриваются взгляды отечественных и зарубежных исследователей на функциональный потенциал заголовка в структуре текста. Описываются следующие функции заголовка: назывная, аттрактивная, содержательная, интертекстуальная, декодирующая, текстообразующая, эстетическая. Кроме того, излагаются взгляды лингвистов на заголовок как одно из средств выражения адресованности текста. В рамках исследования предпосылок возникновения заголовков немецкоязычных загадок освещается роль сборника загадок римского поэта Симфония в развитии немецкоязычных энигматических текстов и влиянии на него произведений поэта-эпиграмматиста Марка Валерия Марциала.

В основе исследования эмпирического материала – методы компонентного, контекстуального и стилистического анализа. С опорой на метод направленной выборки сформирован корпус заголовков. В результате исследования семантической связи заголовка с закодированным в соответствующем тексте энигматом было выделено три типа заглавий: заглавия – метафоры энигмата, классические заглавия и заглавия-посвящения. Тип «заглавия-метафоры» представлен двумя подгруппами. В первую подгруппу входят заглавия-метафоры, мотивированность которых очевидна без прочтения энигматического текста. Заглавия-метафоры второй подгруппы, напротив, представляют собой дополнительную загадку для адресата. Классические заглавия служат семантической сверткой энигматора; заголовки-посвящения эксплицируют намерение адресанта в обращении к определенной личности. Сделан вывод о том, что заголовок как нетипичный структурный элемент энигматического текста демонстрирует семантическое разнообразие и создает дополнительную прагматическую нагрузку для данного типа текста.

Ключевые слова: заголовок; структура текста; адресованность; энигматический текст; энигмат; энигматор.

В процессе исследования корпуса немецкоязычных авторских энигматических текстов мы обнаруживаем ряд текстов с заголовками, что является нетипичной характеристикой типа тек-

ста «загадка». Как известно, фольклорные загадки не имеют заглавий, а озаглавленные авторские энигматические тексты встречаются крайне редко. Так, например, Т. В. Струкова в своем объеме

ном исследовании русских авторских загадок отмечает наличие заголовков лишь у некоторых детских загадок последней четверти XX в., функцией которых выступает упрощение процесса дешифровки энигмата [Струкова 2019: 166].

Истоки возникновения данного явления возможно увидеть, обратившись к истории становления европейской загадки. Важная роль в развитии немецкоязычных энигматических текстов отводится сборнику загадок римского поэта Симфония (IV–V вв. н.э.). Вероятным источником вдохновения при создании данного сборника послужили тематика и структурная композиция произведений поэта-эпиграмматиста Марка Валерия Марциала (I в. н.э.). Сборник Симфония состоит из 100 трехстрочных загадок, написанных гекзаметром. Каждое трехстишие имеет заголовок, который представляет собой отгадку данной загадки. По предположению В. Келлинг, наличие отгадки в самом заголовке говорит о том, что для автора на первом месте было поэтическое описание загаданного предмета, а не нахождение отгадки. Наличие заголовков в именительном падеже единственного и множественного числа, как и в эпиграммах Марциала, позволяет автору провести параллель между загадками и эпиграмматической поэзией и рассматривать загадки как своего рода описательные эпиграммы [Kelling 2010]. Как отмечает Т. Томашек, такого рода описательные эпиграммы с тематическим заголовком были распространенным литературным явлением раннего Средневековья. В эпоху барокко (XVII в.), в которой подобные эпиграммы также пользовались популярностью, поэты начинают размещать заголовок под текстом, в том числе в перевернутом виде, делая акцент на проверочно-испытательной функции текста. Таким образом, авторы, понимающие связь между стихотворной загадкой и эпиграммой и периодически использующие данные понятия как синонимы, дистанцируют их конститутивные характеристики. Т. Томашек подчеркивает, что в дальнейшем развитии истории загадок заголовки почти исчезают [Tomasek 2009: 322.]. Данная мысль подтверждается и в процессе нашего исследования: произведения с заголовками действительно составляют лишь небольшую часть энигматического корпуса конца XVIII – начала XX в. Тем не менее обращение к исследованию функционирования заголовков энигматических текстов призвано не только выявить и систематизировать особенности рассматриваемых текстов, но и обогатить теорию авторского энигматического немецкоязычного текста.

Обратимся к роли заголовка в структуре текста. Ученые, исследуя заголовки на материале

различных типов текста, рассматривают его как элемент текста, способный выполнять следующие функции: назывную, аттрактивную, содержательную, декодирующую, интертекстуальную, эстетическую и функцию связности. Заголовок реализует назывную функцию, являясь именем текста, которое «создается специально для данного текста и принадлежит только ему одному» [Веселова 1998: 4]. Н. А. Фатеева различает две стороны данной функции: внешнюю репрезентативную, обращенную к реципиенту, поскольку заголовок выступает «представителем и заместителем текста во внешнем мире», и внутреннюю назывную, осуществляемую «автором художественного произведения в соответствии с внутренней заданностью текста» [Фатеева 2010: 9].

Аттрактивная функция реализуется, согласно Т. С. Мониной, на первом этапе восприятия адресантом заголовка. Уже после привлечения внимания формой заголовка реципиент может заинтересоваться его семантической стороной, проявить интерес к предполагаемой информации, представленной заголовком в сжатой форме, и приступить к чтению текста [Монина 2018].

Заголовок, именуя текст и пробуждая интерес потенциального читателя, одновременно представляет собой, как правило, сжатое содержание данного текста. Так, С. Д. Кржижановский считает заглавие «стянутой до объема двух-трех слов книгой» [Кржижановский 1931: 3], В. А. Лукин – «семантической сверткой всего текста» [Лукин 1999: 102], Н. А. Веселова – элементом, «полнее всего воплощающим смысл текста» [Веселова 1998: 5], И. Р. Гальперин – «компрессированным, нераскрытым содержанием текста, которое можно метафорически изобразить в виде закрученной пружины, раскрывающей свои возможности в процессе развертывания» [Гальперин 1981: 133], Б. Г. Бобылев – «свернутой пружинкой», развертывание которой дает в итоге весь текст работы» [Бобылев 1987: 83]. В этой способности заголовка передавать основную мысль текста реализуется, по мнению Е. И. Бударagiной, его содержательная функция [Бударagina 2006].

Однозначная интерпретация центральной идеи текста не всегда возможна при изолированном прочтении его заглавия. Существует мнение, что заглавие способно выступать в роли декодирующего элемента соответствующего текста. Так, например, Н. А. Веселова считает, что заголовки являются инструментом «познания и интерпретации смысла текста» [Веселова 1998: 5]. Е. И. Бударagina также говорит о значимости заголовка в переосмыслении уже прочитанного текста, подчеркивая при этом возможность влия-

ния самого текста на иное восприятие значения заголовка [Бударагина 2006: 117]. Взаимодействие заголовка и текста Н. А. Фатеева рассматривает в рамках связанных друг с другом внешней функции организации читательского восприятия и внутренней текстообразующей функции. Опираясь на идеи Ю. М. Лотмана, она полагает, что в результате вышеназванного взаимодействия возникает «порождение новых смыслов», и считает заглавие «компонентом художественного произведения, порождающим текст и порожденным текстом» [Фатеева 2010: 10]. В. А. Лукин, также описывая отношения заглавия и текста, говорит о внутритекстовой функции заглавия и подчеркивает, что полное восприятие заголовка возможно лишь после прочтения текста. Ученый, кроме этого, указывает на функцию связности, выполняемую заголовком в случае его повторения в тексте [Лукин 1999].

Заголовок, наряду с взаимодействием с обозначаемым им текстом, имеет возможность функционировать и в отрыве от него, например, в библиотечных каталогах или оглавлениях. Иными словами, реализация интертекстуальной функции заголовка осуществляется через способность быть ориентиром среди большого количества текстов [Лукин 1999]. Данная мысль находит свой отклик и в исследовании Н. А. Фатеевой при описании соединительной функции заглавия. По ее мнению, заглавие, выполняя контактоустанавливающую функцию между читателем и произведением, в то же время осуществляет соотнесение «своего» текста с другими текстами, «внося данное заглавие в общую систему культурной памяти» [Фатеева 2010: 10].

По отношению к «своему» тексту заглавие выполняет эстетическую функцию, значение которой находится во взаимосвязи с содержанием текста и его жанровой принадлежностью. Н. А. Фатеева, описывая данную функцию, подчеркивает ее многоликость и, приводя список из 18 значений, высказывает предположение об еще более широком диапазоне возможных эстетических смыслов. Так, согласно позиции ученого, заголовки способны иметь такие функциональные эстетические значения, как символическое, ироническое, иносказательное, рекламно-интригующее, эпатирующее и др. [там же: 11]. Релевантным для нашего исследования мы считаем упоминание в данном контексте функции разгадки, реализуемой, по замечанию Н. А. Фатеевой, заголовками стихотворных произведений. Исследователь ссылается на работу М. Л. Гаспарова, который характеризовал тексты стихотворений Б. Лившица как закодированные описания предметов, а их заглавия – как ключи к загадкам [Гаспаров 1984: 95].

Анализ вышеперечисленных функций позволяет сделать вывод о возможности рассмотрения заголовка как одного из средств адресованности текста. Наша мысль находит подтверждение в работах Е. И. Бударагиной [2006], Т. С. Мониной [2018], С. А. Шантарович [2004], М. А. Олейник (Oleynik) [2017, 2019], Т. В. Поздеевой [2011], Э. А. Лазаревой [2006], Н. А. Веселовой [1998], Н. А. Фатеевой [2010].

Так, например, Э. А. Лазарева рассматривает заголовок как ключевую позицию текста, ориентированную на адресата тем, что он помогает ему при вхождении в определенный дискурс и в понимании текста [Лазарева 2006: 158]. Е. И. Бударагина считает, что заглавие как средство адресованности управляет восприятием и интерпретацией текста рецепиентом [Бударагина 2006: 10]. Н. А. Фатеева называет заглавие загадкой, которую автор загадывает читателю и отгадать которую помогает знакомство с самим текстом произведения [Фатеева 2010: 9].

Анализ заголовков в энигматических текстах дает возможность высказать предположение о том, что автор, давая заглавие такого рода тексту, прибегает к дополнительному способу коммуникации с читателем, поскольку энигматический текст по своей природе ориентирован на адресата. Исследование особенностей заголовка как средства адресованности энигматического текста позволило нам выделить несколько типов заголовков.

К первому типу мы относим заголовки энигматических текстов, являющиеся метафорическим переосмыслением зашифрованных энигматов. Рассмотрим один из примеров, в котором заголовок «Защитник» (*der Beschützer*) – это олицетворение энигмата «шляпа», основанное на переносе качеств и свойств человека на неодушевленный предмет. Перенос в данном случае опирается на общий признак: и человек-защитник, и шляпа способны защитить какое-либо лицо от негативных воздействий.

Der Beschützer

*Der da darf, was ihm gefällt,
welchem alles untergeben,
König, Kaiser, Herr der Welt,
Richter über Tod und Leben;
will nichts leiden über sich –
aber über ihm bin ich.*

*Jene Dame reich und frei
fliehend selbst vor Amors Ketten,
ihren stolzen Sinn zu retten,
dass sie nie die Dien'rin sei;
will nichts leiden über sich –
aber über ihr bin ich.*

*Will nicht eure eigne Schuld
mich erniedern, abwärts kehren,*

*wach ich über euch voll Huld,
ihr könnt höh'ren Schirms entbehren.
Wolken düster, schauerlich,
fürchtet nicht, geschützt durch mich.*
Lösung: Hut (Töpfer)

Данное заглавие вызывает определенные ассоциации и служит для адресата ориентиром в поиске энигмата еще до прочтения самой загадки. В энигматоре заглавие продолжает «сопровождать» адресата в виде лексических единиц семантического поля «защита»: «охранять» (“wach ich über euch voll Huld”), «не испытывать страх» (“fürchtet nicht”), «защищенный» (“geschützt durch mich”). В данном энигматическом тексте автор с помощью заголовка и отсылки к нему в энигматоре создает некий образ,

который ассоциируется в представлениях адресата с «защитой», «защитником», и предпосылки для нахождения верного ответа.

Следует отметить, что сопоставление подобного рода заголовков с зашифрованными в соответствующих текстах энигматами в ряде случаев позволяет осознать их метафорическую мотивированность и без прочтения самого энигматического текста. Например, при прочтении в первую очередь самого энигмата – «ключ» (“Schlüssel”), а затем заголовок – «Взломщик» (“Einbrecher”) (Buschor) становится очевидно, на основании какого признака осуществлен метафорический перенос. Дальнейшие примеры демонстрируют такую же соотнесенность значений заголовка и энигмата (табл. 1).

Таблица 1 / Table 1

Заголовки первого типа (1.1) Titles of the first type (1.1)

ЭНИГМАТ	ЗАГОЛОВОК
Das Herz (сердце)	Die Uhr (часы) (Trummer)
Wald (лес)	Das Wohnhaus (жилой дом) (Trummer)
Die 24 Buchstaben (24 буквы)	Die Kinderquäler (мучители детей) (Töpfer)
Eisenbahnnetz (железнодорожная сеть)	Riesenspinne (огромный паук) (Buschor)
Das Lesen (чтение)	Die Wanderung (путешествие) (Töpfer)
Blitzableiter (громоотвод)	Der Jäger (охотник) (Töpfer)

Метафорическая мотивированность некоторых заголовков не очевидна при первом сопоставлении с соответствующими энигматами и эксплицируется только в тексте. Рассмотрим энигматический текст, в котором закодирован энигмат «игральные кости». Можно предположить, что заголовок «Кобольды» вызовет у адресата ассоциации, связанные с потусторонним миром, сказками, мифами, страхом, суеверием, но не с настольными играми. Также соотнесение энигмата и заголовка в отрыве от кодирующего текста (игральные кости – это кобольды) затрудняет понимание метафорического переноса. Но при прочтении текста, когда адресат «слышит голос» описывающих себя кобольдов, метафорическая мотивированность данного заголовка проясняется: автор представляет игральные кости существами с причудливой внешностью, а именно с невидящими глазами, безо рта, ног и рук, тем не менее способных шуметь, прыгать и крепко держать что-либо. А поскольку кобольды являются мифологическими персонажами, то их внешность и свойства могут изображаться именно таким необычным образом.

10.3

Die Kobolde

*Ach, unsere Augen sahen**Noch nie das Licht der Welt!*

Aber denk':

*Wir haben keinen Mund,**Und lärmten und klappern doch;**Künden Glück dem Glücklichen,**Unglück dem, den Unglück frisst.**Beine haben wir nicht**Und springen doch munter einher.**Hände haben wir nicht**Und halten doch manchen**Tunichtgut fest.*

Hüte dich, hüte dich,

Leichtfuß du!

Sonst bringen wir dich

Um Haus und Gut!

Lösung: Würfel im Spiel (Neumann)

Как и в вышеприведенном примере, энигматоры загадок с нижеперечисленными энигматами дают ответ на вопрос, почему энигматические тексты имеют соответствующие заголовки (табл. 2).

Заголовки первого типа (1.2)
Titles of the first type (1.2)

ЭНИГМАТ	ЗАГОЛОВОК
Pantoffel (туфля)	Der Despot (Деспот) (Trummer)
Das Papier	Das Bettelkind (Töpfer)
Fluss	Reger Faulpelz (Buschor)
Krautroulade (голубец)	Zweiter Adam (Второй Адам) (Buschor)
ein Storchenpaar	Die Apostel (Brentano)
Kerze	Die schwermütige Tänzerin (Brentano)
Wind	Bestrafter Grobian (Buschor)
Poesiealbum	Das Haus des Friedens (Töpfer)

Второй тип заголовков – это заголовки в их классическом понимании. Особенность этих заголовков состоит в том, что они кратко характеризуют основное содержание энигматического текста. Например, загадка о часовых стрелках имеет заголовок «Забег» (Der Wettlauf), который одним словом называет описываемое в тексте соревнование в беге между двумя мужчинами. При этом в текст включены и само слово «забег», и относящиеся к его семантическому полю лексические единицы «мчаться», «обходить», «быстрый», «дистанция», «победитель», «судья».

Der Wettlauf
Ein großer und ein kleiner Mann
Steh'n da zum *Wettlauf* bereit.
Sie fangen in gleicher Minute an,
Der Kleine kommt nicht weit.
Der Große *rennt* wie toll und blind,
Springt über den Andern *weg geschwind*,
Mokiert sich über ihn gar sehr,
Dass er so plump und schläfrig wär',

Und glaubt am Ende seiner *Bahn*
Sich *Sieger* über den Kumpan;
Allein *der Richter* benimmt den Wahn
Und zu dem Größern gewendet spricht:
Wohl über zehnmal hast Du getan
Wie der verkrüppelte Kumpan;
Bist kecklich marschiert über sein Gesicht
Und kamst um ein Härchen weiter nicht!
Lösung: Die Uhrzeiger (Töpfer)

Приведем еще несколько примеров заголовков второго типа (табл. 3). Третий тип представляют заголовки-посвящения. Они содержат обращения к конкретным лицам и состоят из предлога “an” и имени собственного или имени нарицательного, характеризующего статус данного лица: “An Ida” (Trummer), “An Benno” (Hammer), “An Eugenia” (Hammer), “An Hulda” (Usener), “An Agathe” (Jacht), “An die Geliebte” (Robert), “An den jüngst vermählten Ritter N.” (Kroneisler). В данном случае не прослеживается семантическая связь заголовка ни с текстом загадки, ни с энигматом.

Заголовки второго типа
Titles of the second type

Заголовок	Краткое содержание	Энигмат
Selbstbiographie eines Märtyrers (Автобиография одного мученика) (Usener)	Повествование ведется от 1-го лица. Субъектом речи выступает сам энигмат «лен». Описание его мучений – метафорическое изображение этапов обработки льна от уборки до получения ткани	Flachs (лен)
Die Vereinigung (Слияние) (Töpfer)	Метафорическое описание двух сущностей реки Рейн – мирной и разрушающей наводнениями, которым предстоит слияние в результате проекта инженера И. Г. Тулла по выпрямлению русла реки, направленного на ее «укрощение»	Der zahme und der wilde Rhein (укрощенный и строптивый Рейн)

Заголовок	Краткое содержание	Энигмат
Der Ballsaal (Бальный зал) (Töpfer)	Описание зала, в котором проходит бал, и участников этого бала: прекрасно одетой девушки (земли), изысканного господина (луны) и горячей по натуре дамы (солнца)	Das Universum mit Erde, Mond und Sonne (вселенная с землей, луной и солнцем)
Entschuldigung (Извинение) (Töpfer)	В разговоре с писателем издатель приносит свои извинения за то, что не в состоянии опубликовать присланную рукопись	verlegen (омоним: 1. Издать, выпустить. 2. Смущенный)

Подводя итоги анализа заголовков энигматических текстов, мы приходим к следующим выводам. Заголовки как средство выражения адресованности демонстрируют функциональное разнообразие, а также разную степень семантической связности с энигматором и энигматом: метафорические заголовки могут как выполнять функцию подсказки, так и намеренно уводить от верного ответа, выступать дополнительной загадкой; классические названия служат семантической сверткой энигматора и направляют ход мыслей адресата в определенное русло; заголовки-посвящения эксплицируют намерение адресанта в обращении к конкретному лицу. Таким образом, энигматический текст, которому по своей природе присуща направленность на адресата, приобретает благодаря заголовку дополнительный прагматический потенциал.

Список источников

Brentano F. Die schwermütige Tänzerin. URL: <https://www.janko.at/Raetselgedichte/01/144.htm> (дата обращения: 09.07.2020).

Brentano F. Die Apostel. URL: <https://www.janko.at/Raetselgedichte/01/117.htm> (дата обращения: 09.07.2020).

Buschor E. Reger Faulpelz. Deutsches Rätselbuch. Hrsg. von Volker Schupp. Reclam Stuttgart, 1972. S. 270.

Buschor E. Zweiter Adam. Deutsches Rätselbuch. Hrsg. von Volker Schupp. Reclam Stuttgart, 1972. S. 270.

Buschor E. Einbrecher. URL: <https://www.janko.at/Raetselgedichte/06/750.htm> (дата обращения: 09.07.2020).

Buschor E. Bestrafter Grobian. URL: <https://www.janko.at/Raetselgedichte/10/014.htm> (дата обращения: 09.07.2020).

Buschor E. Riesenspinne. URL: <https://www.janko.at/Raetselgedichte/10/200.htm> (дата обращения: 09.07.2020).

Hammer J. An Benno. URL: <https://www.janko.at/Raetselgedichte/06/492.htm> (дата обращения: 09.07.2020).

Hammer J. An Eugenia. URL: <https://www.janko.at/Raetselgedichte/06/566.htm> (дата обращения: 09.07.2020).

Jacht K. An Agathe. URL: <https://www.janko.at/Raetselgedichte/02/866.htm> (дата обращения: 09.07.2020).

Kroneisler A. E. An den jüngst vermählten Ritter N. URL: <https://www.janko.at/Raetselgedichte/06/409.htm> (дата обращения: 09.07.2020).

Neumann W. Die Kobolde. URL: <https://www.janko.at/Raetselgedichte/05/028.htm> (дата обращения: 09.07.2020).

Robert L. An die Geliebte. URL: <https://www.janko.at/Raetselgedichte/01/608.htm> (дата обращения: 09.07.2020).

Töpfer C. Der Beschützer. Deutsches Rätselbuch. Hrsg. von Volker Schupp. Reclam Stuttgart, 1972. S. 213.

Töpfer C. Der Jäger. Deutsches Rätselbuch. Hrsg. von Volker Schupp. Reclam Stuttgart, 1972. S. 214.

Töpfer C. Die Kinderquäler. URL: <https://www.janko.at/Raetselgedichte/07/399.htm> (дата обращения: 09.07.2020).

Töpfer C. Das Bettelkind. URL: <https://www.janko.at/Raetselgedichte/04/639.htm> (дата обращения: 09.07.2020).

Töpfer C. Das Haus des Friedens. URL: <https://www.janko.at/Raetselgedichte/03/860.htm> (дата обращения: 09.07.2020).

Töpfer C. Der Wettlauf. URL: <https://www.janko.at/Raetselgedichte/07/219.htm> (дата обращения: 09.07.2020).

Töpfer C. Die Vereinigung. URL: <https://www.janko.at/Raetselgedichte/03/303.htm> (дата обращения: 09.07.2020).

Töpfer C. Entschuldigung. URL: <https://www.janko.at/Raetselgedichte/03/410.htm> (дата обращения: 09.07.2020).

Töpfer C. Der Ballsaal. URL: <https://www.janko.at/Raetselgedichte/03/342.htm> (дата обращения: 09.07.2020).

Töpfer C. Die Wanderung. URL: <https://www.janko.at/Raetselgedichte/03/917.htm> (дата обращения: 09.07.2020).

Trummer C. Der Despot. URL: <https://www.janko.at/Raetselgedichte/03/382.htm> (дата обращения: 09.08.2020).

Trummer C. Die Uhr. URL: <https://www.janko.at/Raetselgedichte/03/507.htm> (дата обращения: 09.08.2020).

Trummer C. Das Wohnhaus. URL: <https://www.janko.at/Raetselgedichte/03/538.htm> (дата обращения: 09.08.2020).

Trummer C. An Ida. URL: <https://www.janko.at/Raetselgedichte/03/074.htm> (дата обращения: 09.07.2020).

Usener W. Selbstbiographie eines Märtyrers. Deutsches Rätselbuch. Hrsg. von Volker Schupp. Reclam Stuttgart, 1972. S. 188-189.

Usener W. An Hulda. URL: <https://www.janko.at/Raetselgedichte/02/414.htm> (дата обращения: 09.07.2020).

Список литературы

Бобылев Б. Г. Стилистический анализ художественного и публицистического текста. Алма-Ата: Мектеп, 1987. 102 с.

Бударagina Е. И. Средства создания образа адресата в художественном тексте: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. 21 с.

Веселова Н. А. Заглавие литературно-художественного текста: Антология и поэтика: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Тверь, 1998. 24 с.

Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981. 138 с.

Гаспаров М. Л. Петербургский цикл Бенедикта Лившица: поэтика загадки // Ученые записки Тартуского государственного университета. 1984. Вып. 664. ТЗС XVIII. С. 93–105.

Кржижановский С. Д. Поэтика заглавий. М.: Никитинские субботники, 1931. 36 с.

Лазарева Э. А. Заголовочный комплекс текста – средство организации и оптимизации восприятия // Известия Уральского государственного университета. 2006. № 40. С. 158–166.

Лукин В. А. Художественный текст: Основы теории и элементы анализа: учебник для филол. спец. вузов. М.: Ось-89, 1999. 191 с.

Монина Т. С. Аттрактивная функция газетного заголовка // Современная парадигма гуманитарных исследований: проблемы филологии и культурологии: сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. М.: Перо, 2018. С. 22–28.

Поздеева Т. В. Отношения адресант – адресат в политическом газетном дискурсе: концепция взаимодействия и взаимокорреляции: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2011. 22 с.

Струкова Т. В. Энигматические жанры русской поэзии: эволюция и типология: дис. ... д-ра филол. наук. Орел, 2019. 477 с.

Фатеева Н. А. Синтез целого: На пути к новой поэтике. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 352 с.

Шантарович С. А. Фактор адресата в литературоведческих исследованиях текста // Коммуникативная компетенция: принципы, методы, приемы формирования: сб. науч. ст. Минск: РИВШ БГУ, 2004. Вып. 6. С. 3–7.

Kelling V. Aenigmata Symphosii. Die Affinität von Rätsel und Epigramm // Graeco-Latina Brunensia. Brno, 2010. Vol. 15, iss. 2. S. 101–115.

Oleynik M. Adressatenorientiertheit in den deutschsprachigen Texten des XVI Jahrhunderts // Германистика в современном научном пространстве: материалы V Междунар. науч.-практ. конф. Краснодар, 2017. С. 203–210.

Oleynik M. Kapitelüberschriften in literarischen Texten des 16. Jahrhunderts: konstitutive Merkmale und pragmatische Funktion // Textgliederungsprinzipien. Ihre Kennzeichnungsformen und Funktionen in Texten vom 8. bis 18. Jahrhundert. Berliner Sprachwissenschaftliche Studien. Berlin: WEIDLER Verlag, 2019. S. 211–220.

Tomasek T. Epigramm und Rätsel. Zum Verhältnis zweier Sprachspiele // Mittelalterliche Poetik in Theorie und Praxis. Festschrift für Fritz Peter Knapp zum 65. Geburtstag. Berlin, 2009. S. 317–323.

References

Bobylev B. G. *Stilisticheskiy analiz khudozhestvennogo i publitsisticheskogo teksta* [Stylistic Analysis of Literary and Journalistic Text]. Alma-Ata, Mektep Publ., 1987. 102 p. (In Russ.)

Budaragina E. I. *Sredstva sozdaniya obraza adresata v khudozhestvennom tekste*. Avtoreferat diss. kand. filol. nauk [Means of creating the image of the addressee in literary text. Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 2006. 21 p. (In Russ.)

Veselova N. A. *Zaglavie literaturno-khudozhestvennogo teksta: Antologiya i poetika*. Avtoreferat diss. dokt. filol. nauk [The title of literary and artistic text: Anthology and poetics. Abstract of Dr. philol. sci. diss.]. Tver, 1998. 24 p. (In Russ.)

Gal'perin I. R. *Tekst kak ob"ekt lingvisticheskogo issledovaniya* [Text as an Object of Linguistic Research]. Moscow, Nauka Publ., 1981. 138 p. (In Russ.)

Gasparov M. L. *Peterburgskiy tsikl Benedikta Livshitsa: poetika zagadki* [The St. Petersburg cycle by Benedict Livshits: Poetics of the riddle]. *Uchenye zapiski Tartuskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific Notes of the Tartu State University], 1984, issue 664, TZS XVIII, pp. 93–105. (In Russ.)

Krzhizhanovskiy S. D. *Poetika zaglaviy* [Poetics of Titles]. Moscow, Nikitinskiy subbotniki Publ., 1931. 36 p. (In Russ.)

Lazareva E. A. Zagolovochnyy kompleks teksta – sredstvo organizatsii i optimizatsii vospriyatiya [The heading complex of a text as a means of organizing and optimizing perception]. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta* [IZVESTIA, Ural Federal University Journal], 2006, issue 40, pp. 158-166. (In Russ.)

Lukin V. A. *Khudozhestvennyy tekst: Osnovy teorii i elementy analiza: uchebnyy dlya filol. spets. vuzov* [Literary text: Foundations of Theory and Elements of Analysis: Textbook for philological institutions of higher education]. Moscow, Os'-89 Publ., 1999. 191 p. (In Russ.)

Monina T. S. Attraktivnaya funktsiya gazetnogo zagolovka [The attraction function of a newspaper headline]. *Sovremennaya paradigma gumanitarnykh issledovaniy: problemy filologii i kul'turologii: sb. mater. mezhd. nauchno-prakt. konf.* [Modern paradigm of research in the humanities: Issues of philology and cultural studies: Proceedings of int. sci. and pract. conf.]. Moscow, Pero Publ., 2018, pp. 22-28. (In Russ.)

Pozdeeva T. V. *Otnosheniya adresant - adresat v politicheskom gazetnom diskurse: kontseptsiya vzaimodeystviya i vzaimokorrelyatsii*. Avtoreferat diss. kand. filol. nauk [Relationship 'addresser – addressee' in political newspaper discourse: The concept of interaction and intercorrelation. Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Krasnodar, 2011. 22 p. (In Russ.)

Strukova T. V. *Enigmaticheskie zhanry russkoy poezii: evolyutsiya i tipologiya*. Diss. dokt. filol. nauk [Enigmatic genres of Russian poetry: Evolution and typology. Dr. philol. sci. diss.]. Orel, 2019. 477 p. (In Russ.)

Fateeva N. A. *Sintez tselogo: Na puti k novoy poetike* [Synthesis of the Whole: On the Way to New Poetics]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2010. 352 p. (In Russ.)

Shantarovich S. A. Faktor adresata v literaturovedcheskikh issledovaniyakh teksta [The addressee factor in literary studies of text]. *Kommunikativnaya kompetentsiya: printsipy, metody, priemy formirovaniya: sb. nauch. st.* [Communicative competence: Principles, methods, formation techniques: Collection of scientific articles], 2004, issue 6, pp. 3-7. (In Russ.)

Kelling V. Aenigmata Symphosii. Die Affinität von Rätsel und Epigramm [Aenigmata Symphosii. The affinity of riddles and epigrams]. *Graeco-Latina Brunensia* [Graeco-Latina Brunensia], Brno, 2010, vol. 15, issue 2, pp. 101-115. (In Germ.)

Oleynik M. Adressatenorientiertheit in den deutschsprachigen Texten des XVI Jahrhunderts [Orientation towards addressees in German-language texts of the 16th century]. *Germanistika v sovremennom nauchnom prostranstve: materialy V Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [German studies in modern scientific space: Proceedings of the 5th int. sci. pract. conf.]. Krasnodar, 2017, pp. 203-210. (In Germ.)

Oleynik M. Kapitelüberschriften in literarischen Texten des 16. Jahrhunderts: konstitutive Merkmale und pragmatische Funktion [Chapter headings in literary texts of the 16th century: Constitutive features and pragmatic function]. *Textgliederungsprinzipien. Ihre Kennzeichnungsformen und Funktionen in Texten vom 8. bis 18. Jahrhundert. Berliner Sprachwissenschaftliche Studien* [Text structure principles. How they are identified and used in texts from the 8th to the 18th century. Berlin linguistic studies]. Berlin, WEIDLER Verlag, 2019, pp. 211-220. (In Germ.)

Tomasek T. Epigramm und Rätsel. Zum Verhältnis zweier Sprachspiele [On the relationship between two language games]. *Mittelalterliche Poetik in Theorie und Praxis. Festschrift für Fritz Peter Knapp zum 65. Geburtstag* [Medieval poetics in theory and practice. Festschrift for Fritz Peter Knapp on the occasion of his 65th birthday]. Berlin, 2009, pp. 317-323. (In Germ.)

Types of Titles in Enigmatic Texts by German Authors

Kristina A. Novikova

Lecturer in the Department of German Philology

Kuban State University

149, Stavropolskaya st., Krasnodar, 350040, Russian Federation. kristinanovikova2012@mail.ru

SPIN-code: 7838-4104

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2308-2398>

ResearcherID: AAX-2803-2021

Received 9 Sept 2021

Revised 9 Nov 2021

Accepted 20 Nov 2021

For citation

Novikova K. A. Tipy zagolovkov v nemetskoyazychnykh avtorskikh enigmaticheskikh tekstakh [Types of Titles in Enigmatic Texts by German Authors]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2022, vol. 14, issue 1, pp. 64–72. doi 10.17072/2073-6681-2022-1-64-72 (In Russ.)

Abstract. The article is devoted to the study of the types of titles in enigmatic texts written by German authors in the late 18th – early 20th centuries. It considers the views of domestic and foreign researchers on the functional potential of the title in the structure of a text. The following functions of the title are described: naming, attraction, content-shaping, intertextual, decoding, text-forming, and aesthetic. In addition, linguists' views on the title as one of the means of expressing the orientation of a text toward a particular addressee are outlined. As part of research on the preconditions for the emergence of titles of German-language riddles, the paper focuses on the role of the collection of riddles by Roman poet Symphosius in the development of German-language enigmatic texts and the influence of the works by epigrammatic poet Marcus Valerius Martial on it.

The empirical research is based on the methods of component, contextual, and stylistic analyses. A corpus of titles was formed with the help of the directed sampling method. The study of the semantic connection between the title and the enigmatic text encoded in the title made it possible to identify three types of titles: metaphorical enigmatic titles, classical titles, and dedicatory titles. The title-metaphor type is represented by two subgroups. One subgroup consists of titles-metaphors whose motivation is obvious without reading the enigmatic text. Titles-metaphors of the other subgroup, on the contrary, represent an additional mystery for the addressee. Classic titles serve as a semantic convolution of the enigmator; titles-dedications express the addresser's intention through in addressing a particular individual. It is concluded that the title as an atypical structural element of enigmatic text demonstrates semantic diversity and creates an additional pragmatic load for this type of text.

Key words: title; text structure; addressness; addressee; enigmatic text; enigmat; enigmator.

УДК 811.111'27
doi 10.17072/2073-6681-2022-1-73-80

Языковая репрезентация среднего уровня профессионализма говорящего в биографическом интервью (на материале английского языка)

Ирина Александровна Тисленкова

к. филол. н., доцент кафедры «Иностранные языки»

Волгоградский государственный технический университет

400005, Россия, г. Волгоград, пр. им. Ленина, 28. tislenskova@bk.ru

SPIN-код: 3936-0669

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7202-2773>

Статья поступила в редакцию 21.08.2021

Одобрена после рецензирования 13.01.2022

Принята к публикации 18.01.2022

Информация для цитирования

Тисленкова И. А. Языковая репрезентация среднего уровня профессионализма говорящего в биографическом интервью (на материале английского языка) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2022. Т. 14. Вып. 1. С. 73–80. doi 10.17072/2073-6681-2022-1-73-80

Аннотация. Статья посвящена детекции языковых маркеров английской устной речи, коррелирующих со средним уровнем профессиональных знаний представителей профессий гуманитарного профиля, выявляемых комиссией по набору персонала при отборе на работу. Цель работы – выявить данные знаки речи, провести их социолингвистический анализ и систематизировать по таким параметрам, как синтаксис, лексика, грамматика, стратегия речи, тип речевой культуры, соблюдение этикета. Материалом исследования послужили современные видеointервью с представителями творческих профессий англоязычных ток-шоу и телевизионных программ. Применена методика социолингвистических категорий Т. А. Ивушкиной, также использованы методы описания, обобщения, интерпретации.

В результате работы установлено, что маркерами речи профессионалов среднего уровня являются: преобладание сложных предложений с нарушенной синтаксической структурой, обилие перечислений, клишированных сентенций СМИ, псевдосвязующих и дискурсивных слов, сравнений, выраженных глагольной, адъективной метафорой, фразовыми глаголами с метафорическим значением; предпочтение говорящими номинативных прилагательных, единичного использования абстрактных существительных, избегание употребления иностранных слов, фразеологизмов, терминологии, игры слов и иронии. В речевой стратегии – наличие смягченно-ненавязчивой модуляции, хезитации, пустословия и несамостоятельности суждений, двойной недооценки в высказываниях о себе. Основным типом речи выступает литературно-разговорный вид речевой культуры, привычка к диалогическому общению.

Ключевые слова: маркеры речи; языковая репрезентация уровня профессионализма; социолингвистические категории; литературно-разговорный вид речевой культуры; недооценка; дискурс; языковая личность.

На современном этапе ведущим средством оценки профессионализма кандидата на вакантную должность среди прочих является интервью, включающее в себя собеседования разного типа

с менеджером по персоналу, заместителем директора и директором, во время которого определяются приблизительный объем профессиональных знаний, способность решать производ-

ственные задачи, уровень культуры речи и поведения. Необоснованные решения о приеме на работу или отказе в должности часто основываются на умозрительных заключениях, основанных на переоценке либо недооценке качеств кандидатов.

Традиционное биографическое интервью является ценнейшим источником информации, способным открыть доступ к субъективному миру респондента [Baron, Bluck 2009]. Вследствие этого данный метод может предоставить специалисту по оценке персонала достоверные, однозначно трактуемые факты об актуальном уровне профессионализма говорящего (высоком, среднем или низком), содержащиеся в языковых маркерах его речи, которые исключают домысливание и эмоциональную оценку.

В данном исследовании мы сфокусируем внимание на изучении маркеров речи специалистов среднего уровня профессионализма. Информация такого типа требуется работодателям в нескольких ситуациях:

1. При необходимости выбора между двумя претендентами на одну должность: (1) обладателями высокого и среднего уровня и (2) среднего и низкого уровня профессионализма, чтобы отдать предпочтение наиболее квалифицированному соискателю.

2. При решении вопроса о соответствии претендента вакантной должности.

3. При решении вопроса о необходимости повышения квалификации работника.

Учитывая вышеизложенное, сформулируем содержание понятия «установленная норма профессионализма» и выявим соответствующие ей индикаторы речи. По мнению исследователей, нормой является средний уровень профессионализма, характеристики которого закреплены в профессиональном стандарте. Указанная квалификация дает достаточные основания для ведения профессиональной деятельности (ПМР 2014). Специалисты этого уровня имеют профессиональное образование, опыт практической работы, индивидуальный стиль деятельности. Их профессиональные умения соединены в целостные конструкции системы навыков, личность полностью реализована в профессии и ориентирована на субъективное настоящее [Козырева 2007; Дружилов 2015].

Анализ современной отечественной и иностранной научной лингвистической литературы показал отсутствие исследований маркеров речи, отражающих тот или иной уровень профессионализма говорящего, что определяет актуальность работы.

Так, зарубежные психологи и социологи, исследователи нарративной идентичности комму-

никанта D. McAdams, J. A. Singer, A. Thorne, J. S. Bruner, S. Lyubomirsky, L. Soussa, R. Dickerhoof, P. J. Eakin, J. M. Baron установили, что приобретенные навыки и знания в различных предметных областях фиксируются человеком в структурах речи [Bruner 1987; McAdams 1993; Singer 2004; Thorne 2004; S. Lyubomirsky, L. Soussa, Dickerhoof 2006; Eakin 2008; Baron, Bluck 2009]. Российские филологи-англисты М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова, К. Ф. Седов, Л. П. Крысин, В. И. Карасик, А. П. Сквородников, Т. В. Черниговская описали феномен влияния уровня образования на речевое поведение личности [Китайгородская 1996; Седов 2000; Крысин 2001; Карасик 2005; Сквородников 2009; Черниговская 2013]. Таким образом, из представленного обзора литературы можно сделать вывод о том, что на стыке психологии и лингвистики существует возможность лингвистического моделирования профессиональной компетентности посредством изучения дискурсивных практик.

Профессионализм человека на каждой ступени имеет специфические характеристики, которые содержат ключевые признаки, отражающиеся в его вербальном поведении [Василенко 2021: 16].

Рассмотрим упомянутые нами профессиональные свойства соискателей, имеющие прямое языковое выражение, на материале 16 видеointервью с представителями гуманитарных профессий, говорящих на английском языке, профессионалами среднего уровня (лицами, которые получили высшее образование, не обучались в магистратуре и аспирантуре и имеют опыт работы от 10 лет), общей длительностью 955 мин: музыкантом Питером Вулфом, вокалистом группы Джей Гейлс Бэнд; преподавателем общественного Колледжа Южного Техаса Сэмом Лапшари; юристом, редактором журнала «Чёрный Детройт» Клодом Андерсоном; практикующим детским врачом-психиатром Лалли Пиа; художником-акварелистом Питером Бриантом; работником Художественной галереи Маккензи Мартой Коул; джазовым музыкантом, саксофонистом Тимом Берном; писателем, преподавателем Массачусетского Университета Андре Дюбюсом.

В отобранных для анализа компонентов речи интервью интервьюер задает участникам вопросы о работе, достижениях, вопросы личностного характера, предполагающие получение подробных ответов, выявляющие их знания и профессиональное мнение, схожие с теми, которые обычно формулируются во время собеседования при отборе персонала. Вслед за исследователем McAdams, мы полагаем, что говорящий субъект через дискурсивные практики произвольно или

непроизвольно устанавливает свой уровень профессионализма посредством речевых конструкций и маркеров [McAdams 1993: 116]. Ученые S. Lyubomirsky, L. Soussa и R. Dickerhoof развивают далее его мысль, утверждая, что, таким образом, коммуникант постоянно находится в процессе самоидентификации, осуществляемой любым совершаемым им актом речи [Lyubomirsky, Soussa, Dickerhoof 2006: 78].

Исходя из данных выводов, мы определяем следующие компоненты речи, приобретающие специфическую форму под влиянием приобретенного человеком профессионального опыта и знаний: синтаксические структуры, лексические единицы, речевые стратегии, вертикальный контекст.

Профессор Т. И. Ивушкина в работе «Социолингвистические аспекты развития английской речи» формулирует технологию оценки данных параметров – методику социолингвистических категорий, заключающуюся в лингвистическом анализе и соотнесении конкретных форм языкового проявления с уровнем профессионализма говорящего в контексте определенной культуры [Ивушкина 1996].

Синтаксис. Говорящий среднего уровня профессионализма в основном пользуется сложными предложениями с нарушенной синтаксической структурой:

(1) *One of the things I loved about writing, you know, I've talked about, this is - I love how the writing can lead the writer to places he or she would never have consciously in their minds, and, you know, when I wrote this, I wasn't gonna write about my family at all: I knew I was writing about fighting and eventually the writing about fighting and eventually the writing that saved me but I tried not to write about them because, you know, that's their business (UMass Lowell).*

Как правило, при необходимости аргументации профессионалы среднего уровня подменяют придаточные предложения на прямую речь:

(2) *General distrust in politicians is another one: if you couple it with god forbidden ant kind of economic collapse or a widespread kind of economic crunch then people can look at the Congress and say: You know what? You're not doing your job enough so why should we always go for either option, you know. Why not anybody else? (Coffee with Chris)*

В относительно коротких предложениях с двумя придаточными ошибок не совершает:

(3) *I remember my mother telling me how¹ hard it was when² father left the family (Andre Dubus).*

Другую часть высказываний составляют многокомпонентные сложноподчиненные предложения с однородным соподчинением. Сочинитель-

ные союзы между однородно соподчиненными придаточными показывают отношение придаточных друг к другу и к главному предложению:

(4) *There were young writers and poets and painters and there was drinking and there was dope and, I think, there was probably wife-swapping although I don't have evidence but I've heard the rumors (Appel Salon).*

Для перехода от одной мысли к другой используются псевдосвязующие слова: *well, it means that, at least, of course, you know what, keep this in mind that, you guess, see, some kind of, what they call, right, actually, probably.*

Иногда в суждениях встречаются предложения двух типов:

1. Связанные с личным отношением к своей профессии:

(5) *Painting is in your blood. There's no way to put me out of this (Peter Briant).*

(6) *For me, part of making work is to make work that will speak to the people around me here where I am (Martha Cole).*

2. Расхожие «истины», распространяемые сверткестами СМИ, которые коммуниканты повторяют вслед за этими источниками:

(7) *President Trump promised: I'll clean this swamp (Talk with Prof.).*

(8) *Diversity is a future of America (Coffee with Chris).*

(9) *In the movies the psychiatrist is always a bad guy (Dr. Pia).*

(10) *Big musical corporations sold their souls to iTunes (Tim Berne).*

Также соискатели часто прибегают к перечислению. Предложения с однородными членами являются самым простым способом оформления мысли, при котором слушатель самостоятельно должен сделать вывод из сказанного:

(11) *The whites control almost 100 percent of all the wealth: the income, the power, the privileges, the business and all levels of government (Dr. Claud Anderson).*

Лексика. Имея определенные достижения и объем знаний, при ответе на вопрос интервьюера они аргументируют свое мнение цитатой из лекций и учебников периода овладения своей специальностью в студенческие годы:

(12) *Society is made of living beings. We are conscious people. We have a history, we have culture, we have language. We have all these things (Talk with Prof.).*

(13) *As Christopher Hitchens once said: Everybody has a book in him but it doesn't mean everybody wants to read it (Peter Wolf Reminisces).*

Говорящие упоминают названия произведений и их авторов, которые они непосредственно используют в своей работе:

(14) *I spend much time teaching the elements of Freudian psychotherapy* (Psychiatrist Interview).

(15) *Our first experience was playing with the Shirelles and we played, you know, this little Joints-Everett* (In Conversation).

Иностранные слова, игра слов, фразеологизмы в высказываниях не встречаются, так как для их реализации необходимо в совершенстве владеть выразительными средствами языка. Несмотря на то что соискатели знакомы с терминологией по своей специальности, в их экспрессивной речи она не фигурирует.

Крайне редко в речь включаются сравнения, выраженные реалиями. Соискатели описываемой группы избегают иронии и самоиронии, раскрывающих личные недостатки, в связи с тем, что им необходимо поддерживать положительное восприятие себя в глазах слушателя. Редкие фразы содержат глагольную и адъективную метафору, фразовые глаголы с метафорическим значением:

(16) *Psychiatry is always working in the gray with the final black box so I really find my work fun* (Dr. Pia).

(17) *I combine clinical work with teaching and because of that you can actually carve your day out the way you want* (Psychiatrist Interview).

Речь бедна прилагательными по той причине, что говорящие избегают брать на себя ответственность за то, что они говорят о явлениях окружающей действительности. В связи с этим высказывания характеризуются смягченно-ненавязчивой модуляцией. Положительная и отрицательная оценка репрезентируется в простых одноосновных прилагательных, выполняющих номинативную функцию и имеющих узуальный характер: *right, important, interesting, main, different, popular, deplorable, wrong, dark*:

(18) *I was going to be very serious because there were important people from the bohemia so I got to meet some of the people that worked with Matisse* (PW 1).

Чаще всего встречаются сочетания, строящиеся по модели «наречие + прилагательное», в которых наречие используется в качестве усилителя. Градаторами выступают образованные от прилагательных наречия *remarkably, totally, probably, absolutely*:

(19) *That's remarkably generous of her to allow one publish anything I want* (Andre Dubus III).

(20) *The society is not totally shut up against black folks* (PowerNomics).

Стратегия выражения своего мнения. Собственное мнение соискатели со средним уровнем интеллекта и профессионализма выражают прямо, предложением, в котором они повторяют общепринятое мнение:

(21) *Violence is scary* (UMass Lowell).

(22) *Globalization has its own effect: people lose their jobs* (Coffe with Chris).

Самооценка таких кандидатов сдержанная. В предложениях о себе присутствует двойная недооценка, передаваемая словами-ограничителями, демонстрирующими стратегию неутверждения:

(23) *I would say it is probably different for different people* (Dr. Pia).

(24) *The challenge in America is kind of unprecendented to an extent* (Talk with Prof.).

В репликах имеется значительное количество словосочетаний, не несущих никакого смысла, выдающих хезитацию и недостаточный речевой опыт. Говорящий использует их, чтобы успеть подобрать нужные слова для выражения своей мысли или скрыть невозможность полноценного ответа на вопрос, подменяя его информационным шумом:

(25) *Yeah, I mean essentially yeah, he drove away and that was it, but when somebody divorces, somebody has to leave, you know, sadly, and I think in the 70s it wasn't just the old man, you know... I think in the 70s the divorces were sort of much more... we're much different than they are now* (Appel Salon).

Таким образом, проведенное исследование позволило выявить следующие языковые средства репрезентации среднего уровня профессионализма говорящего в биографическом интервью:

1. На синтаксическом уровне – преобладание сложных предложений с нарушенной синтаксической структурой, многокомпонентных сложноподчиненных предложений с однородным соподчинением объемом 20–36 слов, частое использование перечислений, клишированных мудрствований, псевдосвязующих слов, подменной придаточных предложений на прямую речь.

2. На лексическом уровне – использование преимущественно разговорной и книжной лексики, переполненность дискурсивными словами, наличие одиночных сравнений, выраженных глагольной, адъективной метафорой, фразовыми глаголами с метафорическим значением, предпочтение простых односоставных номинативных прилагательных узуального характера, единичных абстрактных существительных, отсутствие иностранных слов, фразеологизмов, терминологии, игры слов, иронии.

3. На уровне речевой стратегии – смягченно-ненавязчивая модуляция, хезитация, пустословие (информационный шум – 24% высказывания), несамостоятельность суждений в форме озвучивания общепринятых мнений и единичных цитат из книг, двойная недооценка в высказываниях о

себе, использование конструкции «наречие + прилагательное» для выражения личного мнения, обоснование своей точки зрения посредством редкого упоминания информации из учебников студенческого периода, сбивчивая речь, указывающая на недостаточный опыт устных высказываний.

4. Тип речевой культуры – литературно-разговорный, привычка только диалогического общения.

Перспективой дальнейших исследований данной проблемы является определение, описание и систематизация языковых маркеров высокого и низкого уровней профессионализма коммуниканта с целью лингвистического прототипирования конкретных профессий гуманитарного профиля для программ искусственного интеллекта, обеспечивающих автоматизированную оценку уровня профессионализма говорящего.

Список источников

ПМП – Приказ Минтруда России от 29 сентября 2014 г. № 667н «О реестре профессиональных стандартов (перечне видов профессиональной деятельности)».

Andre Dubus – Interview. 13.03.2011. URL: https://www.youtube.com/watch?v=xJF_EYUQtxw&list=PL363F26ADCD6CFA81&index=6 (дата обращения: 09.07.2021).

Andre Dubus III – On ‘Gone So Long’. 14.11.2018. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=DaJfMU9FW5U> (дата обращения: 09.07.2021).

Appel Salon – Andre Dubus III | April 15, 2019. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=EOG1Iw2njuk> (дата обращения: 09.07.2021).

Coffee with Chris – An Interview with Samee Lashari, Professor South Texas College. 12.02.2020. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=p8ZYSv2rYFo> (дата обращения: 10.07.2021).

Dr. Claud Anderson – Discusses Black Prosperity Matters. 1995. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=smh6ibLHXDg> (дата обращения: 11.07.2021).

In Conversation – Peter Wolf 99.1 PLR In Conversation: Peter Wolf (FULL). 25.04.2017. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=JiCZe3CQYck> (дата обращения: 10.07.2021).

Interview with Peter Briant – New Orleans watercolor artist. 2021. URL: https://www.youtube.com/watch?v=_wlt0spw4sQ (дата обращения: 12.07.2021)

Martha Cole Interview – The MacKenzie Art Gallery. 11.05.2021. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=3Iyap74x2hY> (дата обращения: 13.07.2021).

Peter Wolf Reminisces – On His Early Boston Days. 21.12.2018. URL: <https://www.youtube.com>

[/watch?v=GTMgVAkT72c](https://www.youtube.com/watch?v=GTMgVAkT72c) (дата обращения: 10.07.2021).

PW 1 – Peter Wolf – Interview Part 1 – 11/4/1984 – Rock Influence (Official). 26.09.2014. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=BqKG14mfl7U> (дата обращения: 10.07.2021).

PW 2 – Peter Wolf – Interview Part 2 – 11/4/1984 – Rock Influence (Official). 26.09.2014. URL: https://www.youtube.com/watch?v=b_E5o-раYGQ (дата обращения: 10.07.2021).

Talk with Prof. – Dr. Sami Lashari (Texas College) University of Texas Rio Grande Valley USA Wasaib Rang. 19.07.2020. URL: https://www.youtube.com/watch?v=TE_Cf8qUnvM (дата обращения: 10.07.2021).

PowerNomics – 1995 Detroit Black Journal Full Episode. 1995. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=kuNv6MUyXbk> (дата обращения: 11.07.2021).

Psychiatrist Interview – Day in the Life, Psychiatry Residency Match, Vs Psychologist, Career, etc. 2019. URL: https://www.youtube.com/watch?v=SFViaLm_YoA (дата обращения: 11.07.2021).

Tim Berne – NY Jazz Saxophonist, Composer and Owner of ScrewGun records. 12.09.2020. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Rmsj5Ah0FvA> (дата обращения: 13.07.2021).

UMass Lowell – Asst. English Prof. Andre Dubus III Greater Boston TV Interview. 11.03.2011. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=GIItPMXrtGsk> (дата обращения: 09.07.2021)

Список литературы

Василенко Д. В. Стадии формирования профессионального знания и их репрезентация в тексте (на материале текстов нанотехнологий) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2021. Т. 13, вып. 1. С. 15–23. doi 10.17072/2073-6681-2021-1-15-23

Дружилов С. А. Уровни профессионализма, стадии профессиональной компетентности и самопознание: проявление закона диалектического отрицания в профессионализации [Электронный ресурс] // Современные научные исследования и инновации. 2015. № 10 (54). С. 563–572. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2015/10/58815> (дата обращения: 25.01.2020).

Ивушкина Т. А. «Словарь» аристократа в произведениях художественной литературы XIX века // Филологические науки. 1996. № 2. С. 81–89.

Карасик В. И. Лингвокультурный типаж «русский интеллигент» // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажы: сб. науч. тр. / под ред. В.И. Карасика. Волгоград: Парадигма, 2005. С. 25–61.

Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. Устный текст как источник социокультурной информации // Поэтика. Стилистика. Язык и культура: памяти Т. Г. Винокур / [отв. ред. Н. Н. Розанова]; РАН. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. М., 1996. С. 222–232.

Козырева О. А. Основные аспекты отечественных и зарубежных концепций профессионального развития // Educational Technology & Society. 2007. № 10 (4). P. 376–379.

Крысин Л. П. Современный русский интеллигент: попытка речевого портрета // Русский язык в научном освещении. 2001. № 1. С. 90–106.

Седов К. Ф. Речевое поведение и типы языковой личности // Культурно-речевая ситуация в современной России. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. С. 298–311.

Сковородников А. П., Копнина А. Г. Модель культурно-речевой компетенции студента высшего учебного заведения // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences Supplement. 2009. № 2. С. 5–18.

Черниговская Т. В. Чеширская улыбка кота Шрёдингера: язык и сознание. Языки славянской культуры. М.: Языки славянской культуры. 2013. 448 с.

Baron J. M., Bluck S. Autobiographical memory sharing in everyday life: Characteristics of a good story // International Journal of Behavioral Development. 2009. Vol. 33. P. 105–117.

Bruner J. Life as narrative // Social Research. 1987. № 54 (1). P. 11–32.

Eakin P. J. Living Autobiographically: How We Create Identity in Narrative. Ithaca: Cornell University Press, 2008. 208 p.

Lyubomirsky S., Sousa L., Dickerhoof R. The costs and benefits of writing, talking, and thinking about life's triumphs and defeats // Journal of Personality and Social Psychology. 2006. № 90. P. 692–708.

McAdams D. The stories we live by: personal myths and the making of the Self. New York; London: The Guilford press. 1993. 336 p.

Singer J. A. Narrative identity and meaning making across the adult lifespan: An introduction // Journal of Personality. 2004. № 72 (3). P. 437–460.

Thorne A. Putting the person into social identity // Human Development. 2004. Vol. 253. P. 1–5.

References

Vasilenko D. V. Stadii formirovaniya professional'nogo znaniya i ikh reprezentatsiya v tekste (na materiale tekstov nanotekhnologii) [Professional knowledge formation stages and their representation in a text (as illustrated by nanotechnology research texts)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskay i*

zarubezhnaya filologiya [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2021, vol. 13, issue 1, pp. 15–23. doi 10.17072/2073-6681-2021-1-15-23. (In Russ.)

Druzhilov S. A. Urovni professionalizma, stadii professional'noy kompetentnosti i samopoznanie: proyavlenie zakona dialekticheskogo otritsaniya v professionalizatsii [Levels of professionalism, stages of the professional competence and professional self-awareness: Manifestation of the law of dialectical negation in the professionalization]. *Sovremennye nauchnye issledovaniya i innovatsii* [Modern Scientific Researches and Innovation], 2015, issue 10 (54), pp. 563–572. Available at: <http://web.snauka.ru/issues/2015/10/58815> (accessed 25.01.2020). (In Russ.).

Ivushkina T. A. 'Slovar' aristokrata v proizvedeniyakh khudozhestvennoy literatury 19 veka [The 'vocabulary' of an aristocrat in fiction works of the 19th century]. *Filologicheskie nauki* [Philology. Theory&Practice], 1996, issue 2, pp. 81–89. (In Russ.).

Karasik V. I. Lingvokul'turnyy tipazh 'russkiy intelligent' [The linguistic and cultural type 'Russian intellectual']. *Aksiologicheskaya lingvistika: lingvokul'turnyye tipazhi* [Axiological Linguistics: Linguistic and Cultural Types: Collection of scientific works]. Ed. by V. I. Karasik. Volgograd, Paradigma Publ., 2005, pp. 25–61. (In Russ.).

Kitaygorodskaya M. V., Rozanova N. N. Ustnyy tekst kak istochnik sotsiokul'turnoy informatsii [Oral text as a source of sociocultural information]. *Poetika. Stilistika. Yazyk i kul'tura: pamyai T. G. Vinokur* [Poetics. Stylistics. Language and Culture: In memory of T. G. Vinokur]. Ed. by N. N. Rozanova. Moscow, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences Publ., 1996, pp. 222–232. (In Russ.).

Kozyreva O. A. Osnovnye aspekty otechestvennykh i zarubezhnykh kontseptsiy professional'nogo razvitiya [The main aspects of domestic and foreign concepts of professional development]. *Educational Technology & Society*, 2007, issue 10 (4), pp. 376–379. (In Russ.)

Krysin L. P. Sovremennyy russkiy intelligent: popytka rechevogo portreta [The modern Russian intellectual: An attempt at a speech portrait]. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii* [Russian Language and Linguistic Theory], 2001, issue 1, pp. 90–106. (In Russ.).

Sedov K. F. Rechevoe povedenie i tipy yazykovoy lichnosti [Speech behavior and types of language personality]. *Kul'turno-rechevaya situatsiya v sovremennoy Rossii* [The Cultural and Speech Situation in Modern Russia]. Ekaterinburg, Ural State University Press, 2000, pp. 298–11. (In Russ.).

Skovorodnikov A. P., Koptina A. G. Model' kul'turno-rechevoy kompetentsii studenta vysshego

uchebnogo zavedeniya [On the model of speech culture of a student of a higher institution]. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. Supplement*, 2009, issue 2, pp. 5-18. (In Russ.).

Chernigovskaya T. V. *Cheshirskaya ulybka kota Shredingera: yazyk i soznanie. Yazyki slavyanskoy kul'tury* [The Cheshire Smile of Schrödinger's Cat: Language and Consciousness. Languages of Slavic Culture]. Moscow, LRC Publishing House, 2013. 448 p. (In Russ.)

Baron J. M., Bluck S. Autobiographical memory sharing in everyday life: Characteristics of a good story. *International Journal of Behavioral Development*, 2009, vol. 33, pp. 105–117. (In Eng.)

Bruner J. Life as narrative. *Social Research*, 1987, issue 54 (1), pp. 11–32. (In Eng.)

Eakin P. J. *Living Autobiographically: How We Create Identity in Narrative*. Ithaca, Cornell University Press, 2008. 208 p. (In Eng.)

Lyubomirsky S., Sousa L., Dickerhoof R. The costs and benefits of writing, talking, and thinking about life's triumphs and defeats. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2006, issue 90, pp. 692-708. (In Eng.)

McAdams D. *The Stories We Live By: Personal Myths and the Making of the Self*. New York, London, Guilford Press, 1993. 336 p. (In Eng.)

Singer J. A. Narrative identity and meaning making across the adult lifespan: An introduction. *Journal of Personality*, 2004, issue 72 (3), pp. 437-460. (In Eng.)

Thorne A. Putting the person into social identity. *Human Development*, 2004, vol. 253, pp. 1-5. (In Eng.)

Language Representation of the Speaker's Average Level of Professionalism in a Biographical Interview (Based on the English Language)

Irina A. Tislenkova

Associate Professor in the Department "Foreign Languages"

Volgograd State Technical University

28, prospekt imeni Lenina, Volgograd, 400005, Russian Federation. tislenkova@bk.ru

SPIN-code: 3936-0669

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7202-2773>

Received 21 Aug 2021

Revised 13 Jan 2022

Accepted 18 Jan 2022

For citation

Tislenkova I. A. Yazykovaya reprezentatsiya srednego urovnya professionalizma govoryashchego v biograficheskom interv'yu (na materiale angliyskogo yazyka) [Linguistic Representation of the Speaker's Average Level of Professionalism in a Biographical Interview (Based on the English Language)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2022, vol. 14, issue 1, pp. 73–80. doi 10.17072/2073-6681-2022-1-73-80 (In Russ.)

Abstract. The research is focused on identification of the language markers functioning in English oral spontaneous speech that correlate with the average level of professional knowledge in representatives of humanitarian professions and that may be detected by the recruitment commission during the employee selection process. The purpose of the study is to identify these speech signs, conduct their sociolinguistic analysis, and systematize them according to such parameters as syntax, vocabulary, grammar, speech strategy, type of speech culture, and etiquette. The research material is composed of modern video interviews with representatives of creative professions from English-language talk shows and television programs. Methodologically, the study is based on sociolinguistic categories method of Professor T. A. Ivushkina, as well as the methods of description, generalization, and interpretation.

As a result of the study, the author has detected such speech markers of the middle level professionals as the predominance of complex sentences having a broken syntactic structure, an abundance of enumera-

tions, clichéd media assertions, pseudo-connecting and discursive words, comparisons expressed by verbal and adjective metaphor, phrasal verbs with metaphorical meanings, speakers' preference for nominative adjectives, sporadic use of abstract nouns, avoiding the usage of foreign words, phraseological units, terminology, pun, and irony. The speech strategy is characterized by softened unobtrusive modulation, hesitation, a large number of empty words and the lack of independence in judgments, double understatement in speakers' remarks about themselves. The main type of speech is the literary-colloquial type of speech culture, the habit of dialogical communication.

Key words: speech markers; linguistic representation of the level of professionalism; sociolinguistic categories; literary and colloquial type of speech culture; understatement; discourse; language personality.

УДК 81'27
doi 10.17072/2073-6681-2022-1-81-95

Этнокультурные и гендерные стереотипные представления об интеллекте: китайцы и русские

Чэнь Яо

аспирант кафедры теоретического и прикладного языкознания

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15. chen.yao@yandex.ru

SPIN-код: 3772-2954

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2228-2382>

ResearcherID: AAB-7406-2022

Статья поступила в редакцию 01.12.2021

Одобрена после рецензирования 03.02.2022

Принята к публикации 14.02.2022

Информация для цитирования

Чэнь Яо. Этнокультурные и гендерные стереотипные представления об интеллекте: китайцы и русские // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2022. Т. 14, вып. 1. С. 81–95. doi 10.17072/2073-6681-2022-1-81-95

Аннотация. В статье представлены результаты кросс-группового социолингвистического эксперимента, направленного на анализ особенностей выражения стереотипов китайцев и русских об интеллекте, а также на выявление влияния этнического и гендерного факторов на стереотипные представления китайских и русских женщин и мужчин об интеллекте тех же самых социальных групп (в эксперименте участвовало четыре группы информантов – китайские женщины, китайские мужчины, русские женщины и русские мужчины – по 30 человек в каждой). В ходе эксперимента, в рамках которого информантов просили указать пять слов, которые характеризуют интеллект рассматриваемых социальных групп, было получено 1 050 реакций от китайских информантов и 845 реакций от русских. Для обработки и анализа реакций использовались семантический анализ реакций, а также количественный анализ: все полученные реакции были объединены в семантические группы, объем которых рассматривался как показатель стереотипизированности признака. Исследование показало, что структуры стереотипов относительно интеллекта разных социальных групп различаются в зависимости от этноса и гендера оценивающей и оцениваемой группы. Ядро стереотипа у китайцев формируется тремя признаками – «Ум», «Сообразительность» и «Талант», а ядро стереотипа у русских формируется пятью признаками – «Сообразительность», «Ум», «Здравомыслие», «Образованность» и «Оценка»; таким образом, у китайцев более структура стереотипа более компактна, чем у русских. При этом китайцы дают более высокие оценки своему интеллекту, чем интеллекту русских; у русских этнический фактор не оказывает существенного влияния на оценку группы. Представления об интеллекте у женщин не зависят от гендерного фактора оцениваемой группы, в то время как у мужчин авто- и гетеростереотипы отличаются в большей степени. Анализ взаимодействия этнических и гендерных факторов показывает, что ингрупповой фаворитизм свойствен только одной из рассмотренных групп – китайским мужчинам, при этом гендерный признак для них оказался более важным, чем этнический.

Ключевые слова: стереотип; этнический стереотип; гендерный стереотип; интеллект; китайцы; русские.

Введение

В процессе изучения законов функционирования общественного сознания американский политолог, журналист, социолог Уолтер Липпман в первой половине XX в. применил понятие «стереотип». Стереотипы, по У. Липпману, – это упорядоченные и упрощенные представления о предметах и явлениях действительности, которые позволяют человеку экономить и минимизировать когнитивные усилия и обусловлены «картиной мира», действующей в сознании человека [Липпман 2004]. Стереотипизированные представления человека, как и вся его картина мира, формируются под влиянием социокультурного окружения.

Будучи частью картины мира, система стереотипов охватывает различные стороны жизни, в том числе закрепляет групповые ценности и позицию человека в обществе. В связи с этим выделяют различные виды социальных стереотипов: расовые, этнические, гендерные, религиозные, политические и мн. др. При этом все виды социальных стереотипов подразделяются на авто- и гетеростереотипы (*ingroup* и *outgroup* стереотипы), разница между которыми заключается в позиции члена социума по отношению в оцениваемой группе: в случае с автостереотипами оценивается группа, в которую человек входит, в случае с гетеростереотипами оценивается группа, членом которой человек не является [Здравомыслов 2001; Леонтович 2005; Солдатова 1998; Castano, Paladino, Coull 2002; Löschmann 2001].

Остановимся подробнее на этнических и гендерных стереотипах, которые являются предметом изучения в настоящей статье. Один из крупных современных исследователей феномена стереотипа Д. Шнайдер отмечает, что гендерные и этнические стереотипы входят в «большую тройку» социальных стереотипов (включая также возрастные): они содержат большой объем информации, охватывают комплексные атрибуты социальных групп и в то же время оказывают влияние на социальную иерархию почти во всех культурах [Schneider 2004: 437].

Как один из видов социальных стереотипов, **этнический стереотип** является «схематизированным образом своей или чужой этнической общности» [Крысько 2002: 133], который представляет собой «упрощенное (иногда одностороннее или неточное, искаженное) знание о психологических особенностях и поведении представителей конкретного народа» [там же], и на его основе «складывается устойчивое и эмоционально окрашенное мнение одной нации о другой или о самой себе» [там же].

В.А. Маслова рассматривает этностереотипы как «представления о качествах своего собствен-

ного и чужого народов», отмечая, что этностереотипы характеризуются «полярностью оценок, жесткой их фиксацией, интенсивной аффективной коннотацией, устойчивостью» [Маслова 2009: 39].

Этнические стереотипы служат опорой для человека в диалогах между разными культурами. В межкультурной коммуникации они выполняют следующие функции:

1) познавательную – формирование образов внешнего и своего миров [Стефаненко 2006];

2) защитную – сохранение традиционных ценностей как по отношению к своей группе (автостереотипы), так и в отношении других групп (гетеростереотипы) [там же];

3) коммуникативную – обмен информацией между представителями «своего» и «чужих» сообществ [там же];

4) манипулирующую – использование стереотипов как орудия, оказывающего воздействие на массы для достижения идеологических и политических целей [Михайлова 1999; Cala 1992; Seidenspinner 1996];

5) функцию социально-этнической интеграции – поддержание внутренней связи общности и формирование оппозиции к другим общностям [Бартминьский 2005].

Стоит подчеркнуть, что в процессе понимания механизма функционирования этнических стереотипов весьма важно явление «этноцентризма», которое, по мнению У. Самнера, проявляется в том, что люди склонны смотреть на мир таким образом, чтобы их группа находилась в центре всего, а все остальные группы оценивались, ссылаясь на нее [Самнер 1998]. Кроме этого, «свои» всегда более разнообразны, а «чужие» – более «гомогенны и монолитны» [Солдатова 1998: 74]. При этом большинство исследователей стереотипов отмечают, что автостереотипы имеют более положительную окраску, чем гетеростереотипы. Это явление получило название ингруппового фаворитизма (*ingroup favoritism*) [Садохин 2005; Efferson, Lalive, Fehr 2008; Taylor, Doria 1981]: «автостереотипы в большинстве случаев монотонно позитивны, а гетеростереотипы имеют гораздо более широкий эмоциональный диапазон» [Солдатова 1998: 74], «отношение к собственной группе, как правило, колеблется в рамках признания, ...отношение к другим этническим группам может варьировать от почитания до ненависти» [там же: 74]. Например, результаты исследования С. С. Шляховой и Л. А. Беловой авто- и гетеростереотипов русских, башкир и коми-пермяков об их характере показали, что гетеростереотипы только частично соответствуют автостереотипам, при этом башкиры и коми-пермяки относятся к русским ско-

рее негативно, чем позитивно, а русские воспринимают башкир и коми-пермяков более позитивно, чем они относятся к русским [Шляхова, Белова 2014].

Гендерные стереотипы – это социальные «схематизированные, обобщенные образы маскулинности и фемининности» [Renzetti, Curran 1999: 292]. Р. Эшмор и Ф. Дель Бока определяют гендерные стереотипы как «набор представлений о персональных характеристиках мужчин и женщин» [Ashmore, Del Boca 1986: 222], т. е. качествах и свойствах, приписываемых общественным мнением женщинам и мужчинам, а также представления о выполняемых ими социальных ролях.

Как один из видов социальных стереотипов, гендерные стереотипы обладают сущностными свойствами социальных стереотипов. Например, гендерные стереотипы носят оценочно-эмоциональный характер. Оценка существует в любом гендерном стереотипе, например: независимость, уверенность, стремление к успехам мужчин; слабость, эмоциональность, зависимость, чувствительность женщин [Козлов, Шухова 2010: 31]. Кроме этого, гендерным стереотипам свойственна нормативность: существуют множество социально разделяемых представлений о том, каков образ «настоящего мужчины», как должна в той или иной ситуации вести себя женщина и т. д. Стоит отметить, что в связи с традиционными представлениями о взаимодействии в основном двух групп, в отличие от других видов социальных стереотипов, гендерные стереотипы обладают полярностью [Lips 1997: 2], и во многих исследованиях гендерная бинарность понимается как один из фундаментальных принципов осмысливания гендерных различий (см., например: [Deaux, Lewis 1984]).

Для выявления содержания гендерных стереотипов неоднократно проводились исследования образов маскулинности и феминности (см., например: [Шибанова 2001; Ashmore, Del Boca 1986]); в этих исследованиях были определены типичные характеристики, приписываемые мужчинам и женщинам. Так, по мнению американского социолога К. Кэммейера, мужчины – это сильный, независимый, смелый пол, они прирожденные руководители и способны к лидерству; женщины – эмоциональные, нежные, терпеливые, мягкие, чувствительные, они не могут быть руководителями и не могут быть счастливы без семьи [Kammeyer, Ritzer, Yetman 1990: 336–337].

Социальные стереотипы, как уже говорилось выше, образуют систему, комплексно описывающую социальную реальность: они существуют не изолированно друг от друга и подвержены

влиянию различных социальных факторов. Среди факторов, влияющих на вариативность представлений о мужчинах и женщинах, М. Киммел отмечает культуру, расу, этничность, социальный класс, профессию [Киммел 2006: 146–147]. Влияние этнического фактора на вариативность гендерных стереотипов исследовалась достаточно подробно (см.: [Basow 1992; Lips 1997;; Zinn 2001 и др.]). Так, например, американский антрополог М. Мид утверждает, что в разных обществах роли матерей и отцов, а также статус мужчин и женщин в социальной иерархии определяются по-разному, в связи с чем и представления о мужчинах и женщинах весьма различны [Мид 2004].

В данной статье рассматривается взаимодействие этнических и гендерных стереотипов китайцев и русских относительно интеллекта. Конкретным предметом изучения являются авто- и гетеростереотипы китайских женщин/мужчин и русских женщин/мужчин об их интеллекте.

1. Материал и методы исследования

В целях получения языкового материала был проведен кросс-групповой социолингвистический эксперимент, участие в котором приняли четыре группы информантов по 30 человек в каждой: китайские женщины, китайские мужчины, русские женщины, русские мужчины. Информантам было предложено написать не менее пяти слов или словосочетаний, описывающих интеллект каждой из рассматриваемых в эксперименте групп, включая собственную. В результате эксперимента было получено 1 895 реакций (479 от китайских женщин, 571 от китайских мужчин, 424 от русских женщин и 421 от русских мужчин); среди реакций было зафиксировано 11 отказов у китайских информантов и 16 – у русских.

Для обработки полученного в эксперименте материала были применены методы семантического и количественного анализа.

Все реакции информантов были сгруппированы в зависимости от актуализации в них определенных семантических признаков¹. Выделение семантических признаков проходило с опорой на теорию интеллекта, а также исходя из логики полученного материала.

Интеллект как психологическое понятие может трактоваться по-разному. Например, по мнению Л. Полани, интеллект представляет собой один из способов приобретения знания [Полани 1985]; М.К. Акимова полагает, что основа интеллекта – это умственная активность [Акимова 1999]; Д. Векслер отмечает, что «интеллект – это глобальная способность разумно действовать, рационально мыслить и хорошо справляться с жизненными обстоятельствами» [Wechsler 1958].

В сознании каждого отдельного человека существуют определенные представления об интеллекте и, соответственно, сформированы разные образы интеллектуального человека. На основе анализа экспериментальных данных Р. Стернберг с соавторами выявили три основных фактора, которые, по представлениям людей, формируют интеллект: 1) способность решать практические житейские проблемы, 2) вербальная способность и 3) социальная компетентность [Стернберг и др. 2002]. Определение Д. Векслера и факторы Р. Стернберга оказываются наиболее близкими обыденному понятию интеллекта, поэтому именно они послужили авторам статьи опорой при семантическом анализе полученного материала.

Всего было выделено 29 групп; малочастотные группы (с частотой 1–2) объединены в группу «Другие». Использование количественных характеристик позволило учесть объем разных семантических групп в структуре представлений информантов об интеллекте и выделить собственно стереотипные представления.

2. Результаты

2.1. Семантические группы

Перечислим основные выделенные признаки и приведем примеры реакций, которые были в них включены.

«Ум». В эту группу вошли реакции, в которых актуализированы значения, описывающие наличие или отсутствие ума у людей, а также его базовые свойства, например: *умные, мудрые, интеллектуальные, глубокомыслие, ясный,聪明* ‘умны’, *睿智* ‘мудрые’, *大智若愚* ‘истинный ум всегда скромнен’, *愚蠢* ‘тупые’ и др.

«Сообразительность». Данная группа включает реакции, в которых актуализированы значения ‘быстрота реакции и учет разных аспектов при решении умственных задач’: *находчивые, сообразительные, быстрота, смекалистые, сметливые, 足智多谋* ‘находчивые’, *聪慧* ‘сообразительные’, *悟性高* ‘понятливые’, *聪明伶俐* ‘сметливые’ и др.

«Здравомыслие». В данную группу включены реакции, в которых актуализировано значение ‘умение разумно и правильно мыслить, трезво оценивать ситуацию’: *здравомыслящие, рациональные, разумные, рассудительные, 深思熟虑* ‘вдумчивые’, *理智* ‘разумные’, *耳聪目明* ‘люди трезвого ума’ и др.

«Образованность». Данная группа содержит реакции, в которых актуализированы значения ‘наличие или отсутствие образования, знаний о культуре и эрудиции’: *грамотные, образован-*

ные, начитанные, безграмотные, 文化水平高 ‘высокообразованные’, *学识丰富* ‘начитанные’, *博学* ‘эрудированные’, *愚昧无知* ‘невежественные’ и др.

«Талант». Данная группа включает реакции, актуализующие значение ‘обладание какими-либо природными способностями’: *способные, 才华横溢* ‘талантливые’, *才高八斗* ‘одаренные’, *文采斐然* ‘литературный талант’, *德才兼备* ‘имеют талант и мораль’ и др.

«Оценка». Группа объединяет реакции, содержащие общую оценку интеллекта китайцев и русских: *высокий, незаурядный, средний, обычный, 正常* ‘нормальный’, *出类拔萃* ‘выдающийся’, *不同凡响* ‘незаурядный’ и др.

«Креативность». Группа включает реакции, в которых актуализированы значения ‘наличие или отсутствие способности к творчеству и умение найти новое решение проблемы’: *креативные, творческие, изобретательность, 有创造力* ‘креативные’, *缺乏创造力* ‘некреативные’ и др.

«Любознательность». В эту группу объединены реакции, в которых актуализировано значение ‘стремление к приобретению новых знаний’: *любознательные, любопытные, 敏而好学* ‘любознательные’ и др.

«Предприимчивость». В данную группу вошли реакции, значение которых содержит указание на способность к начинанию и осуществлению какого-либо дела: *предприимчивые, 精明能干* ‘предприимчивые’ и др.

«Красота». В группу включены устойчивые реакции-фразеологизмы (чэньюи) на китайском языке, описывающие сочетание красивой внешности и ума/таланта женщин: *秀外慧中* ‘хороши собой и умны’, *才貌俱全* ‘талантливы и красивы’ и др.

«Хитрость». В данную группу вошли реакции, которые указывают на хитрость человека, т. е. на его склонность добиваться чего-либо обманым путем: *хитрые, 狡猾* ‘хитрые’.

«Общительность». Эта группа содержит реакции, в которых описываются способности человека к общению: *коммуникабельные, хорошие собеседники, 善谈* ‘разговорчивые’, *口齿伶俐* ‘бойкие на язык’, *能言善辩* ‘красноречивые’ и др.

«Скромность». Данная группа включает реакции, в которых актуализировано значение ‘отсутствие стремления показывать себя’: *大智若愚* ‘истинный ум всегда скромнен’.

«Настойчивость». Эта группа объединяет реакции, в которых указывается на упорство в достижении цели: *целеустремленные, усердные, 殚精竭虑* ‘отдают силы и ум’ и др.

Остальные признаки – «Аккуратность», «Практичность», «Правильность», «Смелость», «Юмор», «Простота» и др. – встречались достаточно редко, количество реакций варьируется от 1 до 6, поэтому эти признаки отнесены к периферийным, индивидуальным, не оказывающим влияния на стереотипные представления.

Как видно из примеров, в семантические группы могут входить как положительные, так и отрицательные реакции (см., например, группу «Ум», в которую вошли реакции *умный* и *глупый*), однако отрицательных реакций среди всего

множества ответов было настолько мало, что ими в рамках данного исследования можно пренебречь.

2.2. Стереотипы в зависимости от этноса и гендера респондентов и оцениваемой группы

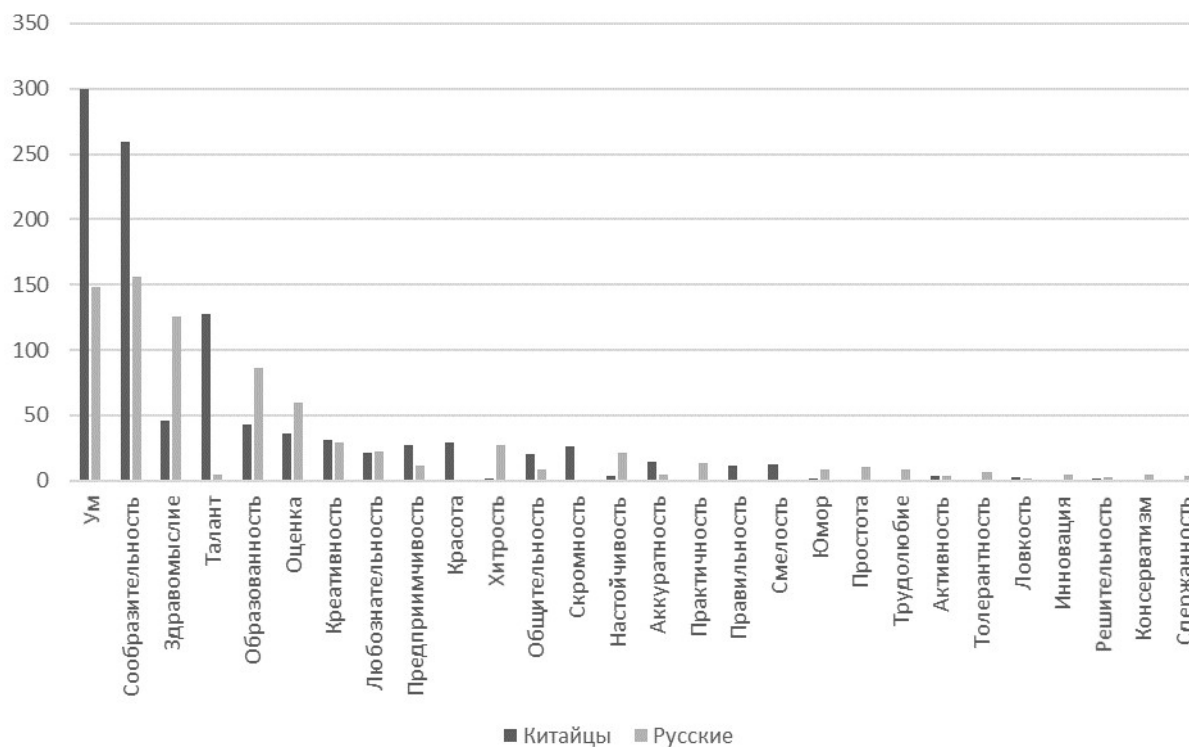
Частоты признаков, актуализированных в ответах разных этнических и гендерных групп информантов по отношению ко всем группам, представлены в таблице. Как видно, частоты актуализации выделенных семантических признаков варьируются в зависимости от этнической и гендерной группы респондентов и от оцениваемой группы.

Частота актуализации семантических признаков в реакциях информантов при описании интеллекта разных гендерно-этнических групп, абс.

The frequency of actualization of semantic features in the reactions of informants when describing the intelligence of different gender-ethnic groups, abs.

ПРИЗНАКИ	Китайцы								Русские							
	Женщины о				Мужчины о				Женщины о				Мужчины о			
	кит.		рус.		кит.		рус.		кит.		рус.		кит.		рус.	
	женщинах	мужчинах	женщинах	мужчинах	женщинах	мужчинах	женщинах	мужчинах	женщинах	мужчинах	женщинах	мужчинах	женщинах	мужчинах	женщинах	мужчинах
Ум	31	32	31	29	40	46	36	55	14	16	15	15	22	23	21	22
Сообразительность	31	28	29	27	41	41	40	22	16	18	21	15	11	16	9	24
Здравомыслие	8	7	8	5	6	6	2	4	14	15	11	18	20	14	17	17
Талант	9	20	9	15	13	34	10	18	1	0	0	1	0	0	1	2
Образованность	6	11	3	6	5	3	6	3	15	22	17	13	8	7	3	1
Оценка	4	12	7	7	1	2	2	1	7	6	10	6	6	7	10	8
Креативность	2	9	3	8	2	2	1	4	5	2	6	8	4	2	1	1
Любознательность	4	0	5	1	2	1	5	3	4	4	5	5	1	2	1	0
Предприимчивость	1	2	0	4	7	4	6	3	0	0	0	0	1	4	1	5
Красота	8	1	2	0	14	0	4	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Хитрость	2	0	0	0	0	0	0	0	4	2	6	2	4	1	5	3
Общительность	4	2	2	2	6	0	3	1	3	1	0	0	0	1	1	2
Скромность	1	4	1	0	6	6	0	8	0	0	0	0	0	0	0	0
Настойчивость	0	3	0	0	0	0	0	1	1	1	1	1	4	6	3	4
Аккуратность	1	1	1	1	9	1	0	0	1	0	0	1	1	1	1	0
Настойчивость	0	3	0	0	0	0	0	1	1	1	1	1	4	6	3	4
Практичность	0	0	0	0	0	0	0	0	2	3	0	2	1	3	1	1
Правильность	6	0	0	0	4	1	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0
Смелость	0	1	2	1	0	3	1	4	0	0	0	0	0	0	0	0
Юмор	0	0	0	1	0	0	0	1	3	2	1	2	0	0	0	0
Простота	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0	1	2	3	2	1
Трудолюбие	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0	1	1	2	3	0	0
Активность	0	1	0	0	0	0	1	2	0	0	0	0	0	1	0	3
Толерантность	0	0	0	0	0	0	0	0	1	3	1	0	0	0	1	1
Ловкость	0	0	0	0	0	0	3	0	0	0	0	1	0	1	0	0
Иновация	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0	1	0	3	0	0
Решительность	0	1	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	3	0
Консерватизм	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0	4	0
Сдержанность	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	3
Другие	13	11	12	10	6	10	11	13	17	19	21	20	23	21	25	20
Всего	124	137	107	111	157	153	124	137	102	110	112	100	102	110	100	109
Отказ	0	0	3	3	0	0	2	3	4	4	3	2	1	1	0	1

Рассмотрим зависимость объема семантических групп от этноса респондентов и оцениваемых групп (рис. 1, 2).

Рис. 1. Частота актуализации семантических признаков в реакциях китайцев и русских, абс.

Fig. 1. The frequency of actualization of semantic features in the reactions of the Chinese and Russians, abs.

Рис. 1 показывает, что при описании интеллекта китайцы и русские в разной степени опираются на разные семантические признаки. Так, признак «Ум» является наиболее частотным, однако актуализирован в ответах китайцев в 2 раза чаще, чем в реакциях русских. Признак «Сообразительность» у китайцев занимает второе место по частоте среди всех выделенных признаков и также встречается в ответах этой группы значительно чаще, чем в ответах русских. У русских признак «Сообразительность» по частоте занимает первое место, чуть ниже частота признака «Здравомыслие», который у китайской группы информантов актуализирован слабо. Признак «Талант» оказался очень важным для китайцев и крайне редко актуализированным в ответах русских информантов. Подобные же различия наблюдаются почти для всех выделенных признаков (семантические группы с одинаковой частотой скорее редкость в данном материале).

Анализ формы распределений позволил выделить ядро и предъядерные зоны стереотипа, которые определялись методом каменной осыпи. Таким образом, можно сделать вывод, что описание интеллекта опирается у китайцев на три основных (ядерных) семантических признака – «Ум» (300), «Сообразительность» (259), «Та-

лант» (128) – и несколько важных предъядерных признаков: «Здравомыслие» (46), «Образованность» (43), «Оценка» (36), «Креативность» (31), «Красота» (29), «Предприимчивость» (27), «Скромность» (26), «Любознательность» (21) и «Общительность» (20). У русских ядерными представлениями об уме являются «Сообразительность» (156), «Ум» (148), «Здравомыслие» (126) и «Образованность» (86), «Оценка» (60), а предъядерными – «Креативность» (29), «Хитрость» (27), «Любознательность» (22) и «Настойчивость» (21). Перечисленные признаки в большинстве случаев характерны для представлений об интеллекте и у китайцев, и у русских, но их место в структуре представлений может быть разным. Ядро представлений об интеллекте у китайцев формируется с опорой на меньшее количество семантических признаков, чем ядро этих же представлений у русских, однако частотность признаков у китайцев значительно выше, чем у русских; общая частотность признаков ядра у китайцев также выше (687), чем у русских (576). Это свидетельствует о большей стереотипности представлений об интеллекте у китайцев. С другой стороны, предъядерных признаков значительно больше у китайцев (9) на фоне русских (4), т. е. общее количество признаков, на которые китайцы опираются в своих пред-

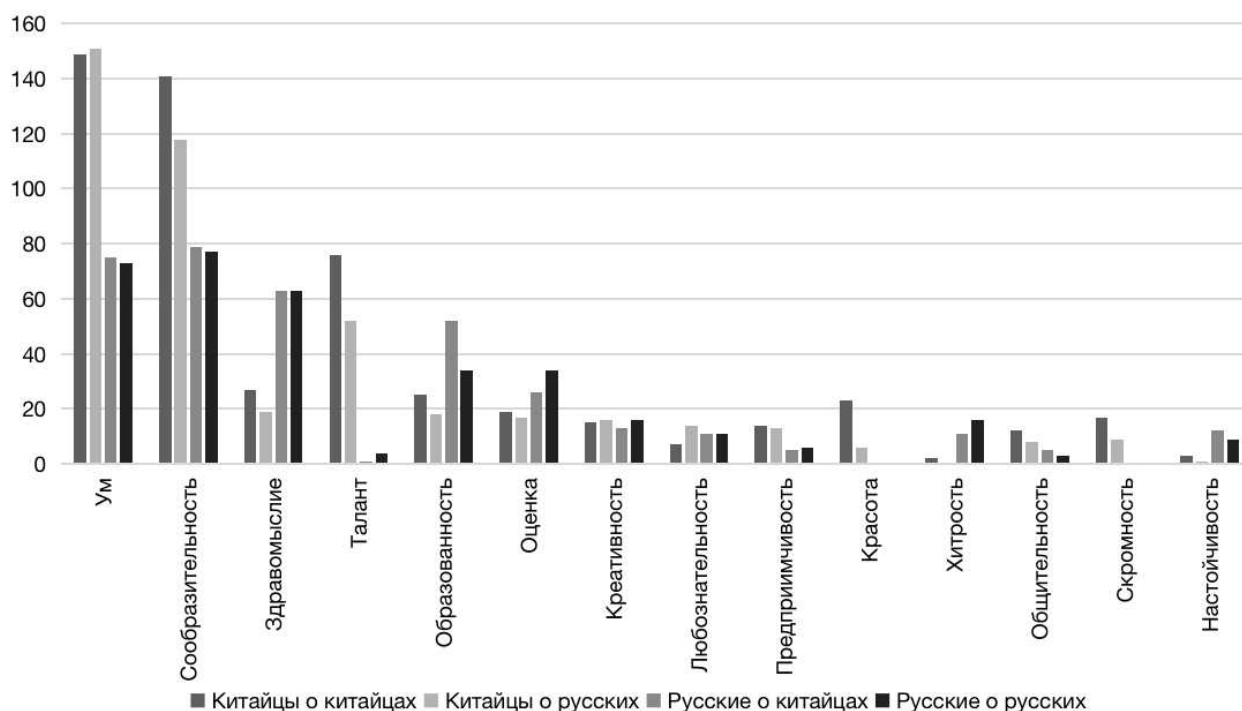
ставлениях об интеллекте, больше, чем у русских, а значит, общая структура представлений у китайцев сложнее.

Интерес вызывают и те семантические признаки, которые актуализированы в реакциях информантов только одной из этнических групп. Такими для китайцев оказались признаки «Красота», «Скромность» и «Смелость»; для русских – «Практичность», «Простота», «Трудолюбие», «Толерантность», «Иновация», «Консерватизм» и «Сдержанность». Хотя в большинстве случаев частотность этих признаков мала, они проявляют лингвокультурное своеобразие китайцев и русских в понимании интеллекта.

Поскольку основной предмет анализа – стереотипные представления, при анализе авто- и гетеростереотипов разных этнических и гендерных групп будут рассмотрены только признаки,

вошедшие в ядро и предьядерную зону стереотипных представлений об интеллекте у китайцев и русских.

2.2.1. Авто- и гетеростереотипы разных этнических групп. Частоты семантических признаков, актуализированных при описании интеллекта китайцев и русских этими же этническими группами, представлены на рис. 2. Как было отмечено ранее, автостереотипы обычно более положительны, чем гетеростереотипы, однако рис. 2 показывает, что в нашем исследовании наблюдаются разные ситуации: довольно часто встречаются и признаки с одинаковой частотностью; а в тех случаях, когда признаки актуализированы в представлениях информантов о себе и о другой (противопоставленной) оцениваемой группе с разной частотой, частота признака может оказаться выше в гетеростереотипе.

Рис. 2. Частота актуализации семантических признаков в реакциях китайцев и русских при описании интеллекта разных этнических групп, абс.

Fig. 2. The frequency of actualization of semantic features in the reactions of the Chinese and Russians when describing intelligence of different ethnic groups, abs.

Так, частота ядерного признака «Ум» у китайцев в авто- и гетеростереотипе примерно одинакова, однако китайцы считают себя более сообразительными и талантливыми, чем русских (признаки «Сообразительность» и «Талант» актуализированы в ответах китайцев о себе значительно чаще, чем в реакциях о русских). Сопоставление частот предьядерных признаков у китайцев при оцен-

ке своей и чужой групп показывает, что у китайцев наблюдается тенденция оценивать свою этническую группу чуть выше, чем группу русских: китайцы считают себя более здравомыслящими, образованными, скромными, общительными и значительно более красивыми. В то же время креативность и предприимчивость у китайцев и русских оценивается китайцами как

примерно одинаковая, а вот любознательность считается более свойственной русским.

Русские считают такие ядерные признаки стереотипа, как «Сообразительность», «Ум» и «Здравомыслие», в одинаковой степени свойственными и своей группе, и китайцам; признак «Оценка» чаще относится к своей группе, а вот признак «Образованность» значительно чаще приписывается китайцам.

Предъядерные признаки также актуализированы у русских в ответах о себе и о китайцах примерно с одинаковой частотой, только признак «Хитрость» чаще приписывается русским, а признак «Настойчивость» – китайцам.

Таким образом, в целом у китайцев частота актуализации признаков в ответах о себе выше, чем в ответах о русских, соответственно, автостереотип более четкий, чем гетеростереотип. У русских признаки актуализированы с примерно одинаковой частотой при оценке своей и чужой эт-

нических групп, следовательно, представления о русских и китайцах примерно одинаковы по степени стереотипизации.

2.2.2. Авто- и гетеростереотипы разных гендерных групп. На рис. 3 показаны частоты семантических признаков при оценке интеллекта женщин и мужчин разными гендерными группами. Из рис. 3 видно, что женщины и мужчины по-разному воспринимают свой интеллект и интеллект противоположного пола, опираясь на разные семантические признаки. Прежде всего обращает на себя внимание разная актуализация признаков у мужчин и женщин в целом, при этом не только признаков предъядерной зоны, но и признаков ядра стереотипа. Так, мужчины значительно чаще обращаются при описании интеллекта к ядерным признакам «Ум» и «Сообразительность», а женщины – к признакам «Образованность», «Оценка» и «Креативность».

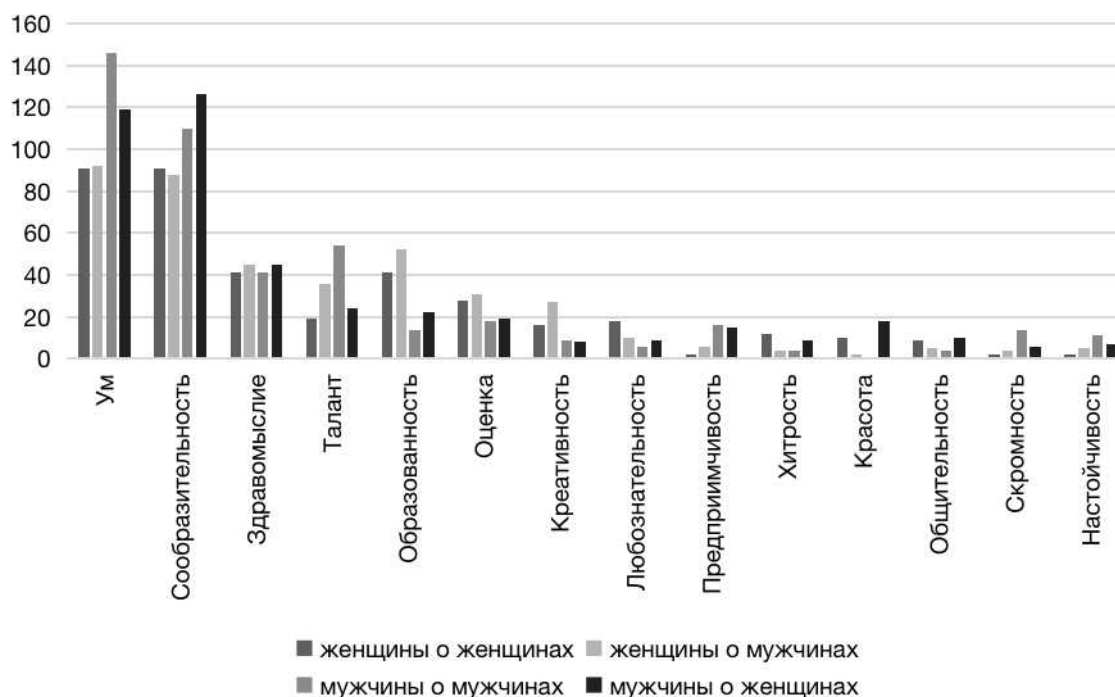

Рис. 3. Частота актуализации семантических признаков в реакциях женщин и мужчин при описании интеллекта разных гендерных групп, абс.

Fig. 3. The frequency of actualization of semantic features in the reactions of women and men when describing intelligence of different gender groups, abs.

Ядерные признаки «Ум», «Сообразительность» и «Здравомыслие» у женщин в авто- и гетеростереотипе актуализированы с примерно одинаковой частотой, однако женщины считают себя менее образованными, чем мужчины (частота признака «Образованность» у женщин ниже, чем в ответах о мужчинах).

При сравнении частот предъядерных признаков у женщин при оценке своей и чужой группы видно, что женщины в нескольких аспектах оценивают себя ниже, чем мужчин: они считают себя менее талантливыми, менее креативными и менее предприимчивыми, чем мужчины. В то же время женщины считают себя более любозна-

тельными, хитрыми, общительными и значительно более красивыми.

Ядерные признаки «Ум» и «Талант» у мужчин в автостереотипе актуализировались чаще, чем в гетеростереотипе. Мужчины считают, что «Здравомыслие» в одинаковой степени свойственно и своей (мужской) группе, и женщинам, однако частота признака «Сообразительность» в реакциях о себе у мужчин ниже, чем в ответах о женщинах, т. е. мужчины считают себя менее сообразительными, чем женщины. Предъядерные признаки актуализированы у мужчин в ответах о себе и о женщинах с примерно одинаковой частотой, только признак «Скромность» чаще приписывается мужчинам, а признаки «Образованность» и «Красота» – женщинам.

В целом у женщин авто- и гетеростереотипы интеллекта почти одинаковы: расхождения в оценках интеллекта женщин и мужчин наблю-

даются только на некоторых признаках предъядерной зоны. У мужчин авто- и гетеростереотипы отличаются в большей степени. При этом явление ингруппового фаворитизма свойственно в основном мужчинам, в то время как женщины склонны оценивать интеллект мужчин либо как равный интеллекту женщин, либо выше его (по многим параметрам предъядерной зоны).

2.3. Взаимодействие этнических и гендерных факторов при формировании стереотипов об интеллекте

Рассмотрим взаимодействие этнических и гендерных факторов при формировании стереотипа на примере только ядерных признаков в каждой этнической группе отдельно. Частоты ядерных признаков у китайцев, актуализированных при описании интеллекта китайских / русских женщин и мужчин, представлены на рис. 4.

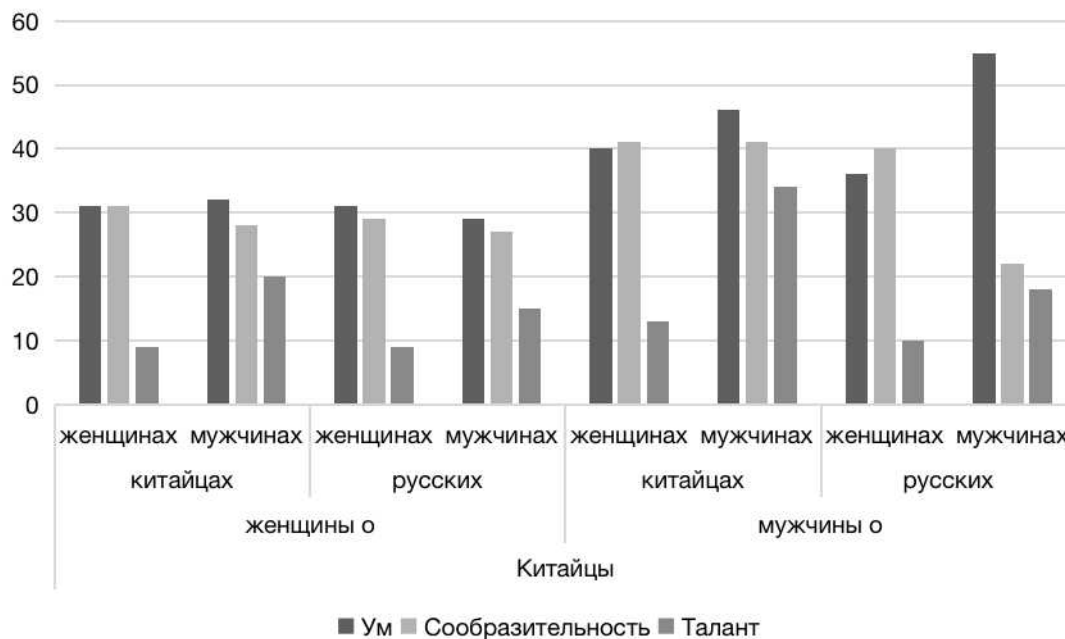

Рис. 4. Частота актуализации ядерных семантических признаков в реакциях китайцев при описании интеллекта китайских / русских женщин и мужчин, абс.

Fig. 4. The frequency of actualization of nuclear semantic features in the reactions of the Chinese when describing the intelligence of Chinese / Russian women and men, abs.

Рис. 4 показывает, что в целом китайские женщины приписывают признак «Ум» в одинаковой степени и своей группе, и другим оцениваемым группам. Однако данный признак актуализирован в реакциях китайских мужчин чаще, чем в реакциях китайских женщин, при этом китайские мужчины считают, что мужчины умнее женщин, как китайских, так и русских. Интересно, что в представлениях китайских мужчин наи-

более умными оказываются русские мужчины, а наименее умными – русские женщины.

У китайских женщин частота актуализации признака «Сообразительность» примерно одинакова в реакциях о всех оцениваемых группах; можно отметить лишь небольшое увеличение частоты упоминания этого признака при описании своей группы. Китайские мужчины чаще, чем китайские женщины, указывают сообразительность

как признак интеллекта всех групп (так же, как и ум). «Сообразительность» у китайских мужчин с примерно одинаковой частотой актуализирована в реакциях о себе, о китайских и русских женщинах; однако данный признак довольно редко актуализирован при описании интеллекта русских мужчинах. Наблюдается интересный парадокс: русские мужчины по оценкам китайских мужчин оказываются самыми умными и в то же время – самыми несообразительными.

Признак «Талант» примерно с одинаковой и довольно низкой частотой актуализирован в ответах китайских женщин о себе и о русских женщинах. При сопоставлении частоты признака «Талант» у китайских женщин при оценке своей и другой гендерных групп наблюдается тенденция оценивать свою гендерную группу ниже, чем мужчин: в представлениях китайских женщин мужчины талантливее женщин; при этом китай-

ские женщины считают, что китайские мужчины самые талантливые среди всех оцениваемых групп. Китайские мужчины оценивают свою группу как самую талантливую, далее по степени таланта, согласно оценкам китайских мужчин, следуют русские мужчины, а уровень таланта китайских и русских женщин примерно одинаков и ниже уровня таланта мужчин.

Таким образом, можно заметить, что у китайских женщин эффект ингруппового фаворитизма почти не работает ни в отношении этнической, ни в отношении гендерной группы, в то время как у китайских мужчин этот эффект в отношении гендерной группы перекрывает этнический фактор.

Частоты ядерных признаков (кроме признака «Оценка»²) в реакциях русских в зависимости от пола и оцениваемой этнической и гендерной групп представлены на рис. 5.

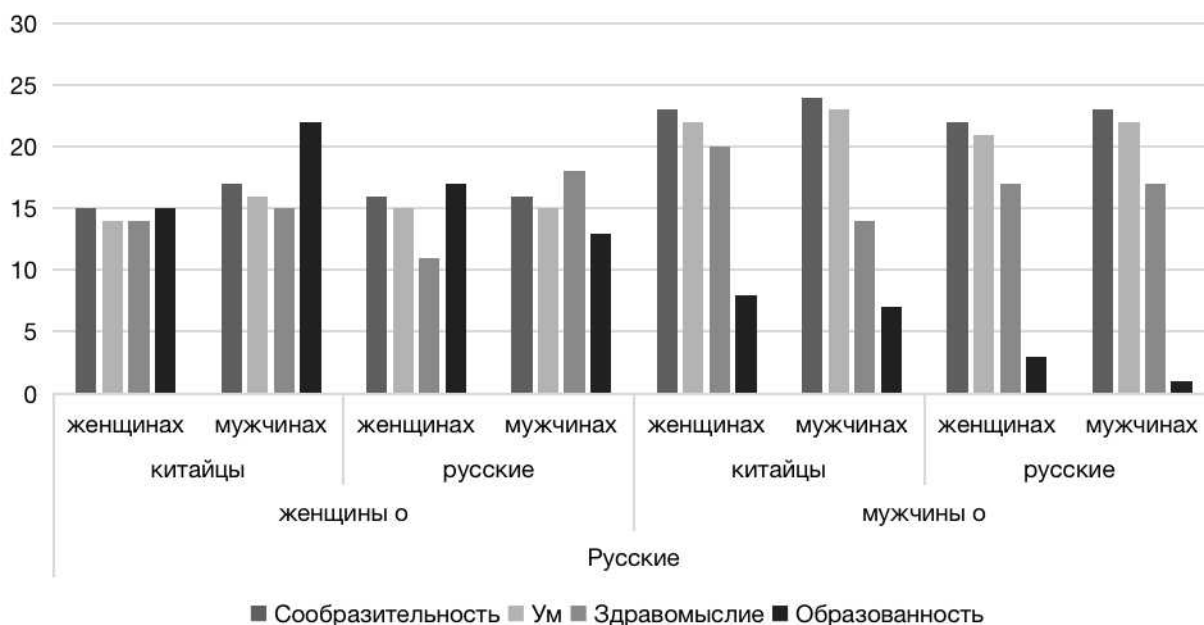

Рис. 5. Частота актуализации ядерных семантических признаков в реакциях русских при описании интеллекта китайских / русских женщин и мужчин, abs.

Fig. 5. The frequency of actualization of nuclear semantic features in the reactions of the Russians when describing the intelligence of Chinese/Russian women and men, abs.

Приведенные на рис. 5 данные свидетельствуют, что признаки «Сообразительность» и «Ум» с примерно одинаковой частотой актуализированы в ответах русских женщин при описании интеллекта оцениваемых групп (чуть выше оценки ума и сообразительности китайских мужчин, но разница невелика). Частота актуализации данных двух признаков в реакциях русских мужчин относительно всех групп также примерно одинакова. При сравнении частоты признаков видно, что русские мужчины, так же, как и китай-

ские, склонны упоминать «Сообразительность» и «Ум» в целом чаще, чем русские женщины.

Частота признака «Здравомыслие» показывает, что русские женщины считают наиболее здравомыслящими русских мужчин, а себя – самыми не здравомыслящими; признак «Здравомыслие» русскими женщинами в одинаковой степени приписывается и китайским женщинам, и китайским мужчинам и находится по степени актуализации между здравомыслием русских мужчин и русских женщин. В отличие от русских женщин,

русские мужчины считают самыми здравомыслящими китайских женщин, а китайских мужчин – самыми не здравомыслящими. По мнению русских мужчин, в одинаковой степени здравомыслие свойственно и их группе, и русским женщинам.

Признак «Образованность» в реакциях русских женщин с примерно одинаковой частотой актуализирован при описании своей группы, китайских женщин и русских мужчин; самая высокая частота актуализации данного признака наблюдается у русских женщин в ответах о китайских мужчинах, т. е. русские женщины воспринимают китайских мужчин как наиболее образованных среди всех оцениваемых групп. Признак «Образованность» в целом редко актуализирован в ответах русских мужчин, однако по количеству реакций видно, что в представлениях русских мужчин китайцы более образованны, чем русские (при этом оценка образованности мужчин выше).

Итак, анализ взаимодействия гендерных и этнических факторов у русских показывает, что ни русским женщинам, ни русским мужчинам не свойствен ингрупповой фаворитизм ни по этническому, ни по гендерному фактору.

Выводы

Результаты кросс-группового социолингвистического эксперимента позволяют сделать следующие выводы:

1. Ядро стереотипа об интеллекте у китайцев формируется признаками «Ум», «Сообразительность» и «Талант», а у русских – признаками «Сообразительность», «Ум», «Здравомыслие», «Образованность» и «Оценка». Более высокая частотность ядерных признаков и их меньшее количество у китайцев по сравнению с русскими свидетельствует о большей степени стереотипизации об интеллекте представлений у китайцев, чем у русских.

2. В целом частота актуализации признаков у китайцев при оценке своего интеллекта выше, чем при оценке русских, что доказывает явление ингруппового фаворитизма и говорит о более четкой структуре автостереотипа, чем гетеростереотипа. Примерно одинаковая частота актуализации признаков при оценке своей и чужой группы у русских показывает, что этнический фактор не оказывает существенного влияния на оценку русскими интеллекта.

3. Схожие структуры авто- и гетеростереотипов у женщин демонстрируют, что представления женщин об интеллекте не зависят от гендерного фактора оцениваемой группы. У мужчин авто- и гетеростереотипы отличаются в большей степени, при этом наблюдается явление ингруппового фаворитизма: мужчины оценивают свою группу выше, чем женщин.

4. Рассмотрение взаимодействия этнических и гендерных факторов позволило уточнить структуры стереотипов в социуме. Так, примерно одинаковые частоты ядерных признаков при оценке китайскими женщинами своей группы и остальных трех групп показывают, что у китайских женщин эффект ингруппового фаворитизма почти не работает ни в отношении этнической, ни в отношении гендерной группы. Китайские мужчины оценивают группы как китайских, так и русских мужчин лучше, чем группы противоположного пола, что свидетельствует о большем влиянии гендерного фактора, чем этнического, на представления китайских мужчин об интеллекте разных групп. По незначительной разнице между частотами каждого признака у при оценке своей группы и китайских групп русскими женщинами и мужчинами, видно, что ни русским женщинам, ни русским мужчинам не свойствен ингрупповой фаворитизм ни по этническому, ни по гендерному фактору.

Таким образом, в целом можно заключить, что стереотипы относительно интеллекта разных социальных групп различаются в зависимости от этноса и гендера оцениваемой и оцениваемой группы. Ингрупповой фаворитизм свойствен только одной из рассмотренных социальных групп – китайским мужчинам, при этом гендерный признак для них оказался более важным, чем этнический.

Примечания

¹ См. подробнее о методе и его применении в наших предыдущих работах о стереотипах относительно внешности и характера китайцев [Чэнь Яо, Ерофеева 2021; Чэнь Яо 2021].

² Признак «Оценка» показывает, насколько часто информанты вместо названия конкретных черт интеллекта обращаются к прямому оцениванию его уровня или качества. В связи с тем что в данную группу попали очень разнообразные реакции, она не рассматривается как формирующая стереотип.

Список литературы

- Акимова М. К. Интеллект как динамичный компонент в структуре способностей: дис. ... д-ра психол. наук. М., 1999. 387 с.
- Бартоминский Е. Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике. М.: Индрик, 2005. 527 с.
- Здравомыслов А. Г. Россия и русские в современном немецком самосознании // Ответственные науки и современность. 2001. № 4. С. 103–112.
- Киммел М. Гендерное общество / пер с англ. О. А. Оберемко, И. Н. Тартаковской. М.: РОС-СПЭН, 2006. 464 с.

- Козлов В. В., Шухова Н. А. Гендерная психология: учебник для вузов. М.: Речь, 2010. 288 с.
- Крысько В. Г. Этническая психология: учебник для студентов вузов. М.: Академия, 2002. 320 с.
- Леонтович О. А. Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения: монография. М.: Гнозис, 2005. 352 с.
- Липпман У. Общественное мнение / пер. с англ. Т. В. Барчуновой; под ред. К. А. Левинсон, К. В. Петренко. М.: Общественное мнение, 2004. 384 с.
- Маслова В. А. Культурный стереотип и его роль в поведении сквозь призму языка // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2009. № 11. С. 37–43.
- Мид М. Мужское и женское: исследование полового вопроса в меняющемся мире / пер. с англ. М. Ошуркова, Л. Михайловой, Д. Кутузовой. М.: РОССПЭН, 2004. 416 с.
- Михайлова К. Этнический стереотип за болгарина сред поляците, живеещи в България // Български фолклор. 1999. Кн. 1–2. С. 58–70.
- Полани Л. Личностные знания / под ред. В. А. Лекторского, В. И. Аршинова; предисл. В. А. Лекторского. М.: Прогресс, 1985. 344 с.
- Садохин А. П. Введение в теорию межкультурной коммуникации. М.: Высш. шк., 2005. 309 с.
- Самнер У. Г. Народные обычаи: исследование социологического значения обычаев, манер, привычек, нравов и этики / пер. с англ. М. С. Добряковой // Рубеж (альманах социальных исследований). 1998. № 12. С. 4–32.
- Солдатова Г. У. Психология межэтнической напряженности. М.: Смысл, 1998. 389 с.
- Стернберг Р. и др. Практический интеллект / Р. Стернберг, Дж. Форсайт, Дж. Хедланд и др. / пер. с англ. К. А. Шукина, Ю. А. Буткевич. СПб.: Питер, 2002. 272 с.
- Стефаненко Т. Г. Этнопсихология. Практикум. М., 2006. URL: <https://psyfactor.org/lib/stegeoture8.htm> (дата обращения: 06.03.2020).
- Чэнь Яо. Стереотипные представления китайцев о внешности русских женщин. Россия – Китай: история и культура: сб. ст. и докл. участников XIV Междунар. науч.-практ. конф. Казань: АН РТ, 2021. С. 370–377.
- Чэнь Яо, Ерофеева Е. В. Авто- и гетеростереотипы китайских мужчин и женщин // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2021. Вып. 7, № 3. С. 204–219.
- Шибанова Л. А. Стереотип маскулинности в советской и современной российской песне // Женщина в российском обществе. 2001. № 3/4. С. 65–69.
- Шляхова С. С., Белова Л. А. Авто- и гетеростереотипы русских, башкир и коми-пермяков. Статья вторая. Характер // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2014. Вып. 1(25). С. 7–19.
- Ashmore R. D., Del Boca F. K. The Social Psychology of Female-male Relations: A Critical Analysis of Central Concepts. N.Y.: Elsevier, 1986. P. 368.
- Basow S.A. Gender Stereotypes and Roles. Pacific Grove, Calif.: Brooks/Cole Pub. Co., 1992. 447 p.
- Cala A. Stosunek swoj-obcy w kulturze ludowej // Etnografia polska. 1982. Vol. 26. № 2. P. 203–214.
- Castano E., Paladino M.-P., Coull A. Protecting the ingroup stereotype: Ingroup identification and the management of deviant ingroup members // The British journal of social psychology. 2002. Vol. 41(3). P. 365–386.
- Deaux K., Lewis L. L. Structure of Gender Stereotypes: Interrelations among Components and Gender Label // Journal of Personality and Social Psychology. 1984. № 45(5). P. 991–1004.
- Efferson C., Lalive R., Fehr E. The Coevolution of Cultural Groups and Ingroup Favoritism // Science. 2008. Vol. 321. № 5897. P. 1844–1849.
- Kammeyer K. C. W., Ritzer G., Yetman N. R. Sociology: Experiencing Changing Society. Boston: Allyn and Bacon, 1990. 772 p.
- Lips H. M. Sex and Gender: An Introduction. VA.: Radford Univ. press. 1997. 513 p.
- Löschmann M. Was tun gegen Stereotype? // Interkulturelle Kommunikation in Wirtschaft und Fremdsprachenunterricht / Gerhard Wazel. Institut für Interkulturelle Kommunikation e.V. (Hrsg.). Frankfurt-am-Main: Lang, 2001. P. 147–201.
- Rentzetti C. M., Curran D. J. Women, Men and Society. Boston: Allyn and Bacon, 1999. 468 p.
- Schneider D. J. The Psychology of Stereotyping. N.Y.; L.: The Guilford Press, 2004. 704 p.
- Seidenspinner W. Aggressive Folklore // Zeitschrift für Volkskunde. 1996. J. 92. P. 208–226.
- Taylor D. M., Doria J. R. Self-serving and group-serving bias in attribution // Journal of Social Psychology. 1981. Vol. 113(2). P. 201–211.
- Wechsler D. The measurement and appraisal of adult intelligence. Baltimore: The Williams and Wilkins Company, 1958. 324 p.
- Zinn M. B. Chicano Men and Masculinity // Men's Lives / ed. by M. S. Kimmel, M. A. Messner. Boston, 2001. P. 25–27.

References

- Akimova M. K. *Intellekt kak dinamichnyy komponent v strukture sposobnostey*. Diss. d-ra psikholog. nauk [Intelligence as a dynamic component in the structure of abilities. Dr. psychol. sci. diss.]. Moscow, 1999. 387 p. (In Russ.)
- Bartmin'skiy E. *Yazykovoy obraz mira: ocherki po etnolingvistike* [Linguistic Image of the World: Essays on Ethnolinguistics]. Moscow, Indrik Publ., 2005. 527 p. (In Russ.)

- Zdravomyslov A. G. Rossiya i russkie v sovremennom nemetskom samosoznanii [Russia and Russians in modern German identity]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Modernity], 2001, issue 4, pp. 103–112. (In Russ.)
- Kimmel M. Gendernoe obshchestvo [The gendered society]. Transl. from English by O. A. Oberemko, I. N. Tartakovskaya. Moscow, ROSSPEN Publ., 2006. 464 p. (In Russ.)
- Kozlov V. V., Shukhova N. A. *Gendernaya psikhologiya: ucheb. dlya vuzov*. [Gender Psychology: textbook for universities]. Moscow, Rech' Publ., 2010. 288 p. (In Russ.)
- Krys'ko V. G. *Etnicheskaya psikhologiya: ucheb. dlya stud. vyssh. ucheb, zavedeniy* [Ethnic Psychology: Textbook for students of institutions of higher education]. Moscow, Akademiya Publ., 2002. 320 p. (In Russ.)
- Leontovich O. A. *Russkie i amerikantsy: paradoksy mezhkul'turnogo obshcheniya: Monografiya* [Russians and Americans: Paradoxes of intercultural communication: monograph]. Moscow, Gnozis Publ., 2005. 352 p. (In Russ.)
- Lippman W. *Obshchestvennoe mnenie* [Public opinion]. Transl. from English by T. V. Barchunova; ed. by K. A. Levinson, K. V. Petrenko. Moscow, Obshchestvennoe mnenie Publ., 2004. 384 p. (In Russ.)
- Maslova V. A. Kul'turnyy stereotip i ego rol' v povedenii skvoz' prizmu yazyka [A cultural stereotype and its role in behavior through the prism of language]. *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki* [Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics], 2009, issue 11, pp. 37–43. (In Russ.)
- Mead M. *Muzhskoe i zhenskoe: issledovanie polovogo voprosa v menyayushchemsya mire* [Male and Female: A Study of the Sexes in a Changing world]. Transl. from English by M. Oshurkov, L. Mikhaylova, D. Kutuzova. Moscow, ROSSPEN Publ., 2004. 416 p. (In Russ.)
- Mikhaylova K. Etnicheskiy stereotip za b"lgarina sred polyatsite, zhiveeshchi v B"lgariya [The ethnic stereotype of the Bulgarian among the Poles living in Bulgaria]. *B"lgarski folklor* [Bulgarian Folklore], 1999, books 1–2, pp. 58–70. (In Bulg.)
- Polani L. *Lichnostnye znaniya* [Personal Knowledge]. Ed. by V. A. Lektorskiy, V. I. Arshinov, introd. by V. A. Lektorskiy. Moscow, Progress Publ., 1985. 344 p. (In Russ.)
- Sadokhin A. P. *Vvedenie v teoriyu mezhkul'turnoy kommunikatsii* [Introduction to the Theory of Intercultural Communication]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 2005. 309 p. (In Russ.)
- Sumner W. G. Narodnye obychai: issledovanie sotsiologicheskogo znacheniya obyachaev, maner, privyчек, nравov i etiki [Folkways: a Study of the Sociological Importance of Usages, Manners, Customs, Mores, and Morals]. Transl. from English by M. S. Dobryakova. *Rubezh (al'manakh sotsial'nykh issledovaniy)* [Frontier (almanac of social research)], 1998, issue 12, pp. 4–32. (In Russ.)
- Soldatova G. U. *Psikhologiya mezhetnicheskoy napryazhennosti* [Psychology of Interethnic Tension]. Moscow, Smysl Publ., 1998. 389 p. (In Russ.)
- Sternberg R. et al. *Prakticheskiy intellekt* [Practical Intelligence in Everyday Life]. R. Sternberg, G. Forsythe, J. Hedlund et al. Transl. from English by K. A. Shchukin, Yu. A. Butkevich. St. Petersburg, Piter Publ., 2002. 272 p. (In Russ.)
- Stefanenko T. G. *Etnopsikhologiya. Praktikum* [Ethnopsychology. Workshop]. Moscow, 2006. Available at: <https://psyfactor.org/lib/stereotype8.htm> (accessed 06.03.2020). (In Russ.)
- Chen Yao. Stereotipnye predstavleniya kitaytsev o vneshnosti russkikh zhenshchin [Chinese's stereotypical perceptions of Russian women's appearance]. *Rossiya - Kitay: istoriya i kul'tura: sbornik statey i докладов uchastnikov XIV Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Russia – China: History and Culture: Collection of articles and reports of the participants of the XIV International scientific and practical conference]. Kazan, AN RT Publ., 2021, pp. 370–377. (In Russ.)
- Chen Yao, Erofeeva E. V. Avto- i geterostereotipy kitayskikh muzhchin i zhenshchin [Auto- and heterostereotypes of Chinese men and women: Appearance]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 2021, issue 7, no. 3, pp. 204–219. (In Russ.)
- Shibanova E. A. Stereotip maskulinnosti v sovetskoy i sovremennoy rossiyskoy pesne [Stereotype of masculinity in the Soviet and modern Russian song]. *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve* [Woman in Russian Society], 2001, issue 3/4, pp. 65–69. (In Russ.)
- Shlyakhova S. S., Belova L. A. Avto- i geterostereotipy russkikh, bashkir i komi-permyakov. Stat'ya vtoraya. Kharakter [Russians, Bashkirs and Komi-Permyaks' auto- and heterostereotypes. Article two. Temper]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2014, issue 1 (25), pp. 7–19. (In Russ.)
- Ashmore R. D., Del Boca F. K. *The Social Psychology of Female-Male Relations: A Critical Analysis of Central Concepts*. N.Y., Elsevier, 1985. 368 p. (In Eng.)
- Basow S. A. *Gender Stereotypes and Roles*. Pacific Grove, Calif., Brooks/Cole Pub. Co., 1992. 447 p. (In Eng.)
- Cala A. Stosunek swoj-obcy w kulturze ludowej. *Etnografia polska*, 1982, vol. 26, issue 2, pp. 203–214. (In Pol.)

- Castano E., Paladino M.-P., Coull A. Protecting the ingroup stereotype: Ingroup identification and the management of deviant ingroup members. *The British Journal of Social Psychology*, 2002, vol. 41 (3), pp. 365–386. (In Eng.)
- Deaux K., Lewis L. L. Structure of gender stereotypes: Interrelations among components and gender label. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1984, issue 45(5), pp. 991–1004. (In Eng.)
- Efferson C., Lalive R., Fehr E. The coevolution of cultural groups and ingroup favoritism. *Science*, 2008, vol. 321, issue 5897, pp. 1844–1849. (In Eng.)
- Kammeyer K. C. W., Ritzer G., Yetman N. R. *Sociology: Experiencing Changing Society*. Boston, Allyn and Bacon, 1990. 772 p. (In Eng.)
- Lips H. M. *Sex and Gender: An Introduction*. VA., Radford Univ. press. 1997. 513 p. (In Eng.)
- Löschmann M. Was tun gegen Stereotype? *Interkulturelle Kommunikation in Wirtschaft und Fremdsprachenunterricht*. Ed. by Gerhard Wazel. Institut für Interkulturelle Kommunikation e.V. Frankfurt-am-Main, Lang, 2001, pp. 147–201. (In Ger.)
- Rentzetti C. M., Curran D. J. *Women, Men and Society*. Boston, Allyn and Bacon, 1999. 468 p. (In Eng.)
- Schneider D. J. *The Psychology of Stereotyping*. N.Y. L., Guilford Press, 2004. 704 p. (In Eng.)
- Seidenspinner W. Aggressive Folklore. *Zeitschrift für Volkskunde*, 1996, J. 92, pp. 208–226. (In Ger.)
- Taylor D. M., Doria J. R. Self-serving and group-serving bias in attribution. *Journal of Social Psychology*, 1981, issue 113(2), pp. 201–211. (In Eng.)
- Wechsler D. *The Measurement and Appraisal of Adult Intelligence*. Baltimore, Williams and Wilkins Company, 1958. 324 p. (In Eng.)
- Zinn M.B. Chicano men and masculinity. *Men's Lives*. Ed. by M. S. Kimmel, M. A. Messner. Boston, 2001, pp. 25–27. (In Eng.)

Ethnocultural and Gender Stereotypes about Intelligence: Chinese and Russians

Chen Yao

Postgraduate Student in the Department of Theoretical and Applied Linguistics

Perm State University

15, Bukireva st., Perm, 614990, Russian Federation. chen.yao@yandex.ru

SPIN-code: 3772-2954

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2228-2382>

ResearcherID: AAB-7406-2022

Received 1 Dec 2021

Revised 3 Feb 2022

Accepted 14 Feb 2022

For citation

Chen Yao. Etnokul'turnye i gendernye stereotipnye predstavleniya ob intellekte: kitaytsy i russkie [Ethnocultural and Gender Stereotypes about Intelligence: Chinese and Russians]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2022, vol. 14, issue 1, pp. 81–95. doi 10.17072/2073-6681-2022-1-81-95 (In Russ.)

Abstract. The article presents the results of a cross-group sociolinguistic experiment aimed at analyzing the features of the expression of Chinese and Russian stereotypes about intelligence, as well as at identifying the influence of ethnic and gender factors on the stereotypical perceptions of Chinese and Russian women and men about the intelligence of the same social groups (the experiment involved four groups of informants – Chinese women, Chinese men, Russian women, and Russian men – 30 people in each group). During the experiment, the informants were asked to name five words characterizing the intelligence of the social groups under study. As a result, there were received 1,050 responses from the Chinese informants and 845 responses from the Russians. For the processing and analysis of reactions, semantic as well as quantitative analyses were used: all the reactions obtained were combined into semantic groups, the volume

of which was considered as an indicator of the stereotyping of a particular feature. The study showed that the structures of stereotypes regarding the intelligence of different social groups differ depending on the ethnic group and gender of the evaluating and assessed groups. The core of the stereotype among Chinese is formed by three features – ‘Mind’, ‘Quick-wittedness’, and ‘Talent’, while the core of the stereotype among the Russians is formed by five features: ‘Quick-wittedness’, ‘Mind’, ‘Sanity’, ‘Education’, and ‘Evaluation’. Thus, the stereotype structure among Chinese is more compact than that among the Russians. At the same time, Chinese give higher marks to their intellect than to the intellect of the Russians; for the Russians, the ethnic factor does not have a significant impact on the assessment of a group. Ideas about intelligence in women do not depend on the gender factor of the group being assessed, while in men auto and hetero stereotypes differ to a greater extent. Analysis of the interaction between ethnic and gender factors shows that in-group favoritism is characteristic of only one of the considered groups – Chinese men, with the gender factor being more important for them than the ethnic one.

Key words: stereotype; ethnic stereotype; gender stereotype; intelligence; Chinese; Russians.

УДК 81'42
doi 10.17072/2073-6681-2022-1-96-108

К 300-летию Санкт-Петербургского
государственного университета

Экспрессивность декларации ЮНЕСКО о выдающейся универсальной ценности объекта всемирного наследия

Наталья Валерьевна Шутёмова

д. филол. н., профессор кафедры английской филологии и лингвокультурологии
Санкт-Петербургский государственный университет
199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9. n.shutemova@spbu.ru

SPIN-код: 6361-4981
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4188-0310>
ResearcherID: AAW-8265-2021

Статья поступила в редакцию 29.12.2021
Одобрена после рецензирования 25.01.2022
Принята к публикации 01.02.2022

Информация для цитирования

Шутёмова Н. В. Экспрессивность декларации ЮНЕСКО о выдающейся универсальной ценности объекта всемирного наследия // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2022. Т. 14. Вып. 1. С. 96–108. doi 10.17072/2073-6681-2022-1-96-108.

Аннотация. В статье рассматривается экспрессивность декларации ЮНЕСКО о выдающейся универсальной ценности объекта всемирного наследия как одно из жанровых свойств данного документа. На основе функционально-стилистического анализа корпуса деклараций, размещенных на сайте ЮНЕСКО, выявлено, что экспрессивность документации обусловлена ее коммуникативными задачами, заключающимися в информировании международного сообщества о существовании уникальных объектов, в описании их свойств и убеждении целевой аудитории в их высокой общечеловеческой ценности. Установлено, что основным экспрессивным средством в документах являются эпитеты, которые классифицированы в статье в зависимости от их контекстуальной семантики на эпитеты, характеризующие уникальность, значимость и эстетичность объектов. Определены доминантные средства, к которым в первой группе относятся *outstanding* и *unique*, во второй – *universal*, *significant*, *important*, в третьей – *beauty*, *beautiful*. Выявлены контекстуальные синонимы ядерной экспрессивной лексики, а также средства, акцентирующие в документах ее семантику. Основным приемом, актуализирующим семантику экспрессивной лексики, является рекуррентность. Она используется как в пределах одного документа, так и в масштабах всего корпуса деклараций. К основным функциям рекуррентности относятся информирование и убеждение целевой аудитории. Также установлено, что данный прием обуславливает стандартизацию экспрессивности, создавая характерное для документации сочетание экспрессии и стандарта. Кроме того, прослежено, что рекуррентность экспрессивной лексики способствует связности документов в едином корпусе.

Ключевые слова: жанр; декларация о выдающейся универсальной ценности объекта всемирного наследия; типологические свойства; экспрессивность; эпитеты; контекстуальная синонимия; рекуррентность эпитетов; стандартизованность эпитетов.

Декларация о выдающейся универсальной ценности объекта всемирного наследия (далее – «декларация ВУЦ») является документом, входящим в состав конкурсной заявки, подаваемой страной на рассмотрение ЮНЕСКО, а после одобрения размещаемым на сайте международной организации на странице проекта. Являясь документом, она относится к текстам, формирующим институциональный дискурс и характеризующимся официально-деловым стилем речи, системными свойствами которого, как показывают исследования в области функциональной стилистики, в целом являются прежде всего стандартизованность, шаблонность, безэмоциональность, императивность, неличный характер, «точность, не допускающая инотолкования» [Кожина 1977: 171]. Однако, как показывает функционально-стилистический анализ рассматриваемого документа, одной из его важнейших жанровых характеристик является экспрессивность, которую необходимо учитывать как при составлении, так и переводе декларации, что обуславливает актуальность изучения данного свойства. Своеобразие экспрессивности как жанровой характеристики декларации составляет предмет рассмотрения в данной статье.

При анализе мы основываемся на традиционной трактовке жанра как «исторически складывающегося и развивающегося типа литературного произведения» [СЭСРЯ 2003: 56], который характеризуется тесной взаимосвязанностью содержания (т. е. идейности, эмотивности, образности) и формы (включая структуру текста и способы языковой репрезентации объективируемой концепции) и выполняет определенные функции [Бахтин 1979]. Жанровые характеристики дискурса, его типология и соответствующие свойства, включая научность, художественность, образность, информативность, императивность, аксиологичность, точность, экспрессивность, диалогичность, интертекстуальность, мультимодальность и др., получают в лингвистике системное осмысление с разных исследовательских позиций [Алексеева 2013; Алексеева, Мишланова 2002; Анисимова 2000; Арутюнова 1976; Баженова 1999; Бибихин 2001; Гальперин 2006; Данилевская 2009; Дридзе 1984; Дускаева 2012; Кожина, Дускаева, Салимовский 2008; Кубрякова 2000; Кузьмина 1999; Негрышев 2014; Ревзина 1999; Салимовский 2000; Турбина 2017; Хасанова 2008; Цурикова 2001; Чернявская 2001, 2007; Ширинкина 2001, 2021; Brown 1983; Gumperz 1982; Mills 1997; Tannen 1993; Thomas 1995; van Dijk 1981, 2008, 2009, 2014; Vershueren 1999].

Жанры институционального дискурса, системно описанные представителями пермской

школы функциональной стилистики, характеризуются многообразием и классифицируются по таким основаниям, как принадлежность виду институционального дискурса (законодательному, юрисдикционному, административному, дипломатическому), письменная / устная форма, функция (включая ходатайство, предписание, информирование) [Кожина, Дускаева, Салимовский 2008]. Например, административный дискурс образуют письменные тексты, выполняющие функцию 1) предписания (трудовые соглашения, торговые контракты, договоры страхования, учредительные договоры, должностные инструкции, приказы и решения), 2) ходатайства (личное заявление, рекомендательное письмо, претензия, заявка, петиция), 3) информирования (в частности, смета, акт, протокол, справка, квитанция, личный листок по учету кадров) [там же: 331]. К устным текстам, формирующим административный дискурс, относятся передаваемые лично распоряжения, выполняющие функцию предписания, речи-представления и выступления-предложения в функции ходатайства, деловые переговоры, доклады на собраниях, речи на презентациях, реализующие функцию информирования [там же: 332].

Рассматриваемый в данной статье документ принадлежит дипломатическому дискурсу, являясь компонентом системы его жанров, включающей, например, конвенции, договоры, пакты, акты, меморандумы, вербальные ноты и др. Он существует в письменной форме, изначально включен в состав более общего документа «Номинация», связан с такими документами, как «Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия» и «Руководство по выполнению Конвенции об охране всемирного наследия», выполняет типовые функции информирования (о существовании уникального объекта) и предписания (по мерам его защиты и сохранения), разделяя со всеми жанрами институционального дискурса общие характеристики, включающие стандартизованность, точность, ясность, неличность, императивность.

Полагаем, что контрастирующее на этом фоне свойство экспрессивности декларации ВУЦ может быть объяснено основными коммуникативными задачами документа, который не только констатирует наличие уникальных свойств у природных и культурных объектов, но и убеждает в этом целевую аудиторию: на первом этапе при составлении страной конкурсной заявки ею является ЮНЕСКО, на втором этапе после признания организацией ценности объекта и опубликования декларации на сайте – всё международное сообщество. Кроме того, экспрессивность документа мотивирована самим

предметом описания, его исключительностью и значимостью. Необходимо отметить, что в декларации ВУЦ экспрессия является компонентом констатации уникальности объекта, его высокой оценки и убеждения в ней международного сообщества. В связи с этим экспрессивность документа сопряжена с такими его свойствами, как информативность по типу констатации, с одной стороны, и аксиологичность, аргументативность, персуазивность, риторичность – с другой.

Рассматривая понятие экспрессивности в данном исследовании, мы исходим из традиционного представления о том, что любая языковая единица употребляется адресантом для объективации своих мыслей, чувств, эмоций, т. е. является средством их выражения. При этом собственно экспрессивность трактуется в лингвистике как «совокупность семантико-стилистических признаков единицы языка, которые обеспечивают ее способность выступать в коммуникативном акте как средство субъективного выражения отношения говорящего к содержанию или адресату речи», «психического состояния говорящего» [ЛЭС 1990: 591]. Экспрессивностью могут характеризоваться единицы всех языковых уровней, например: интонация – на фонетическом, уменьшительно-ласкательные суффиксы – на морфемном, усилительные частицы – на лексическом, инверсия – на синтаксическом. Данные воззрения восходят к идеям, разработанным в заложенной Ш. Балли экспрессивной стилистике, предметом изучения которой являются выразительные средства языка и закономерности их использования [Балли 1961]. В этом ключе языковые единицы рассматриваются с точки зрения их употребления в зависимости от экспрессивного коммуникативного задания, с учетом их стилистического значения и применения с помощью стилистических приемов, порождающих стилистический эффект. При классификации экспрессивных средств языка мы основываемся на базовой для нас концепции, разработанной с позиций семиотики и функциональной лингвистики [Скребнев 1975] и систематизирующей ресурсы в зависимости от уровня языка и рассматриваемого аспекта: парадигматики и синтагматики. Соответственно в данной теории объясняется механизм деривации и функционирования ресурсов фонетики, морфологии, лексикологии, синтаксиса и семасиологии. Обозначенные взгляды на систему экспрессивных средств языка развиваются в исследованиях в области дискурсивной лингвистики и когнитивной стилистики [Багаева 2006; Веккесер 2007; Калашникова 2019; Лунькова 2011; Садовников 2014; Темяникова 1998; Шмельёва 2019].

Как показал функционально-стилистический анализ корпуса деклараций ВУЦ, представленного на сайте ЮНЕСКО в разделе, освещающем проект «Всемирное наследие», экспрессивностью характеризуется описание объекта в целом и его свойств в частности, в зависимости от классификации объектов на природные, культурные, смешанные. Так, в группе природных объектов экспрессивно описание геоморфологических свойств побережья Дорсетшира и Восточного Девоншира, географических характеристик вулканического архипелага Сент-Килда, ландшафтных свойств Озерного края, богатства флоры и фауны Галапагосских островов. В группе культурных объектов подчеркивается не только живописность образцов садово-паркового искусства, но и уникальность, например, военной архитектуры древнего княжества Гуинедд, инженерного мастерства моста Форт-Бридж. Вне зависимости от классификации объектов в документации подчеркивается высокая оценка уникальности объектов, их значимости и соответствия эстетической категории прекрасного, что обусловлено ключевой идеей корпуса деклараций. Полагаем, что на данной основе экспрессивные средства языковой репрезентации стержневой идеи документации могут быть классифицированы соответственно на средства, используемые для доказательства уникальности, значимости и эстетичности достопримечательностей. Рассмотрим данную классификацию исходя из названных принципов.

Уникальность объекта

Анализ материала исследования позволил выявить, что к доминантным эпитетам, обозначающим уникальность объектов, относятся оценочные прилагательные *outstanding*, *unique*. Данная лексика используется в качестве взаимных контекстуальных синонимов-заменителей, характеризуется точностью употребления, подвергается рекурренции в пределах одного документа, а также в масштабах всего корпуса деклараций ВУЦ, включающего 1154 текста, сквозной нитью связывая всю документацию, являясь одним из средств ее связности.

Важно отметить, что эпитет *outstanding* является обязательным компонентом термина *Outstanding Universal Value* («выдающаяся универсальная ценность») и соответствующего названия самого документа на английском языке “*Statement of Outstanding Universal Value*” (SOUV) (Декларация о выдающейся универсальной ценности). Согласно данным толковых словарей английского языка прилагательное *outstanding* обозначает нечто, по своим необычным свойствам явно и значительно превос-

ходящее ординарное (“*clearly much better than what is usual*”) [CD], оно антонимично прилагательному «ordinary» и входит в синонимический ряд с доминантой *special* (“*special, extraordinary, exceptional, outstanding, deluxe, superior, original*”) и общим значением «нечто хорошее или важное по причине необычных свойств» (“*good or important because of unusual qualities*”) [CD]. При этом прилагательное *outstanding* обозначает нечто особое именно по причине наличия у субъекта или объекта качеств, лучших по сравнению с обычными, выступая близким синонимом прилагательного *exceptional* («исключительный») [CD], аналог которого входит в название документа на французском языке (“*Déclaration de valeur universelle exceptionnelle*”).

Согласно определению, содержащемуся в параграфе 49 «Руководства по выполнению Конвенции об охране всемирного наследия» (“*Operational Guidelines for the Implementation of the World Heritage Convention*”), «выдающаяся универсальная ценность означает культурную и/или природную значимость, которая является столь исключительной, что выходит за пределы национальных границ и представляет всеобщую ценность для настоящих и будущих поколений всего человечества» [Руководство 2017: 14] (“*Outstanding Universal Value means cultural and/or natural significance which is so exceptional as to transcend national boundaries and to be of common importance for present and future generations of all humanity*” [Operational Guidelines 2021: 24]).

Данное оценочное прилагательное, используемое в декларациях в соответствии со своим основным значением, рекуррируется в пределах не только отдельного текста, но и всего корпуса рассматриваемой документации, являясь средством репрезентации ее основной идеи и убеждения международного сообщества в ценности объекта и необходимости его защиты. Например, именно оно используется для формулировки критериев ценности двух островов Гоф и Инаксесибл в Южной Атлантике, представляющих собой останки давно исчезнувших вулканов, которые подверглись эрозии и обладают необыкновенной природной красотой:

- “*Criterion (vii): Two eroded remnants of long-extinct volcanos, Gough and Inaccessible Islands display **outstanding** natural beauty*” [GII].

Выдающимся является и биоразнообразие живописного вулканического архипелага Сент-Килда, где обитают крупные колонии морских птиц, включающие представителей северных и южных видов:

- “*The seabird communities are **outstanding** in terms of biodiversity and composition, including*

‘nothern’ and ‘southern’ species at the extremes of their range” [SK].

Формула “*outstanding example*” неоднократно повторяется в декларации об историческом городе Сент-Джордж при описании объекта и формулировке соответствия его свойств установленным критериям, репрезентируя мысль о том, что объект является выдающимся примером первых английских городских укрепленных поселений в Новом Свете, что способствует актуализации главного тезиса и убеждению целевой аудитории в уникальности достопримечательности:

- “*The Town of St George, founded in 1612, is **an outstanding example** of the earliest English urban settlement in the New World*” [SG].

- “*The Historic Town of St George with its related fortifications is **an outstanding example** of a continuously occupied, fortified, colonial town dating from the early 17th century, and the oldest English town in the New World*” [там же].

Данная формулировка используется, например, и при констатации неординарных характеристик дворца Бленхейм, созданного видными английскими архитекторами Джоном Ванбру и Николасом Хоксмуром:

- “*In tangible form, Blenheim is **an outstanding example** of the work of John Vanbrugh and Nicholas Hawksmoor, two of England’s most notable architects*” [BP].

Прилагательное *unique* входит в синонимический ряд с доминантой *strange* (“*strange, singular, unique, odd, queer, quaint, eccentric, erratic, peculiar, outlandish, curious*”) и общим значением «отличающийся от обычного или ожидаемого и поэтому вызывающий определенную эмоциональную реакцию или трудный для осмысления» [APCC 1979: 421]. При этом прилагательные различаются по характеру обозначаемого свойства, его степени и воздействию на реципиента. Если доминанта *strange* характеризуется наиболее широким значением «вызывающий удивление или недоумение своим несоответствием знакомому, понятному, обычному» [там же], то прилагательные *odd, queer, quaint* обозначают трудно объяснимое, кажущееся в разной мере загадочным отклонение от нормального и естественного, в то время как *eccentric* и *erratic* обозначают отклонение от нормы, вызывающее отрицательную реакцию, в частности «недоумение, смешанное с осуждением» [там же]. В свою очередь, *peculiar* репрезентирует присущие объекту необычные характеристики, вызывающие удивление, а *outlandish* характеризует насмешливое отношение к отступлению от общепринятого представления о норме. На этом фоне синонимы *singular* и *unique* отличаются тем, что «называют такое отклоне-

ние от обычного, которое выделяет носителя данного свойства среди всех других» [там же]. В то же время прилагательное *unique* обозначает объект, не только отличный от других, но единственный в своем роде, при этом данное качество не является непонятным и трудно объяснимым. Именно данная семантика реализуется в рассматриваемой документации, например при описании исключительной художественной ценности замков, находящихся в древнем княжестве Гуинедд в Уэльсе и сочетающих двойные стены, концентрический план, красоту пропорций и кладки:

• “*The castles of Beaumaris and Harlech are **unique artistic achievements** for the way they combine characteristic 13th century double-wall structures with a central plan, and for the beauty of their proportions and masonry*” [CTWKEG].

Уникальным архитектурным достижением считается и дворец Бленхейм, дар народа Англии Джону Черчиллю в честь победы, одержанной над французами английской армией под его командованием в 1704 г.:

• *It represents a **unique achievement** celebrating the triumph of the English armies over the French* [BP].

Уникальными называются и сохранившиеся оборонительные укрепления, возведенные первыми европейскими колонизаторами в Новом Свете на Бермудских островах в городе Сент-Джордж и демонстрирующие развитие английской военной инженерной мысли XVII–XX вв.:

• *The Town of St George is of Outstanding Universal Value as an authentic and the earliest example of the English colonial town in the New World. Some of its fortifications graphically illustrate the development of English military engineering from the 17th to the 20th century, adapted to take into account the development of artillery over this period. Some of these are **unique** as surviving examples of the first defensive works built by early European colonists, few examples of which remain intact* [SG].

Аналогично эпитету *outstanding*, оценочное прилагательное *unique* является ключевым в описании всех достопримечательностей и сквозным в документации о них. При этом он может подвергаться рекурренции в пределах документа, что актуализирует его семантику при репрезентации ключевого тезиса текста и способствует убеждению целевой аудитории, например при описании небольшого вулканического архипелага Сент-Килда. Так, уникальным признано скопление крупных колоний птиц на столь малой территории, объединяющей различные экологические ниши:

• *The very high bird densities that occur in this relatively small area, conditioned by the complex and different ecological niches existing in the site and the productivity of the surrounding sea, **make St Kilda unique*** [SK].

Кроме того, уникальным элементом этого «культурного ландшафта» считаются многочисленные клейты – амбары, построенные методом сухой кладки:

• *The landscape including houses, large enclosures and cleits – **unique drystone storage structures** found, in their hundreds, across the islands and stacks within the archipelago – culminates in the surviving remains of the nineteenth and twentieth century cultural landscape of Village Bay* [SK].

Исключительно уникальным считается компактное соединение в одно целое крутых утесов, кекуров, подводных видов:

• *The precipitous cliffs and sea stacks as well as its underwater scenery are concentrated in a compact group that is **singularly unique*** [SK].

Интересно отметить, что в последнем примере семантика прилагательного актуализируется также посредством эпитета, выраженного наречием *singularly*, производным от прилагательного *singular*. Являясь синонимом *unique*, оно выражает, как было отмечено выше, общую с ним семантику отличия объекта от всех других, дополняя ее «значением указания на то, что необычность воспринимаемого объекта ставит наблюдателя в тупик или вызывает недоумение» [APCC 1979: 421], что способствует репрезентации чувств и эмоций, вызываемых объектом, и ключевого тезиса декларации о его ценности.

Многочисленной рекурренции подвергается эпитет *unique* и в декларации о мегалитических памятниках Стоунхендж, Эйвбери и прилегающих археологических объектах, что также является приемом убеждения международной аудитории в исключительности объекта в целом (“*As such they represent a **unique** embodiment of our collective heritage*”) [SAAS] и его конкретных свойств, связанных, в частности, с использованием двух видов камней, их необыкновенным размером и весом (свыше 40 тонн), расстоянием пути, преодоленного при их транспортировке (240 км): “*It is distinguished by the **unique** use of two different kinds of stones (Bluestones and Sarsens), their size (the largest weighing over 40 t) and the distance they were transported (up to 240 km)*” [там же].

Эпитеты *outstanding* и *unique*, являясь в декларациях ключевыми, дополняются в документах контекстуальными синонимами-заменителями и синонимами-уточнителями, такими как *distinguished, unrivalled, exceptional*, способству-

ющими актуализации тезиса об исключительной ценности объектов из Списка всемирного наследия. Например, это и непревзойденный дизайн инженерного чуда моста Форт-Бридж (“*It is unrivalled in its design and unique engineering, featuring huge horizontal stone lintels capping...*”) [FB], и уникальность комплекса пещеры Горамы, являющегося исключительным свидетельством культуры неандертальцев и периода в истории человечества, охватывающего приблизительно 120 000 лет (“*Gorham’s Cave Complex provides an exceptional testimony to the occupation, cultural traditions and material culture of Neanderthal and early modern human populations through a period spanning approximately 120,000 years*”) [GCC].

Значимость объекта

Набор ключевых слов, выражающих значимость объектов всемирного наследия в декларациях, включает оценочные прилагательные *universal, significant, important, vital* и существительные *significance, importance*. Эпитет *universal* является компонентом базового термина “*outstanding universal value*” и употребляется в соответствии со своим основным значением, выражая мысль о значимости объекта для всех людей в мире без исключения (“*relating to everyone in the world, or to everyone in a particular group*”) [CD]. Наиболее частотными при развертывании этого тезиса в документации являются взаимозаменяемые эпитеты *significant, important*, первый из которых включает в себя семантику второго. Согласно толковым словарям английского языка *significant* означает: 1) «важный, заметный» (“*important or noticeable*”), 2) «имеющий особое значение» (“*having a special meaning*”) [CD]. В свою очередь, прилагательное *important* обозначает существенное воздействие и влияние объекта на реципиента (“*having great effect or influence*”) [CD]. Данная семантика актуализируется в документации посредством рекуррентности. Например, при аргументации значимости Королевских ботанических садов в Кью с помощью рекуррентности эпитета *significant* подчеркивается роль периодов в истории садово-паркового искусства, которые эти сады демонстрируют (“*This historic landscape garden features elements that illustrate significant periods of the art of gardens from the 18th to the 20th centuries*”) [RBG], а также важность этой коллекции для изучения разнообразия флоры и развития экономической ботаники (“*Since their creation in 1759, the gardens have made a significant and uninterrupted contribution to the study of plant diversity and economic botany*”) [там же].

Подобно рассмотренным ранее эпитетам, выражающим уникальность объектов, данные еди-

ницы повторяются не только в пределах одного документа, но и в масштабах всего корпуса деклараций, являясь языковым средством убеждения в значимости объекта, с одной стороны, и связи деклараций – с другой. Например, таким образом взаимосвязаны декларации об островах Гоф и Инаксессибл, обладающих международной значимостью, так как они стали домом для 22 видов морских птиц, часть которых обитает только здесь (“*Gough and Inaccessible Island represent two of the least disturbed cool-temperate island ecosystems in the South Atlantic Ocean, and are internationally important for the colonies of some 22 species of seabirds, several of which only breed here*”) [GI], и об Озерном крае, благодаря которому возникло осознание природного ландшафта как ценности, что привело к появлению всемирно значимого движения по сохранению ландшафтного наследия (“*The English Lake District and its current land use and management exemplify the practical application of the powerful ideas about the value of landscape which originated here and which directly stimulated a landscape conservation movement of global importance*”) [там же]. Такая рекуррентность оценочных эпитетов репрезентирует общий мотив значимости всемирного наследия, тематически объединяя декларации в целостный корпус.

Кроме того, как демонстрируют приведенные примеры, семантика данной группы эпитетов, аналогично семантике эпитетов, выражающих уникальность объекта, получает в текстах дополнительную актуализацию посредством уточняющих эпитетов (*globally / internationally / considerably important / significant, of considerable / international / global importance / significance*), что служит вспомогательным средством эмфатизации и аргументации ключевого тезиса о значимости объекта из Списка всемирного наследия.

Эстетические свойства объекта

Немаловажную роль в документации играют средства, характеризующие эстетические свойства объектов. При этом доминантной в декларациях является категория прекрасного. Диапазон достопримечательностей, рассматриваемых в текстах с эстетических позиций, охватывает все типы объектов, в том числе культурные, природные и смешанные. Это исторические постройки и образцы современного искусства видных зодчих, отдельные архитектурные объекты (от дворцов до амбаров) и целые города, природные заповедники подводного мира и суши. Ключевыми при объективации эстетической оценки объекта и производимого им впечатления являются существительное *beauty* и производное от

него прилагательное *beautiful*, например при описании выдающейся природной красоты островов Гоф и Инаксессибл или красивых пейзажей Озерного края:

- “*Two eroded remnants of long-extinct volcanos, Gough and Inaccessible Islands display outstanding natural beauty*” [GII];

- “*It also inspired an awareness of the importance of beautiful landscapes and triggered early efforts to preserve them*” [LD].

Согласно определению, данному в толковых словарях английского языка, существительное *beauty* обозначает качество, заключающееся в способности объекта или субъекта быть приятным, притягательным, вызывать у наблюдателя чувство глубокого удовлетворения (“*the quality of being pleasing, especially to look at, or someone or something that gives great pleasure, when you look at it*”) [CD]. При этом семантика данной лексической единицы актуализируется в различных контекстах с помощью синонимичных прилагательному *beautiful* эпитетов *harmonious* («гармоничный»), *breathhtaking* («поразительный», «захватывающий») [CD]. Если первый синоним обозначает свойство быть приятным и умиротворяющим (*pleasant, peaceful*), то второй – свойство быть чрезвычайно хорошим, красивым, вдохновляющим и захватывающим (“*extremely good, beautiful or exciting*”) [CD]. Так, понятие гармоничной красоты становится сквозным в декларации об Озерном крае (“*The harmonious beauty of the English Lake District is rooted in the vital interaction...* ”) [LD], а захватывающе красивым представляется удивительный подводный пейзаж архипелага Сент-Килда, созданный «калейдоскопом цвета и форм» уникального мира Атлантики (“*The plunging underwater rock faces are festooned with sea life – a kaleidoscope of colour and form kept in constant motion by the Atlantic swell, creating an underwater landscape of breathtaking beauty*”) [SK].

Кроме того, как показало исследование, эстетические свойства объектов всемирного наследия передаются в декларациях с помощью эпитетов *aesthetic, scenic, picturesque, spectacular, dramatic, rich, supreme, impressive, distinctive, creative, unparalleled*:

- “*scenic landscapes, distinguished villas, picturesque beauty*” [LD];

- “*masterpiece of creative genius, distinctive industrial aesthetic, impressive milestone*” [FB];

- “*supreme example of medieval military architecture*” [CTWKEG];

- “*a marine environment of unparalleled richness and colour*” [SK].

Аналогично двум рассмотренным выше классам эпитетов, данные оценочные прилагательные подвергаются рекурренции в пределах одного документа и в масштабах всего корпуса текстов, в целом репрезентируя в нем концепт *BEAUTY*. Например, свойство живописности ландшафтной эстетики актуализируется в описании Бата посредством рекурренции *picturesque* (“*a picturesque landscape aestheticism creating a strong garden city feel*», «*drawing together public and private buildings and spaces in a way that reflects the precepts of Palladio tempered with picturesque aestheticism*”) [CB], а рекурренция эпитета *spectacular* связывает описание Озерного края (“*spectacular mountain environment*”) [LD] и островов Гоф и Инаксессибл (“*highly spectacular*”) [GII].

Необходимо отметить, что существенную роль при описании объектов в декларации играют прилагательные в форме превосходной степени сравнения, что характерно для всех трех рассмотренных выше тематических групп. С их помощью передаются:

- сильнейшие впечатления, производимые объектами всемирного наследия на человека (“*Stonehenge is one of the most impressive prehistoric megalithic monuments in the world*”) [SAAS];

- высочайшая значимость этих объектов для истории человечества и планеты (“*Gough and Inaccessible Islands are one of the most pristine environments left on the earth*”) [GII];

- их роль в истории искусства и страны (“*The castles and fortifications of Gwynedd are the finest examples of late 13th century and early 14th century military architecture in Europe*”) [CTWKEG];

- уникальность природной среды, в которой объект сформировался (“*Exposure to some of the greatest wave heights and strongest wind speeds in Europe plays a major role in shaping the coastal ecology*”) [SK];

- чрезвычайная продуманность инженерного или ландшафтного дизайна (“*Stonehenge is the most architecturally sophisticated prehistoric stone circle in the world, while Avebury is the largest*”) [SAAS].

Таким образом, на основе дискурсивного анализа деклараций о выдающейся универсальной ценности объекта всемирного наследия можно заключить, что экспрессивность является их неотъемлемым свойством, мотивированным коммуникативной целью документации и сопряженным с ее аксиологичностью, риторичностью, аргументативностью, персуазивностью, мульти-модальностью, информативностью, точностью. Доминантными языковыми средствами, обу-

словливающими экспрессивность документации, являются эпитеты, выражающие уникальность, значимость и эстетичность объектов. Они используются в качестве контекстуальных синонимов-заменителей и синонимов-уточнителей, а также подвергаются множественной рекуррентии в пределах как одного текста, так и всего корпуса деклараций, что образует его цельность и связность. Повтор эпитетов способствует эмфатизации описания уникальных объектов, является одним из способов убеждения целевой аудитории. В то же время рекуррентия эпитетов приводит к их стандартизации, что, однако, в определенной мере преодолевается за счет их разнообразия. В связи с этим полагаем, что перспективой исследования является рассмотрение в данной документации диалектики стандартизованности и экспрессивности, стереотипности и креативности.

Список источников

BP – *Blenheim Palace*. Outstanding Universal Value. URL: <https://whc.unesco.org/en/list/425>.
 CTWKEG – *Castles and Town Walls of King Edward in Gwynedd*. Outstanding Universal Value. URL: <https://whc.unesco.org/en/list/374>.
 CB – *City of Bath*. Outstanding Universal Value. URL: <https://whc.unesco.org/en/list/428>.
 DC – *Dorset and East Devon Coast*. Outstanding Universal Value. URL: <https://whc.unesco.org/en/list/1029>.
 GCC – *Gorham's Cave Complex*. Outstanding Universal Value. URL: <https://whc.unesco.org/en/list/1500>.
 GII – *Gough and Inaccessible Islands*. Outstanding Universal Value. URL: <https://whc.unesco.org/en/list/740>.
 SG – *Historic Town of St George and Related Fortifications, Bermuda*. Outstanding Universal Value. URL: <https://whc.unesco.org/en/list/983>.
 RBG – *Royal Botanic Gardens, Kew*. Outstanding Universal Value. URL: <https://whc.unesco.org/en/list/1084>.
 SK – *St Kilda*. Outstanding Universal Value. URL: <https://whc.unesco.org/en/list/387>.
 SAAS – *Stonehenge, Avebury and Associated Sites*. <https://whc.unesco.org/en/list/373>.
 LD – *The English Lake District*. Outstanding Universal Value. URL: <https://whc.unesco.org/en/list/422>.
 FB – *The Forth Bridge*. Outstanding Universal Value. URL: <https://whc.unesco.org/en/list/1485>.

Список литературы

Алексеева Л. М. Специфика научного перевода (антропоцентрический аспект). Пермь: Перм. гос. нац. исслед. ун-т, 2013. 189 с.

Алексеева Л. М., Мишланова С. Л. Медицинский дискурс: теоретические основы и принципы анализа. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2002. 200 с.

АРСС – *Англо-русский синонимический словарь* / Ю. Д. Апресян, В. В. Ботякова, Т. Э. Латышева [и др.]. М.: Рус. яз., 1979. 544 с.

Анисимова Т. В. Типология жанров деловой речи: риторический аспект: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Краснодар, 2000. 46 с.

Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. М.: Наука, 1976. 383 с.

Багаева О. В. Концептуализация и реализация двойного смысла немецкого аллегорического высказывания: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2006. 20 с.

Баженова Е. А. Политекстуальность научного текста // Стереотипность и творчество в тексте. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1999. С. 66–91.

Балли Ш. Французская стилистика. М.: Изд-во иностр. лит., 1961. 394 с.

Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 484 с.

Бибихин В. В. Слово и событие. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 280 с.

Веккесер М. В. Полисиндетон как стилистическая фигура (на материале современного русского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Красноярск, 2007. 24 с.

Гальперин И. П. Текст как объект лингвистического исследования. М.: КомКнига, 2006. 144 с.

Данилевская Н. В. Научный текст как динамика оценочных действий // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. Вып. 2. Пермь, 2009. С. 20–28.

Дридзе Т. М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации: Проблемы семиосоциопсихологии. М.: Наука, 1984. 232 с.

Дускаева Л. П. Диалогическая природа газетных речевых жанров. СПб.: СПбГУ: Филол. факультет, 2012. 274 с.

Калашникова К. Р. Лингвосинергетический подход к проблеме актуализации авторских смыслов в художественном дискурсе (на материале романа Д. Брауна «Код да Винчи»): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2019. 24 с.

Кожина М. Н. Стилистика русского языка. М.: Просвещение, 1977. 233 с.

Кожина М. Н., Дускаева Л. П., Салимовский В. А. Стилистика русского языка. М.: Флинта: Наука, 2008. 464 с.

Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия. ЮНЕСКО. 1972. 14 с. URL: <https://whc.unesco.org/archive/convention-ru.pdf>.

Кубрякова Е. С. О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике. Обзор // Дискурс, речь, речевая деятельность. М.: РАН ИНИОН, 2000. С. 7–25.

Кузьмина Н. А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 1999. 268 с.

ЛЭС – *Лингвистический* энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. 685 с.

Лунькова Л. Н. Интертекстуальность художественного текста: оригинал и перевод: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2011. 39 с.

Негръшев А. А. Текст в перспективе стилистики и дискурс-анализа: к методологии исследования на материале новостного медиадискурса // *Stylistyka XXIII*. Poland, Opole, 2014. С. 149–161.

Ревзина О. Г. Язык и дискурс // *Вестник Московского ун-та. Сер. 9: Филология*. 1999. Вып. 1. С. 25–33.

Руководство по выполнению Конвенции об охране всемирного наследия // Центр всемирного наследия ЮНЕСКО. Париж, 2017. 387 с. URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000369013_rus (дата обращения: 20.10.2021).

Садовников С. А. Алогизм речи как художественный прием в творчестве А. П. Платонова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2014. 25 с.

Салимовский В. А. К экспликации понятия жанрового стиля (проблема стилистико-речевой системности в отношении к речевым жанрам) // *Стереотипность и творчество в тексте*. Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 2000. С. 133–154.

Скребнев Ю. М. Очерк теории стилистики. Горький, 1975. 174 с.

СЭСРЯ – *Стилистический* энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожинной. М.: Флинта: Наука, 2003. 696 с.

Темяникова Э. Б. Когнитивная структура парадокса: На материале английского языка: дис. ... канд. филол. наук. М., 1998. 206 с.

Турбина О. А. Лингвистическая дискурсология и единицы дискурс-анализа: дискурс-компонент // *Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика»*. 2017. Т. 14, № 2. С. 44–49.

Хасанова Д. М. Дискурс и текст в современной лингвистике // *Университетские чтения – 2008: материалы научно-методических чтений ПГЛУ*. Пенза: ПГЛУ, 2008. С. 315–322.

Цурикова Л. В. Проблемы когнитивного анализа дискурса в современной лингвистике // *Вестник ВГУ. Серия 1, Гуманитарные науки*. 2001. № 2. С. 128–157.

Чернявская В. Е. Дискурс как объект лингвистических исследований // *Текст и дискурс*. СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2001. С. 11–22.

Чернявская В. Е. Открытый текст и открытый дискурс: интертекстуальность – дискурсивность – интердискурсивность // *Лингвистика текста и*

дискурсивный анализ: традиции и перспективы: сб. науч. тр. СПб: СПбГУЭФ, 2007. С. 7–26.

Ширинкина М. А. Вторичный деловой текст и его жанровые разновидности: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2001. 20 с.

Ширинкина М. А. Письменный дискурс исполнительной власти в жанрово-стилистическом аспекте: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Пермь, 2021. 43 с.

Шмелёва Е. С. Лингвокогнитивные модели каламбура в англоязычных медийных заголовках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2019. 27 с.

Brown B., Yule G. *Discourse Analysis*. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. 288 p.

CD – *Cambridge Dictionary*. URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (дата обращения: 22.10.2021).

Convention Concerning the Protection of the World Cultural and Natural Heritage Adopted by the General Conference at its Seventeenth Session Paris, 16 November 1972. English Text. United Nations Educational, Scientific and Cultural Organisation, 1972, 17 p. URL: <https://whc.unesco.org/archive/convention-en.pdf> (дата обращения: 20.10.2021).

Gumperz J. J. *Discourse Strategies*. Cambridge: Cambridge University Press, 1982. 225 p.

Mills S. *Discourse. The New Critical Idiom*. London & N.Y. Routledge, 1997. 176 p.

Operational Guidelines for the Implementation of the World Heritage Convention. UNESCO, 2017. URL: <https://whc.unesco.org/en/guidelines/> (дата обращения: 20.10.2021)

Operational Guidelines for the Implementation of the World Heritage Convention. UNESCO, 2019. URL: <https://whc.unesco.org/en/guidelines/> (дата обращения: 20.10.2021)

Operational Guidelines for the Implementation of the World Heritage Convention. UNESCO, 2021. URL: <https://whc.unesco.org/en/guidelines/> (дата обращения: 20.10.2021)

Tannen D.(ed.) *Framing in Discourse*. New York; Oxford: Oxford University Press, 1993. 263 p.

Thomas J. *Meaning in Interaction: An Introduction to Pragmatics*. London: Longman, 1995. 224 p.

van Dijk T. *Studies in the Pragmatics of Discourse*. The Hague Mouton Publishers, 1981. 331 p.

van Dijk T. *Discourse and Context. A Sociocognitive Approach*. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. 267 p.

van Dijk T. *Society and Discourse. How social contexts control text and talk*. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. 287 p.

van Dijk T. *Discourse and Knowledge. A Sociocognitive Approach*. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. 407 p.

Verschueren J. Understanding Pragmatics. London: Routledge, 1999. 312 p.

References

- Alekseeva L. M. *Spetsifika nauchnogo perevoda (antropotsentricheskii aspekt)* [Scientific Translation (anthropocentric aspect)]. Perm, Perm State University Press, 2013. 189 p. (In Russ.)
- Alekseeva L. M., Mishlanova S. L. *Meditinskiiy discours: teoreticheskie osnovy i printsipy analiza* [Medical Discourse: Theoretical Foundations and Principles of Analysis]. Perm, Perm State University Press, 2002. 200 p. (In Russ.)
- Anglo-russkiiy sinonimicheskiiy slovar'* [English-Russian Dictionary of Synonyms]. Ed. by Yu. D. Apresyan, V. V. Botyakova, T. E. Latysheva et al. Moscow, Russkiiy yazyk Publ., 1979. 544 p. (In Russ., Eng.)
- Anisimova T. V. *Tipologiya zhanrov delovoy rechi: ritoricheskiiy aspekt*. Avtoref. dis. d-ra filol. nauk [Typology of genres in formal discourse: Rhetoric aspect. Abstract of Dr. philol. sci. diss.]. Krasnodar, 2000. 46 p. (In Russ.)
- Arutyunova N. D. *Predlozhenie i ego smysl* [Sentence and Its Meaning]. Moscow, Nauka Publ., 1976. 383 p. (In Russ.)
- Bagaeva O. V. *Kontseptualizatsiya i realizatsiya dvoynogo smysla nemetskogo allegoricheskogo vyskazyvaniya*. Avtoref. dis. kand. filol. nauk [Conceptualization and realization of double meaning of allegorical utterance in the German language. Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Barnaul, 2006. 20 p. (In Russ.)
- Bazhenova E. A. *Politekstual'nost' nauchnogo teksta* [Politextuality of scientific texts]. *Stereotipnost' i tvorchestvo v tekste* [Stereotypes and Creativity in Text]. Perm, Perm State University Press, 1999, pp. 66–91. (In Russ.)
- Bally Ch. *Frantsuzskaya stilistika* [Stylistics of the French Language]. Moscow, Foreign Literature Publ., 1961. 394 p. (In Russ.)
- Bakhtin M. M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [The Aesthetics of Verbal Creativity]. Moscow, Iskustvo Publ., 1979. 484 p. (In Russ.)
- Bibikhin V. V. *Slovo i sobytie* [Word and Event]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2001. 280 p. (In Russ.)
- Vekkesser M. V. *Polisindeton kak stilisticheskaya figura (na materiale sovremennogo russkogo yazyka)*. Avtoref. dis. kand. filol. nauk [Polysyndeton as a stylistic device (on the material of the modern Russian language). Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Krasnoyarsk, 2007. 24 p. (In Russ.)
- Gal'perin I. R. *Tekst kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniya* [Text as an Object of Linguistic Research]. Moscow, KomKniga Publ., 2006. 144 p. (In Russ.)
- Danilevskaya N. V. *Nauchnyy tekst kak dinamika otsenochnykh deystviy* [Scientific text as dynamics of assessment actions]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2009, issue 2, pp. 20–28. (In Russ.)
- Dridze T. M. *Tekstovaya deyatelnost' v strukture sotsial'noy kommunikatsii: Problemy semiosotsiopsikhologii* [Textual Activity in the Structure of Social Communication: Issues of Semiosociopsychology]. Moscow, Nauka Publ., 1984. 232 p. (In Russ.)
- Duskaeva L. R. *Dialogicheskaya priroda gazetnykh rechevykh zhanrov* [Dialogic Nature of Newspaper Discourse Genres]. St. Petersburg, St. Petersburg State University: Faculty of Philology Press, 2012. 274 p. (In Russ.)
- Kalashnikov K. R. *Lingvosinergeticheskiiy podkhod k probleme aktualizatsii avtorskikh smyslov v khudozhestvennom diskurse (na materiale romana D. Brauna 'Kod da Vinchi')*. Avtoref. dis. kand. filol. nauk [Linguosynergetic approach to the actualization of the authors' ideas in literary discourse (on the material of 'The Da Vinci Code' by Dan Brown). Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Ufa, 2014. 24 p. (In Russ.)
- Kozhina M. N. *Stilistika russkogo yazyka* [Stylistics of the Russian Language]. Moscow, Prosveshcheniye Publ., 1977. 233 p. (In Russ.)
- Kozhina M. N., Duskaeva L. R., Salimovskiy V. A. *Stilistika russkogo yazyka* [Stylistics of the Russian Language]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 2008. 464 p. (In Russ.)
- Konventsia ob okhrane vseirnogo kul'turnogo i prirodnogo naslediya [Convention Concerning the Protection of the World Cultural and Natural Heritage]. UNESCO. 1972. 14 p. Available at: <https://whc.unesco.org/archive/convention-ru.pdf>. (In Russ.)
- Kubryakova E. S. *O ponyatiyakh diskursa i diskursivnogo analiza v sovremennoy lingvistike. Obzor* [On the concepts of discourse and discourse analysis in contemporary linguistics]. *Diskurs, rech', rechevaya deyatelnost'* [Discourse, Speech, Speech Activity]. Moscow, INION RAN Publ., 2000, pp. 7–25. (In Russ.)
- Kuz'mina N. A. *Intertekst i ego rol' v protsessakh evolyutsii poeticheskogo yazyka* [Intertext and Its Role in Evolutionary Processes in the Language of Poetry]. Ekaterinburg, Ural Federal University Press, Omsk, Omsk State University Press, 1999. 268 p. (In Russ.)
- Lingvisticheskiiy entsiklopedicheskiiy slovar'* [Linguistic Encyclopaedic Dictionary]. Ed. by V. N. Yartseva. Moscow, Sovetskaya Entsiklopedia Publ., 1990. 685 p. (In Russ.)

Lun'kova L. N. *Intertekstual'nost' khudozhestvennogo teksta*. Avtoref. dis. dokt. filol. nauk [Intertextuality of literary text. Abstract of Dr. philol. sci. diss.]. Moscow, 2011. 39 p. (In Russ.)

Negryshev A. A. *Tekst v perspektive stilistiki i diskurs-analiza: k metodologii issledovaniya na materiale novostnogo mediadiskursa* [Text from the perspective of stylistics and discourse analysis: On the methodology of research on the news discourse material]. *Stylistyka XXIII* [Stylistics XXIII]. Poland, Opole, 2014, pp. 149–161. (In Russ.)

Revzina O. G. *Yazyk i diskurs* [Language and discourse]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9. Filologiya* [Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology], 1999, issue 1, pp. 25–33. (In Russ.)

Rukovodstvo po vypolneniyu Konventsii ob okhrane vseмирного naslediya [Operational Guidelines for the Implementation of the World Heritage Convention]. UNESCO. Paris, 2017. 387 p. Available at: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf000036_9013_rus (accessed: 20.10.2021). (In Russ.)

Sadovnikov S. A. *Alogizm rechi kak khudozhestvennyy priem v tvorchestve A. P. Platonova*. Avtoref. dis. kand. filol. nauk [Alogism as a stylistic device in works by A. P. Platonov. Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Nizhny Novgorod, 2014. 25 p. (In Russ.)

Salimovskiy V. A. *K eksplikatsii ponyatiya zhanrovogo stilya (problema stilistiko-rechevoy sistemnosti v otnoshenii k rechevym zhanram)* [On the explication of the notion 'genre style' (the issue of correlation between a stylistic-discourse system and speech genres)]. *Stereotipnost' i tvorchestvo v tekste* [Stereotypes and Creativity in Text]. Perm, Perm State University Press, 2000, pp. 133–154. (In Russ.)

Skrebnev Yu. M. *Ocherk teorii stilistiki* [Essay on the Theory of Stylistics]. Gorky, 1975. 174 p. (In Russ.)

Stilisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar' russkogo yazyka [Stylistic Encyclopaedic Dictionary of the Russian Language]. Ed. by M. N. Kozhina. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 2003. 696 p. (In Russ.)

Temyannikova E. B. *Kognitivnaya struktura paradoksa: Na materiale angliyskogo yazyka*. Dis. kand. filol. nauk [The cognitive structure of paradox: On the material of the English Language. Cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 1998. 206 p. (In Russ.)

Turbina O. A. *Lingvisticheskaya diskursologiya i edinitsy diskurs-analiza: diskurs-komponent* [Linguistic discoursology and units of discourse analysis: Discourse component]. *Vestnik YuUrGU. Seriya 'Lingvistika'* [South-Ural State University Bulletin. Series 'Linguistics'], 2017, vol. 14, issue 2, pp. 44–49. (In Russ.)

Khasanova D. M. *Diskurs i tekst v sovremennoy lingvistike* [Discourse and text in contemporary linguistics]. *Universitetskie chteniya – 2008* [University Readings – 2008]. Pyatigorsk, Pyatigorsk State Linguistic University, 2008, pp. 315–322. (In Russ.)

Tsurikova L. V. *Problemy kognitivnogo analiza diskursa v sovremennoy lingvistike* [Issues of cognitive analysis of discourse in contemporary linguistics]. *Vestnik VGU. Seriya 1, Gumanitarnye nauki* [Proceedings of Voronezh State University. Series 1, Humanities], 2001, issue 2, pp. 128–157. (In Russ.)

Chernyavskaya V. E. *Diskurs kak ob'ekt lingvisticheskikh issledovaniy* [Discourse as an object of linguistic research]. *Tekst i diskurs* [Text and Discourse]. St. Petersburg, St. Petersburg State University of Economics and Finance Publ., 2001, pp. 11–22. (In Russ.)

Chernyavskaya V. E. *Otkrytyy tekst i otkrytyy diskurs: intertekstual'nost' – diskursivnost' – interdiskursivnost'* [Open text and open discourse: Intertextuality – discursivity – interdiscursivity]. *Lingvistika teksta i diskursivnyy analiz: traditsii i perspektivy* [Linguistics of Text and Discourse Analysis: Traditions and Prospects]. St. Petersburg, St. Petersburg State University of Economics and Finance Publ., 2007, pp. 7–26. (In Russ.)

Shirinkina M. A. *Vtorichnyy delovoy tekst i ego zhanrovye raznovidnosti*. Avtoref. dis. kand. filol. nauk [Secondary formal text and its genres. Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Perm, 2001. 20 p. (In Russ.)

Shirinkina M. A. *Pis'mennyy diskurs ispolnitel'noy vlasti v zhanrovo-stilisticheskom aspekte*. Avtoref. dis. dokt. filol. nauk [Written discourse of the executive power in the genre and stylistic aspect. Abstract of Dr. philol. sci. diss.]. Perm, 2021. 43 p. (In Russ.)

Shmeleva E. S. *Lingvokognitivnye modeli kalam-bura v angloyazychnykh mediynykh zagolovkakh*. Avtoref. dis. kand. filol. nauk [Linguocognitive models of a pun in headlines of mass media texts in the English language. Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 2019. 27 p. (In Russ.)

Brown B., Yule G. *Discourse Analysis*. Cambridge, Cambridge University Press, 1983. 288 p. (In Eng.)

Blenheim Palace. Outstanding Universal Value. Available at: <https://whc.unesco.org/en/list/425> (accessed: 21.10.2021). (In Eng.)

Cambridge Dictionary. Available at: <https://dictionary.cambridge.org/> (accessed: 21.10.2021). (In Eng.)

Castles and Town Walls of King Edward in Gwynedd. Outstanding Universal Value. Available at: <https://whc.unesco.org/en/list/374> (accessed: 21.10.2021). (In Eng.)

City of Bath. Outstanding Universal Value. Available at: <https://whc.unesco.org/en/list/428> (accessed: 21.10.2021). (In Eng.)

Convention Concerning the Protection of the World Cultural and Natural Heritage Adopted by the General Conference at its Seventeenth Session Paris, 16 November 1972. English Text. United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization, 1972, 17 p. Available at: <https://whc.unesco.org/archive/convention-en.pdf> (accessed: 20.10.2021). (In Eng.)

Gumperz J. J. *Discourse Strategies*. Cambridge, Cambridge University Press, 1982. 225 p. (In Eng.)

Hornby A. S. *Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English*. Moscow, Moscow Language Publishers; Oxford, Oxford University Press, 1982, vol. 1. 510 p.; vol. 2. 527 p. (In Eng.)

Mills S. *Discourse. The New Critical Idiom*. London & N.Y., Routledge, 1997. 176 p. (In Eng.)

Operational Guidelines for the Implementation of the World Heritage Convention. UNESCO, 2017. Available at: <https://whc.unesco.org/en/guidelines/> (accessed: 20.10.2021). (In Eng.)

Operational Guidelines for the Implementation of the World Heritage Convention. UNESCO, 2019.

Available at: <https://whc.unesco.org/en/guidelines/> (accessed: 20.10.2021). (In Eng.)

Operational Guidelines for the Implementation of the World Heritage Convention. UNESCO, 2021. Available at: <https://whc.unesco.org/en/guidelines/> (accessed: 20.10.2021). (In Eng.)

Tannen D.(ed.) *Framing in Discourse*. New York; Oxford, Oxford University Press, 1993. 263 p. (In Eng.)

Thomas J. *Meaning in Interaction: An Introduction to Pragmatics*. London, Longman, 1995. 224 p. (In Eng.)

van Dijk T. *Studies in the Pragmatics of Discourse*. The Hague Mouton Publishers, 1981. 331 p. (In Eng.)

van Dijk T. *Discourse and Context. A Sociocognitive Approach*. Cambridge, Cambridge University Press, 2008. 267 p. (In Eng.)

van Dijk T. *Society and Discourse. How Social Contexts Control Text and Talk*. Cambridge, Cambridge University Press, 2009. 287 p. (In Eng.)

van Dijk T. *Discourse and Knowledge. A Sociocognitive Approach*. Cambridge, Cambridge University Press, 2014. 407 p. (In Eng.)

Verschueren J. *Understanding Pragmatics*. London, Routledge, 1999. 312 p. (In Eng.)

Expressiveness of UNESCO Statements of Outstanding Universal Value of World Heritage Sites

Natalia V. Shutemova

Professor in the Department of English Philology and Cultural Linguistics

Saint Petersburg State University

7–9, Universitetskaya naberezhnaya, St. Petersburg, 199034, Russian Federation. n.shutemova@spbu.ru

SPIN-code: 6361-4981

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4188-0310>

ResearcherID: AAW-8265-2021

Received 29 Dec 2021

Revised 25 Jan 2022

Accepted 1 Feb 2022

For citation

Shutemova N. V. Ekspressivnost' deklaratsii YuNESKO o vydayushcheysya universal'noy tsennosti ob"ekta vseмирnogo naslediya [Expressiveness of UNESCO Statements of Outstanding Universal Value of World Heritage Sites]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2022, vol. 14, issue 1, pp. 96–108. doi 10.17072/2073-6681-2022-1-96-108 (In Russ.)

Abstract. The paper deals with expressiveness as a genre characteristic of Statements of Outstanding Universal Value (SOUV) of World Heritage Sites, which is one of the major documents accompanying the famous project of UNESCO. The stylistic analysis of the corpus of SOUVs, available at the UNESCO website, has revealed that expressiveness of the documents under consideration is determined by their communi-

cative tasks, which consist in informing the international community about the existence of unique objects, in describing their properties and convincing the target group of their high universal value. The study has shown that the main expressive means in the documents are epithets, which have been classified depending on their contextual semantics into epithets that characterize the uniqueness, significance, and aesthetics of the sites. The dominant expressive means have been identified, including 'outstanding' and 'unique' in the first group, 'universal', 'significant', 'important' in the second one, 'beauty' and 'beautiful' in the third group. Their contextual synonyms have been identified along with the means that actualize the semantics of the core expressive lexicon in the documents. The main technique that accentuates the semantics of expressive lexical units is recurrency. It is used both within a single document and across the entire corpus of statements. The main functions of recurrency include informing and convincing the target group. Recurrency serves as a means of representing the universal outstanding value of World Heritage Sites. Moreover, this technique has been found to determine the process of standardizing the SOUVs' expressiveness, creating a combination of expressiveness and standard characteristic of this documentation. In addition, the recurrency of expressive vocabulary contributes to the coherence of documents in the single corpus of SOUVs.

Key words: genre; Statements of Outstanding Universal Value (SOUV) of World Heritage Sites; typological properties; expressiveness; epithets; contextual synonymy; recurrency of epithets; standardization of epithets.

ЛИТЕРАТУРА В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ

УДК 821.161.1:271.2:32
doi 10.17072/2073-6681-2022-1-109-119

Русские классики о православной империи как идеальной для России форме государственного устройства

Валерия Геннадьевна Андреева

д. филол. н., ведущий научный сотрудник

Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук

121069, Россия, г. Москва, ул. Поварская, 25а. lanfra87@mail.ru

SPIN-код: 8349-0805

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4558-3153>

ResearcherID: Z-4774-2019

Статья поступила в редакцию 30.01.2022

Одобрена после рецензирования 14.02.2022

Принята к публикации 10.03.2022

Информация для цитирования

Андреева В. Г. Русские классики о православной империи как идеальной для России форме государственного устройства // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2022. Т. 14, вып. 1. С. 109–119. doi 10.17072/2073-6681-2022-1-109-119

Аннотация. В статье анализируются взгляды русских классиков на православную империю, доказывающиеся характерное для них глубинное понимание термина «государственность». Большое внимание автором статьи уделяется проблеме гармоничного соотношения закона и милосердия, отмечается, что в России к государю относились как к высшему на земле судье, имеющему возможность поступать не по закону, а по особой милости. Приводится взгляд современных юристов на принцип милосердия в российском праве, отмечается, что отсутствие его законодательной закреплённости позволяет сохранить в нынешней России пропорции между юридическим оформлением норм и существующими наряду с ними православными заветами и святыми преданиями. Констатируется неточное понимание литературоведами взглядов многих писателей-классиков на фигуру императора. Отмечается, что в науке не опровергнуты полностью представления об А. С. Пушкине как противнике самодержавия и стороннике демократических свобод или Н. А. Некрасове как революционно настроенном поэте, обозначенные исследователями в советское время. Сопоставление художественного творчества и публицистики Л. Н. Толстого позволило показать двойственное отношение писателя к высшей власти. Однако осуждается Толстым не столько организация властных структур, сколько произвол, поддерживаемый на местах людьми, не справляющимися со своими обязанностями и отягченными пороками. С образом императора в художественных мирах Толстого связывается мысль о единственной возможности исправления несправедливостей, допущенных на государственном уровне. На ряде примеров в статье доказывающиеся, что при глубоком видении проблем общественной жизни, недоработок и просчетов чиновников различных уровней, наши классики осознавали ценность единой сильной централизованной власти государя.

Ключевые слова: русская классика; православная империя; монархия; самодержавие; народ; гражданская позиция; государь; милосердие; закон; власть.

Русская классическая литература не была для читателей только сферой эстетических наслаждений: во-первых, наши классики не уходили

от жизни в абстрактные миры; во-вторых, благодаря специфике развития общественной мысли в России литература в XIX в. стала ареной для об-

суждения многих политических моментов, именно в литературе шла дискуссия о роли гражданина и народа в судьбе страны; в-третьих, русская классика брала на себя обязанность проверки пути, предлагаемого для страны, она не просто выполняла воспитательную функцию, но препятствовала развитию правового нигилизма и правовой апатии, что было важно в связи с длительным периодом реформ, проводившихся правительством во второй половине XIX в. Русская литература особое внимание уделяла *проблеме государственности*, причем на протяжении всего XIX в. велась борьба за имперскую мысль.

В данной статье анализируются взгляды русских классиков XIX в. на лучшую, по их мнению, форму государственного устройства, возможного для России, – православную империю. Цель исследования состоит в иллюстрации сходства воззрений большинства писателей на характерные для нашей страны основы самодержавия, обусловленные историей развития России, национальными особенностями, силой и авторитетом православной веры. В силу ограниченного объема работы внимание уделяется позиции лишь некоторых классиков – А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя, И. А. Гончарова, А. Ф. Писемского, Н. А. Некрасова, Ф. И. Тютчева, Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского. Доказывается, что несмотря на приверженность к различным общественным движениям, сложные и целостные системы взглядов, писатели видели Россию во главе с представителем единой сильной централизованной власти – человеком, подготовленным к управлению страной как к особой миссии, ответ за которую придется держать перед всем народом, а прежде всего – перед Богом. Последовательно обращаясь к отдельным произведениям указанных классиков, автор статьи в первую очередь поднимает проблему сочетания законности и милосердия, реализованную в художественных мирах и не утраченную актуальности и в современном праве.

Для наших писателей было характерно глубинное понимание самого термина «государственность» во всех его значениях, которые констатируют современные исследователи; государственность осмыслялась и в рамках системно-структурного подхода, как состоящая из определенных слагаемых – власти и системы государственных органов, права, народа, территории, и в рамках исторического подхода с выявлением особенного пути становления и эволюции России [Андреева 2011: 80–81]. Аналитическое изучение русских романов XIX в. открывает ключевое значение мотива власти, образа земли и народа в осмыслении писателями положения в обществе и государстве [Андреева 2020].

Не случайно у Пушкина, Гоголя и некоторых мыслящих критиков первой половины XIX в. образ литератора связывался с возможностью представления проблем народного бытия. Народ находился в фактически безгласном состоянии, ему требовался выразитель общественного мнения, своеобразный «трибун». С. П. Шевырев в своей диссертации отметил, что «поэт есть апофеоза народа...» (Шевырев 1834: 391). Во второй половине XIX в. ситуация начинает меняться, причем значительное влияние на литературу оказали эксперименты натуральной школы, борьба западников и славянофилов, революционно-демократическая критика. В пореформенное время в художественных мирах классиков появляются герои из народа и собственно народные точки зрения, позиции, голоса. Стоит сравнить хотя бы ранние романы И. С. Тургенева с главными героями-аристократами и его последний роман «Новь» (1877), где представлены не просто отдельные и яркие народные характеры (Соломин, его помощники на фабрике), но единый собирательный образ народного мира.

Как отметил И. Л. Солоневич, «самая основная идея русской монархии ярче и короче всего выражена А. С. Пушкиным уже почти перед концом его жизни: “Должен быть один человек, стоящий выше всего, выше даже закона”. В этой формулировке “один человек”, Человек с какой-то очень большой буквы, ставится выше закона. Эта формулировка совершенно неприемлема для римско-европейского склада мышления, для которого закон есть все: *dura lex, sed lex*. Русский склад мышления ставит человека, человечность, душу выше закона, и закону отводит только то место, какое ему и надлежит занимать: место правил уличного движения. Конечно, с соответствующими карами за езду с левой стороны» (Солоневич 2010: 107).

По замечанию ученых-юристов, Россия совмещает в себе черты президентской и суперпрезидентской республик [Навальный, Александрова 2020: 101], в руках президента в нашей стране сосредоточены очень большие полномочия, огромная политическая, военная, экономическая власть. Как отмечает Д. А. Авдеев, «централизация и единство властных полномочий и прерогатив главы государства остаются значимыми постулатами в организации российской государственной власти» [Авдеев 2016: 27]. Такая ситуация вкупе с осмыслением сохранения Россией ее главных национальных духовных ценностей позволяет провести параллели между государем Российской империи, совокупностью его обязанностей и ответственности перед народом, и современным главой государства.

Рассуждая об идеале народной монархии, Ю. В. Лебедев отмечает, что на западе юридическая власть обеспечивала покорение поработенных народов, а в России геноцида завоеванных племен не было: «Гражданские права и обязанности, общественные, личные и семейные отношения не нуждались у нас в неперемennom юридическом оформлении. “Святость предания” всегда предпочиталась на Руси законодательным формальностям, нормы обычного права были у нас жизнеспособнее, чем на Западе» [Лебедев 2020: 11]. Но появление гражданского общества требовало особых юридических форм, развития законодательной базы. Пройдя уникальный путь развития, Россия сочетала закон и благодать, гармоничному соединению которых содействовало сохранение православной империи.

Многие заветы и указания русских классиков не были верно прочитаны и осмыслены: русская литература первого ряда сложна для понимания и в отдельной своей части элитарна. В советскую эпоху были выдвинуты абсурдные трактовки идей русской литературы, одними из первых были запрещены любые рассуждения об имперском духе: некоторые произведения (антинигилистические романы, великосветские романы и т.п.) были признаны недостойными внимания читателей, другие (творчество русских классиков первого ряда) истолкованы в абсолютно не собственном им ключе.

На протяжении всего периода советской власти Пушкина рассматривали как противника самодержавия. И сейчас поэта часто считают сторонником демократических свобод. Анализируя оду «Вольность» (1817) Пушкина, юрист К. В. Алексеев подводит мнения поэта под желаемый им вариант: «Прилагательное “самовластный” в данном случае не оставляет сомнений в отношении А. С. Пушкина к неограниченной власти царя. Поэт не просто не признает такую форму правления, он испытывает к ней ненависть, ведь она предполагает деспотию, а на троне всегда может оказаться человек крайне безнравственный» [Алексеев 2017: 11]. Перед нами пример абстрактного рассуждения о монархической форме правления, но в православной империи такого быть не могло. Православный царь ни в силу происхождения, ни в силу воспитания не мог быть человеком безнравственным, его восприятие как справедливого и милосердного отца и наставника лежало в основе народного взгляда и, конечно, видения поэта.

Когда В. Е. Вальденберг замечает, что Пушкин восстает «против абсолютизации верховной власти – все равно будет ли она в руках царя или в руках народа», «отвергает неогра-

ниченность власти и требует ее ограничения законом» [Вальденберг 2015: 130], становится ясно, что к непониманию Пушкина приводит различие законов государственных и евангельских. Государственный закон не мог быть выше императора, значимее царя лишь Закон Божий, который и дает ему возможность поступать не по закону, а по благодати, проявлять особую христианскую милость там, где это необходимо. Не случайно Пушкин в историческом аспекте указывает на «законов гибельный позор», «неволи немощные слезы» (Пушкин 1977–1979, т. 1: 283) – здесь идет речь о законах человеческих, причем законах неудачных, которые и должен исправлять государь и вся система государственного управления. Но есть в оде и упоминания о высших Законах (не случайно поэт пишет эту лексему с прописной буквы), а в финале произведения Пушкин призывает царей показать пример подданным в поклонении божественному правосудию:

Склонитесь первые главой
Под сень надежную Закона,
И станут вечной стражей трона
Народов вольность и покой (там же: 287).

В творчестве Пушкина не раз возникает проблема великодушия и милосердия государя. Примечателен его «Воображаемый разговор с Александром I» (1824–1825). Почти сказочным началом «Когда б я был царь...» Пушкин добивался отнюдь не указания на свою высоту или возможность при определенных условиях (теоретически) занимать руководящие должности в государстве, и отнюдь не хотел показать подчиненность царя общим законам. Это перенесение себя на место царя, а также придумывание реплик для государя иллюстрирует мировоззренческую близость поэта (народного заступника) к царю. Раскрывается она и благодаря пониманию государем оды «Свобода» (то есть оды «Вольность»). Значим в финале диалога вопрос: «Признайтесь, вы всегда надеялись на мое великодушие?» (Пушкин 1977–1979, т. 8: 52), который подтверждает указанное качество как одно из обязательных для императора.

Проблеме гармоничного соотношения закона и милосердия в монархическом государстве посвящена пушкинская поэма «Анджело» (1833), которую поэт ставил выше многих своих произведений, считая ее незамеченной и недооцененной. По всей видимости, воплощение в поэме главной для государства и будущего России проблемы справедливого, но милосердного правителя как раз и выдвигало ее для поэта в разряд *важнейших среди всех собственных произведений*. Пушкин показывает, что происходит в государстве при утрате строгой законности и порядка:

Нередко добрый Дук, раскаяньем смущенный,
Хотел восстановить порядок упущенный;

Но как? Зло явное, терпимое давно,

Молчанием суда уже дозволено... (Пушкин 1977–1979, т. 4: 252).

Мастерски описывая характеры Дука, Анджело, Изабелы, Пушкин неоднократно возвращает читателя к мотивам суда и милосердия:

«Будь милостив»; «Нет, нет! будь милостив»,
– не раз просит Анджело Изабела (там же: 257).

Но дева скромная и жарче и смелей

Была час от часу. «Подумай, – говорила, –

Подумай, если тот, чья праведная сила

Прощает и целит, судил бы грешных нас

Без милосердия; скажи: что было б с нами?
(там же: 256).

Пушкин подробно описывает странность и несправедливость наказания, чтобы дать место проявлению милосердия. «Милосердие, необходимость которого отстаивают пушкинские герои, ... заключается не в самих законах как в силе, по Пушкину, безличной и потому слепой, а в человеке, способном смягчать их несправедливость, идущую от сложности жизни, которой подчас не соответствует универсальность юридических установлений», – отмечает С. А. Кибальник [Кибальник 2018: 33]. Одновременно Пушкин ставит перед обществом вопрос о роли монарха и его главных качествах, не противопоставляемых закону, но преобразующих человеческий закон.

Глубинное понимание классиками национальных основ русской государственности подтверждают многие современные ученые-юристы, рассуждающие о значимости милосердия: «Надлежит помнить, что значимость принципа милосердия в правовой сфере России определяется и глубокими религиозно-церковными корнями» [Беденков, Тыщенко 2020: 36]. А ведь именно о милосердии как важнейшей основе российской государственности (при существовании системы законов) писал Пушкин, а за ним Гоголь, Островский, Писемский, Достоевский, Толстой и другие наши классики.

В «Заметках по русской истории XVIII века» (1822) Пушкин обозначает проблему ограничения самодержавия и выражает достаточно резкое к ней отношение: после Петра I аристократия «неоднократно замышляла ограничить самодержавие; к счастью, хитрость государей торжествовала над честолюбием вельмож, и образ правления остался неприкосновенным. Это спасло нас от чудовищного феодализма, и существование народа не отделилось вечною чертою от существования дворян» (Пушкин 1977–1979, т. 8: 90). Пушкин прекрасно показал, что в тех исторических условиях ограничение власти ца-

ря покояло или нарушило бы бывший в России баланс, привело к утрате основ русской народности.

В «Выбранных местах из переписки с друзьями» (1847) Гоголь высоко оценивает отношение Пушкина к царю, выражая при этом и собственное видение основ государственности. «Зачем нужно, – говорил он, – чтобы один из нас стал выше всех и даже выше самого закона? Затем, что закон – дерево; в законе слышит человек что-то жесткое и небратское. С одним буквальным исполнением закона не далеко уйдешь; нарушить же или не исполнить его никто из нас не должен; для этого-то и нужна высшая милость, умягчающая закон, которая может явиться людям только в одной полномочной власти» (Гоголь 1952: 253). Перед нами попытка определения закона в «механизме правового регулирования», речь идет о несовершенстве последнего. Эта ситуация проецируется и на современность, но в XIX в. она было связана, скорее всего, с определением законов и указов, с выявлением рамок их содержательных сторон.

Н. В. Гоголь, рассуждая о неразрывной связи законов Церкви и государственных законов, трактовал идеальную для России форму правления фактически как теократическое государство, однако при этом писатель очень глубоко и осознанно относился к законодательной деятельности своей страны, к идее служения каждого гражданина своему государству и народу, хотя это не мешало ему видеть происходящие несправедливости. И. А. Виноградов точно обозначает «исторические обличительные экскурсы Гоголя в адрес “тиранов” и “тиранства”», не колебавшие монархических убеждений писателя [Виноградов 2019: 71]. Известно, что Гоголь очень высоко оценивал силу художественного слова, которое, по его мнению, первостепенно по отношению ко всем законодателям – об этом он говорит в «Выбранных местах из переписки с друзьями», упоминая про «Одиссею» Гомера: «...всякая малейшая черта в “Одиссее” говорит о внутреннем желании поэта всех поэтов оставить древнему человеку живую и полную книгу законодательства в то время, когда еще не было ни законодателей, ни учредителей порядков...» (Гоголь 1952: 240).

В художественных мирах М. Ю. Лермонтова проблема государственности отступает на второй план – автора больше волновали вечные вопросы, для его творчества характерен мотив освобождения от земного бремени. И. А. Есаулов отметил, что в произведениях Лермонтова Закону противопоставляется Благодать «как категория сверхзаконная, а потому и словно бы “отменяющая” все правовые (“законнические”) отношения» [Есаулов 2014: 8]. Исследователь констати-

рует, что у Лермонтова мы не найдем критики русской действительности, описания того, как должно и не должно, поскольку «того, что взыскует Лермонтов, как и ряд его героев, невозможно достичь не только в России либо в любой другой стране, но и вообще на земле» [там же: 9].

Вместе с тем вопросы законности в произведениях Лермонтова ставятся, поскольку его герои вынуждены находиться в обществе. Вопрос о законе и его нарушении поднимается в «Песне про Царя Ивана Васильевича...» (1837), где царская воля осмысливается как единственно верная: милостью в финале произведения называется «почетная» казнь Калашникова. А герой драмы «Маскарад» (1835), Евгений Арбенин, готовя свой собственный суд невинной жене и предполагаемому обидчику, восклицает: «Закона я не призову, / Но сам, без слез и сожаленья, / Две наши жизни разорву!» (Лермонтов 1990, т. 2: 160–161); «В каком указе есть / Закон иль правило на ненависть и месть?» [там же: 203]. Арбенин определяет свои действия (на тот момент еще задуманные) как противозаконные, не соответствующие никаким нормам общественной жизни.

Литературоведы сходятся во мнении о консерватизме большинства героев И. А. Гончарова, предпочитающего новым и только нарождающимся веяниям традиционные и проверенные формы жизни. Гончаров утверждает идеи самодержавия, православия и народности, показывая, насколько опасны и разрушительны положения, придумываемые «новыми апостолами» – молодыми революционерами, подобными Марку Волохову, герою романа «Обрыв» (1869). Последний настолько вызывающе ведет себя, что Райский готов принять его за «провинциального фанфарона низшего разряда» (Гончаров 2004: 272). Гончаров в «Обрыве» мастерски показывает взаимное игнорирование закона не только нигилистом Волоховым, но и губернатором. «Если б я был мирный гражданин города, меня бы сейчас на съезжую посадили, а так как я вне закона, на особенном счету, то губернатор разузнал, как было дело, и посоветовал Нилу Андреичу умолчать, “чтоб до Петербурга никаких историй не доходило”: этого он, как огня, боится» (курсив наш. – В. А.) (там же: 271). Губернатор боится высшей власти – за лексемой «Петербург» скрывается образ царя. А Волохов открыто признается в своей оппозиционности к законам: речь идет, конечно, о попрании Марком многих важнейших моральных и нравственных заветов, касающихся семьи, отношения к женщине, личности. Не случайно в диалоге с Верой он утверждает «правило свободного размена», которое признает в виде закона и долга.

На первый взгляд, в романе «Обрыв» есть некоторые герои, которые ничего не решают в архитектонике произведения, к примеру Опенкин. Однако этот чиновник-пьяница, ушедший от священнического сана, признает множество своих грехов, старается видеть в людях доброе. Несмотря на часто не совсем трезвое состояние, Опенкин строго отдает себе отчет в собственных действиях. И в этом плане его ответ Татьяне Марковне являет полную противоположность заявлениям Волохова: «Ты только изреки – честный я или нет? Обманул я, уязвил, налгал, наклеветал, насплетничал на ближнего? изрыгал хулу, злобу? Николи! – гордо произнес он, стараясь выпрямиться. – *Нарушил ли присягу в верности царю и отечеству? производил поборы, извращал смысл закона, посягал на интерес казны?* Николи!» (курсив наш. – В. А.) (там же: 324). У Опенкина нет никакой возможности добраться до казны в силу положения, но герой прекрасно помнит Евангелие, его речь наполнена библейскими цитатами – Опенкин являет собою живое напоминание всем не только о законе государственном, но и о высшем христианском законе, которые для Гончарова, как сторонника монархии, неразрывно связаны.

По мере течения художественного времени в романе «Обрыв» Гончарова в России происходят всё большие перемены. После реформ Александра II в стране начинает складываться гражданское общество, для развития которого была необходима определенная экономическая основа. Гончаров точно, но умело и скрупулезно делает акценты на хозяйственных веяниях времени. Однако параллельно со всеми социально-экономическими преобразованиями Борис Райский отмечает нравственное оскудение людей, предпочитающих обходиться формальными условностями и не задумываться о глубинных сторонах жизни: «Все соглашаются, что общество существовать без этого не может, что гуманность, честность, справедливость – суть основные законы и частной, и общественной жизни, что “честность, честности, честностью” и т. д. “И всё ложь!” – говорил Райский. В большинстве нет даже и начина нравственного развития, не исключая иногда и высокоразвитые умы, а есть несколько захваченных, как будто на дороге в обрез денег – правил (а не принципов) и внешних приличий для руководства...» (там же: 734).

В реальной жизни свидетелем нравственной деградации, обозначенной Райским, стал А. Ф. Писемский, столкнувшийся с действиями бюрократии, процветающей на местах. В романах «Тысяча душ» (1858) и «Люди сороковых годов» (1869) на первый план выходит тема

предназначения человека и гражданина, службы своей стране и государю. Писемский – монархист, сторонник православной имперской власти, таким же является и его герой в романе «Тысяча душ», губернатор Калинович. Как представитель молодой администрации, Калинович большую симпатию испытывает к проведению беспристрастной идеи государства, он борется с коррупцией на местах, однако все благие начинания разбиваются о корыстные договоренности местного чиновничества. Павла Вихрова, героя романа «Люди сороковых годов», Писемский бросает в разные губернии, демонстрируя, как попирается идея политической службы. Но честные герои Писемского не отчаиваются, писатель приводит диалог больших чиновников, двух друзей Павла Вихрова, из которого становится ясна четкая монархическая позиция автора.

Абреев, долгое время бывший на посту губернатора, рассуждает о просвещенных и порядочных чиновниках, количество которых и определяет, по его мнению, законность и порядок. Но рассказывая о неудачах и подлом поведении помощника, Абреев приходит к одному из ключевых для всего романа, но крайнему выводу: «Я всю жизнь буду служить моему государю и ни одной минуты русскому обществу» (Писемский 1959, т. 5: 464). Писемский, как и его автобиографический герой Вихров, согласился бы только с первой частью этого суждения, о службе государю. Второй знакомый Вихрова, Плавин, всю жизнь служивший именно государю, но при этом привыкший проводить время роскошно и добившийся многого благодаря внешней правильности, считает, что важнейшая обязанность гражданина, а тем более чиновника – служение обществу, под которым понимает прежде всего народ.

Именно за народную правду всей душой болел Н. А. Некрасов, и было бы большим заблуждением считать поэта революционером или склонным к радикальным настроениям. Меткое поэтическое слово Некрасова направлено отнюдь не на императора, а на чиновников и дворян, озабоченных исключительно своим состоянием. Ю. В. Лебедев, рассуждая об отношении Некрасова к высшей власти, обращается к стихотворению «Притча» (1870), в котором царь, не поверив народным умельцам, допускает к строительству будущего страны уже известных вельмож-мошенников, скрывающихся под различными масками. Ни словом Некрасов не обвиняет царя, совершающего ошибку, но показывает, что в основе его заблуждения оказался коварный замысел эгоистов, боявшихся упустить хоть толику власти из своих рук. Корень допущения ошибки – *в ослаблении веры*:

Волнуют царя и боязнь и печаль,
Он слушает с видом суровым:
И старых, испытанных слуг ему жаль,
И вера колеблется к новым... (Некрасов 1981–2000, т. 3: 68).

В рамках нашей темы важно обратить внимание еще на ряд показательных моментов. Во-первых, Некрасов говорит о бескорыстии царя, которое могут понять лишь люди из народа, но не вельможи, не осознающие ни величины замысла государя, ни великой его цели, во-вторых, император берет на себя всю ответственность за исход дел (как и должно быть): «Но царь изменить не хотел ничего: / “За всё я один отвечаю!..”»; в-третьих, Некрасов все-таки иллюстрирует человеческую слабость государя, утверждающего лживый указ под влиянием вельмож:

Указ роковой написали, прочли,
И царь утвердил его тут же,
Забыв поговорку своей же земли,
Что «ум хорошо, а два лучше!» (там же: 69).

По мнению Некрасова, одна из главных бед высшей власти – максимальное удаление от простых людей. Народ любит и чтит своего императора, но слова и чаяния царя часто не доходят до народа: чиновники, должны быть связующими звеньями между государем и крестьянством, в подавляющем большинстве заняты собой. Обратим внимание, что в предположениях мужиков в поэме Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» о том, «кому живется весело, вольготно на Руси» есть и упоминание о царе (о нем в рефрене упоминает мужик Пров: «А Пров сказал: царю...»). Примечательно в свете вышесказанного, что до царя мужики упоминают еще чиновника и министра царского, а при обращении к Матрене Тимофеевне сомневаются, допустит ли их царь:

Попа уж мы довели,
Довели помещика,
Да прямо мы к тебе!
Чем нам искать чиновника,
Купца, министра царского,
Царя (еще допустит ли
Нас, мужичонков, царь?)... (Некрасов 1981–2000, т. 5: 128).

Безусловным сторонником имперской идеи выступал Ф. И. Тютчев, более 20 лет проводивший на дипломатической службе в Мюнхене и Турине, прекрасно изучивший европейскую действительность и противопоставлявший ей русскую жизнь. Основой России Тютчев считал православие, дух самоотвержения и милосердие русского народа, а отличительной особенностью настоящей империи называл возможность образования единого многонационального государства, организованного на христианской идее. В литературоведении многие годы стихотворение

Тютчева 14 декабря 1825 г. (1826) толковалось искаженно: верного сторонника монархии, поэта признавали видящим обратную сторону самодержавия – самовласть, якобы послужившее, согласно строкам стихотворения, развращающим фактором для декабристов. При такой трактовке получалась абсурдная ситуация, поскольку дорога для поэта имперская идея выступала фактором, способствующим развитию революционных настроений. Истинный смысл тютчевского стихотворения прояснил В. А. Воропаев, указав, что «самовласть» нужно трактовать иначе, как склонность властвовать, повелевать, властолюбие: «Тютчев пытается определить духовные причины революции. Ее идея заключается в “самовластии человеческого я”, возведенного в политическое и общественное право» [Воропаев 2004: 11]. То, что долгое время литературоведы толковали как самовласть в стихотворении Тютчева, современная юридическая наука именует *произволом* – понятием, противоположным законности. Разумеется, монархист Тютчев не мог писать о самовласть как о государственном произволе.

Удачный пример самовластья можно найти в последнем романе Л. Н. Толстого «Воскресение» (1899). И речь в данном случае идет даже не о галерее чиновников и служащих, судебных, обличаемых Толстым потому, что они не исполняют честно порученное им государственное дело, а об образах некоторых политических заключенных, изображенных в третьей части романа. В советское время фигуры политических были оценены с точностью до наоборот. К. Н. Ломунов сглаживает «дифференцированную характеристику» политических (среди которых Толстой показывает очень разных людей) и представляет ее исключительно как положительную: «Это был очень важный момент в творческой истории произведения, свидетельствующий о том, что писатель придавал всё большее значение роли революционеров в развитии главной темы романа, и о том, что он все более пристально следил за их растущей ролью в жизни России» [Ломунов 1978: 285]. Конечно, образы Симонсона или Марьи Павловны Щетининой вызывают восхищение, однако Толстой сразу же показывает, что эти люди попали к политическим заключенным случайно, в силу своей жертвенной жизни и внимания к страдающим. Сущность идейных революционеров лучше всего передана Толстым на примере Новодорова, вся деятельность которого построена на тщеславии, желании властвовать (для максимальной реализации планов ему необходимо было свергнуть императора): «Деятельность его состояла в подготовке к восстанию, в котором он должен был захватить власть

и созвать собор. На соборе же должна была быть предложена составленная им программа. И он был вполне уверен, что программа эта исчерпывала все вопросы, и нельзя было не исполнить ее» (Толстой 1928–1958, т. 32: 401).

В письме к В. В. Стасову от 18 октября 1905 г. Толстой назвал самого себя «адвокатом 100-миллионного земледельческого народа» (Толстой 1928–1958, т. 76: 45). Аристократ Толстой к концу XIX в. становится поистине народным заступником, его отношение к монархической форме правления противоречиво. В публицистике Толстой не осуждает конкретно монархию, но доходит до отвержения государственности, рассуждает о заблуждении императора, который не может быть до конца честным и порядочным, так как сама государственная власть вынуждает человека во власти жить по ее правилам: «Ведь еще можно было бы как-нибудь оправдывать подчинение целого народа нескольким людям, если бы эти властвующие люди, уже не говорю, были самые хорошие люди, а хоть только не худшие люди; если бы хоть изредка властвовали не лучшие, но порядочные люди; но ведь этого нет, никогда не было и не может быть» (Толстой 1928–1958, т. 36: 174).

Отвергая государство, Толстой предлагает единение людей на основе взаимной любви. В статье «Единое на потребу. О государственной власти» писатель отмечает, что улучшение жизни не может быть произведено внешними мерами, революционным путем или с помощью реформ, для изменения положения дел необходима духовная, самостоятельная работа каждой личности. Однако в отличие от Гончарова (и его героя Райского) Толстой не хотел понимать и принимать того, что немалому количеству людей эта духовная работа над собой была просто не свойственна, а при ее отсутствии необходима целенаправленная внутригосударственная деятельность.

При всех этих парадоксах публициста, в художественном творчестве Толстой остается верен монархии. Как и Некрасов, он демонстрирует, что нередко император заблуждался из-за оказываемых на него влияний, однако писатель иллюстрирует глубинную связь царя, образ которого неизменно связывается с мыслью о высшей правде, и православного народа. В рамках статьи не привести множества примеров, иллюстрирующих значение фигуры государя в художественных мирах Толстого – ограничимся лишь одним значимым фактом. Все мытарства Нехлюдова по обжалованию решения по делу Маслово в романе «Воскресение» оказываются бесполезны, Сенат оставляет решение суда без изменения, и справедливость восстанавливается только после подачи ходатайства на высочайшее

имя; причем за весь роман читатель впервые слышит о *снисхождении и проявлении милосердия* по делу Катюши именно в вышедшем помиловании: «...сим объявляется мещанке Екатерине Масловой, что Его Императорское Величество, по всеподданнейшему докладу ему, снисходя к просьбе Масловой, высочайше повелеть соизволил заменить ей каторжные работы поселением в местах не столь отдаленных Сибири» (Толстой 1928–1958, т. 32: 424–425).

История жизни и творчества русских классиков открывает примеры их личного удостоверения в милосердии российских императоров (и императриц). Толстой написал не одно письмо разным государям. Не раз он просил Николая II о помощи и милости в решении дел сектантов. В 1849 г. благодаря помилованию государем преступников, приговоренных к высшей мере наказания, выжил Ф. М. Достоевский. Последний справедливо отмечал, что идее европейского обособления, которая лежит на Западе в основе государственного устройства, в России противопоставлено соборное единение. Конечно, впервые о русской самобытности, о силе общины заговорили еще славянофилы, но в спорах середины века они часто не могли сохранить чувство меры. Не с образом крестьянской общины, но с единением во Христе, жизнью всем русским миром перекликаются и идея хорошего государства, и идея государства-Церкви, о которой писал Достоевский. Как справедливо отмечает М. А. Домуховский, государство у Достоевского является «переходным этапом перед совершенным устройством общества, выполняя функции регулятора правомерного поведения людей и вектора перерождения общества, в идеальную конструкцию, базисом которой является душа свободного русского человека, а надстройкой – вера в бога и истинные нравственно-моральные постулаты» [Домуховский 2021: 6]. На примере Версилова в романе «Подросток» и ряда других героев Достоевский показал европейски ориентированное дворянство, готовое поверить в возможность разумного устройства мира без Бога. Идеал таких грезящих Европой дворян – довольное и спокойное общество потребителей.

За рамками статьи остались некоторые имена классиков, утверждавших несомненную ценность православной империи во главе со справедливым и милосердным монархом; в связи с ограниченным объемом работы мы постарались обратиться к наиболее показательным примерам. Подводя итоги, стоит отметить, что в нынешнем УК РФ закреплены и описаны принципы справедливости (ст. 6) и гуманизма (ст. 7), а вот принцип милосердия законодательно не закреплен. Некоторые исследователи предлагают

включить его «в систему базовых принципов уголовного права, наряду с уже включенными принципами законности и справедливости» [Беденков, Тыщенко 2020: 38]. Однако есть, наверное, глубинный смысл в существовании милосердия *над* государственными законами, который объясняли на примере жизни православной империи и русских императоров писатели XIX в.: принцип милосердия признается как основа для изменения негативных тенденций в современном судопроизводстве и праве, но он выше государственных законов, не случайно у Пушкина он обозначен Законом – с прописной буквы, а для его наиболее полного выражения Толстому понадобилось в финале «Воскресения» привести евангельские цитаты: «Тогда *государь* его призывает его и говорит: злой раб! весь долг тот я простил тебе, потому что ты упросил меня. Не надлежало ли и тебе *помиловать* товарища твоего, как я *помиловал* тебя?» (курсив наш. – В. А.) (Толстой 1928–1958, т. 32: 441).

Таким образом, мы постарались показать, что постепенно эволюционировавшее на протяжении всего XIX в. отношение русских писателей к власти не коснулось образа и фигуры императора. Если Гоголь не ставил под сомнение идею государственной службы, делая акцент на сложности ситуации, на «не тех людях», оказавшихся у власти, то Толстой показал, что за пятьдесят с небольшим лет, прошедших со времени выхода «Выбранных мест из переписки с друзьями», в новых экономических условиях попорченной оказалась сама идея государственной службы, ставшая в руках приспособляющихся людей прикрытием для ужасных злодеяний, идущая вразрез с деятельностью императора. Безусловная вера в справедливость и духовную силу монарха была обусловлена в России православными основами и заветами: в нашей стране еще со времен древнерусской литературы устоялось недоверчивое отношение к закону без души и милосердия, к закону, не освященному волей человеческой, однако не той волей, которая тяготеет к самовластью, а святой волей, обуславливающей подчиненность Божественному началу. Ключевые представления русских классиков о православной империи оказались пророческими, направленными в будущее, которое, как считают многие современные юристы и политологи, немислимо для нашей страны без сильной централизованной власти: современная президентская республика отчасти доказывает этот факт.

Список источников

Гоголь Н. В. Выбранные места из переписки с друзьями // Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений в 14 т. Т. 8. М.: АН СССР, 1952. С. 213–418.

Гончаров И. А. Полное собрание сочинений и писем в 20 т. Т. 7. Обрыв: роман в 5 ч. СПб.: Наука, 2004. 771 с.

Лермонтов М. Ю. Сочинения в 2 т. М.: Правда, 1990.

Некрасов Н. А. Полное собрание сочинений в 15 т. Л.; СПб.: Наука, 1981–2000.

Писемский А. Ф. Собрание сочинений в 9 т. Т. 4, 5. Люди сороковых годов. М.: Правда, 1959.

Пушкин А. С. Исторические заметки // Пушкин А. С. Собр. соч. в 10 т. Т. 8. Л.: Наука, 1878. С. 88–93.

Солоневич И. Л. Народная монархия. М.: Ин-т русской цивилизации. 2010. 624 с.

Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Т. 9. М.: Наука, 1982. 576 с.

Шевырев С. П. Дант и его век. Исследования о Божественной комедии // Ученые записки Императорского Московского университета. 1834. № 11. Май. С. 365–397.

Список литературы

Авдеев Д. А. Современная форма правления России // Конституционное право. 2016. № 6. С. 25–28.

Алексеев К. В. Правовые идеи в творчестве русских поэтов XIX в. А. С. Пушкина и Я. П. Полонского // Юридическая наука. 2017. № 3. С. 10–17.

Андреева В. Г. Проблема власти в романе Л. Н. Толстого «Воскресение» // Новый филологический вестник. 2020. № 4(55). С. 96–112. <https://doi.org/10.24411/2072-9316-2020-00097>

Андреева Ю. А. Проблема государственности в контексте цивилизационного развития человеческого общества // Социум и власть. 2011. № 1(29). С. 80–83.

Беденков В. В., Тыщенко Г. В. К вопросу о реализации принципа милосердия в юридическом процессе // Юридическая наука. 2020. № 9. С. 36–39.

Вальденберг В. Е. Комментарий к оде «Вольность» // Вопросы философии. 2015. № 6. С. 126–133.

Виноградов И. А. «Когда в товарищах согласья нет...» А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь, С. С. Уваров // Два века русской классики. 2019. Т. 1. № 1. С. 34–103. doi: 10.22455/2686-7494-2019-1-1-34-103

Воропаев В. А. Что означает слово «самовластье» у Ф. И. Тютчева? // Русская речь. 2004. № 6. С. 6–12.

Домуховский М. А. Сущность и место государства в политических идеях Ф. М. Достоевского: анархия или национальная идея // Вестник Волжского университета им. В.Н. Та-

тищева. 2021. Т. 1. № 2(98). С. 5–10. doi: 10.51965/2076-7919_2021_1_2_5

Есаулов И. А. Категории закона и благодати в художественном мире М. Ю. Лермонтова // Проблемы исторической поэтики. 2014. № 12. С. 7–17.

Кибальник С. А. Поэтика политики в поэме Пушкина «Анджело» // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2018. Т. 77. № 6. С. 22–35. doi: 10.31857/S241377150003059-7

Лебедев Ю. В. Идеал народной монархии в русской литературе второй половины XIX – начала XX вв. // Два века русской классики. 2020. Т. 2. № 2. С. 8–27. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2020-2-2-08-27>

Ломунов К. Н. Над страницами «Воскресения». История создания романа Л. Н. Толстого. Проблемы, образы, характеры. Первые отклики. Наши современники о романе. М.: Современник, 1978. 381 с.

Навальный С. В., Александрова К. И. Россия – президентская республика: конституционно-правовое исследование // Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ. 2020. № 1. С. 91–102. doi: 10.36718/2500-1825-2020-1-91-102

References

Avdeev D. A. Sovremennaya forma pravleniya Rossii [The modern form of government in Russia]. *Konstitutsionnoe pravo* [Constitutional Law], 2016, issue 6, pp. 25–28. (In Russ.)

Alekseev K. V. Pravovye idei v tvorchestve russkikh poetov XIX v. A. S. Pushkina i Ya. P. Polonskogo [Legal ideas in the works of Russian poets of the 19th century A. S. Pushkin and Ya. P. Polonsky]. *Yuridicheskaya nauka* [Legal Science], 2017, issue 3, pp. 10–17. (In Russ.)

Andreeva V. G. Problema vlasti v romane L. N. Tolstogo ‘Voskresenie’ [The problem of power in the Leo Tolstoy’s novel ‘Resurrection’]. *Novyy filologicheskij vestnik* [The New Philological Bulletin], 2020, issue 4 (55), pp. 96–112. <https://doi.org/10.24411/2072-9316-2020-00097>. (In Russ.)

Andreeva Yu. A. Problema gosudarstvennosti v kontekste tsivilizatsionnogo razvitiya chelovecheskogo obshchestva [The problem of statehood in the context of civilizational development of the human society]. *Sotsium i vlast’* [Society and Power], 2011, issue 1 (29), pp. 80–83. (In Russ.)

Bedenkov V. V., Tyshchenko G. V. K voprosu o realizatsii printsipa miloserdiya v yuridicheskom protsesse [On the question of the implementation of the principle of mercy in legal process]. *Yuridicheskaya nauka* [Legal Science], 2020, issue 9, pp. 36–39. (In Russ.)

Valdenberg V. E. Kommentariy k ode ‘Vol’nost’ [Commentary to the ode ‘Volnost’ (Liberty)]. *Voprosy filosofii* [Issues of Philosophy], 2015, issue 6, pp. 126–133. (In Russ.)

Vinogradov I. A. ‘Kogda v tovarishchakh soglas’ya net...’ A. S. Pushkin, N. V. Gogol’, S. S. Uvarov [‘When there is no agreement between friends...’ A. S. Pushkin, N. V. Gogol, S. S. Uvarov]. *Dva veka russkoy klassiki* [Two Centuries of the Russian Classics], 2019, vol. 1, issue 1, pp. 34–103. (In Russ.)

Voropaev V. A. Chto oznachayet slovo ‘samovlast’e’ u F. I. Tyutcheva? [What does F. I. Tyutchev mean by ‘autocracy’ in his works?]. *Russkaya rech’* [Russian Speech], 2004, issue 6, pp. 6–12. (In Russ.)

Domukhovskiy M. A. Sushchnost’ i mesto gosudarstva v politicheskikh ideyakh F. M. Dostoyevskogo: anarkhiya ili natsional’naya ideya [The essence and place of the state in F. M. Dostoevsky’s political ideas: Anarchy or the national idea]. *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V. N. Tatishcheva* [Vestnik of Volzhsky University after V. N. Tatishchev], 2021, vol. 1, issue 2(98), pp. 5–10. (In Russ.)

Esaulov I. A. Kategorii zakona i blagodati v khudozhestvennom mire M. Yu. Lermontova [The categories of law and grace in Lermontov’s poetics]. *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics], 2014, issue 12, pp. 7–17. (In Russ.)

Kibal’nik S. A. Poetika politiki v poeme Pushkina ‘Andzhelo’ [Poetics of politics in Pushkin’s

poem ‘Angelo’]. *Izvestiya Rossiyskoy Akademii nauk. Seriya literatury i yazyka* [The Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language], 2018, vol. 77, issue 6, pp. 22–35. doi: 10.31857/S241377150003059-7. (In Russ.)

Lebedev Yu. V. Ideal narodnoy monarkhii v russkoy literature vtoroy poloviny 19 — nachala 20 vv. [The ideal of the popular monarchy in Russian literature of the second half of the 19th – early 20th centuries]. *Dva veka russkoy klassiki* [Two Centuries of the Russian Classics], 2020, vol. 2, issue 2, pp. 8–27. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2020-2-2-08-27>. (In Russ.)

Lomunov K. N. *Nad stranitsami ‘Voskreseniya’. Istoriya sozdaniya romana L. N. Tolstogo. Problemy, obrazy, kharaktery. Pervye otkliki. Nashi sovremenniki o romane* [Over the Pages of ‘Resurrection’. The History of the Creation of the Novel by L. N. Tolstoy. Issues, Images, Characters. First Responses. Our Contemporaries about the Novel]. Moscow, Sovremennik Publ., 1978. 381 p. (In Russ.)

Naval’nyy S. V., Aleksandrova K. I. Rossiya – prezidentskaya respublika: konstitutsionno-pravovoe issledovanie [Russia – presidential republic: constitutional and legal research]. *Sotsial’no-ekonomicheskii i gumanitarnyy zhurnal Krasnoyarskogo GAU* [Socio-Economic and Humanitarian Magazine of the Krasnoyarsk SAU], 2020, issue 1, pp. 91–102. doi: 10.36718/2500-1825-2020-1-91-102. (In Russ.)

Russian Classics about the Orthodox Empire as an Ideal Form of State Organization for Russia

Valeria G. Andreeva

Leading Researcher

A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences

25a, Povarskaya st., 121069, Moscow, Russian Federation. lanfra87@mail.ru

SPIN-code: 8349-0805

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4558-3153>

ResearcherID: Z-4774-2019

Received 30 Jan 2022

Revised 14 Feb 2022

Accepted 10 Mar 2022

For citation

Andreeva V. G. Russkie klassiki o pravoslavnoy imperii kak ideal'noy dlya Rossii forme gosudarstvennogo ustroystva [Russian Classics about the Orthodox Empire as an Ideal Form of State Organization for Russia]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2022, vol. 14, issue 1, pp. 109–119. doi 10.17072/2073-6681-2022-1-109-119 (In Russ.)

Abstract. The article analyzes the views of Russian classics on the Orthodox empire, proves the deep understanding of the term ‘statehood’ by the writers and poets. Much attention is paid by the author of the article to the problem of the harmonious balance between law and mercy. In Russia the sovereign was treated not as a person who established rules and could violate justice, but as the highest judge on earth, who had the opportunity to act not according to the law but according to a special mercy. The paper provides the view of modern lawyers on the principle of mercy in Russian law. The absence of legislative enshrinement of this principle is regarded by the author of the article as the preservation in today's Russia of the proportions between the legal formalization of norms and the existing Orthodox covenants and holy traditions. The paper indicates an inaccurate understanding of the views of many writers on the figure of the emperor. Science has not completely refuted the myths about Pushkin as an opponent of autocracy and a supporter of democratic freedoms or Nekrasov as a revolutionary-minded poet, created in the Soviet era but still supported by some researchers. A comparison of Tolstoy's fiction works and his non-fiction writings shows the writer's ambivalent attitude toward the highest authority. However, Tolstoy condemns not the very organization of power structures, but rather the arbitrariness encouraged by people at the local level, who do not cope with their duties and welter in vice. In the literary worlds of Tolstoy, the idea of the only way to correct injustices committed at the state level is associated with the image of the emperor. Using a number of examples, the article proves that, with a deep vision of the problems of public life, faults and errors of officials at various levels, our classics realized the value of a single strong centralized power of the sovereign.

Key words: Russian classics; Orthodox empire; monarchy; autocracy; people; civic position; sovereign; mercy; law; power.

УДК 821.161.1.
doi 10.17072/2073-6681-2022-1-120-132

Диалоги с художником и функции картин в пьесе Аркадия Ставицкого «Добрый день, господин Гоген!»

Кристина Владимировна Загороднева

к. филол. н., доцент кафедры гуманитарных дисциплин

Пермский государственный институт культуры

614990, Россия, г. Пермь, ул. Газеты «Звезда», 18. zagor-kris@yandex.ru

SPIN-код: 8509-2609

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4383-5513>

ResearcherID: S-1355-2017

Статья поступила в редакцию 16.01.2022

Одобрена после рецензирования 19.02.2022

Принята к публикации 04.03.2022

Информация для цитирования

Загороднева К. В. Диалоги с художником и функции картин в пьесе Аркадия Ставицкого «Добрый день, господин Гоген!» // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2022. Т. 14, вып. 1. С. 120–132. doi 10.17072/2073-6681-2022-1-120-132

Аннотация. В статье анализируется единственная экфрасическая пьеса современного российского драматурга и сценариста Аркадия Ставицкого (1930–2020) «Добрый день, господин Гоген!» в контексте творчества автора и с учетом подходов к изучению экфрасиса и визуальности в драме. Интермедиаальный подход обусловил обращение к искусствоведческим работам и романизированным биографиям, посвященным Гогену. Доказывается, что Ставицкий фокусирует внимание не только на личности знаменитого художника Поля Гогена, но и на его произведениях, созданных в конце 80-х – начале 90-х гг. XIX в. Экфрасис картины «Добрый день, господин Гоген» присутствует в развернутой ремарке в начале пьесы. Заглавие картины и одновременно пьесы отражает эмоциональное состояние героя и закольцовывает финал. Картина «Желтый Христос» символически заостряет конфликт между жизнью и искусством, искусством и обществом. Ставицкий переосмысляет характер Гогена через его взаимоотношения с персонажами: Анна, Жюльетта и Метта как жены-мироносицы на картине «Желтый Христос» или «три Жанны д'Арк» на картине «Бретонские женщины».

Упомянутые в пьесе картины в основном принадлежат Полю Гогену и его другу Эмилю Неккеру. Соответственно первые – реально существующие, а вторые – вымышленные. Собирательный образ Эмиля Неккера обнаруживает сюжетную параллель с романом С. Моэма «Луна и грош». Картина Неккера «Женщина с ребенком» отсылает к знаменитым полотнам западноевропейских художников на сюжет *Богоматерь с младенцем*. Жена Эмиля Анна становится одной из натурщиц работ Гогена – картины «Потеря невинности» и скульптуры «Люби и будешь счастлива», открывающих другую сторону ее натуры. Конфликт Анны и Жюльетты – другой натурщицы Гогена – драматизируется в сцене с этюдом к этим произведениям. Образ Ван Гога в пьесе как непризнанного, но гениального художника, объединяет и противопоставляет Эмиля и Поля. Очевидно обращение драматурга к опубликованной переписке Гогена и Ван Гога, Гогена и его жены Метты. Диалогизм картины, вынесенной в заглавие, не только соотносится с диалогами внутри пьесы, организующим центром которых становятся другие картины, но и акцентирует противоречивое отношение автора к своему герою.

Ключевые слова: диалог; Аркадий Ставицкий; экфрасис; интермедиаальность; современная драма; Поль Гоген.

Взаимодействие литературы и живописи всегда привлекало внимание литературоведов. С середины XX в. за рубежом и с начала XXI в. в нашей стране началось пристальное изучение экфрасического дискурса в поэзии [Рубинс 2003; Heffernan 2004 и др.], прозе [Морозова 2006; Сидорова 2006 и др.] и отдельно в драматургии. Для изучения экфрасиса и визуальности в драме используются разные подходы и термины: *экфрасическая драма* [Зелинский 2002; Бочкарева 2011]; *пьеса-экфрасис* [Закалочный 2014], *фотодрама* [Лавлинский 2015] и др. Практические исследования показали, что «в экфрасической драме произведения искусства выполняют разные функции (мировоззренческую, сюжетообразующую, характерологическую и др.)» [Бочкарева 2013: 77]. Цель нашего исследования – выявить функции картин в пьесе российского драматурга и сценариста Аркадия Ставицкого «Добрый день, господин Гоген!», проанализировав диалоги персонажей с художником перед картинами. Методология нашего исследования базируется на теории диалога М. М. Бахтина, российских и зарубежных трудах по экфрасису и интермедальности, а также по поэтике драмы.

Творчество драматурга Аркадия Ставицкого (1930–2020) исследовано крайне мало. Существуют отдельные предисловия, открывающие публикацию пьес в журналах «Театр» и «Современная драматургия», а также послесловие одного из крупнейших драматургов середины XX в. А. Н. Арбузова: «Пьеса А. Ставицкого “Улица Шолом-Алейхема, 40” представляется мне произведением замечательным <...> Исследуется сложное явление, не из тех, где действительность уже расставила все точки над “и”, а из тех, где нет еще окончательных решений, а есть боль и настоящее человеческое горе» [Арбузов 1986: 51]. Драма в двух действиях «Улица Шолом-Алейхема, 40» вошла в репертуар Московского драматического театра имени К. С. Станиславского, как и следующая пьеса Ставицкого «Трагический поединок» («Четыре допроса») с вступительным словом автора: «Памяти актрисы Веры Петровны Марецкой, которая в 1964 году репетировала роль в этой пьесе» [Ставицкий 1988: 27]. Повышенный интерес к женским образам подчеркивал автор и в предисловии к пьесе «Колыбельная для мины с часовым механизмом»: «Самый мой любимый персонаж – мать, мама <...> Я писал новую пьесу, как и другие “материнские пьесы”, прежде всего о трагедии матери, но, как всегда, она не может быть оторвана от трагедии народа и страны» [Ставицкий 1996: 32].

На первый взгляд, «комедия и драма одной судьбы» в двух действиях «Добрый день, госпо-

дин Гоген!» выбивается из ряда «материнских» пьес, так как посвящена личности известного художника и его творчеству. Это единственная экфрасическая драма Ставицкого. Предисловием к публикации пьесы «Добрый день, господин Гоген!» в журнале «Современная драматургия» (№ 5–6, 1992) стали воспоминания режиссера Петра Попова о совместной работе с автором над постановкой пьесы: «Из груды предложенных мне для постановки пьес, я сразу ухватился за “Гогена” <...> Все делалось неистово и бескорыстно. Пьеса, собственно, и была об этих людях – талантливых, голодных, жадных на настоящее творчество, которое – ущербное и покалеченное – яростно пробивалось сквозь брежневско-андроповскую эпоху» [Попов 1992: 62]. Акцентируя внимание на судьбе французского художника и выходя за пределы одной творческой личности, автор предисловия сокращает название пьесы до «Гогена» и накладывает события, происходившие во Франции в последней трети XIX века, на Советский Союз периода 1964–1985-х гг. Укороченный вариант заглавия, с нашей точки зрения, обедняет замысел Ставицкого, так как речь идет не столько о художнике, сколько о его знаменитом автопортрете 1889 г.

Французский биограф Анри Перрюшо в книге «Поль Гоген» отмечает: «Воспоминанием о картине “Здравствуйте, господин Курбе”, которую он <Гоген> видел с Ван Гогом в музее Монпелье, навеяна картина «Здравствуйте, господин Гоген» [Перрюшо 1979: 145]. Если Гюстав Курбе на автопортрете подчеркивает свою значимость как художника, о чем свидетельствуют и его поза, и слегка высокопарный взгляд, то Гоген, контрастно переосмысляя сюжет, изображает себя как одинокого бродягу. Раскрываясь перед зрителем, он как бы намекает на тернистый путь художника и его способность к самоотречению ради искусства. Изображенная спиной к зрителю женщина остается неизвестной, в то время как современники различали на картине Курбе в фигуре одного из мужчин мецената и почитателя живописца.

В заглавии пьесы Ставицкого использован другой перевод названия именно этого автопортрета – «Добрый день, господин Гоген!». В конце пьесы это название неоднократно варьируется в диалогах персонажей, подчеркивая кольцевую композицию. 23 мая 2013 г. в Центре-музее Высоцкого на Таганке состоялась премьера спектакля «Гоген» по мотивам пьесы Ставицкого. Акцент на личности Гогена, о чем свидетельствует сокращенное заглавие и этой постановки, возможно, связан с проблемой «переноса экфрасической драмы на театральную сцену», которая заключается в том, «как представить произведение искусства, совершить “обратный перевод”

экфрасиса с вербального на визуальный язык» [Бочкарева 2011: 18].

В относительно небольшом списке действующих лиц наряду с историческими персонажами (Поль Гоген, Метта, папаша Танги, Шарлопен, Жюльетта) присутствуют вымышленные (Эмиль Неккер и Анна), каждый из них непосредственно связан с миром живописи. Вероятно, Эмиль Неккер – это собирательный образ, в котором есть отсылки к художнику и теоретику искусства Эмилю Бернару, живописцу и биржевику Эмилю Шуффенеккеру. С обоими Гоген дружил и вел переписку. А также рисовал их. Известны картины «Отверженные. Автопортрет с профилем Бернара» (1888) и «Семья Шуффенеккер» (1889), на которой изображены отец-художник, его жена и двое детей. В истории с Анной очевидна сюжетная параллель с романом Сомерсета Моэма «Луна и грош». Список действующих лиц открывают Поль Гоген (непризнанный художник) и Эмиль Неккер (признанный художник). Действие происходит в Париже в 1890 г.¹, за год до отъезда Гогена на Таити.

Первое действие начинается с диалога между владельцем художественной галереи Шарлопеном и художником Эмилем Неккером. Шарлопен обращает внимание на картину Неккера «Женщина с ребенком» и предлагает за нее высокую цену: «Не Бог вещь какой шедевр, но посетителям моей галереи нравятся такие вещички. Нравоучительные и в то же время пикантные». Слегка высокомерный тон общения с художником прослеживается на протяжении всего разговора:

Шарлопен. Это ваша последняя?

Эмиль. Да. «Женщина с ребенком».

Шарлопен. Милашка.

Эмиль. Это мальчик.

Шарлопен. При чем тут мальчик – я о мамаше. (*Увлеченно.*) Какие плечи, бедра! Хм!

Эмиль. Господин Шарлопен, это моя жена <...> Она не продается.

Шарлопен (*добродушно*). Полно, Неккер, я ведь не жену у вас покупаю, а картину.

[Ставицкий 1992: 63].

Реакция Шарлопена на картину «Женщина с ребенком» вызывает аллюзии на западноевропейскую традицию изображения Богоматери с младенцем. Начиная с эпохи Возрождения художники подчеркивали телесность Богородицы и младенца [Дворжак 1978: 82–83]. Владелец галереи как будто намеренно разрушает художественный образ на картине, одновременно завышая ее стоимость за счет красоты жены и натурщицы Эмиля². Поединок между Эмилем и Шарлопеном завершается победой художника, который отказывается продавать и выставлять картину. Однако описание этой вымышленной карти-

ны в пьесе отсутствует, она представлена только через реакцию персонажей и образ модели – Анны Неккер.

Впервые имя Гогена упоминается в диалоге между рассматривающими картину Шарлопеном и Эмилем:

Эмиль. <...> я помогаю одному моему другу-художнику, который подыхает с голоду.

Шарлопен. А у него что-нибудь есть?

Эмиль. С каких это пор вы стали интересоваться непризнанными, Шарлопен? <...> Некто Гоген. Поль Гоген. Ему сорок три года. Был банковским агентом <...> он сейчас в Бретани.

Шарлопен. <...> Осенью у меня будет большая выставка. (*Пауза.*) Скажите, Неккер, что нужно художнику для успеха? <...> Связи, Неккер, связи! А их лучше всего добывать через женщин. Вот таких, как эта... (*Указывает на «Женщину с ребенком».*)

[Ставицкий 1992: 64].

В разговоре с женой Эмиль вновь возвращается к Гогену. «Желтый Христос» (1889)³ становится первой картиной Гогена (не считая заглавия), о которой упоминается в пьесе:

Эмиль (*снова закипая*). Дорогая, я считаю своей святой обязанностью помогать несчастному Полю.

Анна. Не вижу, почему это такая «святая обязанность».

Эмиль. Потому что Поль Гоген – гениальный художник.

Анна. Это еще надо доказать.

Эмиль. Для меня это давно доказано. Достаточно взглянуть на его «Желтого Христа»...

Анна. «Желтый Христос»? Безобразная картина! Почему он сделал Христа желтым, почему?

Эмиль. Не знаю, но это гениально.

Анна. А по-моему, просто кощунственно.

[Ставицкий 1992: 64].

Желтый цвет Христа вызывает у Анны возмущение. Ее критическое мнение совпадает с оценкой большинства современников, которые не принимали и другие картины художника. Связанная с Гогеном первая семейная ссора приводит во втором действии к разрыву между супругами. Открытый для искусства и добрый по отношению к людям Эмиль характером напоминает Дирка Стрева из романа С.Моэма «Луна и грош» (“The Moon and Sixpence”, 1919)⁴. Прототипом главного героя романа Чарльза Стрикленда, как известно, был Поль Гоген. Именно Эмиль, как и Дирк, вынуждает супругу поселить гостя в их доме. Драматическая коллизия Эмиль – Анна – Гоген в пьесе Ставицкого отсылает к трагическому любовному треугольнику Дирк – Бланш – Стрикленд в романе С.Моэма, однако российский драматург

по-иному переосмысляет сюжет, обращаясь к картине «Желтый Христос» и ряду других полотен.

Повышенное внимание Гогена в 80–90-е гг. к христианской символике повлекло появление автопортретов в образе Христа: «Христос в оливковой роще (Автопортрет)» (1889), «Христос в Гефсиманском саду. Автопортрет» (1889), «Автопортрет с нимбом» (1889) «Автопортрет с желтым Христом» (1890) и более поздний – «Автопортрет у Голгофы» (1896). Христианская тема «привлекала Гогена содержащимися в ней этическими проблемами общечеловеческого плана, возможностью сопоставления мессианской роли Христа и судьбы художника, отвергнутого обществом и обреченного на мученический венец» [Кантор-Гуковская 1972: 28]. Гоген видит себя «избранником и бросает вызов житейской обыденщине», «осознает судьбу художника как трагедию, мыслит участь творца в современном искусстве как участь отверженного, изгоя», «индивидуальное сознание художника обнаруживает глубинный трагизм существования, отсюда в полотнах нота беспокойства, философского размышления, жадного вопрошания» [Гашева 2009: 256, 258]. На картине «Автопортрет с желтым Христом» Гоген изображает себя «в трех видах. В центре – автопортрет, где художник выглядит мрачным и подавленным. Второй раз его черты угадываются в гротескной керамической маске дикаря на заднем плане. В третьем случае Гоген запечатлен в образе распятого Христа. Произведение отличается символической многоплановостью – художник создает сложный, многозначный образ собственной личности. Он выступает одновременно и грешником (дикарь, звериное начало), и святым (Спаситель)» [Хадеева 2013: 44].

Приход Гогена в дом Эмиля и Анны Неккер сопровождается дождем. Гоген, который сначала назван Пришельцем, встречается с Анной. Его внешний облик описан в развернутой ремарке: «Входит Пришелец. Его голова и лицо обмотаны длинным шарфом. В одной руке держит дырявый зонтик, в другой – деревянный сундук, а через плечо у него – холщовая сумка, из которой видны картины. Войдя в мастерскую, он с любопытством и не без робости осматривается» [Ставицкий 1992: 65]. Отвратительная погода, мокрая одежда, жалкий внешний вид, практически закрытое лицо и неожиданная встреча с женщиной отсылают к картине «Добрый день, господин Гоген».

Во время диалога с супругами Гоген показывает свои картины. Драматургия диалога между Анной и Гогеном выстраивается вокруг картин, которые она не принимает, и с учетом ее подчеркнута иронического отношения к ху-

дожнику из-за его восторженной самохарактеристики:

Эмиль. Кстати, Поль... ты бы показал нам с Анной свои новые картины. Те, что написаны в Бретани.

Гоген (*оживляясь*). Охотно! Я там сделал несколько подлинных шедевров, друзья мои. Это безусловно выше, чем Рембрандт и Делакруа.

Анна. Какая скромность!

Гоген и Эмиль суетливо раскладывают на софе картины. Оба хотят «задобрить» Анну.

Гоген (*торжественно*). «Бретонский пейзаж со свинопасом»!

Эмиль. Прелестно! (*Робко.*) Анна?..

Анна (*со скучающим видом*). Свиньи получились неплохо. Но почему они такие тощие?

Гоген. Потому что в Бретани голодают даже люди, мадам. (*Показывает следующую картину.*) А это три бретонские красавицы.

Анна. По-вашему, они красивы?

Гоген. Вглядитесь в их лица, мадам: это три Жанны д'Арк.

Анна. По-моему, это просто три крестьянки. Грубые и примитивные.

[Ставицкий 1992: 68].

Картина «Бретонский пейзаж со свинопасом» (1888) отличается большим количеством цветочных сочетаний и ярким колоритом. В правом нижнем углу изображен мальчик и две свиньи, над ними – пейзаж: возникает впечатление, что домам, деревьям, цветам, камням, тропинкам, горам тесно. Эта *солнечная* идиллическая картина контрастирует с ситуацией, в которой оказался художник. Вторая картина отсылает к созданному Гогеном в конце 80-х гг. многочисленным изображениям бретонок, особым типом грациозности напоминающих арльских дам Ван Гога. С характерным для надменных красавиц пренебрежением Анна отзывается о женщинах на второй картине, в отличие от Гогена, который их поэтизирует.

Мотив путешествия главного героя и упоминание картин Гогена определяют хронотоп пьесы Ставицкого: Гоген возвращается из Бретани в Париж в 1890 г. и уезжает в 1891 г. на Таити. Биографическая канва пьесы создает кольцевую композицию: неожиданный приезд Гогена в Париж и спонтанный отъезд на Таити. В финале пьесы после общения с Меттой Гоген принимает окончательное решение покинуть Францию. Снисходительный тон датчанки-жены напоминает о ранней комедии Ставицкого «Запах грибов» (1972), которая заканчивается утешительными для мужа словами Марии Трофимовны⁵. Метта на протяжении пьесы демонстрирует стойкость в испытаниях и преданность мужу:

Метта. Ну, я понимаю, тебе в петлю лучше, чем домой, к семье <...> Ну, сколько стоит путешествие к твоей «мечте»? Хоть примерно?

Гоген. Э... (*Мгновенно развязывает свою петлю.*) Примерно? Примерно... Подумать надо... Значит, так: билет на пароходе третьим классом – тысяча... Холсты, кисти, краски – еще три...

Метта. Да жратва. Вы ведь, художники, тоже не Божьим духом питаетесь. В общем, считай, пять тысяч. Бедная я, бедная вдова...

Гоген. Да, ты вдова... (*Выразительно смотрит на крюк.*)

Метта. Хорошо, ты получишь их. Жди перевода <...> Поезжай на свой остров, где много природы. (*Грозит ему кулаком.*) Да смотри мне там!..

Гоген. Ну что ты, котик, ты же меня знаешь...

Метта (*всхлинув*). Любящая тебя Метта. (*Уходит.*)

Параллель между необходимой суммой для выставки у Шарлопена и стоимостью поездки на Таити прослеживается на протяжении пьесы, как и неявное присутствие жены Гогена. По замыслу драматурга, она появляется в критические для мужа моменты и поддерживает его. Первое, как бы случайное, появление Метты в доме Анны и Эмиля Неккер сопровождается развернутой ремаркой после критики картин «Бретонский пейзаж со свинопасом» и «Бретонские женщины»: «Теперь Гоген один. Его оставили, не надо идти в дождь. Медленно он складывает зонтик, снимает шарф. Потом начинает собирать свои картины, разбросанные во время показа Анне. Именно в этот момент начинается его диалог с Меттой. Собственно говоря, это их письма друг другу, но в то же время живое общение. Автор представляет, что Метта от начала до конца сидит на сцене с вязанием в руках. Даже не вступая в действие, она переживает происходящее» [Ставицкий 1992: 68–69]. Отраженный в переписке диалог с Меттой занимает ключевое место в пьесе.

Письма Гогена на русский язык были впервые переведены и изданы в 1972 г.: «При отборе <...> учитывалась необходимость ознакомить русского читателя как с теоретическими поисками Гогена, его взглядами на искусство и эволюцией его творческого пути, так и с бесконечными перипетиями его жизни» [Кантор-Гуковская 1972: 3]. Последнее письмо Метте, написанное в Париже до отъезда на Таити, датируется ноябрем-декабром 1890 г. В нем Гоген подчеркивает преимущество ее положения как матери: «Ты говоришь наши жизни разбиты? Напрасно, твоя жизнь свободна от всяких пут, ты окружена своей семьей, своими детьми, дни твои протекают,

правда, в довольно тяжелом труде, но ты свободна от власти супруга, тебя лелеют, чтут, любят» [Гоген 1972: 58].

На протяжении пьесы Метта символизирует домашний очаг. Конфликтные отношения между супругами обусловлены поведением Гогена, в диалогах между ними постоянно подчеркивается эгоизм художника, а в финале в развернутой ремарке – его актерство: «Теперь Гоген совсем один. Медленно, еще не веря в свое счастье, слезает с софы, озирается, расправляет плечи, отшивыливает в сторону шарф. Затем вдруг быстро раздевается по пояс, хватая таз, кувшин и начинает с удовольствием умываться.

Гоген (*все еще разыгрывая трагедию*). Прощайте все... И ты, Анна, тоже прощай... (*Неожиданно лукаво улыбается, подмигивает зрительному залу.*) И здравствуй, Таити! И – добрый день, господин Гоген» [Ставицкий 1992: 84].

Значимая деталь – желтый длинный шарф, своеобразный спутник Гогена на протяжении пьесы, – в финале становится веревкой: «длинный желтый шарф, за который старьевщик в Марселе давал целый франк. Чем не веревка, черт побери? Гоген становится на софу и с обреченным видом набрасывает шарф на крюк» [Ставицкий 1992: 84]. Можно провести параллель между мужчиной на картине «Добрый день, господин Гоген», чья шея полностью упрятана в воротник пальто, и желтым длинным шарфом героя, который появляется в самом начале пьесы, во время первой встречи с Анной. Пришелец Гоген начинает разговор о картине Неккера «Женщина с ребенком», ее цветовых сочетаниях, декоративности колорита:

Пришелец. У вас тут хорошо, картинки славные висят... Особенно эта... (*Указывает на «Женщину с ребенком».*) Только чуть бы больше света. И красок. Женщину надо было делать синей, а младенца зеленым. Синий с зеленым дает нежность.

[Ставицкий 1992: 65].

Воображение Гогена дорисовывает картину Неккера, акцентируя внимание на символике цветов и их отношениях. Соотношение между скульптурой, живописью и рисунком – другая важная проблема, которая актуализируется на протяжении всей пьесы. Перрюшо отмечает: «Неутомимый Гоген не ограничивался живописью. “Я сделал также большое скульптурное панно, – писал он Бернару... – Это самое лучшее и самое странное из моих скульптурных произведений. Гоген в образе чудовища берет за руку отбивающуюся женщину, говоря ей “Любите и будете счастливы”. Лисица, индейский символ порочности, и в промежутках – маленькие фи-

гурки". Перуанские статуэтки, индейские символы: трудно было бы обозначить более четкими вежами путь, по которому следовал Гоген» [Перрюшо 1979: 143]. Будучи прежде всего живописцем, Гоген много внимания уделяет и другим видам искусства, эта особенность художника отражена и в пьесе Ставицкого:

Пришелец. А вообще, живопись – это обман. Глупейшая иллюзия, достигаемая при помощи манипуляций с красками. Вот скульптура – другое дело. Тут не обманешь, тут вынь и положь все силы и душу. Верно, женщина?

Анна. Позвольте спросить, за кого вы меня принимаете?

Пришелец. Как – за кого? Ты же его натурщица с этой картины! Эмиль, старина, каков хитрец! Какой натурой разжился! Какое тело – настоящее чудо природы! Это же как раз то, что я ищу для «Потери невинности»! Ты мне будешь позировать для этой картины, хорошо? Будешь изображать невинную девушку, которая вот-вот... Ну, словом, сама понимаешь. И, разумеется, без ничего. Э... только не надо стыдиться. Пойми, женщина, тело – это такая же натура, как всё остальное. Одни любят одну натуру, другие – другую. Я, например, люблю тела, женские особенно, а мой друг, покойный Винсент, был влюблен в железную дорогу...

[Ставицкий 1992: 65]

На одной из последних картин Ван Гога «Пейзаж в Овере после дождя» образ железной дороги расширяет границы пространства, «царит настроение умиротворенной свежести, большого простора: здесь любимые клубящиеся формы Ван Гога мало заметны, они лишь в рисунке деревьев сдержанно оживляют общую панораму, которая строится на продолговатых формах – длинных мазках-лентах. Горизонтальной лентой стелется и дым паровоза, и небо над ним» [Дмитриева 1984: 322]⁶. Символическое присутствие Ван Гога на протяжении всей пьесы развивает как внутренний, так и внешний конфликт Гогена.

Неожиданное появление в доме Неккеров папаша Танги отсылает к знаменитому роману Эмиля Золя «Творчество». Дата создания романа (1886 г.) говорит о том, что это последний год выставки импрессионистов. Прототипами главного героя Клода Лантье исследователи справедливо считают художников-импрессионистов: Эдуарда Мане, Клода Моне и Поля Сезанна. В романе папаша Мальгра, истинный знаток живописи, финансово поддерживает молодых одаренных художников и является поклонником таланта Клода и его друзей Сандоза и Дюбюша. Характер дружбы между вымышленными художниками-импрессионистами в романе Золя близок взаимоотношению героев в

пьесе Ставицкого. Однако диалог Гогена с папашей Танги в пьесе Ставицкого не так однозначен:

Эмиль. Поль, старина, смотри, кого я привел!

Гоген (*еще не придя в себя*). Э... Папаша Танги... Сто лет не виделись. (*Бесцеремонно поворачивается к ним спиной, наливает в таз воду, из ковшина, умывает лицо.*)

Папаша Танги (*садится на софу*). Ты сам виноват, Поль: совсем перестал заглядывать в мою лавку! Могу я по старой памяти говорить тебе «ты»?

Эмиль (*доставая вино и бокалы*). Что за вопрос, папаша Танги! Ведь старина Поль, старина Винсент и я всегда считали тебя своим крестным отцом в искусстве. Верно, Поль?

Гоген. Верно, верно. Папаша Танги не продал ни одной нашей картины, но он первый поверил, что из нас выйдет толк. И в этом его великая историческая роль <...>

Эмиль. Мы написали петицию на имя министра изящных искусств Рувье. Хотим, чтобы он заставил Шарлопена выставить картины Ван Гога. Папаша Танги...

Папаша Танги. Держи. (*Торжественно отдает ему петицию.*)

Эмиль. Здесь подписи лучших сынов Франции: Золя, Гонкуров, обоих Писсарро, отца и сына... Но, конечно, твоя подпись должна стоять по праву первой, как лучшего друга и...

Гоген. Не суетись, Эмиль. Я не подпишу <...> Видите ли, уважаемый папаша Танги, я тоже намерен принять участие в этой выставке. Мне она нужнее, чем Ван-Гогу, который может теперь подождать. А вдвоем нам будет слишком тесно на одной выставке, да и не захотят нас вдвоем.

[Ставицкий 1992: 74–75].

В письме Эмилю Шуффенекеру от 8 октября 1888 г. по поводу картины «Автопортрет с профилем Бернара» Гоген сравнивает себя с Жаном Вальжаном из романа В. Гюго «Отверженные»: «Написал свой портрет для Винсента, который об этом просил. Мне кажется, что это одна из лучших моих вещей; абсолютно непостижимый (вот те на!), до того он абстрактен. На первый взгляд – голова бандита, этаким Жан Вальжан (из «Отверженных»), воплощающий также образ художника-импрессиониста, презираемого и постоянно влачащего цепь перед лицом света. Рисунок совершенно особый, полнейшая абстракция. Глаза, рот, нос подобны цветам персидского ковра, воплощают символистский аспект картины. Цвет далек от природы: представьте себе смутное воспоминание о керамике, обожженной на сильном огне! Все тона красные, фиолетовые, исполосованные огненными бликами, словно огромная, сияющая перед глазами печь, – место

борьбы противоречивых мыслей художника. Все – на хромовом фоне, испещренном детскими букетиками. Комната невинной девушки» [Гоген 1972: 50]. Экфрасис в письме раскрывает внутренний мир художника, контрастно соединяя сопоставление с бандитом и упоминание о невинной девушке.

Пренебрежительное отношение Гогена к покойному другу Винсенту в пьесе Ставицкого объясняется эгоистическим желанием заявить о себе: «Но осенью у Шарлопена будут висеть картины Гогена, а не Ван Гога!» [Ставицкий 1992: 75]. На протяжении всей пьесы автор акцентирует попытку художника выставить свои картины. Возможно влияние книги И.В. Долгополова «Мастера и шедевры» (1986) на пьесу Ставицкого. Совпадают не только эмоциональная составляющая главы «Поль Гоген» и пьесы «Добрый день, господин Гоген» (1992), но и символическое упоминание о сумме в пять тысяч франков: «Однажды живописец предложил доктору Шарлопену купить тридцать восемь картин и пять керамических сосудов за пять тысяч франков. Солидный врач долго рассматривал странные, хотя и красивые творения и вежливо отказался <...> Наверное, он бы не пережил мгновения, когда узнал, что эта коллекция позже будет оценена в тридцать миллионов франков» [Долгополов 1986: 572] Ставицкий называет Шарлопена не «доктором» («врачом»), а только «владельцем картинной галереи», и подчеркивает его хитрость и сладострастие:

«Гоген (*смиренно*). Господин Шарлопен, монсеньор Шарлопен, ваше Величество Шарлопен. Ну дайте как умный человек совет – что делать. Я хочу выставиться, хочу признания, славы я, подлец, жажду!

Шарлопен. (*снисходительно треплет его по щеке*). Понятно... Прошу... (*Садится с ним на софу*.) Нервы, коллега, нервы. Игра на бирже требует крепких нервов. Тем более на бирже искусства <...> А где эта ваша... ну которая невинность потеряла? <...> Милашка... и картина, знаете, недурна» [Ставицкий 1992: 72].

Упоминание о картине «Потеря невинности» отсылает к двадцатичетырехлетней натурщице Жюльетте Юэ. Перрюшо в биографии Гогена так характеризует эту ««символистскую» картину: “Потеря невинности” (ее иногда эвфемистически называют “Пробуждение весны”), Жюльетта лежит на фоне бретонской равнины, по которой проходит свадебное шествие. На ее плече лисица – “индейский символ порочности» [Перрюшо 1979: 164]. В пьесе Ставицкий реконструирует характер взаимоотношений между натурщицей и художником во время работы над картиной:

«Из соседней комнаты выбегает его натурщица Жюльетта, становится коленками на софу, замирает в позе. Гоген то подходит к мольберту, то отходит от него, не может начать или возобновить работу <...> Гоген подходит к ней, меняет ее позу, положение рук, головы. Жюльетта ластится к нему, пытается затеять любовную игру <...>

Гоген (*усмехается*). Потом, потом, не сейчас. Сейчас работать надо <...>

Жюльетта. А чего вы сейчас-то делаете? Опять большую разноцветную картину, где я буду в чем мать родила?

Гоген. Ты о «Потере невинности»?

Жюльетта. Потери чего (*Хохочет*.) Эту бы «Потерю» да в наше заведение, вот девчонки бы посмеялись!

Гоген (*добродушно*). Дуреха, эта картина будет висеть в Лувре. Ляг теперь.

Жюльетта *ложится на софу*.

Нет, не так. (*Переворачивает ее*.) Привстань на коленки, руки чуть назад. Ты еще станешь у нас символом чистоты и невинности.

Жюльетта *вновь пытается затеять любовную игру*.

Э... подожди. А сейчас, Жюльетта, мы делаем с тобой не картину, а эскиз к скульптуре. Я вырежу тебя в дереве и назову... «Люби и будешь счастлива!» <...> Я готов на еще большее унижение, лишь бы она <госпожа Неккер> согласилась мне позировать.

Жюльетта (*ревниво*). Что? И кого бы вы с нее писали? Кобылу?

Гоген. Э... да будь у меня пять тысяч, эта бы «кобыла» у Шарлопена фурор произвела...

Жюльетта <...> У Шарлопена, значит? Так вот, он был сегодня здесь!

Гоген (*уворачиваясь от ударов*). Шарлопен?

Жюльетта. Да! Пялился на нашу «Потерю невинности», а потом говорит... я бы, говорит, с удовольствием купил...

Гоген. Картину?!

Жюльетта. Меня!»

[Ставицкий 1992: 70].

Именно Жюльетта, которая, как лиса, ластится к художнику, воплощает стихийное начало. В творчестве Гогена картина «Потеря невинности» объединяет натурщицу Жюльетту Юэ и тринадцатилетнюю таитянку Техуру, второй жене Гогена отчасти и посвящено автобиографическое произведение «Ноа Ноа», которое заканчивается *завядшим цветком*: «Мне пришлось вернуться во Францию: меня призывали туда важные семейные обстоятельства. Прощай, гостеприимная земля, сладостная земля, родина свободы и красоты! Я уезжаю, постаревший на два года, помолодев на двадцать лет <...> Когда в момент отъ-

езда я покидал набережную и сел на паром, то в последний раз взглянул на Техуру <...> Цветок, который раньше был у нее за ухом, упал, завядший, на ее колени» [Гоген 1972: 185].

В пьесе Ставицкого картина «Потеря невинности» и скульптура «Люби и будешь счастлива» аналогично упоминаются Гогеном в разговорах и с Жюльеттой, и с Анной, что создает комический эффект. Комическая сторона любовного треугольника соединяется с драматизмом отношений художника с тремя женщинами (в том числе с женой Меттой). Эти отношения подчеркиваются аллюзиями к картине «Желтый Христос» Гогена, где у подножия распятия изображены три женщины, отсылающие к параллели с женами-мироносицами. Ставицкий размышляет над харизматичной личностью гения, выстраивая сложный диалог между персонажами и художником.

В отличие от Эмиля, который обращается к изображению собственной жены, Гоген в пьесе Ставицкого пребывает в постоянном поиске природы, инициируя конфликт между Жюльеттой и Анной. Согласно биографическим сведениям, жена Гогена равнодушно относилась к натурщицам: «Между Метте и Жюльеттой Юэ были только тени: проститутки, служанки гостиниц – тело, которое берут и тут же забывают» [Перрюшо 1979: 164]. Закрывая глаза на измены мужа, Метта с вязанием в пьесе Ставицкого, как Пенелопа, преданно ждет его возвращения к детям и одновременно дает шанс уплыть на Таити. Характерное для супруга колористическое восприятие мира возмущает ее сильнее, чем присутствие рядом с ним другой женщины:

Гоген. Грубая ты какая-то, Метта. Раньше ты не была такой. Я все время вспоминаю твои синие глаза и желтые волосы. Кстати, сочетание синего с желтым дает знаешь что?

Метта. Ну?

Гоген. То, что ты так любила делать, когда мы были вместе.

Метта. Значит, теперь это для тебя всего-навсего сочетание синего с желтым? Охальник! А еще художник... Неужели тебе твоя мазня дороже жены и детей?

[Ставицкий 1992: 69].

Цветовые сочетания как отправная точка для диалога возникают уже в начале пьесы «Добрый день, господин Гоген!» относительно картины Эмиля «Женщина с ребенком». Позже Гоген создает рисунок обнаженной Анны, который становится Жюльеттой и женой Эмиля:

Гоген. Поверните, пожалуйста, головку чуть вправо.

Анна. Не поверну! Не поверну! (*Но поворачивает.*)

Гоген. Благодарю вас. А вы знаете, какая разница между падшей женщиной и порядочной? Анна. Сударь...

Гоген. С точки зрения цвета – никакой.

Анна. Сударь, вы...

Гоген (*рывает*). Так стоять! Смирно!

Анна *неожиданно для себя подчиняется*.

[Ставицкий 1992: 73].

В процессе творчества Гоген очень сосредоточен и даже жесток. Рисунок обнаженной Анны использует Жюльетта, шантажируя жену Эмиля:

Анна (сухо). Какое у вас дело ко мне?

Но Жюльетта не спешит. Молча и уверенно берет стул, ставит его напротив Анны, достает из сумки лист бумаги, расправляет его и прислоняет к спинке стула. Затем садится на софу и с удовлетворением следит, как реагирует на содержание листка Анна.

(*После паузы, спокойно.*) Как это попало к вам?

Жюльетта. Господин Поль сам продал это американскому туристу. За десять долларов. Оба были вдрызг пьяны. Ну а я настропала Шарлопена, и он перекупил у американца. За одиннадцать долларов. Пригодится, думаю, не правда ли, коллега?

Анна (*сохраняя невозмутимый вид*). Когда это случилось?

Жюльетта. Когда он вас продал? Да вчера, на Монмартре. Ну и видик у вас на этом рисунке! Узрел бы ваш супруг...

Анна. О, муж – страшно. Это ужасно. Сколько ты за это хочешь?

Жюльетта. Пять тысяч франков.

[Ставицкий 1992: 77].

Одинаковая сумма в пять тысяч франков за будущую выставку Гогена, за рисунок обнаженной Анны и за осуществление поездки на Таити становится лейтмотивом в пьесе Ставицкого. Ранний этюд «Обнаженная натура» (1880), который «приковал внимание посетителей и знатоков искусства на выставке импрессионистов в 1881 году» [Скляренко, Иовлева, Рудычева 2003: 103], в пьесе драматурга переносится на десять лет вперед и обозначает конфликт между Жюльеттой и Анной. Поведение Жюльетты объясняется ревностью к новой модели и объекту желаний художника. Ее попытка устроить резкую перемену в отношениях Анны и Поля с помощью шантажа оборачивается неудачей. С другой стороны, адресованные обеим натурщицам слова Гогена «Люби и будешь счастлива!» их сближают.

Таким образом, в пьесе Аркадия Ставицкого «Добрый день, господин Гоген!» акцентируется внимание не только на личности знаменитого художника Поля Гогена, но и на его творчестве. Выбирая конкретный год (1890) и место действия (Париж), а также определяя жанр – драма

и комедия одной судьбы, – драматург погружает читателя в отдельные события, которые предшествовали отъезду Гогена на Таити в 1891 г.: смерть Винсента Ван Гога, финансовые затруднения, отсутствие масштабных выставок, кризис творчества, постоянный поиск натуры, сложные отношения с семьей. По отдельности развивая каждую из тем, Ставицкий фокусирует внимание на картинах Гогена, созданных в конце 80-х – начале 90-х гг.

Упомянутые в пьесе картины в основном принадлежат Гогену и его другу Эмилю. Соответственно первые – реально существующие картины, а вторые – вымышленные. Картина «Добрый день, господин Гоген» открывает пьесу и визуализирует образ героя. Ее экфрасис присутствует в развернутой ремарке. На протяжении произведения заглавие картины и одновременно пьесы отражает эмоциональное состояние Гогена, пьеса заканчивается приветственными словами, адресованными уже острову Таити.

Система образов персонажей пьесы структурно организована вокруг главного героя – Поля Гогена. Игнорируя художественные достоинства картин «Бретонский пейзаж со свинопасом» и «Бретонские женщины», Анна обращает внимание лишь на тощих свиней и грубых крестьянок. Внезапная страсть к Гогену вспыхивает во время сеанса: становясь его моделью, она готова разрушить отношения с мужем и ребенком. Соперничество Анны и Жюльетты, которые позировали Гогену обнаженными, образует любовный треугольник и отсылает к картине «Потеря невинности». В биографии Гогена есть сведения о том, что двадцатичетырехлетняя натурщица Жюльетта позировала художнику для картины «Пробуждение весны, или Потеря невинности». В пьесе Ставицкого Жюльетта воплощает стихийное первобытное начало, а ее откровенные позы во время сеанса напоминают экспрессию таитянских женщин / моделей. Конфликт между Анной и Жюльеттой спровоцирован рисунком *Обнаженной*, на котором изображена супруга Эмиля.

Символическое столкновение двух *обнаженных* организует композиционное деление пьесы на две части. Первое действие открывается разговором о картине «Женщина с ребенком», но Шарлопен метафорически называет ее *потерей невинности*, а во втором действии ключевым становится приход Жюльетты к хладнокровной Анне Неккер с целью ее шантажировать. Упомянутый рисунок, на котором изображена Анна, является эскизом к картине «Потеря невинности», для которой позировала Жюльетта. Эти картины символически отражают внутренний конфликт Анны – пробуждение телесной чувственности. Позиция Гогена неоднократно

выражается через варьирование названия его скульптуры «Любите и будете счастливы».

Картина «Желтый Христос» символически заостряет конфликт между жизнью и искусством, искусством и обществом. Ставицкий переосмысляет характер Гогена как гения, личности и человека через взаимоотношения с персонажами (три женщины в пьесе – как жены-мироносицы у подножия креста). Повышенное внимание Эмиля Неккера к картине «Желтый Христос» и к творчеству непризнанного художника инициируют его конфликт с женой. Как и Дирк Стрев из романа С. Моэма «Луна и грош», Эмиль тонко чувствует искусство и готов на самопожертвование ради него. Поэтому картина «Желтый Христос» и вариации на данную тему («Бретонская голгофа» / «Зеленый Христос», «Автопортрет с желтым Христом») становятся *проводником* не только в мир Гогена, но и в мир Эмиля. Созданная Эмилем картина «Женщина с ребенком» заставляет работать воображение читателя и отсылает к знаменитым полотнам художников на сюжет *Богоматерь с младенцем*.

В отличие от меркантильного и циничного владельца галереи Шарлопена, разрушающего художественный образ на картине «Женщина с ребенком», торговец картинами папаша Танги внимателен к художникам. Очевидна параллель между папашей Танги и папашей Мальгра из романа Эмиля Золя «Творчество». Обращаясь к произведению Золя, драматург сопоставляет *отверженных* импрессионистов из романа и художников из пьесы. Образ Ван Гога как непризнанного, но гениального художника, символически объединяет и противопоставляет двух друзей – Эмиля и Поля. Очевидно обращение драматурга к опубликованной переписке Гогена и Ван Гога.

Интимную тональность в пьесе приобретает основанный на письмах диалог Гогена и Метты. Тема семьи занимает важное место в творчестве А. Ставицкого, о чем свидетельствуют такие пьесы, как «Запах грибов», «Улица Шолом-Алейхема, 40», «Трагический поединок» и др. Пьесу «Добрый день, господин Гоген!» можно условно назвать «материнской», поскольку Метта символизирует домашний очаг и как будто не имеет никакого отношения к живописи мужа. Однозначно симпатизируя Метте, драматург выстраивает ее сложные отношения с главным героем, акцентирует его эгоизм, безответственность, лицедейство. Диалогизм картины, вынесенной в заглавие, соотносится не только с диалогами внутри пьесы, организующим центром которых становятся другие картины, но и акцентирует противоречивое отношение автора к своему герою.

Примечания

¹Это трагический для Гогена год, так как уходит из жизни его друг Винсент Ван Гог. Сохранилось последнее письмо голландского художника (июнь 1890 г.) к Полю Гогену, посвященное «воспоминаниям об Арле и новым планам совместной работы, которым не суждено было осуществиться» [Даниэль 2017: 190]. Ван Гог мечтал «о перенесении искусства в неизведанные страны, где художники останутся с глазу на глаз с новой, еще не опошленной природой, где они забудут все изжитые догмы и свободно, и наивно пойдут по новым девственным путям. Эту мечту Ван Гога о “тропической живописи”, эту заветную мечту всей французской поэзии XIX века и осуществил Гоген» [Тугендхольд 1987: 50].

Их сложные отношения отразились в переписке Гогена с Эмилем Бернаром. Так, в письме к Эмилю Бернару (август 1890 г.) Гоген как будто абстрагирован от происходящего: «Получил известие о смерти Винсента, и я доволен, что Вы были на похоронах <...> Умереть теперь – для него большое счастье, ибо это именно конец страданий, и если он перейдет в какую-то иную жизнь, его благородное поведение в этом мире даст свои плоды (по закону Будды). Он умер с утешительной мыслью, что брат не оставлял его и что несколько художников его понимали...» [Гоген 1972: 57]. Однако в следующем письме (октябрь 1890 г.) Гоген пылок и даже агрессивен: «Сумасшествие Ван Гога – страшный удар для меня, и если Шарлопен не даст мне средства для поездки на Таити, я погиб <...> Мне необходимо быть в Париже, чтобы все распутать, а я не могу тронуться с места ни на один день и должен больше 300 франков за гостиницу. Сами понимаете, как я томлюсь здесь» [там же].

²Подробнее о конфликте изображения и модели см.: [Бочкарева, Загороднева 2018: 262–274].

³На картине тонкая фигура Христа как бы идеально подобранная по форме к кресту с непропорционально длинными руками возносится над тремя склонившимися в молитвенном углублении женщинами. Рассекающий картину на две части огромный крест срезан по краям и заслоняет небо. На заднем плане огненные пятна деревьев. Биограф Гогена Анри Перрюшо отмечал: «Этого Христа он видел в маленькой часовне возле фермы Тремало, на холме, возвышающемся над Понт-Авенем. Деревянный сводчатый потолок этой сельской часовенки был синего цвета, стены – выкрашены голубой краской. В солнечные дни Христос казался желтым. Это сочетание цветов, должно быть, поразило Гогена, как и выразительная неуклюжесть, щемящая наивность скульптуры» [Перрюшо 1979: 142].

⁴«Из рук вон плохой художник, он необычайно тонко чувствовал искусство, и ходить с ним по картинным галереям было подлинным наслаждением <...> Он быстро открывал новые таланты и великодушно судил о них. Думается, я никогда не встречал человека со столь верным глазом» [Моэм 1993: 57].

⁵Открытый финал одноактной пьесы А. Ставицкого «Запах грибов» можно в прямом смысле отнести к жанру комедии, где «всего лишь создана иллюзия, что над общественными устоями может нависнуть угроза, и все это “только ради смеха”. Но восстановлению порядка и хэппи-энду должен предшествовать период неустойчивости, когда, кажется, для положительных персонажей, для добра все пропало – точка “ритуальной смерти”, вслед за которой открывается оптимистическое заключение и финальное примирение» [Пави 1991: 146]. В конце пьесы «Запах грибов» между супругами происходит обретение равновесия через серию препятствий и сложных бытовых ситуаций, связанных с детьми и их потребностями.

⁶О поэтической интерпретации картины «Пейзаж в Овере после дождя» в российской поэзии см.: [Загороднева 2014].

Список литературы

- Арбузов А. Н.* О пьесе Аркадия Ставицкого // Театр. № 7. 1986. С. 51.
- Бочкарева Н. С.* Искусство и религия в экфрастической драме Френсиса Уорнера «Живое творение» // Филология и культура. 2013. № 2(32). С. 76–79.
- Бочкарева Н. С.* Поэтика экфрастической драмы // Литература и театр: модели взаимодействия. Челябинск, 2011. С. 11–20.
- Бочкарева Н., Загороднева К.* Портрет жены художника как экфрастическая модель // Теория и история экфрасиса: итоги и перспективы изучения. Siedlce, 2018. С. 262–274.
- Гашева Н. Н.* Синтез стилистических форм творчества и биографии художника: Н. Гумилев и П. Гоген // Мировая литература в контексте культуры. 2009. № 4. С. 255–258.
- Гоген П.* Письма, Ноа Ноа, из книги «Прежде и потом» / пер. с фр. Н. Я. Рыковой. Л.: Искусство, 1972. 256 с.
- Даниэль С.* Вступительная заметка: письма к Полю Гогену // Ван Гог В. Письма к друзьям. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2017. С. 190.
- Дворжак М.* История итальянского искусства в эпоху Возрождения / пер. с нем. И. Е. Бабанова. М.: Искусство, 1978. 395 с.
- Дмитриева Н. А.* Винсент Ван Гог: человек и художник. М.: Наука, 1984. 397 с.

Долгополов И. В. Мастера и шедевры: в 3 т. М.: Изобразительное искусство, 1986. Т. 1. 720 с.

Загороднева К. В. Поэтический «диалог перед картинами» Ван Гога: А. Тарковский, А. Кушнер, Е. Рейн // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2014. Вып. 2(26). С. 148–159.

Закалюжный Л. В. Три действия по четырем картинам В. Дурненкова как пьеса-экфрасис // Science and Education in a New Dimension: Philology. 2014. II (4). Issue 24. P. 32–37.

Зелинский Я. Беатрикс Ченчи как экфрастическая драма / пер. с нем. И. Рубановой // Экфрасис в русской литературе. М.: МИК, 2002. С. 199–210.

Кантор-Гуковская А. Эпистолярное и литературное наследие Гогена // Гоген П. Письма. Ноа Ноа. Из книги «Прежде и потом». Л.: Искусство, 1972. С. 5–36.

Лавлинский С. П. Фотодрама: художественная структура и креативно-проектный потенциал // Диалог согласия. М.: Intrada, 2015. С. 404–412.

Морозова Н. Г. Экфрасис в прозе русского романтизма: дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2006. 210 с.

Мозм С. Луна и грош / пер. с англ. Н. Ман. Киев: Мистецтво, 1993. 179 с.

Пави П. Словарь театра / пер. с фр. Л. Баженовой и др. М.: Прогресс, 1991. 504 с.

Перрюшо А. Гоген / пер. с фр. Ю. Яхниной. М.: Искусство, 1979. 320 с.

Попов П. Шолом-Алейхем, Аркадий! // Современная драматургия. № 5–6. 1992. С. 62.

Рубинс М. Пластическая радость красоты: Экфрасис в творчестве акмеистов и европейская традиция. СПб.: Академический проект, 2003. 354 с.

Сидорова А. Г. Интермедиаальная поэтика современной отечественной прозы (литература, живопись, музыка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2006. 24 с.

Скляренок В. М., Иовлева Т. В., Рудычева И. А. 100 знаменитых художников, XIX–XX вв. Харьков, 2003. 511 с.

Ставицкий А. Добрый день, господин Гоген! Драма и комедия одной судьбы // Современная драматургия. 1992. № 5–6. С. 63–84.

Ставицкий А. Мама и... немного политики // Современная драматургия. 1996. № 1. С. 32.

Ставицкий А. Трагический поединок (Четыре допроса) // Театр. 1988. № 7. С. 27–45.

Тугендхольд Я. А. Из истории западноевропейского, русского и советского искусства. Избранные статьи и очерки. М.: Сов. художник, 1987. 315 с.

Хадеева Н. Ю. Тема жертвенности и крестного пути в творчестве Поля Гогена и Жоржа Руо // Из-

вестия ВГПУ. Искусствознание. 2013. № 3. С. 44–47.

Heffernan J. A. W. Museum of Words: The Poetic of Ekphrasis from Homer to Ashbery. Chicago, London: University Chicago Press, 2004. 249 p.

References

Arbuzov A. N. O p'ese Arkadiya Stavitskogo [On the play by Arkady Stavitsky]. *Teatr* [Theater], 1986, issue 7, p. 51. (In Russ.)

Bochkareva N. S. Iskustvo i religiya v ekfrasticheskoj drame Frensis Uornera 'Zhivoe tvorenie' [Art and religion in Francis Warner's ekphrastic drama 'Living Creation'] *Filologiya i kultura* [Philology and Culture], 2013, issue 2 (32), pp. 76–79. (In Russ.)

Bochkareva N. S. Poetika ekfrasticheskoj dramy [The poetics of ekphrastic drama]. *Literatura i teatr: modeli vzaimodeystviya* [Literature and Theater: Models of Interaction]. Chelyabinsk, 2011. pp. 11–20. (In Russ.)

Bochkareva N., Zagorodneva K. Portret zheny khudozhnika kak ekfrasticheskaya model' [Portrait of the artist's wife as an ekphrastic model]. *Teoriya i istoriya ekfrasisa: itogi i perspektivy izucheniya* [Theory and History of Ekphrasis: Results and Prospects of the Study]. Siedlce, 2018, pp. 262–274. (In Russ.)

Gasheva N. N. Sintez stilisticheskikh form tvorchestva i biografii khudozhnika: N. Gumilev i P. Gogen [Synthesis of stylistic forms of creativity and biography of the artist: N. Gumilyov and P. Gauguin]. *Mirovaya literatura v kontekste kul'tury* [World Literature in the Context of Culture], 2009, issue 4, pp. 255–258. (In Russ.)

Gauguin P. Pis'ma, Noa Noa, iz knigi 'Prezhde i potom' [Letters, Noah Noah, from the Book 'Before and After']. Transl. from French by N. Y. Rykova. Leningrad, Iskustvo Publ., 1972. 256 p. (In Russ.)

Daniel S. Vstupitel'naya zametka: pis'ma k Polyu Gogenu [Introductory note: Letters to Paul Gauguin]. Van Gogh V. *Pis'ma k druž'yam* [Letters to Friends]. St. Petersburg, Azbuka, Azbuka-Attikus Publ., 2017. 190 p. (In Russ.)

Dvorak M. *Istoriya ital'yanskogo iskustva v epokhu Vozrozhdeniya* [History of Italian Art in the Renaissance]. Transl. from German by I. E. Babanov. Moscow, Iskustvo Publ., 1978. 395 p. (In Russ.)

Dmitrieva N. A. *Vinsent Van Gog: chelovek i khudozhnik* [Vincent van Gogh: Man and Artist]. Moscow, Nauka Publ., 1984. 397 p. (In Russ.)

Dolgopолов I. V. *Mastera i shedevry* [Masters and Masterpieces: In 3 vols.]. Moscow, Izobrazitel'noe iskustvo Publ., 1986, vol. 1. 720 p. (In Russ.)

Zagorodneva K. V. Poeticheskiy 'dialog pered kartinami' Van Goga: A. Tarkovskiy, A. Kushner, E. Reyn [Poetic 'Dialogue Before the Pictures' by Van Gogh: A. Tarkovsky, A. Kushner, E. Rein]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2014, issue 2 (26), pp. 148-159. (In Russ.)

Zakalyuzhnyy L. V. Tri deystviya po chetyrem kartinam V. Durnenkova kak p'yesa-ekfrasis [Three acts based on four paintings by V. Durnenkov as an ekphrastic play]. *Science and Education in a New Dimension. Philology*, 2014, vol. 2 (4), issue 24, pp. 32-37. (In Russ.)

Zelinskiy Ya. Beatriks Chenchi kak ekfrasticheskaya drama [Beatrix Cenci as an ekphrastic drama]. *Ekfrasis v russkoy literature* [Ekphrasis in Russian Literature]. Moscow, MIK Publ., 2002, pp. 199-210. (In Russ.)

Kantor-Gukovskaya A. Epistolyarnoe i literaturnoe nasledie Gogena [Gauguin's epistolary and literary heritage]. Gauguin P. *Pis'ma. Noa Noa. Iz knigi 'Prezhde i potom'* [Gauguin P. Letters. Noah Noah. From the book 'Before and After']. Leningrad, Iskusstvo Publ., 1972, pp. 5-36. (In Russ.)

Lavlinskiy S. P. Fotodrama: khudozhestvennaya struktura i kreativno-proektnyy potentsial [Photo drama: Artistic structure and creative potential]. *Dialog soglasiya* [Dialogue of the Consent]. Moscow, Intrada Publ., 2015, pp. 404-412. (In Russ.)

Morozova N. G. *Ekfrasis v proze russkogo romantizma*. Diss. kand. filol. nauk [Ekphrasis in the Prose of Russian Romanticism. Diss. Cand. philol. sci.]. Novosibirsk, 2006. 210 p. (In Russ.)

Maugham S. *Luna i grosh* [The Moon and Sixpence]. Transl. from English by N. Man. Kiev, Mistetstvo Publ., 1993. 179 p. (In Russ.)

Pavis P. *Slovar' teatra* [Dictionary of the theater]. Transl. from French by L. Bazhenova et al. Moscow, Progress Publ., 1991. 504 p. (In Russ.)

Perruchot H. *Gogen* [Gauguin]. Transl. from French by Yu. Yakhnina. Moscow, Iskusstvo Publ., 1979. 320 p. (In Russ.)

Popov P. Sholom-Aleykhem, Arkadiy! [Sholom Aleichem, Arkady!]. *Sovremennaya dramaturgiya* [Modern Drama], 1992, issue 5-6, p. 62. (In Russ.)

Rubins M. *Plasticheskaya radost' krasoty: Ekfrasis v tvorchestve akmeistov i evropeyskaya traditsiya* [Plastic Joy of Beauty: Ekphrasis in the Work of Acmeists and the European Tradition]. St. Petersburg, Akademicheskii projekt Publ., 2003. 354 p. (In Russ.)

Sidorova A. G. *Intermedial'naya poetika sovremennoy otechestvennoy prozy (literatura, zhivopis', muzyka)*. Avtoreferat diss. kand. filol. nauk [Intermedial Poetics of Modern Russian Prose (Literature, Painting, Music). Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Barnaul, 2006. 24 p. (In Russ.)

Sklyarenko V. M, Iovleva T. V., Rudycheva I. A. 100 znamenitkh khudozhnikov, XIX-XX vv. [100 Famous Artists, the 19th-20th Centuries]. Kharkiv, 2003. 511 p. (In Russ.)

Stavitsky A. Dobryy den', gospodin Gogen! Drama i komediya odnoy sud'by [Good afternoon, Mr. Gauguin! Drama and Comedy of One Fate]. *Sovremennaya dramaturgiya* [Modern Drama], 1992, issue 5-6, pp. 63-84. (In Russ.)

Stavitsky A. Mama i... nemnogo politiki [Mother and ... a little bit of politics]. *Sovremennaya dramaturgiya* [Modern Drama], 1996, issue 1, p. 32. (In Russ.)

Stavitsky A. Tragicheskiy poedinok (Chetyre doprosa) [Tragic duel (Four interrogations)]. *Teatr* [Theatre], 1988, issue 7, pp. 27-45. (In Russ.)

Tugenhold Ya. A. *Iz istorii zapadnoevropeyskogo, russkogo i sovsetskogo iskusstva. Izbrannye stat'i i ocherki* [From the History of Western European, Russian and Soviet Art. Selected Articles and Essays]. Moscow, Sovetskiy khudozhnik Publ., 1987. 315 p. (In Russ.)

Khadeeva N. Yu. Tema zhertvennosti i krestnogo puti v tvorchestve Poly Gogena i Zhorzha Ruo [Theme of Sacrifice and Cross Way in Creative Work by Paul Gauguin and Georges Rouault]. *Izvestiya VGPU. Iskusstvoznanie* [Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University. Art History], 2013, issue 3, pp. 44-47. (In Russ.)

Heffernan J.A.W. *Museum of Words: The Poetic of Ekphrasis from Homer to Ashbery*. Chicago, London, University Chicago Press, 2004. 249 p. (In Eng.)

Dialogues with the Artist and Functions of Pictures in Arkady Stavitsky's Play 'Good afternoon, Mister Gauguin!'

Kristina V. Zagorodneva

Associate Professor in the Department of the Humanities

Perm State Institute of Culture

18, Gazety Zvezda st., Perm, 614000, Russian Federation. zagor-kris@yandex.ru

SPIN-code: 8509-2609

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4383-5513>

ResearcherID: S-1355-2017

Received 16 Jan 2022

Revised 19 Feb 2022

Accepted 4 Mar 2022

For citation

Zagorodneva K. V. Dialogi s khudozhnikom i funktsii kartin v p'ese Arkadiya Stavitskogo "Dobryy den', gospodin Gogen!" [Dialogues with the Artist and the Functions of Pictures in Arkady Stavitsky's Play 'Good Afternoon, Mister Gauguin!']. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2022, vol. 14, issue 1, pp. 120–132. doi 10.17072/2073-6681-2022-1-120-132 (In Russ.)

Abstract. The article analyzes *Good Afternoon, Mister Gauguin!*, the only ekphrastic play by modern Russian playwright and screenwriter Arkady Stavitsky (1930-2020), in the context of the writer's works and taking into account approaches to the study of ekphrasis and visuality in drama. Following the intermedial approach, the research involved the study of works on art criticism and biographies dedicated to Gauguin's life and work. Stavitsky focuses not only on the personality of the famous artist Paul Gauguin but also on his works created in the late 80s and early 90s of the 19th century. The ekphrasis of the picture 'Good Afternoon, Mister Gauguin' is present in the detailed remark at the beginning of the play. The title of both the picture and the play reflects the emotional state of the hero and 'loops the finale'. The picture 'The Yellow Christ' symbolically sharpens the conflict between life and art, art and society. Stavitsky rethinks Gauguin's character through his relationship with female characters in the play: the characters of Anna, Juliette, and Mette refer to the images of the myrrh-bearers at the foot of the cross in the picture 'The Yellow Christ' or 'three Joans of Arc' in the painting 'Breton Women'.

The pictures mentioned in the play are mostly by Paul Gauguin and his friend Emil Necker. Accordingly, while the pictures of the former are real, those of the latter are fictional. The generalized character of Emil Necker in the play suggests a parallel with S. Maugham's novel *The Moon and Sixpence*. Necker's picture 'A Woman with a Child' refers the reader to the famous canvases of Western European painters on the plot of the *Virgin and Child*. Emil's wife Anna becomes one of the models for Gauguin's works – the painting 'Loss of Innocence' and the sculpture 'Be in Love and You Will Be Happy', revealing the other side of her nature. The conflict between Anna and Juliette, another one of Gauguin's models, is dramatized in the scene with a sketch for these works. The image of Van Gogh, depicted in the play as an unrecognized but ingenious artist, unites and contrasts Emil and Paul. The playwright's familiarity with the published correspondence between Gauguin and Van Gogh, Gauguin and his wife Mette is obvious. The dialogism of the picture whose name is reproduced in the title of the play correlates not only with the dialogues in the play, organized around other pictures, but also emphasizes the author's contradictory attitude toward his hero.

Key words: dialogue; Arkady Stavitsky; ekphrasis; intermediality; contemporary drama; Paul Gauguin.

УДК 821.111
doi 10.17072/2073-6681-2022-1-133-141

Романы У. Годвина «Итальянские письма» и «Сен-Леон» в контексте творческой эволюции автора

Мария Александровна Серегина

старший преподаватель кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации
Института иностранных языков

Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина

390000, г. Рязань, ул. Свободы, 46. m.seregina@365.rsu.edu.ru

SPIN-код: 7367-3212

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7273-878X>

Статья поступила в редакцию 12.10.2021

Одобрена после рецензирования 27.12.2021

Принята к публикации 30.12.2021

Информация для цитирования

Серегина М. А. Романы У. Годвина «Итальянские письма» и «Сен-Леон» в контексте творческой эволюции автора // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2022. Т. 14, вып. 1. С. 133–141. doi 10.17072/2073-6681-2022-1-133-141

Аннотация. В статье рассматриваются идейно-тематические, сюжетные и стилистические аспекты романов «Итальянские письма» и «Сен-Леон» английского писателя, журналиста и политического философа Уильяма Годвина. Приводится сравнительный анализ указанных произведений, нацеленный на определение основных путей развития авторского мировоззрения и стиля, а также расширение сведений о малоизученном раннем творчестве писателя. Автор приходит к выводу о значительной близости романов, свидетельствующей об идейно-стилевой преемственности, существующей между ранними и зрелыми художественными произведениями Годвина. Различия, обусловленные жанровой спецификой, своеобразием персонажного ряда и мотивного комплекса, изменением авторской позиции, подтверждают наличие поступательного и непрерывного развития философских и социально-политических взглядов писателя. Актуальность исследования обусловлена необходимостью расширения и углубления знаний о творчестве Годвина и связана с определением роли и места его художественных произведений в развитии мировой литературы от просветительского реализма к романтизму. Научная новизна статьи заключается не только в обращении к ранее не изученным творениям писателя, но и в применении комплексного анализа, включающего в себя литературно-теоретические и историко-литературные аспекты. Теоретико-методологическая база работы представлена статьями А. П. Бондарева, В. Г. Решетова, Б. Ш. Аллена, П. Клемит, Э. О'Брайен, Х. Старк, Б. Тёрнер, М. Хиндла, М. Филпа. Материалом для проведения исследования послужили романы У. Годвина «Итальянские письма» и «Сен-Леон».

Ключевые слова: Уильям Годвин; Жан-Жак Руссо; роман XVIII в.; «Итальянские письма»; «Сен-Леон»; сравнительно-сопоставительный анализ.

Уильям Годвин (1756–1836), английский писатель, журналист, политический философ, известен благодаря трактату «Исследование о политической справедливости» и роману «Вещи как они есть, или Калейб Уильямс» [Решетов 1999: 10]. Между тем он является автором около

30 произведений философского, социально-политического и религиозного содержания.

Сравнительно-сопоставительное изучение романного творчества У. Годвина на разных этапах актуально, так как обусловлено необходимостью обратиться к ранним романам писателя,

лишенным внимания со стороны отечественного литературоведения. В результате такого исследования представляется возможным воссоздать более полную картину художественного наследия писателя и установить связи между произведениями, разными по времени и условиям их создания, выделить особенности творческой эволюции писателя и обозначить влияние социально-литературного контекста эпохи на его романное творчество. Новизну анализу придает то, что впервые в научный оборот вводятся ранние сочинения Годвина, широко не публиковавшиеся и не изучаемые в России; осуществляется сравнительный анализ первых художественных произведений Годвина, входящих в контекст английской сентиментальной литературы, и его поздних романов, относящихся к периоду предромантизма.

В работе использованы системный и комплексный подходы, биографический метод исследования, а также сравнительно-сопоставительный, структурный и мотивный виды анализа литературных произведений. Теоретическая значимость исследования состоит в применении комплексного подхода к изучению малоизвестных художественных романов английского литератора, сравнение которых с его поздними текстами позволяет уточнить роль и место романного наследия Годвина в истории английской литературы, развивавшейся от просветительского реализма к сентиментализму, предромантизму и романтизму.

Романное творчество Годвина в немалой степени служит для иллюстрации его социально-политических идей, в связи с чем его можно разделить на три периода. На первом этапе (1783–1793) происходит становление Годвина как писателя и политического философа, он пробует себя в различных жанрах, происходит формирование его мировоззрения. В это время создаются романы «Деймон и Делия», «Имоджен» и «Итальянские письма». Второй период (1793–1817) можно назвать программным, так как писатель создает концептуальные художественные произведения, в которых отражены его основные взгляды и идеи: романы «Калед Уильямс», «Сен-Леон» и «Флитвуд». Третий период (1817–1836) подтверждает и дополнительно иллюстрирует основные идеи Годвина: романы «Мандевиль», «Клаудесли» и «Делорен» [Clemet 2020: 10–51].

Безусловно, это разделение является условным, так как между всеми его произведениями прослеживается тесная связь как на уровне сюжета и персонажного ряда, так и на уровне основной проблематики (определение понятия «истинный человек», формирование и обоснование понятия «всеобщая справедливость», признание развращающего влияния среды и богатства на добродетель, борьба с насилием как средством

достижения целей, проблема семейных взаимоотношений и т.д.). Прямая преемственность отмечается, в частности, между ранними и основными романами писателя, что отражает путь развития сюжетно-мотивного, идейного комплекса и авторского стиля.

Эпистолярный роман «Итальянские письма» является последним из ранних художественных произведений Годвина. Его сюжет строится вокруг взаимоотношений трех основных героев: графа де Сент-Юлиана, его друга маркиза Пескара и возлюбленной Матильды делла Колонна. Граф, потеряв состояние, вынужден скитаться, в это время Ринальдо Пескара обманом вынуждает Матильду выйти за него замуж. Сент-Юлиан вызывает маркиза на дуэль и убивает его. Роман заканчивается письмом Матильды, в котором она выражает надежду на то, что граф сможет сделать жизнь зависимых от него людей лучше [Godwin 2010].

Особенно тесная связь прослеживается между этим произведением и романом «Сен-Леон», в котором изложена история графа Сен-Леона, потерявшего свое состояние вследствие увлечения азартными играми. Герой пытается вернуть былое богатство и величие с помощью философского камня, но постоянно сталкивается с неудачами и несчастьями [Godwin 2006].

Оба романа повествуют о людях благородного происхождения со схожей биографией (уединенная жизнь на лоне природы, посвященная получению образования и подготовке к будущим достижениям; потеря отца; потеря состояния; странствия в попытке найти свое место в мире; возвращение к одинокой жизни в конце произведения). Герои разделяют общие ценности: «дворянская доблесть, романтическая любовь, добродетели семейной жизни, руссоистские идеалы “естественного состояния”» [Бондарев 2003: 14]. Они блестяще образованы, благородны и способны сострадать ближним, но в то же время амбициозны. Эти качества объединяют их с Фоклендом из романа «Калед Уильямс». На его примере Годвин показывает, как человек истинно благородный, ставящий гуманистические идеалы превыше всего, может опуститься и дойти до морального насилия над другим человеком вследствие собственного эгоизма, тщеславия и боязни людского мнения [Решетов 1999: 88–90]. На примере данных персонажей выражены взгляды автора на сентименталистские проблемы негативного влияния страстей на человека и соотношение разума и чувства. Усиливая проявление как положительных, так и отрицательных качеств героев, писатель доводит противоречие между ними до крайности, тем самым подчеркивая значимость морально-этического конфликта.

Стоит отметить, что граф де Сент-Юлиан, в отличие от Сен-Леона, горд, но не тщеславен и не азартен. Герой нацелен на саморазвитие, определение своего места в мире с целью помощи другим людям. Его идеал – «естественный человек» (см. подробнее: [Руссо 1969: 47–72]), способный самостоятельно выжить и обрести счастье в мире, опираясь на собственные силы и гармоничные отношения с природой. В образе Сент-Юлиана воплощаются представления Годвина о правителе как о «попечителе благосостояния страны» [Godwin 1783: 44], отвергающем собственные интересы в пользу свобод народа. Стремление помочь окружающим и выполнить обязательства перед зависимыми от него людьми, обостренное чувство долга, характерные для Сент-Юлиана, в общем виде описываются Годвином в ранних публицистических произведениях (например, в жизнеописании-биографии «Жизнеописание Вильяма Питта старшего» и памфлете «Защита сторонников Рокингэма и их коалиции с истинно благородным лордом Нортом»).

Сен-Леон также принимает руссоистские идеалы простой трудолюбивой жизни и проявляет способность черпать силы в самом себе, а не во внешнем мире (наиболее выразительно это проявляется во время пребывания героя в швейцар-

ском кантоне Солёр). Кроме того, заполучив философский камень и пройдя через множество испытаний, граф стремится к всеобщему благу, но по-прежнему считает, что за его усилия ему полагается награда в виде всеобщего восхищения и почитания. Стремление к величию, богатству и всемогуществу делает из него фаустовского героя, обреченного на вечные муки в качестве платы за неумное желание получить абсолютное знание и неограниченные возможности [Бондарев 2003: 15].

Различие между двумя графами сопоставимо с разницей между Фоклендом и Калемом. Данные герои обладают единым набором черт, но делают разный выбор: одни (Фокленд, Сен-Леон) поддаются влиянию страстей, другие (Калем, Сент-Юлиан) лишь в некоторые моменты своей жизни уступают чувствам, но затем возвращаются на путь разума. Стоит пояснить, что в творчестве Годвина понятие разума неотделимо от принципов этики [Решетов 1999: 16, 86–87], то есть под разумом понимаются не знания или умения, а прежде всего высокие моральные качества, ведущие к достижению всеобщей справедливости и счастья.

В качестве иллюстрации различий во взглядах Сент-Юлиана и Сен-Леона приведем абзацы, описывающие их чувства после потери состояния и дальнейшие планы.

Сравнение мировоззрения графов де Сент-Юлиана (слева) и Сен-Леона (справа)

Comparison of the worldviews of Count de St. Julian (on the left) and Count St. Leon (on the right)

“I was become as it were a native of the world, discarded from every family, cut off from every country. Born to a splendid rank and a splendid fortune, I was precluded in a moment from expectations so reasonable, and an inheritance which I might have hoped at this time to reap. ... But I had many resources left. My character was untainted, my education had been such as to enable me to be useful in a thousand ways. Ah, my Hippolito, the great are not always possessors of the most capacious minds. There are innumerable little slights and offences that shrink from description, but which are sufficient to keep alive the most mortifying sense of dependency, and to make a man of sensibility, and proud honour constantly unhappy. And must I, who had hoped to be the ornament and boast of my country, thus become a burden to my acquaintance, and a burden to myself?” [Godwin 2010: 34–35]

“Once, however, when I was nearly recovered, the thought of what I had been, and the recollection of what I was, violently suggesting themselves to my mind, brought on a relapse, attended with more alarming and discouraging symptoms than my original alienation. <...> Ambition revived in my bosom; I longed for new engagements and new relations; I desired to perform something, that I might myself regard with complacency, and that I might see the world start at and applaud. <...> I resolved to pour the entire stream of my riches, like a mighty river, to fertilise these wasted plains, and revive their fainting inhabitants. Thus proceeding, should I not have a right to expect to find myself guarded by the faithful love of a people who would be indebted to my beneficence for every breath they drew? He who could feel his ambition satisfied in a more straitened field would, by so doing, prove himself unworthy of the mighty blessing.” [Godwin 2006: 93, 310]

Рассуждения героя романа «Итальянские письма» наполнены меланхолией: он утверждает, что покинут всеми, и страдает из-за того, что ему придется занять зависимое положение и стать обузой для знакомых и для самого себя. Однако он также называет себя человеком мира (“a native of the world”), что предвосхищает его рассуждения о естественном человеке и делает его типичным представителем эпохи Просвещения. Одной из ценностей того времени было внимание к другим народам и национальностям и способность понять и отразить их характер [Williams 2021: 42–43].

Интерес к национальным особенностям проявляется также в том, что Годвин действие своих романов часто переносит в пространство других стран («Итальянские письма» – Италия и Испания, «Сен-Леон» – Франция и Венгрия) и рассматривает исторические события и национальные черты (тщеславие и благородство испанцев, инквизиция и гражданская война в Венгрии). Однако, даже описывая другие страны, писатель в первую очередь говорит о родной Англии, сотрясаемой революциями, войнами, мучимой аристократическим деспотизмом и заточенной в рамках устаревших или слишком суровых законов [Решетов 1999: 53–61]. В публицистических произведениях Годвин позволяет себе прямую критику, порой прибегая к псевдонимам и иронии, но художественные произведения (в частности, «Итальянские письма», «Калед Уильямс» и «Сен-Леон», а также роман «Имоджен») раскрывают социальные проблемы в большей мере в иносказательной форме. Это объясняется тем, что автор делает акцент на сюжет и художественные средства выразительности, которые предполагают определенную аллегоричность. С другой стороны, роман «Итальянские письма» написан еще до событий Французской революции и якобинского террора – в этот период Годвин только формирует свой стиль и политические воззрения. Романы «Калед Уильямс» и «Сен-Леон», напротив, были созданы в период реакции на революцию, а потому не могли содержать прямую критику действий правительства [Решетов 1999: 21–23, 76–80]. В итоге автор прибегает к иносказаниям, рассматривает общую ситуацию на сугубо конкретных примерах или вовсе перемещает действие в XVI в.

Фрагмент, посвященный Сен-Леону, поясняет то, что он решает отправиться в Венгрию, чтобы помочь населению страны в борьбе с войной и разрухой, что отражает пацифизм писателя, его неприятие насилия в любой форме [там же: 14–15, 76–77]. Однако герой стремится не только к

тому, чтобы обрести гармонию с собой, но и к обладанию восхищением всего мира.

Речь героев отличается в той же мере, что и их намерения. Для Сен-Леона характерна экзальтированность, он использует возвышенный слог, склонен к метафорам (“to pour the entire stream of my riches”), сравнениям (“like a mighty river”) и множеству эпитетов (“alarming and discouraging symptoms”, “a mighty river”, “wasted plains”, “straitened field”, “mighty blessing”). Он прибегает к приему гиперболизации (например, утверждает, что венгры должны быть благодарны ему за каждый вдох, что они делают), что подчеркивает его тщеславие. Перечисленные приемы в целом характерны для сентиментальных произведений [Williams 1996: 465–471], но объем использования художественных средств, подчеркнута витиеватая манера выражать мысли, а также экзальтированность и склонность к мистицизму больше соответствуют эстетике предромантизма [Луков 2010: 101–102].

Сент-Юлиан использует несколько фраз, которые могли бы принадлежать перу Сен-Леона (“born to a splendid rank and a splendid fortune”, “mortifying sense of dependency”, “the ornament and boast of my country”). Однако он более сдержан, а его идея о том, чтобы найти способ быть полезным, не требуя при этом признания и награды, возвращает нас не только к идеалу правителя в понимании Годвина и понятию «естественного человека», но и к идее всеобщей благожелательности (universal benevolence) [Allen 1918: 8], являющейся одной из ключевых в творчестве писателя и тесно связанной с понятием всеобщей справедливости.

Главная героиня романа «Сен-Леон» (Маргарита), в противовес своему супругу, мудрее, сдержаннее и спокойнее Матильды («Итальянские письма»). Это различие подчеркивается в описании героинь.

Портрет Матильды в основном сосредоточен на ее внешности. Вместе с тем угадываются отдельные черты натуры Матильды: грациозность, достоинство, нежность, деликатность и благожелательность, – хотя они и имеют обобщенный характер и в равной мере могут быть отнесены как к ее поведению, так и внешности. На протяжении романа ее характер развивается: она переживает обман и потерю супруга, учится сдержанности и становится тверже. В финале романа она утрачивает импульсивность юности и проявляет решительность и глубокое понимание своего положения в обществе и обязательств перед сыном и семьей маркиза.

Сравнение описаний Матильды (слева) и Маргариты (справа) Comparison of the descriptions of Matilda (on the left) and Marguerite (on the right)

“It was then that I first saw the amiable Matilda. She appeared to me the most charming of her sex. Her cheeks had the freshness of the peach, and her lips were roses. Her neck was alabaster, and her eyes sparkled with animation, chastened with the most unrivalled gentleness and delicacy. Her stature, her forehead, her mouth – but ah, impious wretch, how canst thou pretend to trace her from charm to charm! Who can dissect unbounded excellence? Who can coolly and deliberately gaze upon the brightness of the meridian sun? I will say in one word, that her whole figure was enchanting, that all her gestures were dignity, and every motion was grace.” [Godwin 2010: 44]

“Marguerite Louise Isabeau de Damville was, at the period of our first meeting, in the nineteenth year of her age. Her complexion was of the most perfect transparency, her eyes black and sparkling, and her eyebrows dark and long. Such were the perfect smoothness and clearness of her skin, that at nineteen she appeared five years younger than she was, and she long retained this extreme juvenility of form. Her step was airy and light as that of a young fawn, yet at the same time firm, and indicative of strength of body and vigour of mind. Her voice, like the whole of her external appearance, was expressive of undesigning, I had almost said childish, simplicity. Yet, with all this playfulness of appearance, her understanding was bold and correct. Her mind was well furnished with every thing that could add to her accomplishments as a wife or a mother. ... But, amidst the singular assemblage of her intellectual accomplishments, there was nothing by which she was so much distinguished, as the uncommon prudence of her judgments, and the unalterable amiableness of her manners.” [Godwin 2006: 62]

Описание Маргариты содержит больше фактических деталей. Читатель узнает, что девушке девятнадцать, но выглядит она лет на пять моложе своего возраста. Она великолепно образована, а ее характер сочетает детское простодушие, игривость и прямоту, смелость, способность к твердым суждениям. По утверждению А. П. Бондарева, в ее образе нашли отражение качества супруги У. Годвина Мэри Уолстонкрафт [Бондарев 2003: 9]. Характер Маргариты на протяжении романа не меняется, но она получает возможность в полной мере проявить его, когда ее семья лишается состояния. Героиня не теряет присутствия духа и верит, что забота об окружающих, спокойное и гармоничное существование, наполненное трудом и беседами, может сплотить ее домочадцев и обеспечить им счастливое будущее. Она становится носителем авторских идей, «голосом» писателя в произведении [там же: 15].

По сравнению с портретом Матильды, описание Маргариты более конкретно, и каждая деталь воспринимается отражением той или иной черты характера. Обеих героинь можно также сравнить с супругой Флитвуда – Мэри, которая также является воплощением разума, спокойствия, твердости и постоянства в произведении [Godwin 2016].

Автор указывает “amiability” как качество, присущее всем героиням. Его можно перевести как «благожелательность» в сочетании с другим ключевым понятием философии У. Годвина – “bene-

volence” (доброжелательность, доброта, добросердечие). Теория о «всеобщем благе» (“universal benevolence”), высказанная в трактате «О всеобщей справедливости» [Allen 1918: 8, 23], иллюстрируется и развивается У. Годвином во всех художественных произведениях. Примечательно, что романы «Деймон и Делия», «Имоджен» и «Итальянские письма», созданные до появления известного трактата, содержат примеры действия теории всеобщего блага и активно поддерживают ее. Согласно У. Годвину, благодаря связи разума и добродетели, а также свободной воли и необходимости человечество постоянно развивается и совершенствуется. Этот процесс побуждает человека инстинктивно стремиться к всеобщему благу [Godwin 1793].

На примере как положительных, так и отрицательных героев писатель развивает свое понимание «естественного человека», места человека в мире и обществе, его предназначения. Он иллюстрирует сентименталистскую идею о развращающем влиянии богатства и общества на разум и моральные качества персонажей [Williams 2021: 41–43] и старается определить основную движущую силу, лежащую в основе их поступков. Произведения автора неизменно носят дидактический характер, «показывая ходом развития событий, что страсть, которая побеждает разум, неизбежно приводит к трагическому концу» [Решетов 1999: 37]. Годвин противопостав-

ляет такие добродетели, как простота, трезвость суждений, искренность, достоинство и благожелательность, таким порокам, как лицемерие, расточительность и обман [там же: 37–38]. В итоге в своих социально-политических и художественных произведениях У. Годвин стремится найти гармонию, идеальное сочетание разумного и чувственного начал, при котором разум не позволял бы чувствам перейти определенную грань и превратиться в разрушающую страсть (что происходит с Сен-Леоном), а чувства всё же смягчали и очеловечивали доводы разума, позволяя герою находить компромисс и испытывать сострадание (что было бы полезно для Сент-Юлиана и позволило бы ему избежать некоторых последствий) [Clemit, Hindle, Philp 2017].

Помимо идейной составляющей развивается и стиль писателя. В романе «Итальянские письма» часто встречаются фразы, которые повторяются на протяжении всего произведения (“she appeared to me the most charming of her sex”), а сравнения и метафоры устойчивы и даже избиты (*щёки как персики, кожа как алебастр, губы как розы*). Оригинальность авторского стиля в раннем романе проявляется в основном в повышенной эмоциональности (“ah, impious wretch, how canst thou pretend to trace her from charm to charm!”) и частом использовании преувеличений (“Who can dissect unbounded excellence?”). Автор редко открыто прибегает к иронии, характерной для его ранних публицистических произведений (например, в памфлете «Инструкции государственному деятелю»).

Возвышенный стиль и эмоциональность,ходящая до экзальтации, характерны и для романа «Сен-Леон», но в этом случае автор использует их более умело. Так, его тон меняется в зависимости от персонажа, о котором он рассказывает, и переживаемого им состояния. О Маргарите всегда говорится сдержанно и с уважением, речь Сен-Леона часто слишком эмоциональна и несвязна: в ней мало фактической информации, но много чувств, предчувствий, бахвальства и метафизического экстаза. Писатель нередко использует сарказм в скрытой форме, особенно при описании приключений Сен-Леона или в комментариях по поводу судебной системы, общественных отношений, состояния тюрем и т.д.

В произведениях используются похожие мотивы: мотив погони (Сент-Юлиан убегает в прямом и переносном смысле от нищеты и позора; Сен-Леон скрывается от преследований и также стремится избежать нищеты и потери чести), мотив расставания (герои расстаются с возлюбленными и друзьями по мере развития повествования), мотив тайны / расследования (Сент-Юлиан пытается узнать правду о делах маркиза в Испании, а затем о его отношениях с Матильдой; герои пы-

таются раскрыть секрет богатства Сен-Леона). Вместе с тем в обоих романах воплощается и сентиментальный мотив наблюдения (маркиз наблюдает за Матильдой; Сен-Леон – за своими детьми) [Williams 2021: 54]. В произведениях также раскрываются мотивы меланхолии, уединения, конфликта с обществом, предзнаменования и рока, характерные как для сентиментализма, так и для предромантизма [Литвиненко 2020: 105].

Тема семейных взаимоотношений звучит в романах «Итальянские письма» и «Сен-Леон», а также в некоторых других произведениях У. Годвина (например, «Имоджен», «Флитвуд») [O'Brien, Stark, Turner 2021: 21–25]. Его идеалом являются дружественные, доверительные и уважительные связи между всеми домочадцами и их слугами вне зависимости от пола, возраста и положения. Годвин одобряет руссоистские идеи воспитания детей (см. подробнее [Руссо 1981]). Роман «Итальянские письма» только в общих чертах обрисовывает образ идеальной семьи на примере герцога Беневенто и его дочери, в то время как в романе «Сен-Леон» эта тема получает развитие.

Различия двух рассматриваемых произведений во многом обусловлены их жанром. Роман «Итальянские письма» – единственный в карьере писателя эпистолярный роман, следующий в основном сентиментальным традициям [Ресенчук 2017]. Эпистолярный стиль не был абсолютно незнаком писателю: его ранние публицистические произведения написаны в форме писем [Решетов 1999: 28], но переход от публицистики к художественному произведению потребовал значительных изменений. В результате У. Годвин в большой мере опирается на роман Ж.-Ж. Руссо «Юлия, или Новая Элоиза». Выраженный дидактический пафос, идиллические описания природы и быта, стандартная схема взаимоотношений персонажей и их невыраженное развитие, четкое противопоставление сельской местности и города, тесная связь между настроением персонажей и окружающим их миром подчеркивают, что У. Годвин на момент написания этого произведения еще не обладает полностью сформированными самостоятельными взглядами. Писатель придает роману типичные черты эпистолярного жанра. Так, все послания созданы в момент наивысшего эмоционального напряжения и не редактируются автором, они частично выступают «актантами» в произведении, в них преобладают монологи, точно обозначены отправитель и получатель, частично соблюдена строгая структура письменной речи. Письма в романе характеризуются непринужденностью и естественностью изложения, обладают индивидуальностью и в то же время подчеркнутой вежливостью и «пафосностью» изложения [Тесцов

2020: 79; Ресенчук 2017: 12–15]. Однако повествование внутри писем не всегда выстроено в соответствии с точной хронологией событий (присутствуют флэшбеки), отсутствует дата написания письма, подпись в конце, а внутренняя структура порой не содержит четко выраженное вступление и никогда не включает стандартные формулы прощания. В результате письма больше напоминают эссе или зарисовки на определенную тему, чем реальные послания, что отражает опыт Годвина в написании публицистических произведений.

В романе «Сен-Леон» автор предстает более смелым рассказчиком, склонным к экспериментам. Отличительной чертой более поздних произведений писателя является то, что он позволяет героям действовать самостоятельно, исходя из логики и заложенных в них особенностей характеров. Усложнение сюжета и персонажей отражается и в жанре романа, который определяется как «симбиоз готического, исторического, социально-психологического и философского» [Бондарев 2003: 5]. Сам автор называет свое произведение “*A Tale of the Sixteenth Century*” – «Повесть шестнадцатого века», что отражает его историческую и социальную составляющие.

Пользуясь классификацией В. А. Лукова, его можно считать аффективным предромантическим романом [Луков 2010: 97]. Экспозиция и завязка наступают постепенно, автор вставляет подробное описание жизни персонажей и сторонние рассуждения, широко используется прием суггестии (один из самых ярких примеров – затяжное описание пребывания Сен-Леона в стенах инквизиции и подготовка к казни), который служит для нагнетания ощущения тревоги.

Оба романа содержат как личный, так и общественный конфликт, но роман «Итальянские письма» в большей степени концентрируется на противостоянии героя и среды, а роман «Сен-Леон» – на внутреннем конфликте. В обоих произведениях персонажи вступают жертвами несправедливости, но если Сент-Юлиан вступает с ней в активную борьбу (дуэль, суд, прямое обращение к обидчикам), то Сен-Леон в большинстве случаев пассивен (смиряется, полагается на близких). Кроме того, внутреннее состояние героя и его мотивация в романе «Сен-Леон» зачастую определяются случайными, внешними обстоятельствами (переезд в Париж, проигрыш, переезд, сход лавины), а герой склонен к депрессии, меланхолии (наиболее яркий пример – его «уход в себя» после потери состояния). Сент-Юлиан также вынужден реагировать на внешние обстоятельства, но он постоянно борется с самим собой и со средой ради того, чтобы остаться вер-

ным свои принципам. Все указанные особенности являются отражением сходств и различий в сентименталистском и предромантическом понимании героя, при этом роман «Итальянские письма» по своим свойствам оказывается ближе к сентименталистской этике, а «Сен-Леон» – к предромантизму.

Итак, центральной темой творчества писателя является человек, его суть и место в мире, он стремится найти пути развития человека и факторы, определяющие его поведение. В романах «Итальянские письма» и «Сен-Леон» прослеживается развитие характеров персонажей от цельных и мало меняющихся на протяжении повествования протагонистов и антагонистов руссоистского типа к сложным, противоречивым и изменчивым фаустовским героям. Годвин также иллюстрирует проблемы соотношения естественного и искусственного, природы и цивилизации, он подчеркивает важность гармоничного взаимодействия разума и чувства как основных мотивов человеческой деятельности.

Сюжет произведений, обладая формальным сходством, постепенно усложняется, наполняясь событиями. От идеи одного центрального испытания, преодолеваемого героем (обман друга), автор приходит ко множественным и разнообразным испытаниям и интригам в романе «Сен-Леон» (обман, предательство, смерть, столкновение с инквизицией, судом, враждебным общественным мнением, отчуждение и т.д.), что позволяет точнее охарактеризовать моральное и политическое состояние общества. Кроме того, романы развивают схожие сюжетные мотивы (погони, расставания, тайны, меланхолии, уединения, конфликта с обществом и с самим собой), иллюстрируют важность семейных отношений и отличаются определенным мистицизмом (рок и предзнаменования).

Развитие мировоззрения и авторского стиля писателя сопровождается переходом от идей Просвещения и сентиментализма к романтизму. Роман «Итальянские письма» создан в рамках этики и эстетики сентиментализма, он является единственным эпистолярным романом Годвина. Его жанровое своеобразие выражается в сочетании руссоистских мотивов, типичных черт эпистолярного романа и авторского осмысления, которое обусловлено опытом Годвина в написании публицистических произведений. Роман «Сен-Леон» тяготеет к предромантизму и может считаться типичным аффективным предромантическим романом, вместе с этим его сюжет и проблематика в аллегорической форме затрагивают широкий спектр социальных и политических проблем, современных писателю.

Список источников

Godwin W. An Enquiry concerning Political Justice and its Influence on General Virtue and Happiness: In 2 Volumes. London: G. G. J. and J. Robinson, 1793. 409 p.

Godwin W. Fleetwood, or The New Man of Feeling. London: CreateSpace Independent Publishing Platform, 2016. 208 p.

Godwin W. Italian Letters Or The History of the Count de St. Julian. Volume I and II. Whitefish: Kessinger Publishing, LLC, 2010. 92 p.

Godwin W. St. Leon. Peterborough: Broadview Press, 2006. 507 p.

Godwin W. The History of the Life of William Pitt. Earl of Chatam. London: G. Kearsley, 1783. 301 p.

Список литературы

Бондарев А. П. Проблема человека в романе Вильяма Годвина «Сен-Леон» // Годвин У. Сен-Леон: Повесть шестнадцатого века / пер. с англ. М. М. Ланиной; предисл. А. П. Бондарева. М.: Ладомир, 2003. С. 5–32.

Литвиненко Н. А. Роман Бернадена де Сен-Пьера «Поль и Виржини»: феномен эстетической переходности // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2020. № 5. С. 100–108. doi: 10.18384/2310-7278-2020-5-100-108.

Луков В. А. Предромантизм: культурное явление и пути его переосмысления // Знание. Понимание. Умение. 2010. № 1. С. 96–103.

Ресенчук А. А. Соболезнование как акт этикетной коммуникации: дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2017. 174 с.

Решетов В. Г. Анархист: Статьи о творчестве Вильяма Годвина / сост. А. А. Опарина, А. В. Подгорский. Магнитогорск: МГПИ, 1999. 152 с.

Руссо Ж.-Ж. Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми // Руссо Ж.-Ж. Трактаты / отв. ред. А. З. Манфред. М.: Наука, 1969. С. 31–108.

Руссо Ж.-Ж. Эмиль, или О воспитании // Педагогические сочинения: в 2 т. / под ред. Г. Н. Джибладзе. М.: Педагогика, 1981. 590 с.

Тесцов С. В. Эпистолярный роман Т. Смоллетта «Путешествие Хамфри Клинкера» // Интерактивная наука. 2020. № 6 (52). С. 78–80. doi:10.21661/r-551511.

Allen B. S. William Godwin as a Sentimentalist // PMLA. 1918. Vol. 33. № 1. P. 1–29.

Clemit P. Godwin / edited by P. Clemit. London: Routledge, 2020. 376 p.

Clemit P., Hindle M., Philp M. The Collected Novels and Memoirs of William Godwin: Vol. 2. London: Routledge, 2017. 278 p.

O'Brien E., Stark H., Turner B. New approaches to William Godwin: Forms, Fears, Futures / editors

E. O'Brien, H. Stark, B. Turner. London: Palgrave Macmillan, 2021. 308 p.

Williams A. Description and Tableau on the Eighteenth-Century British Sentimental Novel // Eighteenth-Century Fiction. 1996. Vol. 8. № 4. P. 465–471.

Williams H. Communicating with the Fictional Dead: Grave Tourism and Sentimental Novel // Domsch S., Hansen M. British Sociability in the European Enlightenment / edited by S. Domsch, M. Hansen. London: Palgrave Macmillan, 2021. P. 41–62.

References

Bondarev A. P. Problema cheloveka v romane Vil'yama Godvina 'Sen-Leon' [The problem of man in the novel 'St. Leon' by William Godwin]. Godwin W. *Sen-Leon: Povest' shestnadtsatogo veka* [St. Leon: A Tale of the Sixteenth Century]. Transl. from English by M. M. Lanina, preface by A. P. Bondarev. Moscow, Ladomir Publ., 2003, pp. 5–32. (In Russ.)

Litvinenko N. A. Roman Bernandena de Sen-P'era 'Pol' i Virzhini': fenomen esteticheskoy perekhodnosti [Bernandin de Saint-Pierre's Novel 'Paul and Virginie': The phenomenon of aesthetic transitivity]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian Philology], 2020, issue 5, pp. 100–108. doi: 10.18384/2310-7278-2020-5-100-108. (In Russ.)

Lukov V. A. Predromantizm: kul'turnoe yavlenie i puti ego pereosmysleniya [Pre-Romanticism: Cultural phenomenon and ways of its conceptualization]. *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Skill], 2010, issue 1, pp. 96–103. (In Russ.)

Resenchuk A. A. *Soboleznovanie kak akt etiketnoy kommunikatsii*. Diss. kand. filol. nauk [Condolence as part of etiquette. Cand. philol. sci. diss.]. Kemerovo, 2017. 174 p. (In Russ.)

Reshetov V. G. *Anarkhist: Stat'i o tvorchestve Vil'yama Godvina* [Anarchist: Articles about William Godwin's oeuvre]. Comp. by A. A. Oparina, A. V. Podgorskiy. Magnitogorsk, Magnitogorsk State Pedagogical Institute Press, 1999. 152 p. (In Russ.)

Rousseau J. J. Rassuzhdenie o proiskhozhdenii i osnovaniyakh neravenstva mezhdru lyud'mi [Discourse on the origin and basis of inequality among men]. *Traktaty* [Treatises]. Ed. by A. Z. Manfred. Moscow, Nauka Publ., 1969, pp. 31–108 (In Russ.)

Rousseau J. J. Emil', ili O vospitanii [Emile, or on education]. *Pedagogicheskie sochineniya* [Pedagogical essays: In 2 vols.]. Ed. by G. N. Dzhibladze. Moscow, Pedagogika Publ., 1981. 590 p. (In Russ.)

Testsov S. V. Epistolyarnyy roman T. Smolletta 'Puteshestvie Khamfri Klinkera' [T. Smollett's epistolary novel 'The Expedition of Humphry

Clinker']. *Interaktivnaya nauka* [Interactive Science], 2020, issue 6 (52), pp. 78-80. doi:10.21661/r-551511. (In Russ.)

Allen B. S. William Godwin as a sentimentalist. *PMLA*, 1918, vol. 33, issue 1, pp. 1-29. (In Eng.)

Clemit P. *Godwin*. Ed. by P. Clemit. London, Routledge, 2020. 376 p. (In Eng.)

Clemit P., Hindle M., Philp. M. *The Collected Novels and Memoirs of William Godwin: Vol. 2*. London, Routledge, 2017. 278 p. (In Eng.)

O'Brien E., Stark H., Turner B. *New Approaches to William Godwin: Forms, Fears, Futures*. Ed. by

E. O'Brien, H. Stark, B. Turner. London, Palgrave Macmillan, 2021. 308 p. (In Eng.)

Williams A. Description and tableau on the eighteenth-century British sentimental novel. *Eighteenth-Century Fiction*, 1996, vol. 8, issue 4, pp. 465-471. (In Eng.)

Williams H. Communicating with the fictional dead: Grave tourism and sentimental novel. Domsch S., Hansen M. *British Sociability in the European Enlightenment*. Ed. by S. Domsch, M. Hansen. London, Palgrave Macmillan, 2021. pp. 41-62. (In Eng.)

William Godwin's Novels 'Italian Letters' and 'St. Leon' Viewed in the Context of the Author's Creative Development

Maria A. Seregina

Senior Teacher in the Department of Linguistics and International Communication

Institute of Foreign Languages, Ryazan State University named for S. Yesenin

46, Svobody st., Ryazan, 390000, Russian Federation. m.seregina@365.rsu.edu.ru

SPIN-code: 7367-3212

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7273-878X>

Received 12 Oct 2021

Revised 27 Dec 2021

Accepted 30 Dec 2021

For citation

Seregina M. A. Romany U. Godvina "Italiyskiye pisma" i "Sen-Leon" v kontekste tvorcheskoy evolyutsii avtora [William Godwin's Novels 'Italian Letters' and 'St. Leon' Viewed in the Context of the Author's Creative Development]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2022, vol. 14, issue 1, pp. 133-141. doi 10.17072/2073-6681-2022-1-133-141 (In Russ.)

Abstract. The article deals with the study of the ideas, themes, plot and style of the novels *Italian Letters* and *St. Leon* by English writer, journalist, and political philosopher William Godwin. It contains a comparative analysis of the aforementioned works conducted with the aim of defining the main ways of the author's worldview and style development and deeper study of little-known early novels by W. Godwin. The author comes to a conclusion that the two novels possess a considerable likeness, which proves the succession of ideas present in early and later works of the writer. At the same time, the differences in genre, diverse approaches to character development, changes in the author's position on the main sources of human motivation indicate a progressive and consistent development of philosophical and socio-political views of the author. The research appears to be topical as there is a clear need for deeper investigation into Godwin's work and determining the role and place of his novels in the world literary process from Enlightenment to Romanticism. The novelty and originality of the research consist not only in studying little-known early works by Godwin but also in using complex analytical method to investigate various theoretical, historical, and literary aspect of his works. This allows broadening the field of study of the 18th century British literature. The practical value of the research is that its results can be used in courses on international literature and theory of translation. The article makes use of the works devoted to William Godwin's works, including the articles by M. Alekseev, A. Bondarev, V. Reshetov, B. S. Allen, P. Clemit, E. O'Brien, H. Stark, B. Turner, M. Hindle, M. Philp.

Key words: Jean-Jacques Rousseau; *Italian Letters*; *St. Leon*; comparative analysis; William Godwin.

УДК 821.161.1:82.09(510)
doi 10.17072/2073-6681-2022-1-142-152

Изучение творчества Валерия Перелешина в Китае

Чжан Юаньюань

аспирант кафедры русской литературы

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15. zyujudith@qq.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8996-6885>

Статья поступила в редакцию 07.06.2021

Одобрена после рецензирования 15.02.2022

Принята к публикации 21.02.2022

Информация для цитирования

Чжан Юаньюань. Изучение творчества Валерия Перелешина в Китае // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2022. Т. 14, вып. 1. С. 142–152. doi 10.17072/2073-6681-2022-1-142-152

Аннотация. В статье описывается история изучения творчества поэта В. Перелешина в китайском литературоведении 2000–2010-х гг. Китайские литературоведы Ли Мэн, Ван Яминь, Ли Женьнянь, Ли Яньлин, Гу Юй, Ван Цзяньчжао, Жун Цзе, Су Сяотан, Чжао Тин и др. рассматривали его деятельность в контексте литературы русского зарубежья во взаимодействии с традициями русского Серебряного века и классической китайской литературы, обращая особое внимание на образы и мотивы, связанные с Китаем. Автор статьи сделал вывод, что в первые два десятилетия XXI в. китайские ученые исследовали творчество В. Перелешина в *четырёх направлениях*: 1) собрание и издание художественных произведений и архивов поэта; 2) изучение поэтики его произведений (в частности, принципы создания образа Китая); 3) описание его творчества в контексте культуры Китая, традиций русской литературы «золотого» и «серебряного» веков; 4) анализ реализованных им принципов поэтического перевода. В произведениях В. Перелешина, как показывают китайские исследователи, объединились традиции акмеизма и символизма, связанные с именами А. Блока, Н. Гумилёва и О. Мандельштама, которые органично сочетались с приёмами, характерными для китайской классической поэзии. Большое значение для понимания специфики литературной жизни Харбина имели введенные профессором Ли Яньлином понятия «харбинский критический реализм» и «харбинский серебряный век», использование которых способствовало формированию представлений об «островном» («анклавном») типе развития русской культуры в Китае. В статье указывается на ограниченность проблематики современных литературоведческих работ и предлагаются направления дальнейшего исследования: анализ религиозно-философских мотивов в творчестве В. Перелешина, описание противоречий и парадоксов его мировоззрения, влияния на его произведения китайской и русской поэтических традиций, что позволит понять новаторство использованных им художественных форм, а также сделать выводы об общих принципах межкультурного взаимодействия.

Ключевые слова: русская литература зарубежья; В. Перелешин; китайское литературоведение; традиции Серебряного века; традиции китайской культуры, межкультурная коммуникация.

Валерий Перелешин¹ (1913–1992) – один из выдающихся поэтов русского дальневосточного зарубежья. Большая часть его жизни прошла в скитаниях. В 1920 г. мальчик был увезен матерью из России в Харбин, где он получил образование,

опубликовал первые книги стихов и принял монашество. В Китае он провёл более тридцати лет и описал свои впечатления о стране в стихах.

В 1953 г. В. Перелешин переехал в Бразилию, где провёл последние годы жизни и издал ряд

книг: «Южный дом» (1968), «Качель» (1971), «Заповедник» (1972), «С горы Нево» (1975), «Ариэль» (1976), «Три родины» (1987), «Из глубины возвахь...» (1987). Поэт активно занимался переводом китайской классики на русский язык. В 1970 г. он издал антологию классической поэзии «Стихи на веере» (1970), в которую была включена лирика Ли Бо, Ду Фу, Ван Вэя и других выдающихся авторов. Им были переведены сложнейшие для понимания и интерпретации древние тексты – поэма Цюй Юаня «Ли Сао» (1975), антология «Тень на занавеске», а также философский трактат «Дао Дэ Цзин».

Освоение литературы русского «восточного» зарубежья в последние двадцать лет стало важной частью китайской русистики, а личность и творчество В. Перелешина особенно привлекли внимание китайских исследователей. В статье ставится задача изложить историю изучения и интерпретации его творчества в китайском литературоведении. Изучение деятельности В. Перелешина позволяет не только показать богатство содержания и многообразие художественных форм его произведений, но и раскрыть глубину философской мысли, а также сделать выводы об общих принципах взаимодействия русской и китайской культур.

Литература русского зарубежья в Китае и, в частности, творчество Перелешина впервые попали в поле зрения китайской аудитории в 1995 г., когда специалист-библиограф Ли Женьнянь² в журнале «Вестник Пекинской Библиотеки»³ опубликовала статью под названием «Русская эмигрантская литература в Китае» [Ли Женьнянь 1995]. Ли Женьнянь обратила внимание китайских исследователей на необходимость изучения литературы русского китайского зарубежья, отметила уникальную роль Харбина и Шанхая как дальневосточных центров русской литературы.

Используя принципы историко-контекстуального анализа и сравнительно-исторический метод (популярные в китайском литературоведении 1990-х гг.), Ли Женьнянь описала творческий путь В. Перелешина и, в частности, сопоставила сделанный им перевод трактата «Дао Дэ Цзин» с наиболее известной версией перевода этого произведения, выполненной Ян Синшунем (Ян Хиншунем), которая была издана Академией наук СССР в 1950 г. Исследовательница высоко оценила сделанные поэтом переводы и его достижения в изучении китайского языка, литературы и культуры, отметив его огромный вклад в знакомство западных читателей с китайской культурой, а также значение его деятельности для развития контактов России и Китая: «Перелешин был первым иностранным поэтом, кто смог перевести

китайскую философскую поэзию так точно и красиво» [Ли Женьнянь 1995].

Статья Ли Женьнянь положила начало изучению китайскими литературоведами восточного крыла русского зарубежья, в том числе В. Перелешина. В дальнейшем исследование его творчества в Китае осуществлялось в *четырёх направлениях*: 1) сбор и издание художественных произведений и архивов поэта; 2) изучение отдельных аспектов поэтики его произведений: анализ тематики и проблематики, особенностей стиля поэта (в частности, принципы создания образа Китая); 3) системное описание его творчества в контексте литературы и культуры России и Китая, а также влияния на него традиций русской литературы «золотого» и «серебряного» веков; 4) анализ использованных им принципов поэтического перевода.

Этапным событием в рамках **первого направления** исследования творчества В. Перелешина – собрания и издания произведений русского восточного зарубежья – стала публикация в 2002 г. «Серии литературы русских эмигрантов в Китае» из 5 томов⁴ [Ли Яньлин 2002], содержащей переводы произведений писателей-харбинцев, составителем и шефом-переводчиком которой был профессор Цицикарского университета Ли Яньлин⁵. Это издание имело огромную научную, идейную и художественную ценность, поскольку заполняло пробелы в картине литературной жизни Китая и России XX в.

В сборник поэтических произведений, получивший название «Сирены у Сунгари», были включены 36 стихотворений В. Перелешина: «Я вернусь в Китай» [так Ли Яньлин назвал выделенную им строфу стихотворения «Издадека» (1953)], «Китай», «Ностальгия», «Молчанье», «Галлиполийцы», «Мы» и другие, большинство из которых перевел профессор Гу Юй.

Через три года, в 2005 г., профессор Ли Яньлин опубликовал «Серии литературы русских эмигрантов в Китае» на русском языке, состоящую уже из 10 томов, в которую вошли книги: «Харбин – мой оазис», «Паровозы гудят у Цицикара», «Соната над Хинганом», «Заря над Сунгари», «Волны Хуанпуцзяна Шанхая», «Тройка, мчащаяся в памяти», «Волга, текущая в сердце», «Я берёза России», «Вялые лепестки розы», «Сладкое или горькое» [Ли Яньлин 2005]. Издание этой серии стало новым огромным шагом в исследовании истории дальневосточной ветви русской литературы⁶.

Подвижническая деятельность профессора Ли Яньлина, направленная на сохранение русской литературы, была высоко оценена в России: в 2004 г. он стал кавалером российского Ордена

Дружбы (который был вручен ему лично президентом РФ В.В. Путиным), а Российская Академия наук избрала его своим иностранным членом.

Изучением истории литературы дальневосточной ветви русской эмиграции и творчества ее лучших представителей, в частности В. Перелешина, в 2000-х гг. занялись и другие исследователи. Например, Чжан Юнсян оказался первым ученым, который описал историю публикации сборников Перелешина в издательствах Франкфурта-на-Майне, Парижа, Амстердама, Холиоке и других городов [Чжан Юнсян 2005].

Особо следует отметить фундаментальную монографию профессора Чикагского университета Ли Мэн⁷ «Литература русской эмиграции в Китае – забытая страница», которая вышла в свет в 2007 г. [Ли Мэн 2007].

Книга Ли Мэн возникла как результат огромного труда, направленного на изучение фактического материала: начиная с 1995 г. она работала в библиотеках, архивах Китая, России, Канады, Нидерландов и США, где изучала документы, брала интервью у исследователей: например, А. Букреева (специалиста, работающего в Дальневосточной научной библиотеке в Хабаровске), О. Бакич (профессора Университета Торонто), В. Шкуркина (сотрудника американского Дальневосточного архива писателя П. Шкуркина) и других ученых; переписывалась с литераторами, лично знавшими В. Перелешина (в частности, с писателем и переводчиком Е. Витковским, которому поэт посвятил свою девятую книгу стихов «Ариэль»).

Основываясь на собранных материалах (личной переписке, мемуарах и автобиографических стихотворениях, опубликованных в поздние годы творчества), Ли Мэн концептуально изложила историю формирования и развития литературы русского зарубежья в Китае, обратив особое внимание на уникальный историко-культурный контекст, который способствовал ее возникновению. Анализируя биографию Перелешина, профессор выделила в его жизни восемь этапов и подробно исследовала «харбинский», «пекинский» и «шанхайский» периоды. Проведенное исследование позволило Ли Мэн прийти к следующим заключениям: 1) огромный интерес Перелешина к Китаю способствовал тому, что он «с открытой душой» вообрал в себя китайскую культуру во многих проявлениях, сохранив при этом «коренную» русскую точку зрения, что сделало его творчество уникальным; 2) его поэзия отличалась оригинальными философскими размышлениями, высоким мастерством, сочетающимся с лако-

ничностью и строгостью рифм, а также иными особенностями, обусловленными воздействием китайской культуры; 3) привязанность поэта к китайской культуре помогла созданию собственных стихотворений в «китайском стиле», переводу древней поэзии на русский язык.

Монография Ли Мэн ознаменовала новый этап изучения русской литературы Китая и до сих пор является наиболее фундаментальным исследованием литературы русской эмиграции. Книга Ли Мэн продемонстрировала китайским ученым, в каком направлении нужно исследовать русское зарубежье в целом и творчество Перелешина в частности. Такого рода работы – научные статьи и диссертации, обращенные к отдельным аспектам поэтики произведений писателя, – стали в большом количестве публиковаться в начале XXI в.

В рамках **второго направления** исследования творчества В. Перелешина китайские специалисты поставили вопрос о том, *как* выражалась привязанность писателя к принявшей его и других русских эмигрантов стране. Дискуссионным стал вопрос о том, в какой степени поэту удалось *понять* Китай.

Известный китайский ученый, профессор Хэйлунцзянского университета (г. Харбин) Дяо Шаохуа⁸ в статье «Валерий Перелешин – поэт, возвращенный китайской землей» отметил, что долгая жизнь в Китае, владение китайским языком и интерес к китайской культуре обогатили творчество Перелешина, а его произведения можно рассматривать как результат *интеграции* китайской и русской культур, о чем свидетельствуют многие стихотворения («Чжунхай», «Вид на Пекин из Би-юньсы», «В Шаньхайгуане» и др.) [Дяо Шаохуа 2001]. В этой же статье профессор заявил, что на русского поэта повлияла уникальная эстетическая система китайцев. Восхищаясь уникальным сочетанием культуры двух народов в стихотворениях Перелешина, он выразительно назвал его «посланцем китайско-русских культурных обменов» [там же].

Профессор Хэйлунцзянского университета Жун Цзе⁹ в статье «Русская эмигрантская литература в Харбине» также подчеркнула интерес Перелешина к китайской цивилизации [Жун Цзе 2002]. С ее точки зрения, воздействие на поэта китайской культуры и философии продолжалось на протяжении всей его жизни: например, в мемуарной книге «Два полустанка», созданной в Бразилии (1987), поэт познакомил читателей с литературной жизнью Китая в середине XIX в.

Профессор Нанкайского университета Гу Юй¹⁰ обнаружил в творчестве В. Перелешина

множество связей с китайской культурой: использование отдельных характерных идей (идеал подвижничества, стремление к отшельничеству, равнодушие к личной славе и отсутствие заинтересованности в материальной выгоде и др.) и символических образов (часто связанных с пейзажной живописью – озеро Сиху, лотос, сосна, веер...), художественное воспроизведение концептуальных принципов поэтики (созерцание пейзажа с высокой точки и устремление взора в необозримую даль, сопоставление высоко нравственного поэта с лотосом, который произрастает «незапятнанным» из грязи и др.). Гу Юй предположил, что на философские представления Перелешина воздействовал его интерес к китайской живописи и каллиграфии [Гу Юй 2002]. Эта идея развивалась профессором и в последующие годы: «Перелешин, как и китайские поэты, заимствовал сюжеты и образы из описаний исторических событий в текстах, созданных во времена далеких предков, а также использовал один из характерных принципов китайской поэтики – художественную условность; при этом он следовал строгим поэтическим формам, соблюдал правила метрики и рифмовки» [Гу Юй 2011б].

Изучение специфики художественной *формы* стихотворений Перелешина интересовало и других литературоведов. Так, например, лингвостилистический анализ особенностей формы сонета был предложен Ли Мэн в статье «Художественные особенности сонета Перелешина» [Ли Мэн 2013].

Большой интерес к исследованию принципов создания образа Китая и его культуры в творчестве Перелешина проявили ученые Цицикарского университета, внесшие большой вклад в изучение литературы русского зарубежья в Китае. Доцент Су Сяотан¹¹, обратившись к принципам компаративистики, предложила оригинальную методику анализа стихотворений Перелешина, которая предполагала выявление в них трех аспектов: отражения природы Китая, описания жизни китайского народа и китайской культуры. Это позволило ей провести сопоставление «китайских» стихотворений Перелешина с аналогичными описаниями в его творчестве русской природы, народа и культуры, а также сравнить образные системы его произведений с аналогичными «отражениями» в творчестве китайских поэтов и прозаиков [Су Сяотан 2010].

В статье «Любовь к Китаю в поэзии Перелешина» исследовательница Чжао Тин¹² осуществила *тематический анализ* стихотворений «На середине моста», «Чжунхай», «Вид на Пекин из Би-юнь-сы», «В Шаньхайгуане», «Пекин» и некоторых других. Чжао Тин

обратила внимание на «китайское мышление» Перелешина и на его искреннюю признательность приютившей его стране [Чжао Тин 2011]. В магистерской диссертации «Поэтическое творчество Перелешина в Китае» (2012 г.) Чжао Тин, используя методику *культурно-контекстуального анализа*, пришла к выводу, что глубокое воздействие на лирику поэта оказала традиционная китайская философия, история и природа Китая, народные традиции и обычаи, что обусловило отличия тематики его поэзии от классических тем и образов, характерных для *русской* литературы, и придало ему уникальность. С другой стороны, будучи сыном России, Перелешин подсознательно следовал ценностям русской культуры [Чжао Тин 2012].

Иную концепцию выдвинули исследователи Чжан Гося и Пань Цзиньфэн¹³ в статье «Харбинская эмигрантская поэзия Перелешина». Они предположили, что особое отношение поэта к природе было обусловлено воздействием «загадочной» восточной философии, которая исходила из представления, что природа обладает особой «духовностью», способствующей философским размышлениям. Однако, с их точки зрения, Перелешину, несмотря на то что он глубоко любил Китай, ставший для него «ласковой мачехой», так и не удалось по-настоящему глубоко проникнуть в духовный мир китайского народа, находившегося в первой половине XX в. на сложнейшем этапе исторического развития, и разделить его страдания. К сожалению, данный тезис не был в полной мере обоснован авторами статьи, и их концепция требует дополнительной аргументации [Чжан Гося, Пань Цзиньфэн 2011].

Китайских литературоведов традиционно интересовала система *идейных воззрений* писателя. Философские и религиозные представления Перелешина были достаточно сложными и противоречивыми, что не могло не вызвать внимания специалистов. Так, профессора Гао Чуньюй и Мяо Хуэй¹⁴ в статье «Художественный анализ стихотворений Перелешина на православную тему», используя социологический метод, проанализировали особенности выражения в его творчестве христианских религиозных ценностей и увидели в стихотворениях стремление «убежать» от реальности, найти духовное утешение в религии и аскетизме, а также размышления о смысле жизни и целях существования человека и человечества [Гао Чуньюй, Мяо Хуэй 2011]. Литературоведы Чжан Гося и Пань Цзиньфэн¹⁵ описали политические и этические воззрения Перелешина [Чжан Гося и Пань Цзиньфэн 2011].

Для многих китайских специалистов было важно понять, какое место занимали произведения Перелешина в историко-литературном процессе России и русского «восточного» зарубежья. Эти работы мы отнесли к **третьему направлению** исследования творчества поэта. Рассматривая данную научную проблему, китайские литературоведы активно использовали метод *историко-типологического* анализа литературного процесса.

Профессор Дяо Шаохуа, назвавший Перелешина «выдающимся представителем русской литературы на Дальнем Востоке», в упомянутой выше статье, используя принципы историко-типологического и мотивного анализа, пришел к выводу, что для творчества поэта, выразившего проблемы жизни русских эмигрантов, были характерны мотивы, выражавшие печаль и тяжелые переживания, обусловленные судьбой скитальцев [Дяо Шаохуа 2001].

Тщательного исследования требовала *литературная жизнь* русской эмиграции. Деятельность литературных объединений Харбина («Чураевка», «Кольцо», «Лотос», «Литературно-музыкальный кружок имени Николая Гумилева» и др.) была исследована профессором Жун Цзе, которая, основываясь на анализе устойчивых тем, жанров и художественных приемов, выделила три поколения харбинских писателей – «старшее», «среднее» и «младшее» – и обнаружила связь между их литературными достижениями и деятельностью русских литературных объединений и издательств («Рубеж», издательство М. Зайцева), журналов («Рубеж», «Окно», «Журнал ХСМЛ» и др.) и газет («Рупор», «Заря», «Гун-бао» и др.). Например, для творческого становления Перелешина огромное значение имело участие в работе «Чураевки» и поддержка издательства «Рубеж» [Жун Цзе 2002].

Исследованием литературы русского зарубежья в Китае занималась профессор Ван Яминь¹⁵ – декан факультета русского языка Восточно-Китайского педагогического университета (г. Шанхай), написавшая ряд статей, в которых были проанализированы существующие в Китае концепции литературы русского зарубежья [Го Инин, Ван Яминь 2005] и проведен углубленный жанрово-тематический анализ творчества конкретных его представителей (в частности, Перелешина). Автору удалось доказать органичную связь между литературой русского зарубежья в Харбине и китайской классической литературой, а также показать место литературы русского зарубежья в истории мировой литературы. На основании этих статей ею была написана докторская дис-

сертация «Литература русского зарубежья в Китае в XX веке» [Ван Яминь 2007].

Профессор Гу Юй предложил свой вариант интерпретации историко-литературного процесса русского «восточного» зарубежья, предполагавший анализ *ментальности* писателей-эмигрантов. Ученый выдвинул гипотезу о том, что скитания на чужбине стали для эмигрантов своеобразной «музой», а трагические жизненные обстоятельства и ностальгия по Родине способствовали развитию творческих усилий и сделали профессию писателя в их среде «массовой». В статье «Шёпот скитания» Гу Юй, проанализировав внутренний мир и духовную борьбу эмигрантов, их печали и радости, сделал вывод об исключительном богатстве содержания и разнообразии тем произведений. Особое место в их творческой жизни, по мнению Гу Юя, занимала поэзия, которая выражала любовь к Родине и давала вдохновение, что подтверждается примерами из произведений [Гу Юй 2002].

Китайские литературоведы обратили внимание на исследование связей творчества В. Перелешина с литературными традициями «золотого» и «серебряного» веков русской культуры.

Основываясь на анализе стихотворений Перелешина, профессор Дяо Шаохуа указал на стремление поэта к максимально ясному и точному языку, что является свидетельством воздействия поэтики *акмеизма* [Дяо Шаохуа 2001]. Профессор Жун Цзе, развивая мысль о значении литературных объединений для творческого становления писателей-эмигрантов, подчеркнула роль основанного в 1920 г. в Харбине литературного кружка «Акме» (результатом его деятельности стал сборник «Лестница в облака») и созданного в 1930 г. объединения «Круг поэтов», ставившего целью развитие традиций петербургского «Цеха поэтов». В 1937 г. объединением был издан «Гумилевский сборник», в который были включены произведения Ачаира, Хаиндровой, Перелешина и других литераторов, реализующие принципы акмеизма. Жун Цзе пришла к выводу, что на творчество Перелешина, как и некоторых других харбинских поэтов, в значительной мере повлиял акмеизм и особенно лирика Н. Гумилёва [Жун Цзе 2002].

Профессор Ван Яминь, занимавшаяся изучением жанров и направлений литературы русского зарубежья, отметила, что писатели следовали принципам не только акмеизма, но и символизма и футуризма. Анализируя творчество Перелешина, она сделала заключение, что в его произведениях объединились разные

традиции русской поэзии конца XIX – начала XX вв., связанные с именами А. Блока, Н. Гумилёва и О. Мандельштама, которые органично сочетались с художественными приемами, характерными для китайской классической поэзии [Ван Яминь 2008; Ван Яминь 2010].

Связи творчества Перелешина с русской классической поэзией (в частности, с произведениями А. Пушкина и М. Лермонтова) выявила профессор Ли Мэн в статье «Почему Лермонтов стал духовным кумиром русского поэта из Харбина: влияние Пушкина и Лермонтова на творчество Перелешина» [Ли Мэн 2014].

Важные теоретические проблемы были поставлены профессором Ли Яньлином. В статьях «Харбинская литература русских эмигрантов Серебряного века» [Ли Яньлин 2011], «О критическом реализме харбинской литературы русских эмигрантов» [Ли Яньлин 2012] и «Поэт русского зарубежья – Перелешин» [Ли Яньлин 2014] он ввел в литературоведение новые понятия для обозначения специфических характеристик русской литературы восточного зарубежья («харбинский критический реализм», «харбинский серебряный век»). «Харбинский критический реализм» развивал традиции русского классического реализма XIX в., однако своим критическим пафосом был направлен не на «российское самодержавие», а на жизнь в СССР. Литература «харбинского серебряного века», ориентировавшаяся на «российский серебряный век», расцвет которого пришелся на 1900–1910-е гг., развивала его тенденции в центрах русской эмиграции в 1920–1930-е гг. Использование введенных Ли Яньлином понятий способствовало формированию представлений об «островном» («анклавном») типе развития русской культуры в Китае.

Интерес к китайской поэзии, философии и культуре позволил Перелешину создать множество прекрасных переводов китайской классики на русский язык, что никак не могли игнорировать китайские литературоведы – особенно те, кто сам занимался переводом. Изучение переводческого наследия Перелешина сформировало **четвертое направление** исследования его творчества.

Высокую оценку переводам Перелешина впервые дала Ли Женьнянь, которая поняла, что русский писатель использовал принципы традиционной китайской поэтики, что помогло ему добиться максимальной «ёмкости» поэтических образов и подобрать идеальное для переводов с китайского языка сочетание стоп и метров (ямба и хорей – с трехсложными размерами) [Ли Женьнянь 1995].

Ряд статей, посвященных переводческой деятельности Перелешина, написал профессор Гу Юй («Он перевел “Лисао” в скитании: о поэте русского зарубежья Перелешине» [Гу Юй 2011а], «“Стихи на веере”: перевод древней китайской поэзии Перелешиним» [Гу Юй 2011в]; «Перелешин – поэт русского зарубежья в Китае» [Гу Юй 2011б]). Гу Юй сравнил работы Перелешина с версиями других авторов и проанализировал переводы поэмы «Лисао» и трактата «Дао Дэ Цзин». Особое внимание исследователь обратил на жанрово-тематическое своеобразие переводов Перелешиним китайской поэзии и отметил точность передачи особенностей стиля и замысла китайских поэтов [Гу Юй 2016].

Профессор Гу Юй сам занимался переводом стихотворений Перелешина на китайский язык и сделал его произведения доступными китайской аудитории [Гу Юй 2013]. В своих переводах Гу Юй стремился в максимальной степени сохранить идеи поэта, поэтическую красоту и мелодичность формы, передать красоту языка и мастерство рифмовки. Гу Юй подготовил первую (и на сегодняшний день единственную) книгу избранных стихотворений Перелешина на китайском языке, которая вышла в свет в 2013 г. и была включена в «Серию переводов русской литературной классики» под редакцией профессора Пекинского университета иностранных языков Ван Цзяньчжао¹⁶. Серия состояла из 20 томов: в нее вошли переводы произведений разных периодов и жанров: поэм и стихотворений А. Ахматовой, А. Блока, И. Бунина, В. Перелешина, Н. Заболоцкого, очерков А. Чехова, В. Шкловского, критические работы О. Мандельштама, рассказы детского писателя Б. Сергуненкова, повести и рассказы А. Пушкина, Л. Толстого, Ф. Достоевского, И. Бунина, философские миниатюры М. Пришвина, проза С. Аксакова и К. Паустовского, а также мемуарные произведения М. Цветаевой и И. Одоевой [Перелешин 2013].

В. Перелешин внес огромный вклад в развитие китайско-русского культурного взаимодействия и стал пропагандистом ценностей китайской цивилизации в масштабах не только русскоязычного ареала, но и в англоязычных и португалоязычных культурах. Его поэтическое творчество, мастерство переводчика было высоко оценены не только в России и Китае, но и в иных странах, где публиковались его сборники. В произведениях поэта можно обнаружить идущие от китайской культуры тенденции, придававшие его стилю оригинальность и изящество. Литературная деятельность Перелешина – одного из лучших поэтов русского «восточного» зарубежья – вызвала продол-

жительный интерес со стороны китайских литературоведов, которые рассматривали ее в контексте изучения русской литературы «золотого» и «серебряного» веков, а также литературы русского зарубежья.

Китайские литературоведы – Ли Мэн, Ван Яминь, Ли Женьнянь, Ли Яньлин, Гу Юй, Ван Цзяньчжао, Жун Цзе, Су Сяотан, Чжао Тин и др., – рассматривая литературную деятельность Перелешина, внесли большой вклад в изучение его творчества и определение места в контексте русской культуры. Изучая произведения писателей-эмигрантов, китайские литературоведы были свободны от воздействия стереотипов советского литературоведения, и поэтому 2000–2010-е гг. оказались для китайского литературоведения временем активного развития, способствующего появлению новых теоретических обобщений. В Китае сформировалось несколько центров изучения литературы русского дальневосточного зарубежья – в Харбине и Цицикаре, Шанхае и Пекине. Изучение русского дальневосточного зарубежья (и, в частности, творчества Перелешина) стало прекрасной школой освоения современных принципов анализа текста и относительно новых для китайской филологии методов описания литературного процесса – культурно-контекстуального, сравнительно-исторического, мотивного, историко-типологического и некоторых других. Личность и творчество В. Перелешина оказались особенно интересны для исследования, поскольку в них обнаруживалось взаимодействие разных национальных традиций – русской и китайской.

Обобщая научные результаты, полученные китайским литературоведением, можем отметить, что в настоящее время интерес к изучению творчества Перелешина несколько снизился. Исследований, в которых глубоко анализируется его творчество, сейчас публикуется немного, и значительная их часть носит информативно-описательный характер (т. е. воспроизводит жизненный путь писателя). Работ, глубоко анализирующих поэтику и философские идеи писателя, взаимодействие в его творчестве традиций и новаторства, связи между культурами России и Китая, появляется немного; еще меньше работ посвящено переводческой деятельности Перелешина, интерпретации его литературного творчества и созданных им переводов в контексте мировой культуры XX в., определению места поэта-переводчика в истории русской литературы и сравнительному сопоставлению поэта с другими писателями и т. д. Это серьезный пробел, который необходимо заполнить совместными усилиями специалистов из разных стран.

Актуальная задача, стоящая перед современным литературоведением, – исследование сложных религиозных и философских представлений Перелешина, выраженных через систему мотивов его поэзии, описание парадоксов и противоречий творчества, влияния на его сочинения китайской и русской поэтических традиций, принципов и приемов перевода художественных и философских текстов, а также дальнейшее собирание и издание поэтических произведений, критических статей, мемуаров, личной переписки, дневников, рукописей и прочих материалов из архива поэта. Изучение творчества Перелешина позволит понять глубину его философской мысли и сделать выводы об общих принципах межкультурного взаимодействия.

Примечания

¹ Настоящие имя и фамилия В. Перелешина – Валерий Францевич Салатко-Петрище. В монашестве он принял имя Герман, под которым также публиковал стихи.

² Ли Женьнянь – известный в Китае библиограф, старший библиотекарь Китайской государственной библиотеки, в которой работала с 1965 г. Ею был обнаружен ряд ценных архивов русских эмигрантов, живших в Шанхае. В настоящее время эти архивы хранятся в Государственной библиотеке.

³ В настоящее время этот журнал называется «Вестник Государственной библиотеки». Это профессиональный академический журнал государственного уровня, издаваемый Китайской государственной библиотекой.

⁴ Каждый том имел свое особое название: «Сирены у Сунгари», «Соната над Хинганом», «Харбин – моя колыбель», «Утренняя песня Сунгари», «Китай – я люблю тебя».

⁵ Ли Яньлин – профессор особого разряда Цицикарского университета (Китай), почетный доктор РАН, член Ученого совета по вопросам мира, безопасности и развития Восточной Азии РАН, заместитель председателя АПО, член Союза писателей России, кавалер российского Ордена Дружбы, иностранный Академик РАН (с 2011), заместитель Председателя Союза писателей Амура (с 2003). В 2017 г. был признан одним из 10 выдающихся деятелей по гуманитарному обмену между Китаем и Россией. Ли Яньлин – лауреат награды КНР за выдающийся вклад в обучение русскому языку (2019), автор нескольких поэтических сборников на русском языке. На обложке книг написано: Ли Янлен.

⁶ Сразу после издания в Китае 32 комплекта серии было отправлено в Москву, где была проведена презентация книг, 8 комплектов было

отправлено на Дальний Восток; 11 комплектов – в Японию (в том числе в университеты Токио, Хоккайдо и Осаки); некоторое количество экземпляров было отправлено в США, Австралию и другие страны.

⁷ Ли Мэн с 1987 по 1988 г. работала в Институте иностранной литературы при Китайской академии общественных наук. В 2004 г. она завершила обучение на факультете славянских языков и литератур Чикагского университета, где получила степень доктора философии.

⁸ Дяо Шаохуа (1934–2001) – декан факультета китайского языка и директор Института иностранной литературы Хэйлунцзянского университета (г. Харбин). Дяо Шаохуа долгое время был директором Китайской ассоциации иностранной литературы и постоянным директором Национальной ассоциации преподавания иностранной литературы в вузах.

⁹ Жун Цзэ – доктор наук, профессор Хэйлунцзянского университета, член редколлегии журнала «Русская литература и искусство», лауреат «Фонда выдающейся молодежи» Хэйлунцзянского университета.

¹⁰ Гу Юй (настоящее имя – Гу Хэндун) – профессор Нанкайского университета (г. Тяньцзинь), известный переводчик. Награжден российской Медалью Пушкина. Китайская ассоциация переводчиков присвоила ему звание «中国资深翻译家» – «Старший китайский переводчик».

¹¹ Су Сяотан – магистр, доцент Цицикарского университета.

¹² Чжао Тин – магистр Цицикарского университета. Защитила диссертацию под научным руководством Ли Яньлина.

¹³ Чжан Гося – старший преподаватель Суэйхуаского института, магистр; Пань Цзиньфэн – старший преподаватель Суэйхуаского института, магистр.

¹⁴ Гао Чуньюй – профессор Цицикарского университета, магистр. Мяо Хуэй – профессор Цицикарского университета, доктор наук.

¹⁵ Ван Яминь – доктор наук, профессор, заведующий кафедрой факультета русского языка Восточно-Китайского педагогического университета (г. Шанхай), член Китайского совета по изучению русской литературы и Китайского Комитета Высшего образования по иностранной литературе.

¹⁶ Ван Цзяньчжао – поэт, литературный переводчик, критик, профессор Пекинского университета иностранных языков, доктор филологических наук, научный сотрудник Института иностранной литературы Китайской академии общественных наук.

Список литературы

Ван Яминь. Литература русского зарубежья в Китае в XX веке: диссертация на соискание учёной степени доктора философии (PhD) // Ланьчжоуский университет. 2007 [王亚民, 《20世纪中国俄罗斯侨民文学研究》兰州大学, 2007年, 162页].

Ван Яминь. Любовь Валерия Перелешина к Китаю и ее поэтическое выражение // Русский язык в Китае. 2008. № 2. С. 47–51 [王亚民, 别列列申的中国情结和诗意表达【J】, 《中国俄语教学》, 2008年第2期, 47–51页].

Ван Яминь. Русская эмигрантская литература в современной китайской литературе // Вестник Шанхайского педагогического университета. 2010. № 6. С. 101–107 [王亚民, 中国现代文学中的俄罗斯侨民文学【J】, 《上海师范大学学报》, 2010年第6期].

Гао Чуньюй, Мяо Хуэй. Художественный анализ стихотворений Перелешина на православную тему // Вестник Цицикарского университета. 2011. № 4. С. 112–114. [高春雨, 苗慧, 别列列申东正教主题诗歌赏析【J】, 《齐齐哈尔大学学报》, 2011年第4期, 112–114页].

Го Инин, Ван Яминь. Харбинская русская эмигрантская литература в Китае // Русский язык в Китае. 2005. № 2. С. 53–56 [郭颖颖, 王亚民, 哈尔滨俄罗斯侨民文学在中国【J】, 《中国俄语教学》, 2005年第2期, 53–56页].

Гу Юй. «Мы высекаем острыми камнями / И наши варварские имена»: поэт русского зарубежья Перелешин и его поэзия // Цзяннаньская поэзия. 2013. № 1. С. 80–84 [谷羽, 把野蛮的名字刻在上边—俄罗斯侨民诗人佩列列申和他的诗歌【J】, 《诗江南》, 2013年第1期, 80–84页].

Гу Юй. Он перевел «Лисао» в скитании – о поэте русского зарубежья Перелешине // World Culture. 2011a. № 6. С. 18–20 [谷羽, 流落天涯译《离骚》—俄罗斯侨民诗人佩列列申【J】, 《世界文化》, 2011年第6期, 18–20页].

Гу Юй. Русский эмигрантский поэт Валерий Перелешин: Привязанность к китайской культуре // Международное китаеведение. 2016. № 1. С. 49–57 [谷羽, 别列列申: 对中国文化的依恋与传播【J】, 《国际汉学》, 2016年第1期, 49–57页].

Гу Юй. Перелешин – поэт русского зарубежья // Газета «Чтение китайского народа».

2011.10.12 [谷羽, 俄罗斯侨民诗人佩列列申【N】, 《中华读书报》, 2011年10月12日].

Гу Юй. «Стихи на веере»: перевод китайской классической поэзии Перелешиним // Газета «Чтение китайского народа». 2011в.08.17 [谷羽, 别列列申的汉诗俄译本《团扇歌》【N】, 《中华读书报》, 2011年8月17日].

Дяо Шаохау. Валерий Перелешин – русский поэт в Китае // Научный журнал Цюши. 2001. № 1. С. 87–92 [刁绍华, 中国大地哺育的俄罗斯诗人: 瓦列里·别列列申【J】, 《求是学刊》, 2001年第1期, 87–92页].

Жун Цзе. Русская эмигрантская литература в Харбине // Исследование по иностранным языкам. 2002. № 3. С. 45–50 [荣洁, 哈尔滨俄侨文学【J】, 《外语研究》, 2002年第3期, 45–50页].

Ли Женьянь. Русская эмигрантская литература в Китае // Вестник Пекинской библиотеки. 1995. № 1/2. С. 37–45 [李仁年, 俄侨文学在中国【J】, 《北京图书馆馆刊》, 1995年第1|2期, 37–45页].

Ли Мэн. Литература русской эмиграции в Китае: забытая страница. Пекин: Изд-во Пекинского университета. 2007. 483 с. [李萌, 缺失的一环【M】, 北京, 北京大学出版社, 2007年].

Ли Мэн. Почему Лермонтов стал духовным кумиром харбинского русского поэта: влияние Пушкина и Лермонтова на творчество Перелешина // Зарубежная литература. 2014. № 3. С. 177–187 [李萌, 为什么莱蒙托夫成了哈尔滨俄侨诗人的精神偶像—从别列列申的创作看普希金与莱蒙托夫的影响【J】, 《国外文学》, 2014年第3期, 177–187页].

Ли Мэн. Художественные особенности сонета Перелешина // Зарубежная литература. 2013. № 4. С. 137–145 [李萌, 别列列申十四行诗创作的艺术特色【J】, 《国外文学》, 2013年第4期, 137–145页].

Ли Яньлин. Литература русских эмигрантов в Китае: в 10 т. Т. 3. Пекин: Изд-во «Китайская молодёжь», 2005 [李延龄. 中国俄罗斯侨民文学丛书 10卷之第3卷【M】, 北京: 中国青年出版社, 2005: 602].

Ли Яньлин. Литература русских эмигрантов в Китае: в 5 т. Харбин: Северное издательство литературы и искусства, 2002 [李延龄, 中国俄罗斯侨民文学丛书 (中文版 5卷本)【M】, 哈尔滨, 北方文艺出版社, 2002年].

Ли Яньлин. О критическом реализме харбинской литературы русских эмигрантов //

Русская литература и искусство. 2012. No 1. С. 4–7 [李延龄, 再论哈尔滨批判现实主义【J】, 《俄罗斯文艺》, 2012年第1期, 4–7页].

Ли Яньлин. Поэт русского зарубежья – Перелешин // Русская литература и искусство. 2014. No 4. С. 95–99 [李延龄, 论俄侨诗人瓦列里·别列列申【J】, 《俄罗斯文艺》, 2014年第4期, 95–99页].

Ли Яньлин. Харбинская литература русских эмигрантов Серебряного века // Русская литература и искусство. 2011. No 3. С. 74–79 [李延龄, 论哈尔滨俄侨白银时代文学【J】, 《俄罗斯文艺》, 2011年第3期, 74–79页].

Перелешин В. Ф. Изгой / В. Перелешин; пер. на кит. Гу Юй. Ланьчжоу: Дуньхуанское издательство литературы и искусства, 2013. 231 с. [谷羽, 无所归依: 别列列申诗选【M】, 兰州, 敦煌文艺出版社, 2013年].

Су Сяотан. Стихотворения Валерия Перелешина о Китае // Вестник Цицикарского университета. 2010. No 3. С. 45–47 [苏晓棠, 瓦列里别列列申诗歌的中国书写【J】, 《齐齐哈尔大学学报》, 2010年第3期, 45–47页].

Чжан Гося, Пань Цзиньфэн. Харбинская эмигрантская поэзия Перелешина // Художественный анализ шедевров. 2011. No 30. С. 117–118 [张国侠, 潘金凤, 别列列申在哈尔滨的侨民诗歌纵论【J】, 《名作欣赏》, 2011年第30期, 117–118页].

Чжан Юнсян. Лучший русский поэт Южного полушария – Валерий Перелешин // Русская литература и искусство. 2005. No 4. С. 9–10 [张永祥, 20世纪南半球最优秀的俄语诗人—瓦列里·别列列申【J】, 《俄罗斯文艺》, 2005年第4期, 9–10页].

Чжао Тин. Любовь к Китаю в поэзии Перелешина // Вестник Цицикарского университета. 2011. No 3. С. 89–91 [赵婷, 别列列申诗歌的中国情结【J】, 《齐齐哈尔大学学报》, 2011年第3期, 89–91页].

Чжао Тин. Поэтическое творчество Перелешина в Китае: дис. ... магистра. Цицикарский университет. 2012 [赵婷, 别列列申在中国的诗歌创作, 齐齐哈尔大学, 2012年].

References

Wang Y. 20 shi ji zhong guo e luo si qiao min wen xue yan jiu [Literature of the Russian diaspora in China in the 20th century. Dr. philol. sci. diss]. Lanzhou, 2007. 162 p. (In Chin.)

Wang Y. Bie lie lie shen de zhong guo qing jie he shi yi biao da [Valery Pereleshin's love to China and

its poetic expression]. *Zhong guo e yu jiao xue* [The Russian Language in China], 2008, issue 2, pp. 47–51. (In Chin.)

Wang Y. Zhong guo xian dai wen xue zhong de e luo si qiao min wen xue [Russian emigrant literature in modern Chinese literature]. *Shang hai shi fan da xue xue bao* [Journal of Shanghai Normal University], 2010, issue 6, pp. 101–107. (In Chin.)

Gao C., Miao H. Bie lie lie shen dong zheng jiao zhu ti shi ge shang xi [Literary analysis of Pereleshin's poetry devoted to the Orthodox theme]. *Qi qi ha er da xue xue bao* [Journal of Qiqihar University], 2011, issue 4, pp. 112–114. (In Chin.)

Guo Y., Wang Y. Ha er bin e luo si qiao min wen xue zai zhong guo [Harbin Russian emigrant literature in China]. *Zhong guo e yu jiao xue* [Russian Language in China], 2005, issue 2, pp. 53–56. (In Chin.)

Gu Y. Ba ye man de ming zi ke zai shang bian – E luo si qiao min she ren pei lie lie shen he ta de she ge [‘We carve our barbaric names with sharp stones’: The poet of the Russian diaspora Pereleshin and his poetry]. *Shi Jiang nan* [Poetry of Jiangnan], 2013, issue 1, pp. 80–84. (In Chin.)

Gu Y. Liu luo tian ya yi ‘Li Sao’ — e luo si qiao min shi ren pei lie lie shen [He translated ‘Lisao’ while wandering – about the poet of the Russian diaspora Pereleshin]. *Shi jie wen hua* [World Culture], 2011a, issue 6, pp. 18–20. (In Chin.)

Gu Y. Bie lie lie shen: dui zhong guo wen Hua de yi lian yu chuan bo [Russian Expatriate Poet Valery Pereleshin: Affection for Chinese Culture]. *Guo ji han xue* [International Sinology], 2016, issue 1, pp. 49–57. (In Chin.)

Gu Y. E luo si qiao min shi ren pei lie lie shen [Pereleshin as a poet of the Russian diaspora]. *Zhong Hua du shu bao* [Newspaper ‘Chinese People’s Reading’], October 12, 2011b. (In Chin.)

Gu Y. ‘Tuan shan ge’: Bie lie lie Shen de han shi e yi ben [‘Poems on a fan’: Anthology of Pereleshin's translation of Chinese classical poetry]. *Zhong Hua du shu bao* [Newspaper ‘Chinese People’s Reading’], August 17, 2011c. (In Chin.)

Diao S. Zhong guo da di pu yu de e luo si shi ren: Wa lie li bie lie lie shen [A Russian poet nurtured by the Chinese earth: Valery Pereleshin]. *Qiu shi xue kan* [Seeking Truth], 2001, issue 1, pp. 87–92. (In Chin.)

Rong J. Ha er bin e qiao wen xue [Russian diaspora literature in Harbin]. *Wai yu yan jiu* [Foreign Language Studies], 2002, issue 3, pp. 45–50. (In Chin.)

Li R. E qiao wen xue zai zhong guo [Russian diaspora literature in China]. *Bei Jing tu shu guan*

kan [Journal of Beijing library], 1995, issue 1/2, pp. 37–45. (In Chin.)

Li M. *Que shi de yi huan* [Russian Emigrant Literature in China. The Lost Page]. Beijing, Peking University Press, 2007. 483 p. (In Chin.)

Li M. Wei shen me lai meng tuo fu cheng le ha er bin e qiao shi ren de jing shen ou xiang — cong bie lie lie shen de chuang zuo kan pu xi jin yu lai meng tuo fu de ying xiang [Why Lermontov became the spiritual idol of the Russian poet from Harbin: the influence of Pushkin and Lermontov on Pereleshin's works]. *Guo wai wen xue* [Foreign Literature], 2014, issue 3, pp. 177–187. (In Chin.)

Li M. Bie lie lie Shen shi si hang shi chuang zuo de yi shu te zheng [Artistic features of Pereleshin's sonnet]. *Guo wai wen xue* [Foreign literature], 2013, issue 4, pp. 137–145. (In Chin.)

Li Y. *Zhong guo e luo si qiao min wen xue cong shu 10 juan zhi di 3 juan* [Literature of Russian Emigrants in China in 10 vols.]. Beijing, China Youth Press, 2005, vol. 3. 602 p. (In Chin.)

Li Y. *Zhong guo e luo si qiao min wen xue cong shu (zhong wen ban 5 juan ben)* [Literature of Russian emigrants in China. In 5 vols.]. Harbin, Northern Literature and Art Press, 2002. (In Chin.)

Li Y. Zai lun ha er bin pi pan xian shi zhu yi [On critical realism of Russian emigrants' literature in Harbin]. *E luo si wen yi* [Russian Literature and Art], 2012, issue 1, pp. 4–7. (In Chin.)

Li Y. Lun e qiao shi ren wa lie li bie lie lie shen [Pereleshin as the poet of the Russian diaspora]. *E luo si wen yi* [Russian Literature and Art], 2014, issue 4, pp. 95–99. (In Chin.)

Li Y. Lun ha er bin e qiao bai yin shi dai wen xue [Harbin literature of Russian emigrants of the Silver Age]. *E luo si wen yi* [Russian Literature and Art], 2011, issue 3, pp. 74–79. (In Chin.)

Pereleshin V. F. *Wu suo gui yi: Bie lie lie shen shi xuan* [Castaway: Anthology of Pereleshin's Poems]. Translated into Chinese by Gu Yu. Lanzhou, Dunhuang Press of Literature and Art, 2013. 231 p. (In Chin.)

Su X. Wa lie li-bie lie lie shen shi ge de zhong guo shu xie [Valery Pereleshin's poems about China]. *Qi qi ha er da xue xue bao* [Journal of Qiqihar University], 2010, issue 3, pp. 45–47. (In Chin.)

Zhang G., Pan J. Bie lie lie shen zai ha er bin de qiao min shi ge zong lun [Harbin emigrant poetry of Perelesin]. *Ming zuo xin shang* [Masterpieces Review], 2011, issue 30, pp. 117–118. (In Chin.)

Zhang Y. 20 shi ji nan ban qiu zui you xiu de e yu shi ren – Wa lie li bie lie lie shen [Valery Pereleshin as the best Russian poet of the southern hemisphere]. *E luo si wen yi* [Russian Literature and Art], 2005, issue 4, pp. 9–10. (In Chin.)

Zhao T. Bie lie lie shen shi ge de zhong guo qing jie [Love to China in Pereleshin's poetry]. *Qi qi ha er da xue xue bao* [Journal of Qiqihar University], 2011, issue 3, pp. 89–91. (In Chin.)

Zhao T. *Bie lie lie shen zai zhong guo de shi ge chuang zuo* [Pereleshin's poetic oeuvre in China. Master's diss.]. Qiqihar, Qiqihar University, 2012. 50 p. (In Chin.)

Study of the Works by Valery Pereleshin in China

Zhang Yuanyuan

Postgraduate Student in the Department of Russian Literature

Perm State University

15, Bukireva st., Perm, 614990, Russian Federation. zyyjudith@qq.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8996-6885>

Received 7 June 2021

Revised 15 Feb 2022

Accepted 21 Feb 2022

For citation

Zhang Yuanyuan. Izuchenie tvorchestva Valeriya Pereleshina v Kitae [Study of the Works by Valery Pereleshin in China]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2022, vol. 14, issue 1, pp. 142–152. doi 10.17072/2073-6681-2021-4-142-152 (In Russ.)

Abstract. The article describes the history of research on the works by poet Valery Pereleshin in Chinese literary studies in the 2000s-2010s. Chinese literary critics Li Meng, Wang Yamin, Li Rennian, Li Yanling, Gu Yu, Wang Jianzhao, Rong Jie, Su Xiaotang, Zhao Ting, etc. studied his work in the context of Russian diaspora literature in interaction with the traditions of the Russian Silver Age and classical Chinese literature, paying special attention to the images and motifs associated with China. It is concluded that in the first two decades of the 21st century, Chinese scientists studied the works by Pereleshin in four directions: 1) collecting and publishing the poet's works and archives; 2) studying the poetics of his works (in particular, the principles of creating the image of China); 3) describing his work in the context of Chinese culture, Russian literature traditions of the 'golden' and 'silver' ages; 4) analyzing the principles of poetic translation implemented by him. As Chinese researchers show, Pereleshin's works combined the traditions of acmeism and symbolism associated with the names of Alexander Blok, Nikolay Gumilyov, and Osip Mandelstam, which organically combined with techniques characteristic of Chinese classical poetry. Of great importance for the understanding of the specific features of Harbin literary life were the concepts 'Harbin critical realism' and 'Harbin silver age', introduced by Professor Li Yanling, which contributed to the development of the ideas about the 'island' ('enclave') type of Russian culture's development in China. The article indicates the limited range of problems raised in modern literary research and suggests areas for further research: analysis of religious and philosophical motifs in Pereleshin's works, description of contradictions and paradoxes in his worldview, study of the impact that Chinese and Russian poetic traditions had on his works, which would make it possible to understand the innovative nature of the artistic forms used by him, as well as to draw conclusions about the general principles of intercultural interaction.

Key words: Russian literature abroad; Valery Pereleshin; Silver Age traditions; Chinese literary studies; traditions of Chinese culture; diversity.

Научный периодический журнал «Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология» (ISSN: 2073-6681; eISSN: 2658-6711) зарегистрирован в 2009 г. как самостоятельное издание, объединяющее две серии журнала «Вестник Пермского университета», издаваемого с 1994 г. («Филология» и «Иностранные языки и литературы»).

Цель журнала «Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология» – освещение новых результатов научной деятельности российского и зарубежного научного сообщества в области современной филологической науки; содействие развитию теоретических и практических исследований в области социогуманитарного знания; установление и укрепление научных связей между учеными из различных регионов России и других стран. Журнал публикует проблемные статьи и аналитические обзоры по актуальным вопросам современной филологической науки; результаты теоретических, экспериментальных и практических исследований в области языкознания, литературоведения, журналистики, методики преподавания языков и литератур; рецензии на научные публикации; хронику научных событий, сообщения о достижениях ведущих научных школ. Одна из задач журнала – формирование тематических научных площадок для обмена мнениями, предложениями и опытом в данных научных областях. Научный журнал «Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология» публикует качественные, оригинальные авторские исследования, ранее нигде не публиковавшиеся.

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук: с 28.12.2018 – 10.01.01 – Русская литература (филологические науки), 10.01.03 – Литература народов стран зарубежья (с указанием конкретной литературы) (филологические науки), 10.01.10 – Журналистика (филологические науки), 10.02.01 – Русский язык (филологические науки), 10.02.02 – Языки народов Российской Федерации (с указанием конкретного языка или языковой семьи) (филологические науки), 10.02.03 – Славянские языки (филологические науки), 10.02.04 – Германские языки (филологические науки), 10.02.19 – Теория языка (филологические науки), 10.02.20 – Сравнительно-историческое типологическое и сопоставительное языкознание (филологические науки), 10.02.21 – Прикладная и математическая лингвистика (филологические науки); с 01.02.2022 – 5.9.3. Теория литературы (филологические науки), 5.9.4. Фольклористика (филологические науки), 5.9.7. Классическая, византийская и новогреческая филология (филологические науки).

Полнотекстовая версия журнала выставляется на сайте <http://press.psu.ru/index.php/philology> и на сайте НЭБ Elibrary.ru.

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ

Оформленная в соответствии с требованиями журнала рукопись статьи направляется автором в редакцию в виде файла, сопровождается паспортом статьи. Письмо с вложенными файлами должно быть отправлено с адреса, указанного в сведениях об авторе, и сопровождаться текстом: «Передавая статью в научный журнал “Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология”, я гарантирую, что статья создана мной лично и не была ранее опубликована. Согласен на размещение статьи на сайте “Вестника Пермского университета. Российская и зарубежная филология” <http://press.psu.ru/index.php/philology/index>. беру на себя полную ответственность за соблюдение авторских прав в отношении используемых мной материалов» (в случае частичной публикации представляемой статьи здесь должны быть указаны сведения об уже опубликованном фрагменте и месте его публикации).

К рецензированию направленных для публикации в журнал рукописей статей привлекаются рецензенты из состава редакционного совета или редакционной коллегии журнала, а также российские и зарубежные специалисты в соответствующей области знания, имеющие опыт практической работы или публикации в течение последних 3 лет по тематике рецензируемых статей. Рецензентом не может выступать научный руководитель автора статьи. Решение о принятии рукописи к публикации, возвращении ее автору на доработку или отклонении от публикации принимается редколлекцией на основании результатов рецензирования. Поступающие рецензии на рукопись статьи обрабатываются в редакции, отправляются автору в виде нескольких рецензий или одной итоговой рецензии без указания данных о рецензентах. Если необходима доработка статьи, то автор вносит исправления, выделяя измененные места цветом. Срок доработки статьи не ограничен. Члены редакционного совета или редколлекции даже при наличии положительной рецензии могут обратиться к главному редактору с предложением о дополнительном рецензировании статьи.

Рукописи рассматриваются в порядке их поступления в течение 1 дня – 6 месяцев. Окончательное решение о публикации статьи принимается редколлекцией и главным редактором. Редакция издания направляет авторам представленных материалов копии рецензий или мотивированный отказ. Редакция не вступает в полемику и переписку с автором по содержанию его статьи. Плата за редакционную обработку и публикацию присланных рукописей, в том числе аспирантов, одобренных рецензентами и рекомендованных к печати, не взимается.

ПРАВИЛА ПОДАЧИ И ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ

Рукопись объемом от 20 до 40 тыс. знаков, оформленная в соответствии с выложенной на сайте ФОРМОЙ, должна поступить вместе с ПАСПОРТОМ СТАТЬИ по электронному адресу langlit2009@mail.ru (попросите отправить подтверждение). Основной текст может быть написан на русском или английском языках. **Правила оформления рукописей помещены на сайте журнала в разделе «Руководство для авторов».**

Главный редактор – Ирина Александровна Новокрещенных. Зам. гл. редактора – *Ирина Ивановна Русинова, Наталья Валерьевна Шутемова*, администратор сайта – *Алексей Васильевич Пустовалов*, контент-редактор англоязычной версии сайта – *Варвара Андреевна Бячкова*. Адрес редакции: 614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15, ПГНИУ, корп. 5, ауд. 131, 133 (тел. (342)2396795), ауд. 172 (тел. (342)2396290).

Научное издание

**Вестник Пермского университета
Российская и зарубежная филология**

Том 14. Выпуск 1 / 2022

Редакторы *Е. И. Герман, О. И. Кирьянова*
Корректор *Е. Г. Иванова*
Компьютерная верстка: *Е. И. Герман*
Макет обложки: *Т. А. Басова*

Подписано в печать 06.04.2022. Дата выхода в свет 12.04.2022
Формат 60×84/8. Усл. печ. л. 17,9. Тираж 500 экз. Заказ 42

Издательский центр
Пермского государственного
национального исследовательского университета
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15

Типография
Пермского государственного
национального исследовательского университета
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15

Подписка на журнал «Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология»
осуществляется онлайн на сайте «Пресса России. Объединенный каталог»
<https://www.pressa-rf.ru/cat/1/edition/i41008/>. Подписной индекс 41008

Распространяется бесплатно и по подписке